

«ОН БЫЛ, КАК СВЕЖИЙ ВЕТЕР...»

Памяти Бориса Немцова

2017

«Он был, как свежий ветер». Памяти Бориса Немцова.
Сборник

В КНИГЕ ИСПОЛЬЗОВАНЫ ФРАГМЕНТЫ ПУБЛИКАЦИЙ
ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ИСТОЧНИКОВ И ИЗДАНИЙ:

«Медуза», «Сноб», «Новая газета», «Открытая Россия»,
«Ежедневный журнал», сайт <http://activatica.org>,
GQ.ru, «Московский комсомолец», «Комсомольская правда»,
«АиФ Нижний Новгород», «Новый регион»,
«Свободные новости» (Беларусь),
Институт современной России, «Татлер», «ELLE»

Телеканал «Дождь», Сотник.ТВ, Кот.ТВ, Грани.ТВ

«Эхо Москвы», Радио «Свобода»,
радиостанция «Говорит Москва»

социальная сеть Facebook

**Фрагмент интервью Татьяны Кокиной-Славиной
с Диной Яковлевной, мамой Бориса Немцова**

Осень 2001 года...

– Дина Яковлевна, как вам кажется, изменился ваш сын за прошедшие десять лет?

– Нет, каким он был, таким и остался — доброжелательным, независтливым человеком, умеющим радоваться чужим успехам. А ведь отсутствие зависти — это такое редкое качество! А еще он очень добросовестный, на любой работе выкладывается полностью. Еще когда он был губернатором, я у них в Зеленом Городе бывала. Помню, придёт Боря с работы в полночь, и пока не прочитает и не подпишет все документы, спать не ляжет. И так каждый день! Поэтому, когда говорят: «Немцов... у него всё легко», — я знаю, что это неправда. Немцов полностью выкладывается на любой работе.

– Какой бы вы дали совет тем мамам, которые хотели бы воспитать талантливых, перспективных детей? Или воспитание тут ни при чём, всё даётся от Бога?

– Ум и все его качества — это дано Борису от Бога. Воспитанием я никогда не занималась, мне было некогда, да и в голову не приходило. С детьми у меня были очень дружеские отношения. Они мне не боялись сказать, что вот, пропустили урок или получили двойку по дисциплине. Говорили мне абсолютно всё. И я их никогда ни за что не ругала.

– Как вы думаете, что помогло Борису Ефимовичу стать большим человеком?

– Интерес, в некоторой степени — амбициозность. И то, что он — очень человечный, доброжелательный человек, не завистливый, не мелочный. Это все чувствуют...

*«Ну, что он сделал для России?» –
Меня в пятьсотый раз спросили.
И я в пятьсотый раз ответил –
Он просто был, как свежий ветер,
Средь вони подлости и лжи,
Не согласившись им служить,
Он просто шёл вперёд, по краю,
С вранья покровы все срывая,
И пролил кровь за эту честь:
Свидетельствовать — правда есть!..*

АНДРЕЙ МАРГУЛЕВ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РЕСУРС БОРИСА НЕМЦОВА

Как-то раз я видел Немцова зарабатывающим деньги. Биржевая игра была для него, вероятно, не единственным способом заработка. Довольно часто от него можно было услышать истории про спонсоров. Например, про то, как еще в начале нулевых Ходорковский давал денег немцовой партии «Союз правых сил» и одновременно — партии «Яблоко». И обе эти партии боролись примерно за один электорат. Так что Немцов ездил к Ходорковскому в Жуковку гулять по аллеям, а Ходорковский (по рассказам Немцова судя) пытался заручиться обещаниями, что его деньги не будут использованы «Союзом правых сил» против «Яблока» и «Яблоком» — против «Союза правых сил». Это же глупо. Глупо же бороться друг с другом на деньги одного и того же спонсора. Это же значит просто взаимно сжигать бюджет. Но про эту встречу с Ходорковским Немцов рассказывал без всякого энтузиазма, поскольку междоусобицы двух демократических партий избежать не удалось, деньги Ходорковского были именно что сожжены в этой взаимной борьбе, никакой интересной игры из выборов не получилось, а получилась в лучшем случае прогулка с Ходорковским по аллеям в Жуковке.

Биржевая игра — другое дело. Однажды я пришел к Немцову в офис. Он снимал офис в высотке на Котельнической набережной. Почему-то ему нравилась эта мрачноватая сталинская помпезность и призраки репрессированных вокруг офиса либерального политика. На стенах, предназначенных для портретов вождей в дубовых рамах, висели плакаты, изображавшие самого Немцова в образе Жан-Клода Ван Дамма и Брюса Ли. На одном из кресел сидела кукла Немцова из сатирической программы «Куклы». Сам же Немцов сидел за столом, пялился в компьютер, был крайне увлечен происходящим в компьютере и только буркнул мне:

– Привет, Панюшкин, проходи.

Я принял чашку чая из рук неизменной немцовой помощницы, посидел минуту, констатируя, что компьютер привлекательнее меня, и спросил:

– Боря, ты что, там, в компьютере, порнуху смотришь?

Мы всегда так обращались друг к другу. Я к нему по имени, он ко мне по фамилии, оба друг к другу на «ты». Такая манера обращаться с Немцовым была характерна для тысячи людей.

– Подожди, Панюшкин, тут такое...

И, ни разу не взглянув на меня, Немцов пояснил сухо, что одна из голубых фишек то ли растет стремительно, то ли, наоборот, стремительно падает, что надо ее то ли продавать, то ли покупать, что Немцов уже проделал все это, а теперь важно не пропустить момент и зафиксировать прибыль.

Временами Немцов звонил своему то ли партнеру, то ли биржевому брокеру. Они обсуждали судьбу голубой фишки. Посреди одного из таких обсуждений Немцов вдруг заорал:

– Сейчас, сейчас, надо сейчас!

И трубка заорала в ответ так, что я расслышал:

– Да! Да! Продаем!

Насколько я понимаю, Немцову оставалось нажать пару кнопок в компьютере, прибыль была бы зафиксирована, только нажимать кнопки следовало быстро.

И тут началось — ЭТО. Немцов, до ЭТОГО действовавший и говоривший быстро, вдруг словно бы впал в заторможенное состояние, принялся делать все так, как будто плавает в меду. Говорил с пятисекундными паузами после каждого слова. На те пару кнопок, которые следовало нажать, чтобы зафиксировать прибыль, Немцов нажимал медленно. Передо мной была как будто рапидная киносъемка. Он как будто оттягивал момент своего биржевого торжества. Как оттягивают оргазм, уже зародившийся внутри, но еще не произошедший. Наконец, спустя чертову вечность, прибыль была зафиксирована таким жестом, каким пианист берет финальный аккорд. А воздух звенел, словно в этой комнате только что отзвучал второй концерт Рахманинова. Немцов встал из-за стола, подошел пожать мне руку и улыбнулся буднично:

– Привет, Панюшкин.

...ЭТО — эти замедления, паузы, оттяжку, нарочито медленные движения — я видел в исполнении Немцова еще несколько раз.

ЭТО происходило всегда за мгновение до решительного поражения или решительной победы.

Например, в Киеве во время «оранжевой революции». Нам срочно надо было попасть с Крещатика в Верховную раду. Это было важно. Это было важно сделать за несколько минут. Но Крещатик был запружен народом. Такси нельзя было вызвать. Машины, хоть ты режь, не могли пробиться сквозь толпу.

– Бежим! — сказал Немцов.

И мы побежали. Мимо Бессарабки, вверх в гору. Метров через пятьсот я вынужден был признать, что нахожусь в куда худшей, чем Немцов, спортивной форме. Я стал задыхаться и отставать.

И вдруг рядом с Немцовым остановилось случайное такси. Это не было свободное такси. В такси ехали люди. Но машина остановилась, люди вышли наружу и закричали:

– Немцов! Вы Немцов! Вы, наверное, спешите куда-то. Вам, наверное, нужно такси. Берите наше.

И тут началось ЭТО. Немцов медленно обернулся, сделал три шага к машине, как будто бы плыл в меду. Медленно поблагодарил людей, уступивших ему такси: пожал руки парням, поцеловал девушку. Я тем временем успел проковылять сто метров своего отставания, плюхнулся, задыхаясь, на заднее сиденье. А Немцов медленно распахнул дверь и медленно сел рядом с водителем. Дверь захлопнулась, и прибыль народной любви была зафиксирована.

Или в другой раз, на «Марше несогласных», Немцов говорил что-то журналистам, кричал что-то сторонникам, как вдруг налетели бойцы ОМОНа и заломили Немцову руки. И ЭТО началось. Он медленно расправил плечи. Омоновцы потащили его к автозаку как будто бы сквозь мед. Он медленно взошел по ступенькам тюремной машины. И дверь, фиксируя убытки от полицейского произвола, медленно захлопнулась за ним...

Теперь в его офисе на Котельнической набережной мне вспомнилось все это, и я сказал:

– Привет, Боря.

Ответил на рукопожатие и слегка пожалел, что ЭТО уже закончилось и нельзя больше наслаждаться измененным пространственно-временным континуумом.

— Ну что? Много денег заработал? — спросил я.

Немцов отмахнулся небрежно в том смысле, что сумма заработанных денег не имела значения, а имел значение сам факт победы.

— Откуда вообще у тебя деньги, Борь? Или, хочешь, я переформулирую острее: ты украл что-нибудь, когда был у власти?

Немцов явно пребывал в благодушном настроении и охотно продолжил беседу, несмотря на предложенный мною полемический тон.

— Когда это я, по-твоему, Панюшкин, был у власти?

— Ну... В 1997 году разве ты не был вице-премьером правительства?

— Я был вице-премьером, да. Но ты помнишь, кто еще был вице-премьером, кроме меня? Заверюха. Александр Заверюха. Можно считать правительство реформаторским, если вице-премьеры в нем Немцов и Заверюха? А про Думу ты помнишь, что она была коммунистическая? Что ни одной реформы через нее провести было нельзя — это ты помнишь? Это ты называешь «быть у власти»?

— Хорошо, ты не был у власти. Но как ты разбогател?

— Это ты называешь «разбогател»?

— О'кей, добился благосостояния. Как?

— Я купил «Газпром», — эта немцовская прямота всегда несколько ошарашивала. — Сразу после отставки правительства Кириенко меня пригласили по всему миру с лекциями про дефолт. У меня был большой тур. Я очень неплохо заработал. И на все вырученные деньги купил акции «Газпрома», которые тогда сильно упали. А потом они сильно выросли, и я их продал. И стал играть на бирже. Как ты сегодня видел, довольно успешно.

Стандартная схема немцовской политической борьбы

Насколько я понимаю, он всегда ввязывался в политическую драку, понимая заранее, что соперники будут играть не по правилам. Он рассчитывал обыграть их, несмотря на то что они мух-

люют. Он понимал, например, что его зовут в вице-премьеры не для того, чтобы дать шанс наладить энергетику, а для того, чтобы разрушить его успешную губернаторскую карьеру. Он знал, что коллеги по правительству будут подставлять его. Знал, что депутаты Государственной думы будут вставлять палки в колеса. Но ему казалось, будто их можно обыграть, несмотря на это.

Он всегда так поступал. Ему почему-то всегда казалось, что степень шулерства соперников можно принять в расчет и преодолеть.

Например, перед «оранжевой революцией» в Киеве мы сидели в гостиничном кафе, и Немцов говорил:

– Смотри, они будут фальсифицировать выборы. Они будут устраивать карусели.

Дальше с листком бумаги в руках Немцов рассказывал мне, сколько, по его сведениям, штаб Януковича нанял карусельщиков. Немцов подсчитывал, сколько штабом Януковича зафрахтовано автобусов, чтобы развозить карусельщиков по избирательным участкам. Он учитывал число открепительных удостоверений. Умножал все это на двенадцать часов, в течение которых открыты избирательные участки. Приплюсовывал голоса, которые можно вбросить на досрочном голосовании. И резюмировал:

– Видишь? Ющенко все равно выигрывает. Даже несмотря на карусели и досрочное голосование. Согласен? Можешь оспорить мои цифры.

Я тогда покачал головой и ответил:

– Боря, они, конечно, устроят вброс, запустят карусели, но это только для того, чтобы освоить бюджет вброса. На самом деле они просто не будут считать голоса. Просто напишут, сколько им надо, и Янукович выиграет.

Такая постановка вопроса смутила Немцова. Он посмотрел на меня и спросил:

– Ты думаешь, они совсем киборги?

– Я думаю, они совсем киборги.

Не прошло и суток, как Янукович был объявлен победителем на выборах и «оранжевая революция» началась.

Немцов всегда ошибался в подобных случаях. Он никогда не мог считать своих оппонентов людьми, совсем уж лишенными каких

бы то ни было человеческих черт. Это, вероятно, потому было так, что сам Немцов слишком дорожил своими человеческими чертами — способностью влюбляться, способностью испытывать счастье от того, что стоишь на доске с парусом, способностью радоваться вкусной еде и хорошему вину. Он не мог представить себе людей, которые не чувствуют всего этого. Ему казалось, что и у вора должен быть кодекс чести, пусть воровской. И про шулера Немцову казалось, что шулер мухлюет в рамках своих шулерских правил мухлеж. В его голове не укладывалось, что члены правительства, депутаты Государственной думы могут работать против интересов страны и своих собственных, лишь бы навредить конкуренту. Немцов не мог вообразить, что выборы могут быть не просто фальсифицированы, а совсем нарисованы с первой до последней цифры. Ему казалось, что ложь может быть только искажением правды, и он не мог себе представить тотальной, не имеющей отношения ни к каким фактам лжи.

И поэтому проигрывал. За мгновение до проигрыша останавливался и начинал действовать медленно, говорить с долгими паузами, двигаться, как будто в меду, словно бы оттягивать неизбежное уже, неотвратимое поражение.

Ресурс Немцова

После поражения он хорошо знал, что делать. Я несколько раз видел его после поражений: он шел разговаривать с журналистами, благо у них не ослабел интерес к Немцову, даже когда тот вылетел из Думы со своей партией.

Еще я несколько раз бывал задержан с ним вместе на разных протестных акциях. Если мы стояли вместе, на нас налетало подразделение ОМОНа, и несколько мгновений я не понимал, что со мной происходило. Это были люди в масках, не имеющие лиц. Это были люди в броне. Люди, которых если ударишь, не почувствуют боли. Люди, не понимающие, что, когда бьют сами, причиняют боль. Немцов говорил:

– Надо просто перетерпеть киборгов. Через час самое большее они привезут в ментовку, и там будут нормальные мужики, с которыми можно поговорить.

И, да, я видел, как он разговаривал в отделениях милиции с милиционерами, которые оформляли его. Про жен и детей, про зарплату и график работы, про ваучеры, про рыбалку, про футбол — про все на свете. Эти милиционеры не обязательно становились его сторонниками, но обязательно начинали улыбаться и сочувствовать ему. А многие просили сфотографироваться вместе. Сфотографироваться на память с задержанным.

Он разговаривал со всеми. Всегда. На улицах, во дворах, в магазинах. В аэропорту, в самолете, в такси с таксистом. Посреди ликования, когда президент Ющенко поднимался на сцену над Майданом. Посреди пустого ресторана, когда Ирина Хакамада баллотировалась в президенты и набрала голосов меньше самых скромных ожиданий. И никто не пришел к ней на банкет, чтобы отметить окончание предвыборной кампании. Почти никто. А Немцов пришел и утешал проигравшую, рассказывая байки о виндсерфинге во Вьетнаме.

Однажды ему показалось, что люди больше не хотят его слушать. Я никогда не видел его таким грустным. Он сказал:

— Я тут краудфандинг затеял. Хочу собрать деньги на публикацию доклада «Путин: итоги».

— Совсем плохо с деньгами? — поначалу не понял я.

— Нет, дело не в этом. Просто, может быть, людям это совсем не нужно? Может быть, я совсем зря все это делаю? Тогда ладно. Тогда я лучше не буду издавать доклад про Путина, а поеду во Вьетнам кататься на доске.

Я, кстати, не знаю, собрали ли люди денег на издание доклада, но знаю, что Немцов не мог дольше пары дней испытывать разочарование в человеческом общении.

Он говорил со всеми. Телеведущего Владимира Соловьева, который годами игнорировал его, при встрече звал Вовка и дружески похлопывал по плечу. Бывшего коллегу, депутата от КПРФ, Олега Смолина звал при встрече Олежек и расспрашивал про здоровье близких. Некоторое время я думал, что эта его доброжелательность — отработанный годами политический навык. А потом понял: нет, Немцов не с людьми общался ради успеха в политике, а политикой занимался ради общения с людьми.

Если кто-то еще помнит парламентские выборы, после которых начались митинги протеста на Болотной, то к этим выборам Алексей Навальный дал своим последователям директиву голосовать за любую партию, кроме «Единой России», а Борис Немцов собрал людей — поговорить. И Дмитрий Быков тогда выдумал поросенка Нах-Наха, который призывал бойкотировать выборы, а Виктор Шендерович придумал смешные ролики про этого поросенка, а я привел к Немцову своих друзей-кинематографистов, которые сняли про поросенка Нах-Наха мультик. Дело было в квартире Немцова на Ордынке. Кроме разговоров о деле, мы еще веселились, что ни один из кинематографистов не может оторвать от земли гантели, с которыми Немцов делал зарядку по утрам. Общение получилось: люди, споры, обмен мнениями. И с Алексеем Навальным из этой истории про Нах-Наха получилась публичная дискуссия. И это было важно. Важнее, чем выборы, и даже важнее, чем протесты. Потому что люди совсем разучились разговаривать друг с другом, а умеют только следовать директивам. Немцов между тем почитал разговоры с людьми главным своим ресурсом. Потому что это и есть главный ресурс. И мы вспомним об этом когда-нибудь, когда в России опять начнется политика.

Я даже думаю, что если бы каким-то чудом Немцов пережил эти четыре выстрела на Москворецком мосту, то, едва очнувшись, принялся бы разговаривать с хирургом о недостатках отечественной медтехники, с анестезиологом — о химической разнице между хлороформом, эфиром и коньяком. Конечно, любезничал бы с медсестрой.

Глупые мечты. На этот раз перетерпеть киборгов не удалось. Пройти людей, не имеющих никаких человеческих свойств, и выйти к людям, с которыми можно разговаривать, не получилось.

Мне кажется, я знаю, как ЭТО было между первой пулей и четвертой. Медленные движения. Как в меду.

«Сноб», 7 апреля 2015

*Четыре пули. Больно не было.
Удар — и медленно дыша,
Уплыла в небо онемелое
Моя бессмертная душа.*

*Я был убит... И вы поверили?
Нет, это чья-то суета.
Мне просто равным стать доверили
Средь удостоенных креста.*

*Мне просто честь была дарована
Ударить в колокол с высот...
Я жив, покуда помнит родина
Мой холодеющий висок.*

АНДРЕЙ МАРГУЛЕВ

Я уже устал писать некрологи. Это невыносимо...

Как представляю, что сейчас его большое, мускулистое, могучее тело лежит в морге с четырьмя дырками от пуль... Зубы сводит.

Боря! Я тебя очень любил.

Я тебя очень любил.

Я тебя очень любил...

Ненависть накапливается во мне слоями. Покроет душу как лаком и подсохнет. Потом — следующий слой. Я покрыт коркой ненависти. Такой слоистой, как слюда. Кому-то видимо так надо. Чтобы я ненавидел. Ведь не сам же я этого хочу?

Боря, Боря... Ты был силён как бык. Красив, самодостаточен, независтлив, честен, смел. Разве могла тебя терпеть слабая, закомплексованная, завистливая, лживая и трусливая власть?

Агнец принесен в жертву Молоху. Утяжелились грехи власти. Невыносима стала уже мерзость ее.

Разве еще не ясно на чьей стороне Добро, а на чьей — Зло? На чьей стороне — прогресс, а на чьей — мракобесие и реакция? На чьей стороне Жизнь, а на чьей — Смерть?

Смерти нет. Смерти нет. Мир тебе. Борис Немцов. Я никогда не буду таким как ты. Я слабее. Я сохраню о тебе память. И я никогда не перестану быть верным тем идеалам, за которые ты отдал жизнь. Быть может из меня плохой борец. Но я не предатель.

Спи, дружок мой. Я тебя любил. Я тебя люблю.

Я тебя всегда буду любить.

Альфред Кох, 28 февраля 2015

ЕМУ БЫЛО БЫ 56. ЭТО «БЫ» НИКОГДА НЕ ОТПУСТИТ...

В этот день год назад я бегал по Москве и искал ему подарок. Потому что 55 лет — важная же дата. И, мне кажется, Немцов обрадовался тому саквяжу — он тогда постоянно мотался из Москвы в Ярославль и обратно. Хотя, конечно, и произнес в момент вручения все приличествующие слова: «Саня, ну, на фига?»

А сегодня я поеду к нему на могилу, где будет открыт памятник, потом на Мост, а вечером в Сахаровский центр...

Так, конечно, случается не впервой — ушел человек из жизни, и в тот же момент стал значительно объемней, содержательней, контрастней. И дополнительной горечью в душе всплывает дикое раздражение в отношении самого себя — что же я, козел, столько драгоценного времени потратил на пустые разговоры с ним? А вот это сущностное и важное обсудить не успел, об этом не спросил. Как вообще можно было быть таким слепым и тупым, чтобы не понимать, какого масштаба человек рядом? И так бездарно распорядиться этой близостью, этим подарком судьбы.

Вообще-то этот жанр подразумевает обязательные слова об отпущении. Типа: «Стоя над твоей могилой, я клянусь, что подлые убийцы понесут...» Не буду я ни в чем таком клясться. Потому что совершенно не уверен, что в обозримом будущем понесут... И что у меня достанет сил этого добиться. А уж чего точно не выносил Борис Немцов, так это пустопорожней пафосной болтовни.

Но если вдруг случится так, что в важный час я сумею проявить стойкость, не струшу, не побегу, то, прежде всего, потому что в моей жизни был Борис Немцов. И это, конечно, не одного меня касается. Убийство Немцова в душах многих тысяч людей всколыхнуло не только чувства отчаяния и безнадёжности, но еще и заставило нас вспомнить о чести, совести, достоинстве. О нашем общем долге. Теперь и перед памятью о нем.

И поэтому, когда мы победим, это будет победа Бориса Немцова. В первую очередь. Покойся с миром, дорогой друг.

9 октября 2015

Дорогой Боря! Ты был выдающимся сыном нашей России!

Ты давал нам надежду в 90-е среди всей этой толпы убогих красных директоров, вчерашних партаппаратчиков и вчерашних комсомольцев, занятых только дележкой советской собственности в свою пользу. В то бурное время ты ничего не захапал для себя, что было нетипично для человека с твоим статусом «потенциального преемника». Мы все это помним.

Я хорошо помню как ты сжег свою репутацию, грудью встав против попыток олигархов отхватить себе «Связьинвест». Это стоило тебе карьеры — потом Ельцин сказал тебе, что «устал тебя защищать». Я помню как ты пытался проводить реальные реформы в тот момент, когда всем было пофиг, и эти «все» бегали между Та-ней и Валей и МВФ. Ты был одним из немногих, кто думал о стране.

Я хорошо помню как на думских выборах 2007 года, когда околولاстные либеральные конформисты скурвились и пытались всеми силами охаживать Кремль, ты единственный выходил на митинги радикальной оппозиции и требовал смены всего курса и всей системы, когда это еще не было модно. Один очень известный и ныне запутинский чувак тогда, в декабре 2007-го, сказал мне: «Если у кого и осталось на прошедших думских выборах достоинство, то это у Бори Немцова и СПС». Это сейчас этот чувак пишет запутинские статьи о том, как Запад накосячил в Украине, коварно пытаясь втянуть ее в НАТО. А тогда он втайне восторгался тобой...

Я помню как после тех выборов ты позвонил мне и предложил написать доклад о Путине. Это сейчас все знают о том, кто такие Ротенберги и Тимченко, а тогда энтузиастом этой антикоррупционной темы был ты. Ты первый вывел эту тему в мейнстрим в таком виде, чтобы все об этом говорили.

Я помню, как ты лично обошел пол-Сочи ногами, два месяца ходил по дворам и подъездам, чтобы пообщаться с обычными людьми, и рассказать им о том, что городом можно управлять совсем по-другому, и жить в нем совсем по-другому. Я помню лица этих людей. Ты уходил на другие встречи и не слышал этого, а они оставались и долго обсуждали, какой ты крутой.

В последние годы мы с тобой разошлись, и я откровенно недоумевал — зачем тебе вот эти все бегания по одиночным пикетам, задержания милицией, твиты из автозака, аресты на 15 суток. Но никто не может сказать, что это недостойно уважения — ты, бывший вице-премьер, которого Ельцин представлял своим преемником Клинтону и Колю как будущего правителя России, считал возможным бороться с авторитарной путинской системой просто вот в буквальном ежедневном, физическом смысле, невзирая на все неудобства и дискомфорт. Это было крайне нетипично для политика крупного уровня, не убегать от риска этого всего — быть задержанным, посаженным в крохотную бетонную камеру на Новый год, накормленным какой-то непонятной херней в изоляторе, стоять под дождем в пикетах и приходить туда пешком без охраны, быть постоянно поливаемым дерьмом и получать в лицо зеленкой от провокаторов. Это было совершенно нетипичное поведение для тех, кто хоть раз попал на высшую ступень государственного управления в России. И это давало новую надежду — на то, что не все так плохо в нашей стране, раз есть люди, готовые поступиться своим былым статусом ради мечты о будущем нашей страны.

У нас были с тобой большие разногласия, из-за чего ты на меня был злой, а я на тебя. Но ты же понимаешь прекрасно, в чем ты был неправ — думаю, что и я понимаю, в чем был неправ я. Помнишь, как мы с тобой шутили обсуждали, что у тебя день рождения в один день с Ленноном (9 октября), а у меня с Маккартни (18 июня). В итоге мы начали снова совместно работать, потому что появилась большая цель.

Не злись на меня за всякую херню. Прости меня за все. Ты был великий. Я очень рад, что судьба свела нас вместе. Я и мои близкие, друзья, коллеги — мы тебя никогда не забудем. Все наши споры были уместными, когда ты был живой и в добром здравии. Сейчас это все — для мемуаров. Я бы многое отдал, чтобы посидеть и выпить с тобой, чтобы высказать тебе прямо все, что я о тебе думаю, ну и не сомневаюсь, услышать что-то похожее в ответ.

Ты должен понимать, что все это было не зря. Люди, которые хотят перемен в России, всегда будут тебя помнить и чтить твое имя. Ты заслужил.

Все время ловишь себя на мысли, что Боря вот-вот должен появиться, что-то сказать, позвонить...

У него на телефоне стоял антиопределитель номера. Он, наверное, был единственным человеком в Москве, у которого стоял этот древний антиопределитель. И до сих пор, когда кто-нибудь звонит из-за границы, например, и номер не определяется, первая мысль, что это Боря звонит. Хотя, казалось бы, прошло полгода. Бори очень не хватает.

Он был человеком очень искренним. Что у него было в голове, то было на языке, из-за этого он постоянно наживал себе каких-то врагов. Но в то же время именно за это его и любили, ценили. Хотя мы с ним и ругались из-за этого. Как начнет иногда. Спрашиваю: «Боря, ну вот зачем ты это сказал?» «Ну, а что? Я же так думаю...»

Боря был человеком очень смелым, очень отважным. Для многих был в этом смысле примером, настоящим лидером. Никогда не боялся называть вещи своими именами, всегда называл вора вором, труса — трусом, подлеца — подлецом, убийцу — убийцей. И в этом смысле тоже никогда не лез за словом в карман. Никогда ни от кого не прятался, ходил без охраны, ездил на метро. Когда машина вставала в пробку, спускался в метро (у него был годовой проездной, которым он очень гордился), ехал. Мог дать в морду какому-нибудь провокатору (и это с ним периодически случалось). Настоящий мужик.

Боря был человеком очень непосредственным и жизнерадостным. Очень по-свойски общался с людьми любого возраста, с зелеными пацанами, с ровесниками. Был очень молодой в душе человек и действительно очень любил жить. Мог начать есть у тебя из тарелки. Вспоминаю случай во время предвыборной кампании в Ярославле, когда мы вели переговоры с местными эсерами. Встретились в кафе (депутат Грешневилов с начальником своего штаба, я и Немцов), начали разговаривать. Грешневилов заказывает себе рыбу. Он что-то увлеченно объясняет, Боря со скучающим видом берет вилку и начинает есть этого судака. Грешневи-

ков в какой-то момент отвлекается и говорит: «Рыбу мою сожрал. Ты зачем судака моего сожрал?» Было очень умилительно.

Вот такой, очень непосредственный. Очень влюбленный в жизнь. Сложно представить, что его больше нет, потому что у всех он ассоциировался с жизнью. Боря был синонимом жизни во всех ее проявлениях.

То, что Боря убили, забрали у нас, это, конечно, большая потеря. Не только для его друзей и для тех, кто был с ним близко знаком. Это большая потеря для огромного числа людей, которые знали его исключительно по интервью, постам в фейсбуке, видеороликам, газетным публикациям. Я видел огромное количество людей на марше памяти Немцова, который должен был быть маршем «Весна», которые в этот день и в последующие дни совершенно искренне плакали и переживали и до сих пор переживают потерю Немцова как личную потерю. Это очень ярко показывает, каким человеком он был. Мне кажется, мы как-то не до конца понимали масштаб его личности при жизни, не до конца оценивали его. Сейчас такой проблемы нет. Сейчас масштаб Немцова очевиден и его сторонникам, и его врагам, и его оппонентам. Борис ушел как герой и для всех нас он останется героем. Я уверен, что он будет в учебниках истории, он займет достойное место в российской истории. Он стал символом для огромного числа людей и останется таким символом в истории.

То, что мы делаем сейчас — и на выборах, и в нашей повседневной жизни — это во многом дань памяти. Что мы продолжаем делать то, что делал Борис — это очень важно. Потому что если мы перестанем это делать, если мы перестанем бороться, это будет просто предательством по отношению к нему, потому что он отдал за это жизнь. И я искренне верю, надеюсь, что мы все совместными усилиями добьемся того, чтобы Россия была такой страной, о которой Немцов мечтал, за которую Немцов боролся и за которую он в конце концов отдал свою жизнь.

Герои не умирают.

Покойся с миром, Боря!

Кострома, 27 августа 2015

Говорят, что время лечит.

Неправда. Уже год с той страшной, проклятой ночи, — а как будто вчера. И, как ускоренной съемкой, рапидом, отматывается в голове по часам тот день, навсегда разделивший жизнь на «до» и «после».

Проснулся рано утром в Томске (накануне проводили мероприятие). Еще затемно добирался до аэропорта. Прилетел в Москву. Доехал на электричке из Шереметьево. Поехал в Думу, к Диме Гудкову. Была его жена Лера, помощник Саша Соловьев, зашел Вадим Прохоров. Сидели в Димином кабинете, смеялись, что-то пили. Пятница, вечер. Впереди выходные.

Обменялись сообщениями с Б.Е. «Кум, завтра часов в 6 вечера встречаемся?» — «Хорошо» — «До завтра». Всё собирались увидеться, никак не могли друг друга поймать: то он в отъезде, то я. Наконец оба в Москве, договорились на субботу 28-е.

Так и не стираю эту переписку. «Хорошо» — «До завтра». 27 февраля 2015. 23:06.

По-настоящему близких друзей совсем мало. Таких, с кем можно поделиться чем угодно, спросить совета (не раз так помогавшего в жизни), рассказать, чего не расскажешь даже жене. Надежный. Очень теплый. Очень светлый и искренний. При этом сложный, эмоциональный, иногда ранимый, совсем не тот «глянцевый» образ, который ему лепили столько лет. Всегда умевший поддержать, заразить своим оптимизмом, даже когда самому было трудно.

Такой друг всегда рядом, даже когда физически на расстоянии. Всегда, если что — всего один телефонный звонок.

Такой друг — навсегда. Знаю: всю жизнь буду мысленно свертываться с ним, думать, как поступил бы он. Когда будет совсем трудно, просить совета. И знаю, что он ответит. Оттуда, сверху. Найдет, как.

А дочке, когда подрастет, буду рассказывать, кем был ее крестный, о котором она запомнит только то, что дарил ей кукол и спал у нас дома на диване. И кем бы он мог еще быть, если бы наша страна в очередной раз не пропустила верную развилку...

Иногда, когда было особенно тоскливо, спрашивал его: «Кум, мы же доживем до того дня, когда все это кончится?» Он всегда отвечал одно и то же: «Ты — точно доживешь».

Мы доживем. И назовем этот мост его именем. И улица будет, и памятник. А лучшая память ему будет — Россия, такая, какую он хотел. Такая, каким был он сам. Более добрая, более честная, более человечная. В которой не будет столько подлости, вранья и агрессии. Этот день придет. Обязательно придет. Как он тоже любил говорить, «всё у нас получится».

Я Бориса Немцова успел узнать и полюбить ещё с тех времён, когда пришел в программу «Итоги» в 92-м году. Мы все работали на Первом канале, канала НТВ еще не было. Он был депутатом Верховного совета России и часто бывал у нас в редакции. Когда началось НТВ, он стал завсегдатаем не только программы «Итоги», но и практически всех созданных в те годы политических передач. Я даже ездил по его приглашению открывать тарелку НТВ+ в Нижний Новгород, где он был губернатором. Потом он стал вице-премьером, и мы часто брали у него интервью для моей программы «Сегодня в полночь». Было такое «дело писателей» — якобы они взяли аванс, чтобы издать книгу о приватизации, а долго ничего не писали. По этому «делу» и по другим мы часто договаривались о съёмках.

Потом Борис стал создавать либеральную партию, а тут и мой сын вступил в политическое совершеннолетие. Он учился в Кембридже и следил за британской и российской политикой. Он попросил меня оформить его помощником какого-нибудь депутата, чтобы в любое время в Думу проходить. В лихие девяностые такая корочка ценилась в пятизначные суммы, потому что давала некую неприкосновенность, бесплатный проезд в любом транспорте, доступ в кабинеты власти.

Дождавшись ближайшего звонка от Бориса, я спросил его, нет ли у него такой вакансии, и он, лишь заочно зная моего сына по публикациям в прессе, сделал ему такую корочку. Вот так он моего 16-летнего Вовку сделал реальным помощником, доверил ему руководство представительством СПС в Европе.

Я по-человечески объясняю это тем, что у него тогда идейного наследника не было, только дочка Жанна подрастала, и он к моему сыну испытывал своего рода нереализованные отцовские чувства. Они стали вместе работать над созданием партии — и когда Вовка вырос, Борис был у него на свадьбе посаженным отцом и крестным его дочки Сони. Когда он приезжал в США, то жил у моего сына, они вместе представляли в Конгресс «список Магницкого», боролись против «закона Димы Яковлева».

А до этого, в 2003 году, они участвовали в предвыборной кампании. Моему сын был 21 год, и он был самым молодым кандидатом в депутаты, а Немцов и Явлинский были у него доверенными лицами. Конечно, ни в какую Думу они не попали. С тех пор они 13 лет были в оппозиции, кочевали по разным площадкам, чтобы раскрыть миру глаза на наш правящий режим.

Мне Борис всегда казался таким кабинетным ученым, особенно когда носил очки... Но он же был азартным игроком. У меня дома был бильярд, на котором все играли. А Боря не умел, и для таких «чайников» мы завели игру в энциклопедию — нужно было за одну минуту описать случайное слово так, чтобы было три совпадения со статьей. Иногда новый игрок вообще ничего не мог сказать. А Борису с первого же раза досталось слово «провинциал», при том что он мне как раз подарил свою книжку «Исповедь провинциала» — это невозможное везение. На втором круге ему досталось слово «Нижний Новгород», губернатором которого он был. Как говорится, против лома нет приема — и больше я с ним играть не садился. Все поняли, что с Борей лучше не испытывать Фортуны. Что его слава преферансиста в Сочи на пляже не лишена основания.

Это был очень умный, эрудированный человек, прекрасный собеседник. Я всегда звал его на «Радио Свобода» и «Эхо Москвы», и он без всякой подготовки мог сразу выступить, ответить на любые вопросы. Я не считаю его бонвиваном и дамским угодником. Это личное дело каждого. Я, например, не одобрял его дружбу с Аликом Кохом, который закрыл НТВ. Он дружил с Володией Соловьевым, который в результате его сдал, а сейчас ведет ток-шоу на канале РТР. Боря привел в РАО ЕЭС некоего Бревнова, который за 50 000 долларов летал в Америку, чтобы собачка погуляла на океанском воздухе.

Но Борис сам потом разочаровывался в своих коррумпированных друзьях, а оставался всё таким незащищенным, чистым человеком. Однажды его позвали ко мне на день рождения, а у него не было подарка, и он купил в киоске на «Бауманской» полуштоф из гжели — то есть не просто водку с кривой этикеткой, а что-то похожее на подарок. Он у меня до сих пор хранится, хотя наливку давно выпили. А наутро я пошел в этот киоск за квасом, и мне

продавщица говорит: «Ты что вице-премьера за водкой посылаешь?». Он был совершенно не заносчивым человеком, хотя был третьим человеком в государстве.

Тогда были Ельцин, Черномырдин и Немцов — фактически премьерник Ельцина. Их потом поссорили, и он ушел в оппозицию.

Говорят, что Ельцин и умер, когда увидел, как бьют на «Марше несогласных» его любимых учеников и соратников — Немцова, Касьянова, Хакамаду, Каспарова. Наши каналы не показывали, а «Евроњьюс» показал, как у нас на «Пушкинской» репрессированных старух, ветеранов войны возят лицом по асфальту. Это было 17 апреля 2007 года, а 25 апреля Ельцин умер. Как увидел это, так его экстренно отвезли его в ЦКБ, откуда он не вышел. Ельцин и Немцов были духовно связаны. Даже когда Борис Ефимович перестал бывать у Бориса Николаевича...

«Собеседник», март 2015

Михаил Конев,
руководитель молодежного отделения партии «Парнас»

Я работал у Бориса помощником последнее время. Это не политическая, а личная утрата. Не только для меня, но и для тех, кто его мало знал. Потому что друзей, знакомых и товарищей у него было огромное количество. Я думаю, что для многих (как и для меня) он был учителем, другом, соратником. Он был человеком, на которого стоило равняться. Человек невероятной смелости. Очень веселый, жизнерадостный, действительно влюбленный в жизнь. И когда говорили, что он питается энергией от молодых, это была абсолютная чушь. На самом деле это мы питались от него энергией.

Желание бороться, желание заниматься тем, чем я сейчас занимаюсь, на самом деле зародилось именно после общения с ним, после знакомства с ним, после того, как мы подружились. Я очень хотел с ним работать. Я очень надеялся, что работать с ним буду долго и очень этим гордился. И всё так оборвалось... Но я очень рад, что огромное количество людей вокруг меня продолжают его дело.

Я считаю, что пока мы есть, пока мы делаем то, что мы делаем, он не умрет. Никогда. И я знаю, что что бы ни случилось с нами, придут другие люди. Придет еще больше людей. Придут из-за того примера, который он нам дал.

Я очень по нему скучаю.

Чисто по-человечески мне очень тяжело без него.

Боря... Борис... Борис Ефимович... Очень тяжело поверить, что больше тебя не увижу, не смогу с тобой поговорить-поспорить.

Мы познакомились с тобой в середине 90-х, когда своими руками строили фундамент современной России. Когда страна, некоторым до сих пор кажущаяся великой сверхдержавой, рассыпалась так, что от нее не осталось ничего. Ничего того, что могло бы пригодиться новой России в новой жизни. Ни законов, ни органов власти, ни экономических правил. Когда к управлению страной пришло наше поколение, «завлабов в розовых штанишках», которые, с одной стороны, уже познакомились с реальной жизнью, с ее проблемами, а с другой — уже хорошо понимали, что так жить нельзя, и понимали, как можно и нужно двигаться вперед.

Ты в своей государственной карьере попробовал так много, что мало кто из нынешних политических пигмеев это может даже представить себе: и губернатор, и министр, и вице-премьер, и парламентарий в обеих палатах, и депутат областного собрания. Прошедший через выборы разных уровней, в которых и побеждал, и проигрывал. В которых не боялся противостоять ни криминально-силовым, ни идеологическим противникам.

Ты рано взлетел к самым вершинам политического Олимпа, получив титул неофициального преемника Ельцина, но смог удержаться от искушений «звездной болезни» и оставался, по сути дела, простым сочинским парнем. Хорошо понимавшим пределы своего знания, не боявшимся учиться и признавать свои ошибки.

Ты был плохим бюрократом — тебе претила рутина, заседания, протоколы. Но был хорошим политиком — у тебя была харизма, привлекавшая людей. В тебе была та простота общения, которую невозможно «наработать», проведя хоть десять тысяч часов с имиджмейкерами, и которая позволяла тебе быстро найти общий язык и с президентом иностранного государства, и с бабушкой из маленького российского городка. В тебе постоянно бурлил поток энергии, и ты был готов браться за решение сложных задач — будь то урегулирование шахтерских забастовок и согласование

с бастующими параметров реформы угольной отрасли или борьба со всесильным в те времена менеджментом «Газпрома». Уже позднее, в те времена, когда мы строили ПАРНАС, я не могу припомнить ни одной нашей встречи, на которую ты пришел бы без какой-то свежей идеи, которая могла быть авантюрной, непродуманной, с которой можно было не соглашаться и которую можно было критиковать, но ты постоянно хотел сделать что-то новое.

Годы, проведенные во власти, не испортили тебя — ты не стал частью той серой мышеобразной массы, которая готова бесконечно пресмыкаться и унижаться, оправдывать любые подлости и идти на любые низости, лишь бы получить свои крохи с барского стола или свою «вотчину на кормление». Ты, напротив, пошел в публичную политику, встав в оппозицию правящему в то время режиму, когда всех, кто туда шел, режим «закатывал в асфальт». Ты шел напролом, лез на рожон, не боялся ни пятнадцати суток, ни омовских дубинок.

Ты был постоянно веселый, даже тогда, когда ситуация вокруг становилась все более мрачной. Твоя манера разговора, в которой серьезные сюжеты постоянно разбавлялись шутками и бесконечными реальными историями из жизни, по сравнению с которыми любые шутки казались пресными, немедленно делала тебя центром любой встречи. Тебя было нелегко остановить, если ты разговорился, но, по правде говоря, не очень и хотелось останавливать.

Ты был... И вот, тебя с нами нет. Мы понимали риски, на которые идем, не соглашаясь «прогибаться под изменчивый мир». Мы несколько раз говорили с тобой об угрозах и опасностях, которые нас подстерегают. Но нам верилось, что на политические убийства оппонентов режим (не важно — своими руками, руками своих марионеток или хунвейбинов) не пойдет.

Мы ошиблись... И жертвой этой ошибки стал ты...

Прости... И прощай...

«Медуза», 28 февраля 2015

С Борисом мы ходили одними дорожками много лет. С памятных баррикад у Белого дома в августе 1991-го. Могли убить еще тогда, но пронесло. Потом он губернатором Нижнего, а я — в Минтопэнерго.

Потом опять события у Белого дома и мы опять по одну сторону. Затем я ухожу из Минтопа, а он приходит. Теперь он министр, затем вице-премьер, я руковожу «Юкосом». Потом он в СПС, я создаю «Открытую Россию».

Были ли мы тогда друзьями? Нет. Скорее, относились друг к другу с изрядной долей скептицизма. Он всегда критиковал «олигархов», я — МНСов (младшие научные сотрудники — так мы называли тех, кто пришел из институтов, без опыта практической работы), неумело руководящих огромным правительственным аппаратом. Впрочем, это не мешало понимать необходимость союза в критические моменты истории.

Потом — тюрьма, в которой я все годы ощущал бескомпромиссную поддержку Бориса.

В 2014 мы встретились уже как соратники, товарищи. Он был во многом всё таким же: веселым и бесшабашным парнем, но с очень четкими принципами и готовностью идти до конца.

Мы встречались и по работе, и так, в дружеском кругу. Моя жена, которая очень разборчиво подходит к людям, безоговорочно приняла и Бориса и Аню Дурицкую, поскольку это люди без «двойного дна».

Гибель Бориса стала для нас семейным горем.

Оглядываясь назад, я понимаю, что для меня, для моей семьи за 20 лет Борис стал много большим, чем просто одним из российских политиков.

Это место теперь навсегда будет пустым...

Я знал Бориса. Не близко, но знал. Знал все же настолько, что был с ним на «ты». Впрочем, это не трудно. Он был одним из тех людей, с которыми на «ты» переходишь даже при самом поверхностном знакомстве.

Он всегда производил впечатление человека счастливого, свободного и легкого, даже легкомысленного. Такой Моцарт от политики. Да, такие, увы, слишком долго не живут. Он был не просто живым, а как-то вызывающе живым. А это качество всегда оскорбительно для мертвых, особенно для тех мертвецов, что окоченевшими пальцами вцепились в плоть несчастной страны.

Уверен, что их ненависть ко всему живому, ко всему, что упорно не поддается действию трупного яда, неподдельна.

Я не знаю, кто убил Бориса и кто приказал это сделать. Но мы все знаем, кто инспирирует и кто конструирует ту общественную атмосферу, где такие убийства не только возможны, но и, в общем-то, неизбежны. Я не знаю, кто конкретно убил Бориса — убил картинно, театрально, «образцово-показательно», убил в самом сакральном, извините за выражение, месте столицы. Но очевидно одно: его убили мертвецы, открывшие, похоже, сезон охоты на все, что имеет наглость жить, дышать, думать и говорить.

Но живое нельзя убить. Таков закон живой природы, и таков закон человеческой истории. Если они не знают этих законов, то они тупые второгодники. Если они эти законы пытаются отменить, то они опасные маньяки. А скорее всего они и то, и другое.

А поэтому убитый ими Борис все равно будет в тысячи раз живее тех мертвяков, которым кажется, что они живы, кажется только на том основании, что они все еще способны на беспредельную ложь, на подлую травлю, на дикие судилища, на убийство.

А этот злополучный мост, который когда-нибудь официально станет называться мостом Немцова, а неофициально, я думаю, он и уже так называется, пусть станет памятником Борису — искреннему, честному, веселому и бесстрашному. Мост — это хороший памятник. Хотя бы уже потому, что он не разъединяет, а соединяет людей.

Он останется в истории России как человек, который обладал незыблемыми, фундаментальными качествами: он был честен, он был безмерно свободен и неподкупен. За это его, собственно, и ненавидели враги. За это они его и убили. Я уверен, что в России в недалеком будущем все будет по-человечески, все будет так, как мечтал Борис, за что он боролся, за что он отдал свою жизнь...

В то яркое время, абсолютно яркое, революционное Борис был ярче всех. Я думаю, что этот свет его поступков, его идей, его каких-то активностей, он не только был виден в Нижегородской области, но на самом деле был виден по всей стране. Неслучайно к концу 1996 года «Комсомольская правда» написала о нем большую очень статью, в которой был непрозрачный намек на то, что это будущий президент Российской Федерации. Я это очень хорошо помню. И мы все — люди, которые причисляли себя к стану демократов и пришедшие во власть на этой волне, — мы просто смотрели, что он делает, и старались каким-то образом это применить у себя на практике.

Мы познакомились с ним, когда были местными начальниками. Он был губернатором Нижнего Новгорода, я был мэром Самары и он меня пригласил поучаствовать в теннисном турнире в Нижнем. Тогда был популярен теннис, потому что теннис любил Ельцин. А Борис тоже занимался теннисом. Мои достижения были довольно скромные, особого интереса к результатам матчей я не проявлял. А Борис был человеком очень спортивным, для него результат был важен в гораздо большей степени.

Вообще он переживал из-за поражений, особенно политических. Может быть, он этого не показывал. Но передо мной он все-таки не таился и не закрывал эти переживания своей всегдашней бравадой и веселостью, искрометным юмором. Он сильно переживал. В том числе когда представители провластных группировок и объединений на него нападали (в прямом, физическом смысле). Он был ранимым человеком, несмотря на то, что он был

большим, сильным и действительно ничего не боялся. Очень смелый, до бесшабашности.

Он был успешным крепким хозяйственником, несмотря на то, что он был человек со стратегическим мышлением. Он возродил нижегородскую ярмарку, у него была товарная биржа, одна из первых, зерновая и так далее. Туда Черномырдин приезжал. Он умел находить общий язык со всей этой публикой и умел сделать так, чтобы они воспринимали его идеи, реализовывали его идеи, абсолютно чуждые для советской номенклатурной системы.

Для меня это было самое счастливое время работы в правительстве — меня окружали очень талантливые яркие люди. И нам нечего было терять. Помнится, мы с Борей проявили инициативу и напрямую обратились к Борису Николаевичу, что если нам не будет повышена зарплата, то семьи наши в Москве жить не смогут (в ту пору вице-премьер получал, по-моему, 350 долларов в месяц). Мы убедили Ельцина, что зарплата вице-премьера должна быть тысячу долларов. Нам казалось, что это очень большие деньги...

Уже с приходом Кириенко вернулись времена номенклатурных комсомольских регламентов, тогда началась уже закрытость по отношению к СМИ и т.д. Но тогда это было абсолютно как весна, раскрытое окно. Для меня это было самое счастливое время. Я думаю, что это был единственно возможный вариант работы нашего правительства...

Один из символов и уроков для меня — это ситуация с шахтерами, когда Борис был в Ростовской области в шахтах, я был в Кемеровской области, Яков Уринсон был в Сыктывкаре. Мы приехали на Транссибирскую магистраль вместе с Тулеевым. Естественно, там устроили такую мизансцену, защищающую больших начальников от народа. Поставили перегородки чуть ли не бетонные, микрофон с этой стороны, метров 50 до людей. Прямо как кадры из фильма про Новочеркасск. Я понял, что так невозможно с людьми разговаривать, надо идти к ним. Ровно так же поступал Борис, для него это было комфортно, и он себе иначе не представлял жизнь. Самые сложные вопросы, самые трудные вопросы, и отвечать на эти самые трудные вопросы он должен был, глядя человеку в глаза в режиме полной открытости...

Когда вы видите одного из самых известных оппозиционных политиков, который разбирает раскладной стульчик в центре Москвы, ставит раскладной столик, садится прямо на тротуаре и начинает подписывать свои книги, остро направленные против существующей власти, и при этом нет ни охраны, ни милиции... Он делает это совсем не театрально, и ты понимаешь, что для него это естественно. Это невозможно сыграть. Для него было естественно живое общение. Если кто-то думает, что это его как бы панибратское отношение и смелость в общении с простыми людьми в то время, когда он был первым вице-премьером и губернатором, это игра, то они ошибаются. Нет, это не игра, это его естество.

Борис был открытым человеком, иначе он просто не мог. И эта открытость, поправление традиционных методов и технологий ведения партийной работы (как это многие понимают: «политика возможного», «цель оправдывает средства» и т.п. — Борис этого не признавал) — всё это отчасти даже мешало ему добиваться политического результата в той реальности, в которой жила новая Россия.

Он был слишком порядочным для политической деятельности. Он победил на последних выборах губернатора, насколько я помню, в первом туре. Я позвонил ему, спросил, как дела (а у меня тоже были выборы мэра в тот день), и он так не очень весело ответил, что второго тура не будет. Он победил с результатом 57%. При том, что он приложил все силы к тому, чтобы выборы были действительно открытыми, конкурентными, прозрачными, чтобы его политические соперники имели трибуну, возможность высказаться, чтобы — самое главное! — люди имели право выбора. Это характеризует его как настоящего демократа — который не только какие-то слова говорит, но который, в первую очередь, на себя примеряет все эти демократические ценности и действует именно в согласии с ними.

У Бори страна очень часто ассоциировалась со словом «бабушки»: как бабушки себя будут чувствовать, если мы сделаем это? Это не простое слово было для него — это была настоящая забота о населении, о народе, о России и о стране. Он на самом

деле любил этих бабушек, он через них любил нашу страну. Я в этом неоднократно убеждался, что для него эти бабушки не были пиар-приемом для большого публичного политика, для него эти бабушки были реальными людьми, для которых он хотел сделать как лучше в это сложное время. И те же шахтеры были именно этими людьми.

Безусловно, он был антагонистом этой системы. Мне кажется, что он был идеалистом, человеком очень искренним, он все-таки верил в свое политическое будущее. Он верил, что настанет то время, что ему удастся все-таки войти на политический Олимп (а он этого, безусловно, хотел). В этом смысле он был настоящим политиком — не политиком в смысле «цель оправдывает средства» (что распространено и на Западе, технологии зачастую ими руководят для достижения цели завоевания власти). Он хотел быть на Олимпе, чтобы помогать этим бабушкам...

Я не очень люблю словосочетание «порядочный человек», потому что все его понимают по-своему и к характеристикам порядочности относят совершенно противоположные качества. Но у Бори абсолютно точно были человеческие базовые ценности, которые не позволяли ему, как это называется, «химичить» в человеческих отношениях, держать камень за пазухой и вести себя как-то изощренно с точки зрения реальной политики. И это его качество знали все.

После смерти Бориса я слышал выступление Неверова, руководителя фракции «Единой России» (который во время немцовского начальствования был шахтером), и он говорил ровно то же самое. Что Борис был человеком очень честным, который говорит то, что думает. Часто взгляды не совпадали, но вот эта неподдельная искренность, в нашем мире, в современной России, особенно в политике, особенно в общении элит, когда если ты не соврал, не обвел кого-то вокруг пальца, не замаскировал свою мысль, чтобы позже все сделать наоборот, если ты всего этого не делаешь, ты считаешься идиотом... В этом смысле все знали, что Боря слегка сумасшедший. Он говорит то, что думает. Он действует исходя из общечеловеческих ценностей. И опубликованные прослушки показали ровно то же самое — он знал, что телефонные разговоры

записываются. Он не боялся, потому что всё это мог и в глаза сказать. Все видели эту искренность. Сейчас это огромный дефицит. И мне кажется, что с его уходом наша российская политическая жизнь потеряла единственного такого человека. Я таких больше не вижу.

Мог бы стать президентом? Нет, не мог. Потому что когда он уехал из Нижнего Новгорода, поддавшись хорошим человеческим чувствам, он закрыл себе дорогу к креслу президента. Потому что экономическая ситуация была такова, что «расстрельная должность» оказалась именно такой. Потом — кризис, девальвация, экономический откат России, обесценивание национальной валюты — все это ставили в вину и ему... Да, если бы дальше у нас продолжилась нормальная, конкурентная политическая жизнь, с допуском оппозиции к средствам массовой информации, с возможностью для оппозиции высказываться и завоевывать аудиторию не только в интернете, чтобы у оппозиции был шанс войти в реальную политику (а я считаю, что сейчас в России политики просто нет), то наверное помудревший, поседевший Немцов при каких-то обстоятельствах мог бы участвовать в президентской гонке. И я вас уверяю, что Боря участвовал бы в президентских выборах, если бы это была действительно открытая, цивилизованная, конкурентная борьба.

С каждым годом количество людей, приходивших к нему на день рождения, сокращалось. И на похороны пришли не все...

Вообще, то, что люди не могут поступать согласно с позывами собственной души и вынуждены действовать из соображений конъюнктуры — это, мне кажется, важная характеристика нынешнего времени. Хочу напомнить, что в другие времена генеральный прокурор мог личным решением выпустить участников путча, верховный правитель сокрушался по этому поводу, но факт остается фактом, все остались на свободе, никого не посадили...

Может быть, главный недостаток всей деятельности демократов во власти, что мы абсолютно не думали о будущем, о стратегии, честно говоря, не представляли себе масштабов задач с точки

зрения изменения ментальности, философии, идеологии нашего народонаселения, которому предстоит решать...

Я думаю, Боря недооценивал просто фантастическое, колоссальное результативное влияние электронных средств массовой информации на умы нашего непросвещенного народонаселения.

Недавно один известный российский банкир написал статью, где есть такая фраза, что политикой занимаются либо подлецы, либо сумасшедшие. У всех ассоциация, что политика — это грязное дело. Мне кажется, что Борис Немцов один из немногих, кто своей жизнью, своими поступками за многие, очень сложные годы доказал, что можно быть в политике десятилетия и не испачкаться. Не испачкать никого и не испачкать себя. Он доказал, что политикой можно заниматься чистыми руками с чистыми помыслами. Я думаю, что это уникально для нашей страны. Конечно, в этом смысле он как раз достоин того, чтобы быть увековеченным.

Радио «Свобода», телеканал «Дождь», весна 2015

Вчера приехал домой пораньше. По дороге увлеченно слушал «Эхо Москвы», где в передаче «2015» говорил Борис Немцов. Он был, как всегда абсолютно честен и смел, не прятался за обтекаемые формулировки и эвфемизмы, называл вещи своими неприглядными именами. А тема была — война на Украине. Кто к ней сегодня прикасается, попадает в зону смертельной опасности... Машина уперлась в ворота гаража, жена звала на ужин, а я все сидел и слушал Борю. Его слегка хриловатый голос был в этот, последний в его жизни вечер, слегка насмешлив и ироничен. В Немцове никогда не было ни революционного пафоса, ни надрыва, ни привычной для нашего времени истерики. Он очень любил жизнь во всех ее проявлениях. И, конечно, Боре с его искренностью не было места на сером фоне системной российской политики, которая стремительно становится коричневой.

Боялся ли он смерти? Не знаю, но шел по жизни, следуя принципам настоящего русского человека и офицера: «Делай что должен, и будь что будет». И Борис Ефимович никогда не изменял своей нравственной и моральной максиме. Не изменял вопреки смерти, а это значит — смерти он не боялся. Переживал за судьбу страны, судьбы всех нас, даже тех, кто, одурманенный пропагандой, его ненавидел. Фазиль Искандер как-то сформулировал про них, его ненавистников: «Бывают времена, когда коллективная вонь выдается за единство духа». Именно эта коллективная вонь ненависти и мракобесия, заполнившая без остатка эфир государственных телеканалов, стала главной причиной его убийства вчера вечером.

Борис знал, и больше всего ценил вкус СВОБОДЫ. Той самой СВОБОДЫ, которая всегда жила в его сердце, как память о дарованном Богом каждому человеку — праве на выбор.

Вчера, это большое человеческое сердце — сердце моего друга разорвала пуля. Но нашу волю к свободе и демократии, европейскому выбору и гуманизму, они не разорвут никогда! И это будет главной нашей данью Борису Немцову.

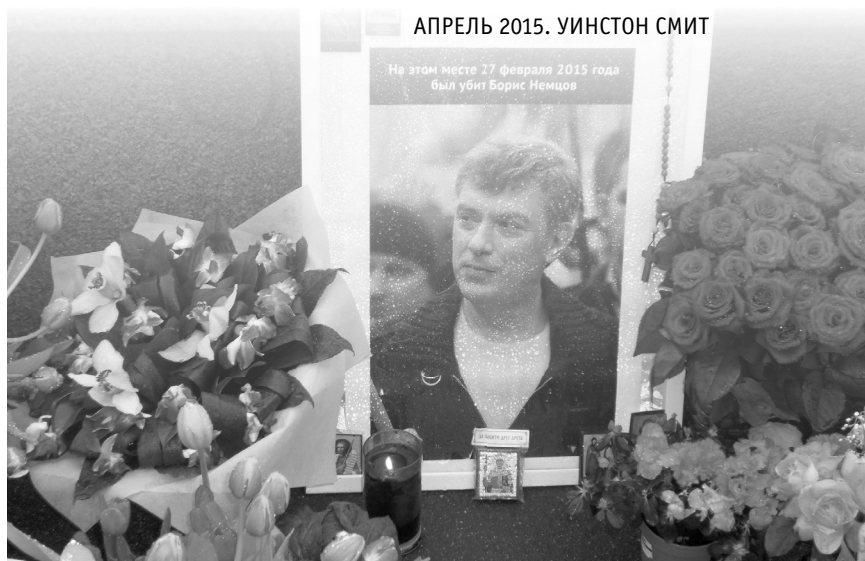
28 февраля 2015

*Борис, посмотри. Посмотри на Москву!
Уже кое-где ты увидишь листву.
Борис, слышишь лозунги наши: «Борись!»?
С высот, недоступных для нас, улыбнись.*

*Без этой улыбки весна не настанет.
Поверь, очень скоро Россия оттает.
Душой вместе с нами народы всех стран.
И пусть нас боится кремлёвский тиран!*

*Борис, ты нас видишь? Ответь, не молчи.
Ты видишь, с тобою твои москвичи.
Здесь с каждой минутой сильнее накал.
Стремимся к тому мы о чем ты мечтал.*

*Ты многое в жизни своей не успел,
Но будет все так, как мечтал и хотел!*

«Когда я брошу заниматься политикой, построю станцию для серфинга и буду писать мемуары», — эту фразу Немцов говорил, но редко. Значительно чаще в его исполнении звучали веселые истории, начинавшиеся со слов: «Когда я был маленьким, то работал губернатором». Он не очень представлял себя на пенсии, и это будущее, скорее, пугало его, чем манило — спокойствием, отдыхом. Да никто из нас — соратников и сотрудников — и не представлял себе Немцова в образе пенсионера.

Я могу только вообразить, как бы он писал мемуары. Примерно так. Звонит Немцов: «Привет, ну ты как?» И, не дождавшись ответа: «Я все придумал. Я знаю, что надо делать и как писать. Когда увидимся?» Да, и конечно же, это был бы звонок от неизвестного абонента — Борис Ефимович по старинке пользовался антиопределителем номера (так все его и узнавали).

При встрече Немцов тут же надиктовал бы мне план будущих мемуаров. Это значит, что в его голове уже есть текст, он выстроен по смыслу, Немцов знает, что надо вспомнить, поискать и проверить. Мне оставалось бы только сесть и написать сам текст. Так писались все доклады, в подготовке которых я участвовала: «Лужков. Итоги», «Путин. Итоги. 10 лет», «Путин. Коррупция», «Жизнь раба на галерах», «Зимняя Олимпиада в субтропиках», «Коммунальные тарифы, Путин и „Газпром“». Последний доклад «Путин. Война» Немцов не успел написать. Остался подробный план, пачка собранного материала с его пометками: что важно и что нужно проверить. Я очень благодарна Илье Яшину, что он взял все это на себя, собрал всех и закончил то, что хотел сделать Немцов.

Пока такого плана не было, писать он не начинал. Ходил и обдумывал. Я следила за этим процессом и завидовала двум вещам: системному взгляду и способности видеть картину сразу как в целом, так и со всеми частностями. Это, по-моему, от Немцова — физика по образованию. Как и память, умение фантастически быстро считать в уме, сравнивать и сопоставлять. И умение просто и понятно объяснять сложные процессы. Меня, гуманитария, это

завораживало. Когда он писал доклад «Лужков. Итоги», там был пример про то, что строительство километра МКАД дороже километра Большого адронного коллайдера. Я попросила его рассказать мне, что такое коллайдер и зачем его построили. В ответ получила увлекательнейшую лекцию (конечно, я ее не воспроизведу, даже пытаться не буду, хотя, пока рассказывал, было просто и понятно).

Ему нравилось объяснять сложные вещи. Все свои тексты он проверял на нескольких читателях, спрашивал: все ли понятно, есть ли вопросы, что нужно добавить, интересно ли, есть ли что-то новое. И одновременно отвлекался — с удовольствием говорил про свою научную карьеру, про это свое «детство в должности губернатора».

Все свои работы помнил, краткое содержание своей кандидатской диссертации мог рассказать, нарисовав графики и волны на салфетке (диссертация называлась «Когерентные эффекты взаимодействия движущихся источников с излучением»). Его очередная любимая история — как он получил выговор от главы правительства РФ Виктора Черномырдина, уже будучи первым вице-премьером. Когда на Западе вышла его научная статья, Черномырдин страшно ругался, что его первый зам отвлекается и занимается научной работой. Он не поверил, что статья была написана задолго до начала работы Немцова в правительстве.

Со дня его убийства прошел год, а у меня все еще нет такого же готового плана воспоминаний о нем. Я не все про него знаю и не все видела. Только слушала, как Немцов рассказывает истории про себя — как он с бывшим пресс-секретарем президента Сергеем Ястржембским не позволил Борису Ельцину отдать Курилы японцам. Про то, как он летал на истребителе, рекламируя российский самолет индийцам. Про злосчастные белые штаны, в которых он в летнюю жару пришел на свою вице-премьерскую работу, и тут его внезапно отправили в аэропорт встречать президента Азербайджана Гейдара Алиева.

Я начала работать с Борисом Немцовым в январе 2009 года как пресс-секретарь движения «Солидарность». Это было время по-

литического затишья: выборная кампания 2007–2008 годов далеко позади, «Марши несогласных» отгремели, до митингов на Болотной еще так далеко. На оппозицию всем плевать. В телеэфире остатки свободы слова. Медведев в президентском кресле. И тут создается движение «Солидарность» — объединенное демократическое движение, в котором нет лидера, зато в самом малочисленном руководящем органе было целых 13 человек.

Я даже не была близко знакома с Немцовым до прихода в «Солидарность», брала интервью несколько раз, но не дружила и не общалась вне работы. А в «Солидарность» пришла, когда она уже была создана. Борис Ефимович довольно быстро предложил мне перейти на ты и называть его просто Борис. Но я не согласилась и осталась с ним на вы. Так мы и общались все следующие шесть лет.

У нас сложились очень дружеские отношения — особенно уже в последние годы. Он знал обо мне и о моей личной жизни практически все. Немцову всегда можно было поплакаться в жилетку, и я этим пользовалась. Выслушает такой, скажет, что все это — ерунда, что все козлы и что жизнь прекрасна. А потом: «Ну, хватит! Вперед, за работу!» И через пять минут: «Я все придумал. Надо делать так».

Он своим неким панибратством многих отпугивал — или, по меньшей мере, неприятно удивлял. Я думаю, его поэтому и считали легкомысленным и поверхностным. Он со всеми переходил на ты, начинал задавать очень личные вопросы, а еще мог таскать у тебя еду из тарелки руками. Эту его привычку все знакомые люди прекрасно знали: обязательно утащит последний кусок курицы. Илья Яшин рассказывал смешную историю: как-то за обедом с коллегой по ярославской облдуме Немцов съел всю рыбу из его тарелки, пока депутат что-то увлеченно рассказывал.

Такой бонвиван, который ведет веселую жизнь и позирует. Только не был он им никогда. Мне не раз приходилось объяснять знакомым (в том числе и журналистам), что Немцов знает больше, чем мы, читает все, спрашивает и проверяет по десять раз сам себя. Просто он не был тоскливым и занудным. Отношение к информации у него было таким, творческим. Лучший пример, пожалуй — его пост про корреляцию цены на нефть и курса рубля.

Над текстом сначала смеялись, а потом назвали «Формулой Немцова» — она безошибочно позволяла высчитывать актуальный курс доллара на ближайшее будущее.

И в то же время я его сразу начала воспринимать как настоящего лидера. Потому что принимал решения и брал на себя ответственность, отвечал за каждое слово. Для него это было очень важно: «Когда это я не сделал то, что обещал!» При этом, не раз отмечала, что все его решения, казавшиеся спонтанными (а он быстро решал, не уходил в себя; очень редко говорил, что нужно подумать и посоветоваться), на самом деле принимались им, исходя из его принципов: что хорошо, а что плохо, важно или не важно.

Еще лидер — потому, что отвечал за людей и с удовольствием помогал, давал деньги, писал письма, просил и ходатайствовал за других, ходил на политические суды. При этом ему была неважна партийная и идеологическая принадлежность. И тем более — что плохого тот или иной человек о нем говорил. Он помогал нацбалам, помогал левым активистам, писал письма с просьбой в получении документов для тех, кто был вынужден уехать из России. О многих я узнала уже сейчас, после его смерти — он не распространялся сильно обо всех таких делах. В этих вопросах Немцов был, скорее, правозащитником, чем политиком.

Именно из правозащитных соображений в начале 2012 года он ходил к тогдашнему президенту Медведеву на встречу с лидерами непарламентских партий. Он отдал ему список из 37 политзаключенных, среди которых были Михаил Ходорковский, Платон Лебедев, Таисия Осипова, Сергей Мохнаткин. Немцов просил Медведева их помиловать. А потом еще передавал дополнительные материалы по всем из них. Мохнаткина тогда помиловали.

Начало работы в «Солидарности» выдалось бодрое. В первый же месяц, в январе 2009-го, я наткнулась в почте движения на письмо с предложением Борису Немцову избраться мэром Сочи. И с этим письмом группы инициативных товарищей я пришла к нему в офис — в высотке на Котельнической набережной. Я не верила в то, что он соберется в Сочи — выборы были назначены

уже на 26 апреля. Но ему понравилась идея. В те дни они с Володиным Миловым (в ту пору коллегой по «Солидарности») только представили доклад «Путин и кризис». И, похоже, конкретных планов на ближайшие месяцы не было. Вот так мы и поехали на юг.

Это была отличная избирательная кампания — очень мало времени, очень мало денег, но суперработоспособный кандидат в мэры. Четыре-пять встреч каждый день. Обошел весь Сочи ногами и много раз проехал его во все стороны на электричке. И так больше месяца в ежедневном режиме. В общем, вел себя не как старожил федеральной политики.

Это была избирательная кампания от двери к двери со словами: «Здравствуйте, я Борис Немцов». Все время в Сочи мы буквально жили фильмом «День выборов» — пересматривали его раза три. Потому что один в один же все — почти без подготовки приехали, в какой-то частной гостинице поселились (пока толпа единороссов занимала «Жемчужину» и другие приличные). А еще ежедневные встречи с избирателями и хождения на рынки, где Немцова все подкармливали, с собой еду дарили.

Мы его даже специально на рынок посылали: «Варенье закончилось, Борис Ефимович, идите с избирателями встречаться».

В штабе мы называли Немцова «Игорь Владимирович Цаплин, наш кандидат» — как в фильме. Однажды Яшин, отвечая на звонок Немцова, назвал его Игорем Владимировичем. Тот, конечно, обиделся. Но прозвище прижилось. Адвокат Немцова Вадим Прохоров во всех разговорах называл его только так: «Цаплин в штабе сегодня будет?»

* * *

Выборы, массовые акции и просвещение — вот главные направления работы Немцова. В 2009 году мы командой подготовили доклад Немцова и Милова «Лужков. Итоги» — первый многотиражный. С одной стороны, мы сохранили жанр экспертного доклада, но использовали только открытые источники, доступные для проверки любому читателю. Стиль документа максимально упростили — он не для экспертов, а для всех москвичей. Доклад был издан суммарно тиражом 400 тысяч экземпляров. И впервые

Борис Немцов вместе с соратниками по «Солидарности» ходил и раздавал эти доклады на улицах Москвы. Никаких выборов нет. Мэр Москвы на тот момент — не выборная должность (президент, по сути, назначает). А тут — массовая агитационная кампания на улицах.

По итогам раздачи этих 400 тысяч докладов опрос «Левада-центра» показал: 65% москвичей уверены, что Елена Батурина стала долларовым миллиардером с помощью своего мужа — мэра, а 57% опрошенных сказали, что московские суды выносят решения в пользу Лужкова потому, что они ему подконтрольны. 49% участников опроса заявили тогда, что в связи с информацией о коррумпированности мэра должен быть отправлен в отставку. Это были важные для Немцова результаты. Важно было и то, что в суде Лужков смог опровергнуть лишь одну фразу (и это в московском суде!).

Через год после публикации доклада Лужков был отправлен в отставку «в связи с утратой доверия». Тогда же Батурина со своей компанией «Интеко» вчистую проиграла Немцову арбитраж. Батурина тоже хотела опровергнуть фразы из доклада.

2010-й начался с протестов. В январе прошел первый за много лет массовый митинг в регионе — в Калининградской области. Местные жители были возмущены повышением налогов и пошлин на ввоз поддержанных иномарок — это был их бизнес. Тогдашний губернатор Георгий Боос пытался как-то утихомирить граждан, но дальше обещаний дело не пошло.

Меня отправили туда заранее — познакомиться с организаторами митинга, с местной «Солидарностью», они звали федеральных политиков. Отличный был митинг. Никто не ожидал такого подъема, и была отличная реакция на выступления Немцова и Яшина. Митинг был коалиционным, а главным требованием была отставка губернатора Георгия Бооса.

В этом же году полномочия Бооса истекли. И в списке кандидатур, предложенных Кремлем в августе, его уже не было. Люди добились его отставки.

А еще 2010-й был для нас годом «Стратегии-31». Год сотрудничества «Солидарности» и Немцова с нацболами, год несанкционированных акций. За шествие с многометровым российским триколором в День государственного флага 22 августа Немцова задержали. Суд над ним прошел в ночь с воскресенья на понедельник и запомнился мне фразой мирового судьи в три часа утра: «Доступ к правосудию российские граждане могут осуществлять круглосуточно».

Закончился год тем, что 31 декабря Немцова арестовали на 15 суток за участие в акции на Триумфальной площади. Бывший первый вице-премьер правительства РФ провел двое суток в камере Тверского отделения полиции, где не было кровати и даже матраса, только деревянные нары.

А потом был суд, который вела мировой судья Боровкова. Она запретила Немцову сидеть, и несколько часов он вынужден был провести на ногах. Потом был еще один суд — мы обжаловали арест в Тверском районном — и судья Стешина из списка Магнитского с предопределенным решением.

Я через все эти суды прыгала на костылях, потому что сломала ногу за несколько дней до 31 декабря. Но благодаря этому мне удалось спрятать от приставов и принести Немцову фляжку коньяка.

Он всегда устанавливал нормальные человеческие отношения со всеми, кто его охранял. Не с теми, кто задерживал — как правило, эти были люди бессловесные, и потом даже рапорты не они писали. А вот с охранниками и с соседями по камере у Немцова всегда были нормальные отношения.

Сокамерников он, как правило, заставлял заниматься спортом. Рассказывал мне потом, что заставлял всех отжиматься по 20 раз. И ведь слушались его. А охранников в спецприемнике он убедил, что невозможно мыться раз в неделю и принимал душ ежедневно.

Если помните, перед выборами в Госдуму 2011 года Немцов был сторонником концепции под названием «нах-нах» — графа «против всех» в бюллетенях уже перестала существовать, и он призывал эти бюллетени просто портить. Над концепцией по-

смеивались, но для Немцова это был самый честный вариант, который он мог только представить. В выборах участвуют партии, подконтрольные Кремлю — какой смысл голосовать за любую из них? Но уже перед самими выборами он сумел признать, что концепция массовой не стала.

Как и все, Немцов совершенно не ожидал массового протеста 2011—2012 годов. Заявку на митинг на Чистых прудах 5 декабря подавали просто в дежурном режиме, а он превзошел все ожидания. Немцов, кстати, ушел, не дождавшись окончания. Никто же не планировал ничего, поход к зданию ЦИК был спонтанным. А потом всю ночь ездил по разным ОВД в поисках Яшина и Алексея Навального.

Митинги продолжились, к протестам проявили интерес системные партии. Немцову стали звонить из КПРФ с вопросом: «А какие у вас планы?».

Потом была знаменитая история про перенос митинга с площади Революции на Болотную, когда Немцов с Анастасией Удальцовой из «Левого фронта» увели людей, и они не остались с Эдуардом Лимоновым. Мы шли тогда практически по тому же маршруту, по которому 1 марта 2015-го прошло шествие памяти самого Немцова. Только в декабре 2011-го мы проходили под Большим Москворецким мостом, на котором его убили.

По этому мосту он ходил много раз — до его дома от него 15 минут пешком.

После 6 мая 2012 года и с началом «болотного дела» оптимизма как-то у всех поубавилось. Причем я была даже более пессимистична и радикальна, чем Немцов. Мучила его все время капризными вопросами вроде: «Сколько все это будет продолжаться?» Он отвечал, что не знает, сколько: «Работать надо». И кстати, никогда не делал прогнозов из серии: «через год режим падет».

Немцова держали в форме его доклады и фейсбук. Подготовка, печать, распространение — он все силы тратил на это. А фейсбук вообще стал для него частью жизни, он получал оттуда информацию, очень активно общался — и в личных сообщениях, и публично. Писал тексты, чтобы посмотреть, как подписчики оценят

те или иные его идеи. Кстати, ради самостоятельного общения в фейсбуке он купил себе айфон, до этого ходил со старой Nokia. В какой-то момент ему захотелось ответить на комментарии, и он позвонил мне с просьбой: «Ответь». Дело в том, что я всегда печатала значительно быстрее него, и не могла спокойно смотреть, как он набирал текст.

Мне проще было самой напечатать, тем более, что диктовал он прекрасно, ровно в том темпе, в котором я успевала напечатать и исправлять опечатки. На комментарии в ЖЖ он не отвечал (помоему, никогда, не помню такого).

В фейсбуке я отказалась за него отвечать наотрез. Сказала, что все сразу поймут, что его личный аккаунт кто-то ведет. И тогда мы пошли покупать ему айфон. Хоть он и ругался первое время, что пальцы у него толстые. Потом же научился печатать на айфоне почти как я на компьютере. Правда, появился побочный эффект — мы Немцова стали часто «терять»: что-то обсуждали, а он сидел в интернете. Все время проверял, сколько лайков и сколько перепостов.

Сам ставил лайки и делал перепосты. Обязательно искал картинку под важный для него текст: «Если есть картинка, лайков будет больше». В общем, все было всерьез.

Немцова вдохновил Ярославль. Он с азартом участвовал в выборах депутатов облдумы в августе—сентябре 2013-го. И с таким же азартом работал депутатом. Гордился, что, несмотря на все фальсификации в ходе кампании, отобрать победу не удалось, он получил этот мандат — первый случай за последние 13 лет, когда представители настоящей оппозиции победили на выборах.

Депутатский мандат в Ярославской области принес ему кучу забот. Он стал жить на два города (что меня очень раздражало). Очень быстро разобрался, кто есть кто там и кто чем занимается.

Он был самым активным депутатом, фактически отправил в отставку вице-губернатора за коррупцию. А еще он выполнял свое предвыборное обещание — устанавливать спортивные площадки у школ. Он это делал регулярно, отдавая на это свою депутатскую зарплату. И подтягивался на этих площадках во время открытия.

Он хотел от Ярославля избираться в Государственную Думу в 2016 году. Он работал на это.

Немцов наслаждался довольно простыми вещами: любил море и солнце, жару, любил спорт до изнеможения, любил вкусную еду. Не мог сидеть на одном месте долго. Следил за здоровьем. Повторял: «Я должен его [Путина] пережить».

Весной 2014-го Немцов впервые уехал из России больше, чем на две недели. Был в Тель-Авиве, лечился и думал, что делать дальше. Только что, в марте, прошел Марш мира — в знак солидарности с Украиной, Крым присоединили, в Донбассе война. Периодически появлялись слухи о новых посадках по «болотному делу». В общем, было, о чем подумать. Я навестила его в конце апреля, так получилось, что на христианскую Пасху. И мы, пожалуй, впервые очень долго проговорили про жизнь, не отвлекаясь на рабочие вопросы. Я тогда спрашивала его: остался бы он за границей, в какой стране, что бы делал?

Может, уже плюнуть вам и заняться своей жизнью, спортом, серфингом этим и мемуарами, говорила я. Борис Ефимович тогда мне сказал, что думал об этом. Точнее, думал о том, что не хочет сидеть в тюрьме по прихоти Путина, например, десять лет — возраст уже не тот, жалко тратить время. В 2014 году его арестовали на десять суток, и он сказал мне, что они дались ему физически сложнее тех пятнадцати в начале 2011 года.

Думал ли он, что его могут убить? Он иногда говорил об этом, но, скорее, в форме вопроса: а могут ли его убить? И, как правило, сам же отвечал — нет, не могут убить бывшего первого вице-премьера. Может, он сам себя и окружающих так успокаивал? Я пыталась понять это весь год после убийства.

Тогда, на набережной Тель-Авива, Немцов рассуждал, что если вдруг придется эмигрировать, он будет жить там, где тепло, будет писать книги, создаст Фонд свободной России. Но это были просто мысли вслух — билет в Москву был уже куплен, идея баллотироваться в Госдуму от Ярославля захватывала его все больше.

Немцов в день нашего разговора был философски настроен — это совсем не его стиль. Сказал мне тогда, что на самом деле про-

жил удивительно насыщенную жизнь: в 30 лет — губернатор, потом первый вице-премьер, побывал преемником Бориса Ельцина, участвовал в стольких выборах. И у власти был, и в оппозиции. Кто еще таким опытом и такими переживаниями похвастает?

Мне кажется, он изменился после этой поездки — стал жить, не оглядываясь и ничего не боясь.

Тогда он написал в ФСБ и Следственный комитет заявление о кадыровцах в Донбассе. Тогда он в Киеве дал интервью с матерной характеристикой Путина. На его предложение написать доклад «Путин. Война» — про российскую армию в Донбассе, я сказала, что за это и убить могут. Он отмахнулся: «Да ладно тебе, мы же на открытых источниках».

Я иногда советовала ему посмотреть какое-нибудь кино. Но не могу сказать, что он очень увлекался этим. Зная о его переживаниях последних месяцев, предложила ему фильм «V значит вендетта». Он написал мне: «Сильно, но не совсем про нас. Скорее, про то, что за свободу можно бороться любыми средствами. Ты хочешь, чтобы мы пересмотрели средства?» Я ему пишу: «А мне кажется, что возможны моменты, когда других средств просто нет». Немцов ответил: «Меня очень часто посещают эти мысли. Только проблема — мне уже 55))».

Мы виделись с Немцовым и Ильей Яшиным в среду, 25 февраля 2015-го — ужинали, потом сходили в магазин за продуктами. А потом Немцов предложил проводить нас до офиса, где у Яшина стояла машина. Просто хотел прогуляться с нами. И обратно домой он по Пятницкой возвращался один. В четверг опять виделись в офисе, были какие-то последние разговоры перед антикризисным маршем «Весна». До него оставалось меньше трех дней, и он состоится — только станет маршем памяти Немцова. Я знала, что в пятницу, 27-го, Борис Ефимович в офис не приедет. Во второй половине дня будет на «Эхе Москвы», а потом пойдет домой. Договорились встретиться на марше. На следующей неделе он должен был начать писать доклад «Путин. Война».

Несколько раз в пятницу порывалась ему написать, но решила, что потом поговорим.

Незадолго до полуночи позвонила помощница Немцова — я была уже дома. А она сбивчивым голосом говорит: «Аня (подруга Немцова Анна Дурицкая — прим. "Медузы") позвонила. Его убили. Этого не может быть». Я очень боялась ехать. Позвонила Яшину, сопредседателю «Парнаса» Михаилу Касьянову. Поняла, что физически не смогу поехать одна. Попросила Иру Воробьеву с «Эха Москвы» заехать за мной и поехать на мост.

Аня Дурицкая не москвичка, она из Киева, поэтому место она мне описала так: «большой мост у Кремля». Мы, естественно, поехали на Большой Каменный. Там ничего, но тут позвонил Яшин, он раньше нас доехал и понял, что не на Каменном, а на соседнем — Москворецком. Место убийства еще не оцепили. Я подошла и увидела ботинки с острыми мысами, джинсы True Religion, простроченные белой ниткой, голубой свитер. Он лежал на боку. Я не видела головы и лица. Не видела крови — потом объяснили, что было сильное внутреннее кровотечение. Какие-то сотрудники полиции начали его поворачивать на спину, свитер задрался. В это время начали съезжаться журналисты с камерами, а полиция отгоняла их и устанавливала оцепление.

Полицейские начали искать среди тех, кто приехал, кого-нибудь в свидетели по делу. И отправлять в управление Следственного комитета по Тверскому району Москвы — небольшое здание во дворах. Там я встретила и Аню и того свидетеля, который шел в наушниках за убийцей.

Я дала очень краткие показания. Тогда следователи спрашивали обо всех возможных версиях: бизнес, личная жизнь, месть противников, конкуренция. Аню перевезли в управление СК по Москве.

Она звонила мне оттуда в истерике и кричала, что ее сейчас посадят. Как ни странно, но меня туда пустили. На самом деле, только с одной целью: следователь с генеральскими погонами просил меня убедить Аню остаться в России и поехать жить в санаторий Следственного комитета где-то в Подмоскowie. Я отказалась, на что генерал сказал: я умею быть очень убедительным, я дело летчицы Савченко вел. После этих слов мне захотелось поскорее отправить Аню в Киев.

Я забрала ее ночевать к себе домой. Вместе с ней получила двух сотрудников, охранявших ее как важного свидетеля. Очень вежливые, в бронежилетах и с автоматами. Они сидели в подъезде. Еще двое — на улице в машине.

Ездили мы с Аней на допросы в СК под охраной. Нам выделили молодого активного следователя, который получил перевод в Москву за удачно пойманного бежавшего из тюрьмы рецидивиста. На внезапные Анины слезы и истерики он не знал, как реагировать. Мы же с нашим адвокатом Вадимом Прохоровым хоть как-то пытались ускорить следственные действия. Было видно, что с каждым днем Ане все тяжелее даже нормально разговаривать.

Три дня и три ночи мы провели в СК. Аню отпустили в Киев в понедельник 1 марта. А я в этот же день отпросилась у следователей на Марш памяти.

Я шла по набережной и вспоминала, как в декабре 2011-го Немцов шел этим же маршрутом и вел за собой людей. Шел и восхищался. Я и сейчас представляла его среди всех этих людей — ведь он так хотел большую протестную антивоенную акцию у стен Кремля. Стояла на Москворецком мосту, люди шли и кричали: «Нет войне!» И словно слышала его фразу: «Ну, что, ласточка, смотри, как круто получилось. Я даже не ожидал, что столько народу придет».

Не узнала его на похоронах. Только руки были его.

«Медуза», 27.02.2016

*Там, где правда и ложь перепутаны,
Где дороги ведут в пустоту,
Был убит Гулливер лилипутами
На Большом Москворецком мосту.*

*Он ходил среди нас по улицам
Не признавшей вины страны
И под сводом небес сутулился
Из-за роста величины.*

*Если были все двери заперты,
Смело линию гнул свою,
Никогда не стоял на паперти,
Никогда не стоял в строю.*

*Он – последний из гулливеров,
Он – последний из могикан,
В наше общество лицемеров
Не вписавшийся великан.*

*Кровь его по прошествии времени
Смыли дочиста снег с дождем.
Он убит под кремлевскими стенами,
Но врагами не побежден.*

(АВТОР НЕИЗВЕСТЕН)

Моя жизнь делится теперь на то, что было до 27 февраля 2015 года и после.

Это первая в моей жизни потеря близкого человека, причем неожиданная. Немцов всегда следил за здоровьем, ни дня не проводил без тренажерного зала. Я рассчитывал с ним общаться еще несколько десятилетий. У меня было много планов: продолжать делать с ним видеоролики проекта «Ложь путинского режима», помогать собирать ему материалы для доклада «Путин. Война».

Хотя доклад дописан его соратниками, и видеопроект я планирую восстановить, все это не будет иметь отражения личности Бориса Немцова, его опыта и знаний.

Нет теперь надежного друга и соратника. Когда я еще жил в России, то знал, что что бы со мной ни случилось, мне поможет Борис Немцов. Вполне вероятно, что если бы после моего ареста в августе 2014 года Борис Ефимович не поднял шум в СМИ, то меня бы посадили не на 10 суток, а на гораздо более долгий срок.

Борис Немцов — огромная потеря для российской оппозиции. Он был прирожденным политиком: умел говорить просто о сложном, общаться с любым человеком на равных, обладал харизмой и обаянием, ради общего дела он мог идти на компромиссы, договариваться с совершенно разными по характеру и взглядам людьми.

После убийства я стал более пессимистично смотреть на будущее России. Борис Немцов как политический деятель был для меня еще с 90-х годов символом новой России — не имперской, а демократической, европейской. Полгода назад не стало символа и надежды на такую страну. Конечно, на территории нынешней России когда-нибудь появятся цивилизованные государства, но будет это, очевидно, не в ближайшие годы...

Если бы мне кто-то сказал, что я буду говорить слова памяти о Борисе Немцове на сороковой день его гибели, я бы не поверил. Потому что Борис, Боря Немцов — это очень светлая фигура, полная жизни, жизнелюбия, радости. Таким он был и останется в моей памяти.

Я вспоминаю годы съездов народных депутатов Российской Федерации, начало 90-х, когда консервативная часть съезда (а их было больше тысячи человек) противостояла небольшой кучке демократов и либералов, среди которых яркую роль играл и Борис Ефимович Немцов. Помню его тонким, стройным, красивым человеком с копной черных вьющихся волос. Потом благодаря всяким должностям, которые он занимал, волосы стали короче, но человеком он оставался прежним.

Я вспоминаю ненависть к реформаторам, ко всему тому, что могло бы вывести Россию на нормальный, цивилизованный путь развития, как эти волны ненависти заполняли весь зал съездов народных депутатов. Как освистывали и кричали, как топали, как мешали работать правительству — Гайдару, Чубайсу, Ельцину и т.д. Но когда выходили несколько наших депутатов, среди них были Галя Старовойтова, Боря Немцов — зал волей-неволей понемногу затихал. Потому что у них была абсолютно точная, свежая логика, спорить с которой было невозможно. Я помню жуткую ненависть, исходившую от людей, которых пытаются убрать от кормушки. Тех самых людей, которые пользовались всеми благами жизни в нашей стране, не давая окружающим вздохнуть свободно... Я думаю, что та же самая атмосфера ненависти, которая все-таки осталась где-то по пыльным углам нашей страны, и убила Бориса Ефимовича Немцова. Как это страшно, когда уходит из жизни талантливый, умный, порядочный, смелый человек...

Я бы хотел сказать несколько слов его маме, его дочери, его близким. Я понимаю, какова та страшная потеря, которую они понесли. Я желаю им если не утешиться, то хотя бы знать о том, что жизнь Бориса прожита не зря. Он стал образцом не только для политических деятелей, но и для многих и многих людей.

Я очень рада, что большая часть моей жизни (последней части моей жизни) связана с Борисом Ефимовичем. Он был для меня таким притягивающим магнитом свободы, независимости, чести, достоинства. Я горжусь тем, что я в какой-то степени была его соратницей. Для меня он не ушел из жизни. Он остался у меня навсегда. Столько, сколько я буду жить. Я не могу в это поверить, постоянно подкатывает к горлу...

Бориса не просто лишили жизни. Его приговорили. Его казнили. За всё. За то, что он с ними не сотрудничал и не собирался этого делать. За то, что он был самым свободным человеком. За то, что люди, у которых есть хоть какое-то понятие и смысл свободы, тянулись к нему. Их было не так уж много, но они были. Борис представлял большую опасность. Его убили те, кого он разоблачал. Он был, по-моему, единственным человеком, который их не боялся. Он знал эту систему жизни, знал, как она построена, знал им всем цену и ничего общего не имел с этой бюрократией, с этими чиновниками, эфэсбэшниками и всеми этими гадами, которые душат нас и нашу страну (уже практически задушили).

Для меня нет вопроса, кто это сделал. Как можно рассчитывать на какое-то правосудие, какое-то следствие? Разве что-нибудь они нашли? Кого-нибудь обнаружили? Столько преступлений... Иногда говорят, что у кого-то руки по локоть в крови — так они в крови на несколько своих корпусов. Я надеюсь, не знаю доживу ли я до этого времени, но мне хотелось бы, чтобы они получили своё...

С того момента, когда все произошло, и до сегодняшнего дня, каждый день я вижу Бориса Ефимовича — я называла его Борисом Ефимовичем, а он меня Наташей и мне это очень нравилось, — я вижу его совершенно живым человеком, в совершенно разных моментах, в которых мне приходилось его наблюдать. Я даже слышу его голос, я знаю его пластику, его улыбки... Я знаю, что он был очень толерантным человеком. И в «Солидарности», и в партии, среди коллег случались какие-то серьезные моменты, когда отношения были накалены. Он никогда, ни на одну секунду не обо-

стрил всё это. Всегда искал возможность привести все к какому-то другому знаменателю, чтобы люди понимали друг друга.

Я благодарна судьбе за то, что она подарила мне возможность много раз быть рядом с Борисом Ефимовичем. Я никогда не смогу его забыть. Он постоянно возникает перед глазами...

Понятие «патриотизм» стало таким тошнотворным, что я даже не могу слышать это слово. А однажды у нас была акция на Пушкинской площади. И так получилось, что приходили одни и те же люди. И мы должны были говорить с людьми, которые и так разделяют наши взгляды. И как-то в перерыве я подошла к нему и с досадой говорю: «Борис Ефимович, как же так? Ну, почему мы должны уговаривать друг друга? Я уже не понимаю, что делать дальше. Вы такой молодой, талантливый, опытный, у вас так много достоинств. Может быть, вам уехать отсюда?» А он мне: «Да ты что, с ума сошла? Это наша страна! Пусть они отсюда уезжают!».

То, что Борис Ефимович делал в своей жизни... Все, кто его любит, прекрасно знает его биографию и нам не нужно говорить, каким гражданином был этот удивительный человек. Он был милосердный, добрый и внимательный. У меня была ситуация, когда мне нужна была медицинская помощь, я обратилась к нему, но у него не получилось мне помочь. Я совершенно на него не обиделась. Прошло какое-то время, он звонит мне и извиняется, что оказался не в силах это сделать...

Последний раз я говорила с Борисом Ефимовичем перед Новым годом. Он мне сказал: «А ты помнишь, что ты член политсовета «Солидарности»? Я ему говорю: «Конечно, я помню. Но по техническим причинам мы не можем пока с вами видаться, но надеюсь, что со временем это исправится»...

Знаете, я человек верующий, но не религиозный. И честно говоря, я никогда в жизни не молилась, только если приходила в церковь и там были иконы тех, к кому я обращалась с молитвой... Когда не стало Бориса, я каждый день произношу: «Господи, упокой душу новопреставленного Бориса, прости ему грехи вольные и невольные, даруй ему царство небесное, да будет воля Твоя. Господи, помилуй»...

Боря остается в моей жизни столько, сколько буду жить я. Он будет жив для меня.

Когда человек умирает, изменяются его портреты...

Цитирую Ахматову. Это правда.

Конечно, мы недооценивали Бориса, Борю Немцова. Он был очень легкий человек, это выглядело как легкомыслие. Его невозможно было представить надувшимся, в роли отца русской демократии, в роли такого демократического пастыря. Когда позорнейшим образом в «Комитете-2008» люди делили шкуру неубитого медведя, люди, согласные бороться с Путиным только в роли лидеров и никак не меньше, Немцов прекрасно понимал, что даже когда колесо повернется, он не будет ни первым номером, ни вторым, ни пятым. Но для него существование путинского режима было личным оскорблением. Он был также горяч и взволнован, когда говорил об этом тет-а-тет, без видеокамеры. Он не был политиком в этом смысле, потому что у политиков синхронно с включением камеры включается такой патриотический рычажок. И они начинают вещать. Потом телекамера выключаются и те, кто только что кидался друг в друга разными предметами, прекрасно сидят за одним вискарем и, что называется, решают вопросы. Договариваются. Я наблюдал это много раз. Таковы политики, пастыри народов.

Немцов делал то, что он делал просто потому, что он не мог по-другому. Для него существование этого режима было личным оскорблением.

Он был очень молодой. Человеку 55 лет, а он так и был для всех Боря. Никакой спеси. Совершенно уникальный человек.

Надо вот так погибнуть, чтобы люди вокруг, что называется, навели на резкость и увидели, какого человеческого масштаба это была фигура. Борис спасал достоинство страны. Хотя, разумеется, он не говорил таких слов — он спасал собственное достоинство. Ему было бы стыдно делать по-другому. Он делал то, что должен был делать.

Борис был честным человеком. Может быть, это звучит наивно, но это правда. Столько лет будучи губернатором, он не украл ни

копейки, хотя прекрасно понимал все коррупционные схемы — ведь он сам их разоблачал. Но поразительно, что коррупция вызвала у Бориса искреннее возмущение — не наигранное, на публику, а самое настоящее, подлинное, не показное.

Его даже трудно называть по отчеству — просто Боря. Совершенно замечательный, легкий человек, что важно — умевший признавать ошибки и извиняться. Это совершенно уникально, особенно для политика. У Бориса была пара политических ошибок, которые он тяжело переживал, например, свою раннюю поддержку Путина в первые месяцы. Боря был единственным, кто публично сказал: «Я был неправ». Кто еще из политиков набрался бы смелости сказать также?

В политику, а затем в оппозицию его привело не самолюбие, не желание власти, не расчет, а человеческое, живое чувство справедливости, убеждение, что добро должно побеждать. Он так и был убежден: «Не может быть, чтобы мы не победили — ведь мы же правы». И он был движим этим чувством. Мандельштам говорил, что поэзия — это сознание собственной правоты. И для Бориса такое сознание было достаточным основанием, чтобы бороться.

Он был нормальным — вот такое странное слово. Наш брат-оппозиционер бывает разным. Есть люди, которых ведет разум. Бориса вело чувство. Он был очень эмоциональным, и при этом очень умным — это очень редкое сочетание. Он был отличником, блестящим человеком — словом, настоящей элитой, настоящим шансом России. Такие люди, как Немцов, могли быть политическим будущим России...

Борис прекрасно понимал, что не он окажется у власти первым, когда сменится режим. Он ни на что не претендовал, и был одним из немногих, кто не боролся с соратниками, видя в них конкурентов. Он понимал, что в будущем повороте не окажется главным, но, тем не менее, он всеми силами занимался приближением этого будущего.

Борис был абсолютно бесстрашным. Он шел даже на физическое противостояние режиму. Он знал, что его будут винтить, ломать руки, запирают на пятнадцать суток — а это, между прочим, важная проверка для человека. Он был готов к ней.

*Я не претендую на первую позицию,
мне комфортно быть модератором...*

*Я, в отличие от многих других, —
очень адекватный человек.*

*Мы составим список так, чтобы он пользовался
максимальной поддержкой,*

*а не так, чтобы известный в России демократ
Немцов занял в нём лидирующее место.*

*Кстати, вообще нет ни одного примера,
когда бы я так себя вёл.*

*С другой стороны, у меня гораздо больший
опыт, чем у всех остальных.*

*В стране нет политика, который был
бы одновременно губернатором, вице-
премьером, министром, сенатором, депутатом
Госдумы и депутатом областной думы.*

Таких людей нет просто. Я один...

Из интервью Илье Азару, «Медуза», ноябрь 2014 года)

Мы познакомились давно. Кажется, это было осенью 1990-го. Он еще был депутатом РСФСР, а я был тогда депутатом и членом президиума Моссовета. Насколько я помню, он приходил на заседание оргкомитета движения «Демократическая Россия». Тогда так.

Было видно, что это яркий политик. Мы тогда все были довольно молоды. Мне было 33 года, Боря был даже моложе — ему был 31 год. Он весь искрящийся такой был. Он и в 55 оставался, в общем-то, таким же — с постоянно горящими глазами. Но в 31 он выглядел, по моим представлениям, на 5–6 лет моложе. Когда я его первый раз увидел, первая мысль была, что совсем пацан. А потом оказалось, что мы практически ровесники, но первое ощущение было именно такое.

Я очень хорошо помню, что когда при знакомстве выяснилось, что он из Нижнего Новгорода, у меня сразу мелькнула мысль: вроде бы такой большой город, один из крупнейших в России, а фактически я встречаю первого единомышленника оттуда. Понятно, что из Москвы, Питера было много. Из Новосибирска я знал нескольких, ну, из Екатеринбурга тогда тоже много было — родина Ельцина, Бурбулис был оттуда. А из Нижнего был он один. Я тогда, разумеется, не мог прогнозировать, что в исторически очень короткий срок новой российской власти полноценной, а не полуноминальной, как это было до августа 1991 года, понадобятся, например, губернаторы во всех субъектах Федерации. И что именно вследствие того, что Борис там был такой один, он и стал губернатором, первоначально назначенным Ельциным. Тем не менее была мысль: «Надо же, такой молодой и яркий парень — и единственный из большого города и крупной области представитель наших взглядов, нашей политической силы!» Это было первое впечатление.

Борис занимал искреннюю позицию, в те годы она не всегда у нас сходилась. Человек прожил 25 лет в большой политике, был губернатором, вице-премьером правительства, вице-спикером Госдумы, лидером фракции, лидером партий. Конечно, какие-то

компромиссы были в его жизни, но не только лжи, но даже и лужавства я не помню. Это очень редкий случай, как минимум. Я в российской политике таких вспомню очень немного. И из тех, которые мне вспоминаются, к великому сожалению, это не единственный случай насильственной гибели такого человека...

1998 год, правительство Кириенко... Тогда его мотивы выглядели убедительными, когда это все произошло. По крайней мере, применительно к нему они были совершенно понятными. И отказываться от ответственности было не в его характере, и назовем вещи своими именами, он 7 лет пробыл губернатором — сначала назначенным, потом избранным. Он побеждал на выборах с убедительным результатом. И я хотел бы напомнить, что тогдашние выборы были выборами, не как сейчас. Тогда действующие губернаторы с полной поддержкой тогдашнего президента проигрывали сплошь и рядом очень часто, ну, примерно в половине случаев. Борис выигрывал с разгромным счетом. Конечно, он был хорошим губернатором. Но, наверное, ему тоже уже хотелось какого-то роста, ему хотелось больших масштабов.

Однажды Борис Ефимович привез в Кремль подписи против войны в Чечне. Честно говоря, самопожертвованием тогда я бы это не назвал. Это были трудные, но, на мой взгляд, по сравнению с нынешними, счастливые времена. Тогда никому не приходило в голову, что политические разногласия с действующей властью, с президентом, с администрацией президента могут быть охарактеризованы словом «самопожертвование» или любым другим словом с корнем «жертва». Тогда жертвы бывали в этом смысле только исключительно политические. Медийной травли-то не было еще совсем.

Конечно, лично для Бориса это был психологически тяжелый момент. Потому что он был обязан Ельцину своим назначением губернатором. Он искренне уважал его и ценил как лидера тех реформ, которыми он сам к тому моменту довольно долго занимался (кстати, весьма небезуспешно). Нижегородские реформы считались, ну, если не образцовыми, то, как минимум, очень заметными в России. Поэтому пойти на прямое противостояние... Представьте себе, это ж не Америка была, где президент разрешает беженцам въехать в Соединенные Штаты, а губернатор за-

прещает им въезжать в свой штат. Там разделение властей в этом смысле тоже работает не первый век. Это же Россия. И сама практика, когда губернатор напрямую обращается к гражданам поставить свои подписи против того, что делает президент, — это было проявлением не только преданности своим идеалам, их доминированию над личными чувствами и над карьерой, это было новой политической практикой. И это означало, что для этого конкретного губернатора апелляция к избирателю и воля его избирателей гораздо важнее, чем встроенность в то, что позднее назвали «вертикалью власти». Это была не просто новая, но фундаментально иная политическая практика, которая пыталась появиться в России, но, к сожалению, не смогла.

А когда Борис Ефимович возглавил общественную комиссию по расследованию взрывов домов в Москве, это уже был открытый вызов тем, кто пришел на смену Ельцину в Кремле. Действительно, это была «точка невозврата». Это было объявление «политической войны», и они это восприняли абсолютно однозначно именно так. И неслучайно Путин сказал: «Это не я испортил с ним отношения, а он со мной». Для меня уже одно это было бы исчерпывающей характеристикой человека, а не только политика. Потому что стремление расследовать чудовищные преступления, теракты, в которых погибли сотни граждан России, он расценивает исключительно как порчу отношений лично с ним. На мой взгляд, он тем самым признает (разумеется, косвенно) свою ответственность за все случившееся. Потому что, казалось бы, ко всему этому при чем тут он. Ну, значит, при чем-то.

Из всех знакомых — а жизнь сложилась так, что у меня их было очень много, — в политике Борис, пожалуй, единственный, о ком, помимо прочих каких-то хороших слов, всегда можно сказать, что он просто хороший парень. Пусть на меня не обижаются все остальные, кто, может быть, тоже хотел бы так именоваться. Естественно, это не уникальная характеристика, но, как минимум, Боря соответствовал ей в наибольшей степени.

И что на меня производило, может быть, самое большое впечатление, несколько раз это было... Мы вспоминали, что он резко выступал против политики Ельцина на Кавказе в 1995-м, собрал более миллиона подписей против войны в Чечне, но при этом не

поссорился с Ельциным окончательно. Шероховатость, видимо, осталась, но не более того. Это объясняется не мягкостью Ельцина и не уступчивостью Немцова. Это объясняется тем, что он умел — это редчайший дар, я второго такого человека не знаю, — спорить абсолютно определенно, жестко, принципиально, но при этом не обижать человека и не ссориться с ним.

У нас с ним бывали очень резкие разговоры. Мы пару раз заканчивали на тех выражениях, которые я не могу повторить в эфире, расходились, кипя от негодования. И я не знаю больше ни одного человека, относительно которого я могу предположить, что спустя любое время — сутки, неделю, у меня не возникло бы сомнений в том, что после такого скандала я совершенно спокойно могу ему позвонить сам или с удовольствием увижу на экране мобильного его звонок и без малейших напрягов внутренних, негативных эмоций скажу: «Привет! Нормально. А у тебя?» Он даже ругаться умел так, чтобы не ссориться. Это какое-то внутреннее свойство, качество души — не обижать других и не обижаться самому.

Наш общий знакомый Григорий Алексеевич Явлинский. У них же очень сложная история отношений. Реформы в Нижнем Новгороде — это были реформы Немцова и Явлинского. Немцов был губернатором, и он тогда пригласил Явлинского (еще до всякого «Яблока»), чтобы составить, грубо говоря, план экономических реформ в Нижнем Новгороде и Нижегородской области. А впоследствии Немцов стал лидером наиболее конкурентной по отношению к «Яблоку» партии. Тем не менее у Явлинского — человека, разумеется, очень незаурядного, но не такого, как Борис, очень чувствительного к личным каким-то обстоятельствам, — я никогда не ощущал личной обиды на Бориса. Да, один человек в России нашелся, который на него обиделся.

Я впервые услышал про Немцова, что он с кем-то испортил отношения, от Путина. До этого я не встречал ни одного человека, с которым бы он нормально общался, а потом испортил отношения.

Я как-то уже привык к тому, что я его не встречаю больше — не встречаю в жизни, не переписываемся на Facebook, не говорим по Skype. Чувства того, что нет нигде его, у меня еще не сложилось, хотя уже почти год прошел. Меня не было в России тогда,

когда его убили. И когда я вернулся, у меня первое время было такое чувство: «Что-то Боря не звонит. Надо самому позвонить». И я дергался каждый раз. А потом привык, наверное, через полгода. И перестало это возникать уже. Очень сложно было, потому что он был одним из тех для меня немногих людей, кто совершенно естественным образом мог позвонить, предложить встретиться по совершенно неожиданным порой вопросам. А самое главное – просто так. Хотя не был человеком, которому было совсем нечего делать. Но, вместе с тем, для него лично было абсолютно естественно, если в течение дней десяти, двух недель не было никакого непосредственного повода для общения, обязательно позвонить просто так, чтобы узнать, как дела.

Подначивания с его стороны были постоянные. Я спортом занимался в молодости. И как большинство тех, кто когда-то им занимался серьезно, а потом перестал, нельзя сказать, что я поддерживал форму системным образом. А так как Боря-то как раз это делал, то он на это обращал внимание, видимо, в достаточно рефлекторном режиме. И стоило мне немножко заняться собой и сбросить 3–4 килограмма, как при ближайшей встрече он говорил: «О! Молодец! Продолжай в том же духе!» — и еще что-нибудь в этом роде. Стоило мне опять прекратить, как он обязательно делал замечание: «Что такое? Почему брюхо такое? Почему ты за собой не следишь? Чем ты занят? Сколько раз ты можешь подтянуться?» Я говорю: «Ну, не знаю, может быть, раз восемь». Он говорил: «Как это — восемь?!»

У меня не было причин над ним шутить в этом смысле, кроме, пожалуй, единственного раза где-то в самом начале 2000-х, когда он нырял в какую-то очередную прорубь, а мне потом журналист, который снимал этот сюжет, рассказывал, как он оценил качество воды, будучи не в кадре. И при следующей встрече я нашел момент и вставил ему словцо насчет того, что он раньше был более искренен со своими избирателями, с телезрителями и не пытался им «впаривать» то, что в кадре он говорил, что вода замечательная, а вне кадра характеризовал эту воду исключительно матом. Ну, посмеялись, повеселились...

Был ли азартным? Ну, азарт — слово многосмысленное в русском языке, имеющее, в том числе, и вполне негативную интер-

претацию. Поэтому азарт — в смысле «жажда борьбы», в смысле «воодушевление», «готовность выложиться без остатка», да, безусловно. Но это всегда был весёлый азарт. Боря не имел ничего общего с каким бы то ни было даже намеком на готовность применить любые средства. Я бы сказал, что у него была некая аура человеческой порядочности. Обратите внимание, единомышленники, и противники ни при жизни, ни после смерти (что тоже бывает не всегда, но более естественно и ожидаемо), никогда не обвиняли его, скажем, в подлости. Вот кого угодно — да, а его — нет.

Он умел ответить, особенно на несправедливые, разумеется, обвинения. Но ответить так, что не возникало ощущения, что Немцов влез в разборку, в перепалку, в скандал со взаимными обвинениями. Он отвечал исключительно по существу ситуации, как правило, по существу своей позиции и своих действий. Но никаких не то что переходов на личности, но и ответных обвинений в том, что «а ты сам еще хуже», у него никогда не бывало. Он был, как я уже сказал, хорошим парнем, веселым, легким человеком.

Он понимал, что его место в этой жизни таково, что незамеченным как друзьями, так и не друзьями он остаться не может. Причем не только место, но и сама природа личности. Ну, заметный очень был совсем с молодости, очень яркий, искрящийся, подсвеченный изнутри...

«Радио Свобода», 31 декабря 2015

В марте 1997 года Немцов перешел на работу в Москву и уехал из Нижнего. Когда он приехал в Москву, у него был колоссальный рейтинг, огромный потенциал. Но он не понравился нашим телевизионным олигархам — Березовскому и прежде всего Гусинскому. Гусинский считал, что ему не надо было приезжать, что это ошибка, и стал вести активную кампанию дискредитации Бориса. Он этого не скрывал, и это началось практически с марта.

Цеплялись за все. За белые штаны, например. Помните эту историю? Эпизод, не стоящий выведенного яйца. Но НТВ из этого сделало целое шоу и крутило без остановок целые сутки: какой дурак Немцов, приперся на протокольную встречу в белых штанах, павлин, и так далее. По существу, к нему придраться было не за что, и они цеплялись за такие вещи, которые содержательно никакого значения не имеют, а электорально и пиарно бьют по человеку серьезно.

Олигархи боялись силовиков и дружили по принципу «против кого дружите». Гусинский конкретно боялся Коржакова, который его ненавидел и старался извести. Но нас они своими союзниками или коллегами не считали. У Березовского и Гусинского до самого конца, пока Путин с ними не разобрался, была концепция, что правительство — это функция крупного капитала: что мы вам скажем, то вы и будете делать. Когда мы им говорили, что это ошибка и мы так не будем делать, они говорили, что если вы не будете, то мы вас уберем и поставим тех, кто будет. Гусинский мне прямо говорил, что скамейка запасных у них длинная и таких чубайсов, уж не говоря о кохах, найдется с десяток. Дедушка у нас в кармане, мы его контролируем, апелляции к дедушке абсолютно бессмысленны.

Когда Немцов переехал в Москву, он сначала жил у меня, где-то месяц. Он жил в комнате моей старшей дочери, а она переехала в комнату к младшей дочери. В обычном сталинском доме, без охраны, без консьержа; жена моя стирает ему трусы, носки и рубашки, и никаких проблем. А по вечерам мы ходили в соседний

ресторан и пили водку. Потом ему дали служебную дачу в Архангельском, и он жил на даче.

Год он прожил в Москве, а квартиру ему так и не дали. Приходит он как-то к Ельцину, а Ельцин его между делом спрашивает: «А вы где живете?» Боря говорит: «На даче». «А квартира?» — «А квартиры до сих пор нет». — «А что такое?» — «Лужков не прописывает». И тогда Ельцин снимает трубку, звонит Лужкову и говорит одну фразу: «Вот тут у меня Немцов сидит». С той стороны провода, видимо, отвечают: ну и что, ну и пусть сидит. И Ельцин говорит: «Вы, Юрий Михайлович, мелко работаете. Мелко». И положил трубку. На следующий день Немцова прописали.

Апрель 2003 года, я лежу, болею воспалением легких. Все плохо. Анализы говорят, что у меня туберкулез. Бросил курить от страха. И в этот момент нарисовывается Борис Ефимович. Приезжает ко мне на дачу. Начальником штаба СПС тогда был Ильдар Янбухтин, и он вдруг в самый патетический момент ушел в «Единую Россию». А Боря уже набрал большой бюджет, фандрайзинг у него был очень серьезный — Боря вообще был очень хорошим фандрайзером. И он позвал меня. А я до этого в жизни никогда никакими избирательными кампаниями не руководил, и у меня было очень поверхностное представление о том, как это делать. Но он очень меня уговаривал, и я согласился.

Кампания началась после майских праздников. Все у нас шло неплохо, и мы даже уговорили Чубайса включиться и войти в список под первым номером. Он же сначала не хотел. Было много шероховатостей, но в целом все шло нормально, мы должны были преодолеть пятипроцентный барьер. У нас была своя медийная программа, мы оплатили все эфиры и материалы. Все шло хорошо. И тут в конце октября арестовывают Ходорковского. С утра, когда арестовали Ходорковского, Чубайс приехал на работу в РАО («ЕЭС России», энергетический холдинг), а там уже сидел Сечин. Чубайс потом поехал на заседание РСПП, а там уже стояли камеры от Лесина и Добродеева. Лесин и Добродеев оба звонили Чубайсу, чтобы он высказался в поддержку Ходорковского. И когда заседание РСПП закончилось, все олигархи подтолкнули Чубайса: мол, иди скажи от нас про Ходорковского. И он, не успев ни со мной, ни с Борисом согласовать позицию, сказал то, что сказал:

власть должна ответить нам, зачем она это делает, на каком основании, немедленно выпустите, в таком духе.

Конечно, мы бы его поддержали. Хотя мы отдавали себе отчет, что это сильно скажется на наших электоральных результатах. Но что его вели к этой камере, мне кажется, очевидно.

На следующий день выступление Путина: «прекратите истерику». А после этого мне по очереди звонят сначала Лесин, министр печати, потом Эрнст, Кулиستиков и Добродеев — и все говорят, что все наши планы, все эфиры, все запланированные интервью, включая даже наше участие в «Что? Где? Когда?» и «Пока все дома» с Чубайсом, все это отменяется, ничего не будет. И это в самый ответственный момент избирательной кампании, когда надо закреплять рейтинг.

Мы смотрели на ситуацию достаточно прагматично. Мы видели тренд: люди поддержат того, кого поддержит Путин; прямая, открытая критика Путина ведет к потере рейтинга. Поэтому надо заявлять свою позицию, но так, чтобы она не смотрелась как фронда по отношению к действующему президенту. Потому что, объективно говоря, тогда Путин был на коне. И люди, в том числе и достаточно демократических убеждений, были скорее за Путина, чем за СПС. Путин, кстати, это понимал и категорически избегал ассоциаций с СПС (в отличие от выборов 1999 года). Нам было очень тяжело добиться его расположения, и мы его так и не добились, хотя были постоянные попытки организовать какую-нибудь встречу Чубайса с Путиным под камеру. Чубайс подгадал открытие какого-то очередного агрегата ГЭС в Сибири, Богучанской, кажется. Путин поехал ее открывать, но камеры стояли так, что Чубайс ни разу не попал с ним в один кадр.

Боря все время хотел отвязаться, но мы висели у него на руках, и он сам понимал, что не надо, не надо, не надо: если мы хотим добиться 5-процентного результата, нужно действовать в рамках этой странной зависимости от Путина, хотя между собой мы, конечно, прекрасно понимали, куда это все идет. А после ареста Ходорковского, когда мы поняли, что нас выдернули из розетки, мы пошли в отвязку. Мы поняли, что нам ничего не светит, и дали волю собственным чувствам. Как говорится, правду говорить легко и приятно. И Боря отвязался.

Пятипроцентный барьер мы не преодолели.

Мог бы Немцов быть президентом? В тот момент своей биографии, когда Немцов был ближе всего к этой цели, я думаю, он бы был плохим президентом. Он был молодым, неопытным, горячим, взрывным, слишком самонадеянным. Но когда он был дальше всего от этой цели, а именно в конце своей жизни, если бы он им стал, он был бы очень хорошим президентом. Так несправедливо устроена жизнь.

Я знаю людей, которые пережили еще большие падения, чем Немцов. Например, Горбачев. Например, Гайдар. Горбачев, по моему, очень достойно пережил. Гайдар как-то потерялся в конце, мне кажется, начал пить. Немцов пережил очень своеобразно. Он нашел свое новое воплощение. Стал уличным политиком. Его окружали люди совершенно другого поколения. Он был такой неунывающий молодой парень. Научился после пятидесяти плавать на доске с парусом [кайте]. Психологически, конечно, Боря был очень сильным человеком. Очень. Он никогда не отчаивался, всегда был весел. Нравился женщинам и знал, что нравится женщинам. У него всегда была масса увлечений. Он был очень самодостаточный человек. Карьера была для него не главной в жизни.

Боря был физически очень крепкий человек, один из самых сильных людей, которых я знал. У него было атлетическое телосложение, и он выдерживал очень серьезные физические нагрузки. Летом 2010 года мы вместе с ним и с Яшиным ходили на Эльбрус. Это непростое занятие, 5642 метра, по моему. Там кислородное голодание, и нужны серьезные волевые характеристики, чтобы туда подняться. И мы поднялись. Это дорогого стоит, особенно если учесть, что мы не профессиональные альпинисты. Это был первый наш опыт.

Я не дошел, и Боря без меня установил на вершине флаг «Россия без Путина». Точнее, развернул — устанавливать его там негде, для этого нужно было с собой древко тащить, а древка у нас с собой не было. Мы этот флаг сфотографировали — оранжевый флаг «Солидарности».

Там был, кстати, смешной эпизод. Мы вернулись из штурмового лагеря вниз, в базовый лагерь, а туда как раз на подъем пришла какая-то кислородская группа альпинистов, которую спонсиро-

вало местное отделение «Единой России». И они шли на вершину Эльбруса, чтобы водрузить там флаг «Единой России». Мы сели с ними вечером за ужином. Они спрашивали нас о трудностях маршрута, мы рассказывали о своих переживаниях. Обычная такая альпинистская болтовня. И мы поняли, что это реально профессиональные ребята, которые занимаются альпинизмом. Их просто наняли для того, чтобы они там установили флаг. И никакого отношения к «Единой России» они не имели — им дай флаг «Солидарности» или КПРФ, они и его поставят. Они любят подниматься в горы, и им нужно было, чтобы кто-то профинансировал их экспедицию: купил билеты, провиант и так далее. Им это все профинансировали, и они потащили этот флаг. Оказались абсолютно нормальные ребята. Фотографировались с нами; в общем, было такое братание двух партийных делегаций. Только мы были не профессионалы и шли не по найму.

Последние несколько месяцев перед смертью Боря все время говорил о том, что атмосфера очень плохая и ему страшно. Он даже в Израиль уехал и пытался осесть там. Он боялся, что его посадят. Было сочетание нескольких факторов. Он сказал эту знаменитую фразу, что «Путин — ***». Это пошло по интернету. Депутаты стали писать в Генеральную прокуратуру просьбы возбудить уголовное дело. И, по мнению Бориса и его адвоката Вадима Прохорова, там состав был точная уголовка: оскорбление с конкретной перспективой тюрьмы. Комар носа не подточит: вот видеозапись, вот оскорбление, двух мнений быть не может. Реально можно было посадить, это не мифические деньги «Кировлеса», которые украл Навальный. И он уехал в Израиль. А потом сорвался — после того, как Ксения Собчак написала в твиттере, что Немцов эмигрировал и уже не вернется. Я просто лично знаю, как Борис на это отреагировал. Он все бросил и поехал в Москву.

М. Фишман, главный редактор The Moscow Times
<https://slon.ru/special/nemtsov/kokh>

Я увидел Боря впервые осенью 1994 года. В Вашингтоне открывалось российское посольство, и туда поехал Борис Николаевич Ельцин вместе со своей командой. Мы с Потаниным тоже поехали. Я это хорошо помню, тогда в посольстве был и Клинтон, и другие представители американской элиты. И вот стоит Боря Немцов — в черном костюме и в белых носках. Это первый образ, который я помню. Веселый, молодой, энергичный — как и всегда. Но зачем белые носки? Я сразу обратил на них внимание, потому что, когда я учился в финансовом институте, учительница английского говорила нам: никогда, даже под джинсы, не надевайте белые носки. Носки должны быть под тон брюк. И для меня это стало таким абсурдным правилом. И довольно странно было увидеть такого яркого человека, но в черном костюме и с белыми спортивными носками.

В 1998 году, когда он ушел со всех постов, он приехал ко мне в [подмосковную базу отдыха] Лужки. И в Лужках мы стали общаться через спорт. Вместе встречались в спортзале, и потом выяснилось, что у нас одна и та же страсть — водные виды спорта. Он больше любил виндсерфинг. А я больше любил аквабайки. Но тем не менее это можно было совместить. И мы потихонечку стали вместе выезжать.

В Лужках жизнь была устроена так. Если это были выходные, то я сначала точно шел в спортзал, на разминку. Потом попить чайку, и у нас начинался футбол. Два часа играли в футбол. В футбол Боря не играл. Потом ехали кататься на Истринское водохранилище. Я катался на аквабайке, а он точил технику виндсерфинга: там немножко дуло, такая труба, удобно. Я тоже люблю виндсерфинг, но не так, как Боря. И вот так потихонечку в процессе мы и сдружились. Зимой, у кого были лыжи, можно было на лыжах, там есть небольшая трасса, я катался на одной ноге, чтобы какая-то нагрузка была. Могли в гости поехать, могли чай пойти пить, обычная мишпуха, ничего особенного, но все, конечно, построено вокруг спорта. Или собирались все в маленьком, по нынешним меркам, зачуханном ресторанчике и общались там. Там была

очень хорошая, очень веселая атмосфера. Ну и, конечно, есть у нас еще одна общая страсть — девушки. Здесь мы конкурентами не были, а скорее обсуждали, кто из нас больше любвеобилен.

Было еще одно очень интересное место — Казантип. Это было отдельное государство со своим уставом, со своей границей, со своими визами. Там была идеология полной свободы. Приезжали до 25 тысяч человек одновременно, и это были люди, которые просто радуются жизни. Я ездил лет десять подряд и ни разу не видел драк или чего-либо подобного. Ну, как обычно, завистники прилепили к бренду, что там наркотики. Но мне кажется, количество наркоманов на Казантипе такое же примерно, как на Тверской. Вопрос же не в том, какое место, вопрос в том, какие люди. Там очень интересная музыкальная культура, а мы заодно развили спортивную часть: море, опять же виндсерфинг, аквабайки. Девушки тоже присутствовали. Так что на три, на четыре дня приехать на Казантип было очень прикольно.

Жили мы в частном доме, примерно так же, как когда студентами ездили. Кухня была очень вкусная — котлетки там, драники, домашние пельмени, вареники с вишней. Нам очень нравились вареники с вишней. Это был полный кайф: живешь в частном доме, регулярно вылетает движок, и у тебя кондиционер не работает, а если электричества нет, то и воды нет. Идешь во двор, как раньше, обмываешься там водой. Удобства в номере, но у меня, правда, одна нога не помещалась, когда я садился, мне приходилось одну ногу выкидывать в открытую дверь. Все это очень естественно происходило, очень по-человечески, и оттого здорово. Куча веселых нестандартных людей, одеты смешно. И Борис Ефимович ездил со мной, не каждый раз, но ездил. Ходил на дискотеки. Там, конечно, многие узнают, но никто не липнет. Могут подойти к Боре, сфотографироваться. Ему там сильно нравилось.

Я иногда ему говорил: «Борь, ты что видишь, о том поешь. То есть какой ты политик? Политик — это человек, который в некотором смысле говорит то, что от него хотят услышать. И это тоже форма профессионализма. А ты — борец за права человека». Я его по-дружески, в шутку называл борцом за права человека. Политика — это искусство возможного, компромиссы. А ты, говорил я ему, человек бескомпромиссный. Потому что, если ты в чем-то

убежден в эту конкретную минуту, с тобой договориться невозможно ни о чем. А он мне говорил: «Ты ничего в этом не понимаешь, чего ты ко мне лезешь?» И мы договорились, что никогда политику не обсуждаем.

Когда я занялся политикой, мы с Немцовым продолжили нашу традицию: не обсуждать политику друг с другом. И я ему сказал: «Борь, если ты хочешь что-то сказать про меня, а я — про тебя, то мы это оставляем за рамками». Как только в личные отношения влезают профессия или политика, жди беды. Близкие люди становятся гораздо более бескомпромиссными, чем если дискуссия идет между малознакомыми людьми. Поэтому пусть политика остается за порогом. У нас с Борей это замечательно получалось. Каждый мог не соглашаться, и он меня часто критиковал, но на наши отношения это никак не влияло. По-моему, это абсолютно нормально.

Когда я вышел из партии, он позвонил и сказал: «Круто». Все. Этого было достаточно. «Это круто!» Мы с ним наш опыт не обсуждали. У каждого мальчика есть свой выбор. Давать советы Боре было абсолютно бессмысленно. Как, впрочем, и мне. Мы с ним договорились, что мы оба умные и как-нибудь сами разберемся со своим собственным поведением и своими собственными взглядами. Конечно, это ужасно — то, что с ним делали. Но в некотором смысле он точно знал, на что он шел.

Он настолько любил жизнь, что события, которые могли бы выбить из колеи другого человека, — это не про Боря. Он радовался каждому дню. Он был очень уверенный в себе человек. И в этом была его притягательная сила. Мне даже сложно слово «был» употреблять. У меня вот ощущение, что он просто уехал кататься на серфе, а я не поехал, и он сейчас вернется, загорелый, красивый, и мы увидимся.

М. Фишман, главный редактор The Moscow Times
<https://slon.ru/special/nemtsov/prohorov>

Мы познакомились году в 1993-1994-м, и, как говорится, не по самому приятному поводу. В ходе приватизации наш чековый фонд «Альфа-капитал» приобрел в том числе и несколько пакетов акций компаний, которые находились в Нижегородской области. И неожиданно с этим процессом возникли определенные трудности: руководству области не нравилось, что «Альфа-капитал» активно участвует в чековых аукционах и получает значительные пакеты. Потому что у руководства области были какие-то другие планы — то ли продать эти пакеты каким-то стратегическим инвесторам, то ли еще что-то. Это казалось несколько странным, потому что у Немцова, на тот момент губернатора, все-таки была репутация либерала, рыночника, в общем, приверженца правил, норм, здоровых подходов к приватизации и вообще к деятельности бизнеса на территории области. Но наше участие ему почему-то не нравилось: то ли директора этих заводов что-то ему транслировали про нас, то ли еще что-то. И в обществе тогда было распространено мнение, что это спекулянты, скупающие активы за бесценок. Наверное, Немцов на это тоже реагировал. В общем, возникли некоторые препятствия со стороны, условно говоря, представителей администрации в осуществлении наших прав как акционеров.

Среди прочих там был важный объект — нефтеперерабатывающий завод в городе, если я не ошибаюсь, Кстово, который тогда назывался НОРСИ. Мы поставляли туда нефть для переработки, была идея создать финансово-промышленную группу, и по всем этим вопросам нам была нужна поддержка или как минимум непротивление со стороны администрации. До этого мы, может быть, виделись с Немцовым на светских мероприятиях, но не более. А тут мы созвонились — кажется, Петр [Авен] просил о встрече, и он нам назначил на какое-то время утром, не помню, ну, часов на 11 утра. И мы полетели к нему с Петром Авеном и Германом Ханом. Была либо поздняя осень, либо зима: снег, ужасно плохая погода. Мы должны были прилететь на самолете, но самолет за-

держался из-за нелетной погоды: в те времена самолеты были к погоде более чувствительны.

Мы страшно нервничали, потому что мы люди очень дисциплинированные, организованные и пунктуальные: все-таки губернатор нам назначил встречу, мы летим в этот Нижний Новгород. Неприятная ситуация. Мы звонили в приемную, все объяснили: вот, объективные обстоятельства. Но все равно опоздали — не так уж сильно, часа, наверное, на полтора. Сели на машины, примчались в кремль этот нижегородский. Ну и, естественно, у него уже другая встреча. Как обычно, журналисты — любил он это дело — и какая-то огромная группа людей. Из-за дверей слышен его голос, зычный такой, а мы сидим втроем в приемной — в нервном напряжении. Понятно, ждем. Понятно, сами виноваты, что опоздали. И где-то еще через час говорят: губернатор готов вас принять.

А надо сказать, что НОРСИ в то время находился в плачевном финансовом состоянии: система поставок сырой нефти на нефтеперерабатывающее предприятие распалась, а новая консолидированная вертикальная компания еще не сформировалась; как всегда, колебалась конъюнктура — в общем, у НОРСИ были серьезные проблемы, полу- или предбанкротное состояние. Ну, значит, входим мы наконец в кабинет с виноватым видом. Боря долго наши извинения принимать не стал и сразу приступил к делу. Приступил приблизительно таким образом: «Так, ну вы чего приехали? Что, хотите украсть у меня завод?» Только в еще более вольной форме. «Значит так, украсть ничего не получится. Пятьсот миллионов долларов, и можете забирать этот завод к чертовой матери. Ясно? Вопросы еще есть?» Это, так сказать, вместо «здрасьте». Мы такие: «Ну вы там как-то, Борис Ефимович, знаете, вот так сказать, там то-се». Такой робкий лепет... Он: «Вы чего, не поняли? Я вам сказал: украсть ничего не получится. Пятьсот миллионов долларов на бочку, и все, до свидания. Забирайте завод. Так, у меня времени нет. Прием окончен».

Я был в шоке. Я все понимал про то, как устроена жизнь в нашей стране, но у Бори Немцова был экранный образ такого романтического, образованного, яркого, интеллигентного человека, физик опять-таки, да? И тирада, которую он выдал — в лучших традициях советского менеджмента, — она, конечно, произвела

на меня сильное впечатление. Не самое лучшее. Я был неприятно поражен. Про остальное разговор даже не зашел; и после этого разговора то, что у нас возникли трудности с акционерными правами на каких-то предприятиях Нижегородской области, у меня уже большого удивления не вызывало. Я уже понимал, что это нормально. Так мы и познакомились.

Буквально через пару месяцев — максимум через шесть — мы хотели снова вернуться к этому разговору: то ли по поводу НОР-СИ, то ли по поводу других предприятий, уже не помню. У нас там было много инвестиций: и Борский стекольный завод, и Нижегородский масложировой комбинат. В общем, было много разных тем для общения с руководством региона. Я был в приятельских отношениях с Юликом Гусманом (и сейчас тоже, хотя мы не часто видимся). А его Дом кино был в то время рассадником демократических вольностей, и я увидел в расписании выступлений какую-то то ли лекцию, то ли встречу Немцова с демократической общественностью. Это, наверное, уже 1995 год. И говорю Гусману: «Слушай, а ты хорошо Немцова знаешь?» Он говорит: «Да, я его прекрасно знаю. Замечательный парень, вот такой мужик классный, абсолютно правильный, честный, порядочный». Я говорю: «Слушай, у нас с ним какие-то бесконечные трудности, можешь с ним поговорить?» — «Да что там говорить? Давай приезжай. Он будет выступать, а после выступления я его приведу в кабинет и скажу, что ты помогаешь премии „Ника“». А мы им как-то помогали тогда. Я говорю: «Ну хорошо, конечно, подъеду».

Подъезжаю. Выступает Борис Ефимович, шквал аплодисментов: он вызывал большую любовь у аудитории — держался всегда свободно, говорил хорошо, ярко. Симпатичный парень, молодой тогда, красивый, обаятельный. Особенно, естественно, женщины позитивно реагировали. Хотя и мужчины тоже были, так сказать, очарованы. Заканчивается выступление, Борис Ефимович заходит в кабинет к Гусману. Гусман говорит: «Вот, Борь, Боренька, познакомься, это Миша». Он говорит: «Ну, мы уже знакомы». И скривил такую физиономию недовольную: типа, что это, рояль в кустах? Тут я его понимаю. И опять: «Да, я его знаю, это они, спекулянты...». И повторяется примерно предыдущая сцена, правда,

без вот этого: «Проваливайте к чертовой матери». Но тоже на полуповышенных тонах.

Уж не знаю, кто его против нас настраивал. Там, в Нижнем, своя местная жизнь, и, конечно, он общался там с директорами, а красные директора про москвичей говорили, что они ничего не делают — захватывают предприятия, скупают акции, а это считалось чуть ли не преступлением, во всяком случае чем-то неблагоприятным. Объяснить, что скупать акции — это законное право обладателей финансовых ресурсов, было трудно. В общем, опять мы поговорили нехорошо, хотя и поспокойнее, чем в первый раз. Не очень доверительная беседа вышла. Вот и все. А потом мы уже с ним начали видаться.

Это было в начале 1997 года, буквально за неделю до его назначения на пост вице-премьера. По каким-то причинам мы с моим коллегой Германом Ханом полетели в Нижний Новгород — опять что-то вокруг НОРСИ и переработки нефти. Отношения у нас уже были по-человечески даже дружеские: по стилю общения Немцов был очень демократичным, а по возрасту и ментальности мы были достаточно близки.

И вот мы приехали; а идея, что его могут назначить в правительство, уже активно барражировала в пространстве, обсуждалась как версия. Он был молодой, перспективный, Ельцин явно очень ему благоволил, смотрелся на общем фоне очень хорошо — красивый, высокий, сильный человек, и опять же демократических либеральных убеждений. В общем, был устойчивый слух, что его собираются позвать на помощь Чубайсу, который тогда был главой администрации. И было понятно, что ситуация в правительстве не самая хорошая.

Мы сидели, обсуждали дела (мы от политики далеки, как организация активно в нее не вторгались), а под конец уже, так сказать, в разделе «разное», я его спрашиваю: «А что, это правда, что ты собираешься?» А он говорит, что нет, это все слухи и т.д. Я говорю: «Знаешь, тебе, конечно, виднее, но мне не кажется, что это интересная идея — не первым лицом тебе идти в Москву. Потому что ты (наверное, мы тогда были еще на „вы“, уже не помню) популярный губернатор, и это, мне кажется, очень рискованный

шаг». Одно дело быть первым в провинции, другое — вторым в Риме, да? Известная такая коллизия.

Он все это выслушивает и говорит: «Да, полностью согласен, это все слухи, в Москву совершенно не собираюсь, прекрасно понимаю, что здесь у меня есть своя площадка. Я самостоятельный человек, избранный губернатор, у меня большая поддержка, провожу реформы. У меня здесь прекрасные возможности демонстрировать результаты и потенциал». Все это он мне очень уверенно рассказал. И все — мы собрались и улетели.

Я прилетел в Москву, в Москве разговоры, кого куда назначат, какие перестановки. Я говорю: «Немцова не назначат точно. Сто процентов. Он совершенно четко, ясно мне излагал, почему это неразумно и что он не пойдет». Проходит дня три. И знаменитая сцена по телевизору: Борис Николаевич, Анатолий Борисович и Немцов; Борис Николаевич говорит: «Вот, я принял решение назначить вас первым заместителем главы, значит, правительства и вторым, первым... Немцова Бориса Ефимовича». Чубайс: «Это сильное решение, здорово». Пауза, 32 такта. Полное дежавю. Странно. Буквально три дня назад он мне так уверенно объяснял, что точно не пойдет.

Потом, когда его назначили, он приехал, мы с ним встретились. Тогда мы как раз стали теснее общаться, уже в Москве. Я приехал к нему на дачу в Архангельское. Он только что переехал, и дача была еще нежилая, жена еще не приехала, в холодильнике было пусто.

Помню, что была большая бутылка текилы, подаренная ему какой-то делегацией, которую мы, как говорится, и оприходовали. И говорю: «Боря, вот объясни мне, как так получилось? В чем была идея? Ты же мне сам с таким жаром рассказывал, что это абсолютно бессмысленный поступок». И в этом, конечно, был весь Боря. Он мне говорит: «Ну ты понимаешь, приехала Таня [Дьяченко]. Она пришла ко мне в кабинет. Расплакалась. Стала говорить, что папе очень тяжело, что папа нуждается в помощи, что он плохо себя чувствует, что без опоры на надежных и порядочных людей он не справится. И что я мог сделать? Я не мог ей отказать. Мне так ее жалко стало».

И сейчас я думаю, что на эту историю можно смотреть с разных сторон. У него был потенциал политического роста, большой карьеры. И, судя по нашему предыдущему разговору, он хорошо понимал, чем рискует. Но эти человеческие моменты в нем всегда побеждали. Для политика это, наверное, неправильно. А для человека, тем более для друга, это замечательно.

Он не был конъюнктурщиком — занимался тем, чем считал правильным. Я был, наверное, одним из самых близких его друзей. И я прекрасно понимал, что строить с ним взаимоотношения в бизнесе абсолютно бесперспективно, потому что он точно продолжит свою политическую линию. Мы тогда общались очень много и очень часто. И я ему сказал откровенно: «Борь, смотри, ты, безусловно, будешь заниматься политикой. Я знаю тебя, ты не сможешь промолчать. Ты точно будешь высказывать свою точку зрения. Не важно, согласен ты со мной или не согласен, я не вправе влиять на твои оценки, но это точно будет наносить ущерб моей работе. Я себе это позволить не могу. Надо смотреть реалиям в глаза». Я всегда это делаю и считаю, что это правильно. Боря всегда хорошо и честно реагировал. Он понимал, что это так. Я не верил, что он может себя поменять. Это было predetermined, что он поедет на Майдан, что будет давать самые жесткие комментарии. Это было понятно изначально, и поменять он себя не мог. Это был бы уже не Боря. Как говорил Наполеон: если бы я умел заключать перемирия, то это был бы не я, а мой внук. Это про Немцова. Он в этом отношении был не гибкий человек. И я открыто ему сказал, что по бизнесу вряд ли могу быть ему полезен. И даже тени обиды у него не было.

Он пытался заниматься бизнесом после работы в Думе. Эти попытки закончились печальным образом. Не знаю, что было первопричиной, но думаю, что то, что Немцов активно участвовал в этом бизнесе, тоже повлияло на то, что у этого бизнеса начались серьезные проблемы. Хотя и в самом бизнесе было много изъянов, безусловно. Но уверен, что Немцов былотягчающим фактором.

Примерно с 2005 года я с ним встречался крайне редко. Вполне осознанно. И меня это сильно задевает — и эмоционально, и морально. Укоряю самого себя, хотя я сделал это совершенно от-

крыто. Я совершенно четко понимал, что если продолжу общаться с ним в прежнем режиме после того, как он встал уже в явную и жесткую оппозицию к власти, то уже не смогу никого убедить, что я не веду политическую игру, не поддерживаю его финансово — сколько бы я ни клялся на любой святой книге, что я просто дружу с ним как с человеком, люблю вместе с ним в ресторан ходить, мне в его компании интересно и весело, красивые девушки и так далее. Никто бы в это никогда не поверил, и все бы считали, что за его политической позицией стою я, что совершенно не соответствовало действительности. От политики я стараюсь держаться подальше. И если уж откровенно говорить, далеко не со всем, что он говорил, я был согласен — вернее, в основном как раз таки был и не согласен. Ну, это уже мое личное дело, но я понимал, что мое с ним общение становится, я бы сказал, токсичным для моего бизнеса, для моих партнеров, коллег, сотрудников. Пойти на такой риск я не мог. И это, к сожалению, привело к тому, что с человеком, которого я считал и считаю умным, порядочным, честным, интересным и своим другом, я был вынужден провести меньше времени, чем мог, не понимая, не предполагая, что так мало времени ему отпущено в жизни. И я очень горько сожалею, что так произошло. С рациональной точки зрения это был правильный поступок; во мне в отличие от Бори рациональные соображения берут верх над эмоциями, но я буду жалеть об этом до конца жизни. Не так много я встречал людей, которые мне близки в жизни.

М. Фишман, главный редактор The Moscow Times
<https://slon.ru/special/nemtsov/fridman>

«ПЯТЬ ДРУЗЕЙ НЕМЦОВА». Илья Яшин

Изначально у меня к Немцову было довольно скептическое отношение. Я был тогда такой юный максималист. «Яблоко» и СПС исторически противостояли друг другу: Немцов был лидером СПС, а я состоял в «Яблоке». Но потом у меня в «Яблоке» начались проблемы.

Мы познакомились году в 2007–2008-м. Немцов был, кажется, единственным человеком, у которого в XXI веке на телефоне стоял антиопределитель номера, то есть всегда было понятно: если номер не определяется, значит, Немцов звонит. И вот не определяется номер на телефоне: «Илья, алло, это Немцов. А что там у тебя в „Яблоке“? Тебя правда собираются исключить? А что там происходит у тебя? Расскажи. А чем тебе помочь?» И меня это, честно говоря, поразило. Абсолютно незнакомый человек спрашивает, чем тебе помочь, — и не кто-нибудь, а человек, который воспринимается как крупная фигура, которого все знают и во власти, и в оппозиции.

Немцов так относился абсолютно ко всем. Ему ничего не стоило взять телефон и позвонить там активисту, например, в Краснодар, в Коми и спросить, как у него дела. «Вот я прочитал в твиттере, что на тебя там идет давление, чем тебе помочь?» И это был не праздный интерес — он действительно помогал. Он мог помочь деньгами, мог нанять адвоката, мог оказать какую-то другую поддержку — позвонить, узнать и т.п.

После этого мы вместе с ним оказались в движении «Солидарность», это была попытка создать коалиционное движение. Как правило, у человека, достигшего определенного политического уровня, особенно если он занимал государственные посты, возникает ощущение собственной важности, и он ведет себя немного как небожитель. Немцов был человек очень известный, занимал высочайшие посты. Но при этом был абсолютно демократичным человеком в общении. Мне это очень нравилось. Примерно таким я себе представляю лидера демократической оппозиции: открытого, способного позвонить кому угодно, общаться со всеми, со

здоровой самоиронией. Немцов таким и был, и мы с ним быстро нашли общий язык.

Мы были очень близки по темпераменту. Его ничего не стоило увлечь идеей, которая, казалось бы, ему не по статусу. Он и меня иногда втягивал в авантюры. Например, потащил вместе с ним нырять в прорубь. Мы с ним дважды ныряли вместе в прорубь посреди зимы. Кто бы мне рассказал, что я буду нырять в прорубь, никогда бы я не поверил. Для него это была очень важная традиция — не религиозная даже, а дань памяти погибшему товарищу: в свое время у него погиб друг в Нижнем Новгороде, вместе с которым он впервые нырял в прорубь. А теперь я буду нырять в прорубь в память о моем погибшем товарище.

Что такое сейчас 15 суток? Да ничего. На курорт съездил на 15 суток, вернулся. Людям по десять лет дают. Тогда, в 2007–2008 годах, арест активиста на 10–15 суток воспринимался как нечто из ряда вон выходящее. Это были более вегетарианские времена: уже били на оппозиционных акциях, уже возбуждали уголовные дела, но тогда казалось, что всегда есть возможность выкрутиться. Многие были воодушевлены, когда Владимир Путин уступил свой пост Дмитрию Медведеву, возникла иллюзия, что теперь начнутся какие-то реформы, перестройка. У нас никогда таких иллюзий не было, и к нам относились соответствующим образом: били, арестовывали, травили. Когда ты не пытаешься встроиться в систему, а открыто и честно выступаешь против, за что-то принципиально новое, то с тобой и борются соответствующим образом.

Немцов мог легко встроиться, найти общий язык. Он знал всех этих людей, которые принимают решения, умел договориться, найти компромисс. Но лично для себя он даже не пытался это делать. Контакты с представителями власти у него были только по одной теме — когда нужно было кого-то вытащить из-за решетки. Тогда он был готов был идти на кулуарный, непубличный контакт. Это было для меня совсем в новинку. В эпоху противостояния «Яблока» и СПС я привык, что и те и другие ходили в Кремль, и каждый пытался друг друга перехитрить, то есть арбитром всегда был дяденька в Кремле. Немцов на моей памяти, за то время, что мы с ним были знакомы, никогда в эти игры не играл.

Например, он договорился об освобождении Мохнаткина. Мохнаткин — оппозиционный активист, его скрутили на Триумфальной, обвинили в том, что он там избил какого-то милиционера, и отправили за решетку. Он состоял у нас в «Солидарности», и мы, конечно, переживали за его судьбу. И в какой-то момент Немцов мне сказал, что хочет встретиться с Медведевым, потому что Медведев может его амнистировать. По каким-то своим каналам договорился, встретился. Это, естественно, никак не освещалось в прессе. И Медведев действительно его амнистировал. Это мало кто знал, мы об этом публично не говорили, но это факт. Сейчас Мохнаткин снова сидит, уже по другому уголовному делу, но тогда Немцов его вытащил. И что важно, это не был торг: мол, вы отпустите Мохнаткина, а я за это что-то буду делать или, наоборот, не буду. Нет. Он пришел к Медведеву, они по-человечески поговорили, и потом Медведев подписал указ об амнистии.

В 2010 году 31 декабря мы в очередной раз вышли на Триумфальную площадь. Поначалу все было относительно мирно. Полиция вела себя относительно спокойно. Складывалось ощущение, что противостояния никто не хочет. И когда мы двинулись к нашим машинам, припаркованным неподалеку, нас неожиданно скрутили, довольно грубо заперли в автозаки и увезли, причем в разные отделения. У меня все было довольно травоядно. Мне освободили специальную камеру. В честь Нового года сотрудники полиции налили мне чай, даже кусок торта принесли. В общем, относились очень дружелюбно. С Немцовым была противоположная история. Его закрыли в одиночной камере без окон. В отличие от меня ему не дали даже постельного белья. Над ним прямо-таки издевались. И когда мы через два дня — потому что суд не работал — встретились с ним в суде, он, конечно, выглядел не очень: был бледный, явно уставший, у него болела спина, потому что две ночи он был вынужден спать на каменном полу. И стало понятно, что мы постепенно переходим к новому этапу противостояния. Потому что до этого момента никому в голову не могло прийти, что человека уровня Немцова могут просто взять и закрыть на 15 суток за то, что он вышел на Триумфальную площадь, чтобы просто выразить свой протест. Человек вышел на площадь, и его могут закрыть на 15 суток, — притом что Путин у

него в свое время был подчиненным: Немцов был первым вице-премьером, его начальником. Казалось, что этот набор факторов делает невозможным такое давление на человека уровня Немцова. Тем не менее это случилось.

Нас посадили в соседние камеры в спецприемнике на Симферопольском бульваре. Там был прогулочный дворик, и нас по очереди выводили. Но оба наших окна выходили в этот дворик, и мы могли через решетку переговариваться. Иногда мы встречались на лестничной клетке, перекидывались парой фраз, когда его камера уходила с обеда из столовой, а мы шли в столовую на обед.

Что такое камера спецприемника? Это небольшое помещение с двухъярусными кроватями. Человек примерно на двадцать. Могут на соседнюю шконку какого-нибудь наркомана посадить или бездомного. Все курят рядом с тобой, стоит сигаретный смог. Сквозняк. В углу — туалет, такая вонючая дырка в полу, отгороженная простыней. Как будто в провинциальный общественный туалет поставили кровати — это и есть камера спецприемника. Тараканы бегают постоянно. Это тяжело и психологически, и физически. К этому нужно морально готовиться. И нужно понимать, что Немцов, конечно, был морально не готов совершенно. Ему в голову не могло прийти, что его могут закрыть на 15 суток.

Бывали примеры, когда оппозиционных лидеров сажали и они после этого вообще не выходили на протестные акции; у меня уже был опыт арестов, и я, конечно, переживал, побаивался, что они могут его надломить. Это было бы очень плохо: кто бы остался? Немцов был символом: крупная фигура, вместе с рядовыми активистами идет — в переносном смысле — на баррикады, не боится несанкционированных актов протеста, не боится ментов и т.д. Но я тогда еще плохо знал Немцова.

Через несколько дней к нему на соседнюю кровать посадили парня с туберкулезом. Этот туберкулезник кашлял рядом ним на протяжении половины его ареста. Немцов потом ездил, проверялся, но, слава богу, у него иммунитет был крепкий, не заразился. Я не верю, что это была случайность. У всех сложилось ощущение, что это было сознательное психологическое давление. Когда Немцов вышел, была просто драка: пришли нашисты с какими-то

там плакатами, пришли активисты оппозиции, было физическое противостояние. Все это было очень тяжело. И он не сломался.

Это был не последний его арест. И потом на него давили еще сильнее. И унитаза сбрасывали на его автомобиль, и сыну угрожали, но он не сломался. Этим, конечно, Немцов меня завоевал. Он проявил себя как отважный человек. Стало понятно, что он никуда не уедет, не спрячется, будет идти до конца.

Когда началось «болотное дело», ко всем приходили с обысками, всех вызывали на допросы, и казалось, что всех нас тут и пересаживают. Конечно, все рефлексировали, и многие думали о том, чтобы уехать или как-то сбавить свою активность. Немцов, конечно, тоже об этом думал. И тогда он тоже не сломался. К нему приходили домой, в квартире был обыск. Много раз его вызывали на допросы. Было давление. Но он и тогда не сломался. Да, у него были разные мысли. Да, мы обсуждали разные варианты развития событий, но он не уехал. Он делал все то же самое, что и до «болотного дела»: публиковал те же доклады, выходил на те же митинги. Его риторика не изменилась, а стала еще жестче после украинских событий. Он умел держать удар. Конечно, он не хотел в тюрьму. Он считал, что, если его посадят в тюрьму, он там умрет. У него были некоторые проблемы со здоровьем. И он всегда говорил, что если его посадят на 5–10 лет, то он не сможет, как Ходорковский, ему здоровья не хватит, его там убьют. И тем не менее он остался.

*М. Фишман, главный редактор The Moscow Times
<https://slon.ru/special/nemtsov/yashin>*

Это было в 1994 году. Я был мэром Самары, и однажды один профессиональный теннисист, который тогда жил в Самаре, привез мне приглашение от Бориса Немцова на турнир в Нижнем Новгороде. Я с удовольствием откликнулся: я не был мастеровитым теннисистом, но мне было интересно поучаствовать в турнире, который организует Борис. Я поехал в Нижний, там мы и познакомились. В турнире участвовали и министр обороны Павел Грачев, и Гена Меликян, министр труда, и Геннадий Бурбулис, и Юлий Гусман, и другие.

Но дело не только в теннисе. Все самое передовое в региональном хозяйствовании, в региональной политике — все это было в Нижнем Новгороде. Это и Нижегородская ярмарка, и первая региональная биржа, которую Боря организовал, и первый выпуск займа тоже его рук дело. По-моему, даже евробонды были в то время им организованы. Правительство очень внимательно следило за этим. Виктор Степанович Черномырдин не один раз был в Нижнем Новгороде. И так далее — до момента, пока Борис Николаевич прямо не указал на Немцова.

Мы смотрели на Нижегородскую область как на передовика. Была ли она богатой? Думаю, что нет. Борис, безусловно, придавал этому городу, насколько это было возможно, европейский лоск. Он организовал кафе — тогда это было очень странно — на улице, прямо у здания администрации. С зонтиками, расписанными, уж не помню, то ли «Пепси», то ли «Кока-колой». Появилась пешеходная улица. Нижний Новгород при Немцове — это было модное место, место, на которое хотелось ориентироваться, повторять за ним. Это было видно по частоте поездок послов крупнейших государств в России. У них нух очень профессиональный и очень точный, они уловили, где и как знакомиться с будущим России. И Маргарет Тэтчер там побывала в ту пору.

Помню такой любопытный эпизод, связанный опять, как ни странно, с теннисом. В Нижнем Новгороде был День города. Я тоже был приглашен. И оказалось, что там планируется парная встреча: Лужков против Немцова. Немцов взял в партнеры меня,

а у Лужкова партнером был Евгений Пантелеев, министр промышленности Москвы, профессиональный теннисист, глава Московской федерации тенниса. Лужков в теннис играть не умел, даже на фоне Бориса, который тоже не был профессиональным теннисистом, но играл хорошо. И меня поразило, насколько для Бори был важен результат. Он просто не мог воспринимать это как игру — ему очень важно было победить Лужкова. Когда я все-таки старался играть на сильного игрока, чтобы игра была интересной, на этого Евгения Пантелеева, Боря мне на ухо рычал: «Играй на Лужкова». Я думаю, что уже тогда он чувствовал конкуренцию между ними. И Боря хотел быть лучше. Боря хотел быть выше Лужкова.

Когда действия Бориса затронули кровные бизнес-интересы Березовского, то оказалось, что те люди, которые его уговаривали прийти в правительство, выбрали сторону как раз Березовского. И в этом был проигрыш Бори. Потеряв союзника в лице президента, невозможно было сделать ничего. Мне кажется, Борис Николаевич пожертвовал Немцовым, чтобы обезопасить собственную власть. Он в этом смысле оказался политиком гораздо более рациональным, прагматичным и успешным, чем Борис Ефимович.

Для Чубайса и Немцова, людей, работавших тогда в правительстве, важен был принцип. Я не идеализирую их, но были некоторые вещи, которые их сильно отличают от нынешних правителей. У них был определенный предел упругости. Они дальше не могли пойти. И «Связьинвест» был тем случаем, когда они не могли поступить иначе. Я так думаю. Тогда это так было. Немцову это было крайне неприятно, и он очень переживал. Он, конечно, не хныкал. И находил в себе ресурс для того, чтобы смотреть на жизнь оптимистично. Он был человеком отходчивым. Казалось бы, с теми людьми можно было не общаться, не разговаривать. Но он и общался, и разговаривал, и обнимался до самого последнего времени. Это тоже говорит о нем как о человеке. Боря вообще очень хорошо относился к людям, он любил людей. У него даже не было настоящей ненависти по отношению к тем, кто ему пытался физически навредить. Он был очень мягким человеком.

Работа по пополнению бюджета велась известными советскими методами. Была ЧК, чрезвычайная комиссия, которую возглавлял

Чубайс, куда приглашались собственники крупнейших бизнесов, в основном, конечно, связанных с нефтегазовым комплексом. Их там на ковре чехвостили, грозили наганом, образно говоря, и требовали заплатить налоги в бюджет. Не мытьем, так катаньем. Других способов пополнения бюджета или сокращения расходов не было: мы неоднократно пытались вносить в Думу законы, которые упорядочили бы льготы и таким образом помогли сократить расходы бюджета. И ни одно предложение принято не было. Огромную часть составляла работа, связанная с международными финансовыми институтами и их требованиями: мы все должны были готовить реформы, под которые давались деньги. Это относилось, например, к реструктуризации угольной промышленности, которой занимался Яша Уринсон. Это относилось к реформам энергетики, которой занимался в том числе и Борис Ефимович. И так далее. Надо было закрывать дыры. И я очень хорошо помню, как к концу 1997 года перед новогодним приемом в Кремле Чубайс доложил Борису Николаевичу, что долги по заработной плате закрыты. Что, собственно, Борис Николаевич и объявил на приеме в Кремле. Но уже было понятно, что начался азиатский кризис и что все наши успехи будут очень быстро разрушены.

Именно мне тогда приходилось много общаться с бюджетниками. И ни разу ни в одном городе, ни в одном регионе, даже самом неустроенном, я не чувствовал у людей не то что ненависти, а злобы по отношению к себе как к представителю правительства. Да, было недовольство, но мы не прятались и были готовы общаться. У нас под окнами проходила демонстрация учителей, и трибуна стояла прямо напротив моих окон. Сейчас можно себе такое представить? Члены правительства общались с шахтерами, сидящими на Горбатом мосту.

Весной 1998 года начались протесты шахтеров по всей стране, забастовал Транссиб. Это было в начале мая. Мы с членами правительства собрались отметить майские праздники в Доме приемов, в Бору. И тогда же мы вчетвером под руководством Кириенко устроили совещание: я, Борис, Кириенко и Уринсон. Нам сообщили, что перекрыт Транссиб. Кто куда поедет? Распределили так: Борис Ефимович едет в Шахты Ростовской области; я еду в Кемерово; Яша Уринсон — в Сыктывкар. На моем участке

были перекрыты три точки — Анжеро-Судженск, Междуреченск и еще одна, — и я понимал задачу: максимально быстро с помощью переговоров с шахтерами освободить дорогу. И я очень хорошо помню, что мы все время перезванивались с Борисом. С Яшей почему-то нет, а с Борисом все время перезванивались. Потом мне рассказали, что журналисты на центральном телевидении, которые освещали, как вице-премьеры ведут диалог с бастующими шахтерами, устроили между нами что-то вроде соревнования, кто быстрее освободит пути. И у Бориса потом была любимая легенда, что я якобы подписал условия освобождения Транссиба в Анжеро-Судженске, но одним из пунктов была отставка президента Ельцина. И что якобы злой [кемеровский губернатор Аман] Тулеев — Боря очень красочно все это всегда рассказывал — завел меня в темную шахту вместе с какими-то бородатыми шахтерами и угрозами заставил подписать этот документ. Я никогда не опровергал это, хотя все было не совсем так, но легенда была красивая. Это продолжалось недели две, и мы, вице-премьеры, героически выполнили эту абсолютно бесполезную работу. Мы открыли Транссиб, но удачи это нашему правительству не принесло и финансовый кризис в августе не отдалило никак.

Шла предвыборная кампания СПС. Лидеры СПС находились в своем кругу блестящих, молодых, образованных, начитанных, интеллектуальных, современных, крутых людей. Это было видно и в их рекламе: самоуверенные, в бизнес-джете с белыми кожаными креслами и прочее. И они не рефлексируют, не опускаются до осознания того, что Россия совсем другая. Она, конечно, хотела бы быть как они — образованной, интеллигентной, европейской, — но она другая. Я видел их на предвыборном концерте на Красной площади, когда они танцевали на сцене, — нормальный прием в западной избирательной кампании. Я понял, что они голосов не получают, потому что Россия живет в другом измерении. Это была главная проблема для Союза правых сил.

Перед этим произошли большие события в политике, арестовали Ходорковского. Я хорошо помню, что тогда время сильно отличалось от нынешнего, возможностей высказывать и доносить свое мнение было гораздо больше. И Немцов, безусловно, был одним из самых ярких критиков этого ареста. Я знаю, что он

принимал участие в разных совещаниях, в сборе подписей под петицией об освобождении Ходорковского и так далее. Он был категорическим критиком действий власти по отношению к Ходорковскому.

Тогда СПС раскололся по отношению к Путину. Раскол я не очень хорошо помню. Я только знаю, что Анатолий Борисович еще раньше, когда встал вопрос о назначении руководителя ФСБ, активно лоббировал Владимира Путина на эту должность. Я не знал Путина и спросил у него: почему? Анатолий Борисович сказал: «Он наш человек». Я думаю, что Анатолий Борисович всегда нес какую-то ответственность за карьеру Путина. И Путин отдавал Чубайсу должное, продвигал его проекты и помогал ему. У них были хорошие отношения. Чего не скажешь о Борисе. У Бориса отношения с нынешним президентом испортились, насколько я понимаю, именно тогда — и надолго. Я помню, Боря мне рассказывал, как он, уже работая в Думе, встречался с президентом вместе с другими лидерами фракций. «Путин, — рассказал Немцов, — мне сказал: что-то ты меня все время критикуешь, нехорошо это». И дальше больше. А потом это перешло уже в разряд личных оскорблений, которые Борис допускал по отношению к Путину. Он был слишком свободный человек, и мысли у него были свободные. Мне кажется, как раз тогда это и началось. Этот разрыв начался с ареста Ходорковского и шел дальше.

М. Фишман, главный редактор The Moscow Times
<https://slon.ru/special/nemtsov/sysuev>

У меня нет печальных образов. Энергетически он был очень сильно заряжен любовью. Он носил в себе, по большому счету, доброту и любовь, даже когда сильно ругался. Кроме того, он был очень честным. Прямо говорил, на что способен, на что не способен, где у него сдадут нервы. Он ассоциируется с честностью, светлостью, огромной искренностью, большим человеколюбием и большой любовью к жизни.

Боря окинул меня взглядом — так: р-раз — и глаз у него не дернулся. Я сразу поняла, что «как баба не канаю» — ну совсем. Мы, женщины, сечём такие вещи. Зато тут же стало ясно, что стилистически и психологически мы очень свои — а ведь еще ни словом не перекинулись! Наверное, мы тогда оба были неофиты и оттого тянулись друг к другу.

О буйном красавце, развивающем малый бизнес в Нижнем Новгороде, устраивающем экономические реформы на грани революции и потрясающем Россию своим новаторством, тогда говорили все. Буквально несколько месяцев на должности губернатора, а уже успел нашуметь на всю страну! Такой вот сумрачный нижегородский гений с курчавым шариком, как у Анджелы Дэвис, на голове. А тут Саша Любимов (телеведущий) мне говорит: «Ты ведь занимаешься биржей? Давай я вас с Немцовым познакомлю! Он открывает Нижний для бизнеса». На дворе — 1992 год. Мы садимся в поезд и едем.

Именно Немцов впоследствии срежиссировал звонок мне от Егора Тимуровича Гайдара, после которого я оказалась в правительстве, а когда узнал, что я на восьмом месяце беременности, заставил поклясться, что рожать поеду в Нижний. «У тебя есть в голове что-нибудь еще, кроме пиара своего Нижнего Новгорода?» — говорю. А он: «Я там такое построил! У меня роддом лучше, чем в Европе, Штатах и Москве, вместе взятых».

Борис Ефимович всегда говорил: «Я герой провинции, зря вообще приехал в Москву». Но мечта у него была не провинциаль-

ная: стать президентом. И ведь мог! Борис Ельцин намекал много раз, что объявит его преемником, которого предложит на выборы. Борис Березовский подыграл, а Александр Волошин и Татьяна Дьяченко пригласили Немцова в Москву на позицию первого вице-премьера. Оттуда, понятное дело, прямая дорога в премьеры. Но дефолт, конечно, планы разрушил. На нас повесили всех собак — сказали, что это премьер-министр Сергей Кириенко за три месяца работы устроил финансовый коллапс, — и уволили.

Когда мы оказались на улице, стало понятно: преемником будет Путин, а у Ефимыча впереди «долгая дорога в дюнах», по итогам которой он, может, и реализует свою мечту о президентстве — лет через десять. Переход дался ему легко. Он был очень эмоциональным человеком, с большой витальной энергией и сумасшедшим интеллектом. Такие быстро обучаются и перестраиваются. Он мне позвонил, сказал: «Ирка, есть идея. Давай опять в парламент, вместе». На этом этапе я была для него уже проверенным человеком. Боря возглавил фракцию, я стала вице-спикером. Мы прошли сквозь скандалы, ссоры, примирения. Нас называли «трупам», но мы пошли на выборы в 1999 году. Либеральная пресса поливала нас грязью. Либеральная! «Дефолт устроили, уроды, куда идете...»

Был проект: мы с рок-группами мотаемся по регионам, поем песни о свободе, собираем молодежь, в майках цвета российского флага раздаем флаеры «Союза правых сил». Я-то человек рок-н-ролльный — как только музыка начиналась, заводилась. А у Бори вкус музыкальный совсем другой, очень спокойный. И он стал уставать: «Не могу уже! Опять орать, призывать, бегать по стадиону...» А у нас регион за регионом. Я говорю: «Давай танцевать». Он: «В каком смысле?» Я: «Ну дергайся, я тебя научу». Мы начали танцевать, а ведущий концерта Николай Фоменко призвал всех показать, как они любят друг друга, — обняться и поцеловаться. И Борька такой: «Ну что, Хакамада, давай!» Мы встали в синих майках, поцеловались — тут-то «Коммерсантъ» нас и щелкнул. Выпустил на первой полосе с заголовочком: «У всех дефолт, а Немцов и Хакамада целуются».

В те годы «Коммерсантъ» был всевидящ. У них есть еще одна замечательная фотография с заседания в правительстве, где я сижу, а Боря смотрит под стол на мои ноги. Я тогда как раз начала

чувствовать, что в правительстве умираю душевно, — и решила, чтобы себя как-то поддержать, надевать сексуальное белье и чулки в сетку. Сверху все чинно: черные юбка и пиджак, но закинула ногу на ногу — и показался кусок сетки. Боря, конечно, сразу засек: «Ир, это у тебя чулки или колготки?» В каждый момент он думал в двух направлениях — политика и женщины.

Немцову случалось спешить, но у него интеллект физика, а технологи считают ситуацию моментально. Да, иногда ему не хватало философского, метафизического видения, потому что у него не было гуманитарного образования, зато оно было у меня. Мы с ним Весы и Овен — противоположные знаки дополняют друг друга своими качествами, и я выступала в роли старшей сестры, вдумчивой такой. Мы часто обсуждали личные проблемы — в такие моменты он был мне как подружка.

Я ему в свое время дала совет: когда у тебя серьезное приключение, от жены уходишь — не скрывай ничего. На опережение вываливай все в желтую прессу — и кайся. Русский народ это обожает. Вот, грешен, но очень всех люблю. И народ простит. Он так и сделал, когда ушел от Раи к женщине, от которой, как оказалось, уже двое детей. Была огромная статья в «Комсомолке», где он все рассказал и признался в любви ко всем: от кого ушел и к кому пришел. После этого все остальные заткнулись. «Ирка, ты гений!» — сказал он. Так мы и дружили.

Летим обратно с Давосского форума, 1994 год, Боре плохо: заболел гриппом. Нас привозят в какой-то зал, все бегают вокруг него, кидают на лоб холодные полотенца, а он говорит: «Ирка, я умираю, ты видишь вокруг себя духи? Сходи в общий зал, купи моей Райке духов своих. От тебя так пахнет всегда, я с ума схожу». По-моему, это был Obsession — унисекс такой, холодный с перчинкой. Вот о чем думал «умирающий» Немцов — чтобы от Райки пахло так же, как от меня.

Женщины знали, какой он, и все равно любили, включая всех его жен. И мы часто разбирали с ним эти истории: что нам делать с паблисити, как нам это преподать, чтобы не испортить политическую жизнь, когда он стал лидером СПС. Ефимыч ведь даже успел посидеть! Писал мне из тюрьмы: «Слушай, здесь один вор сидит — не в законе, а просто. Он тебя искренне любит, можно

дать ему твой телефон?» «Борь, ты офигел вообще», — отвечаю. Все равно дал номер, вор мне написал, действительно про любовь. Такое только с Немцовым возможно.

Он был человеком космического обаяния, очень любил жизнь, людей — и всегда учился, в отличие от других, упертых. Таких, как Немцов, больше не делают. В следующем после него поколении — явный кризис витальности. Нет сексуальности. Никто так баб не любит. А у него главным героем был Александр II — царь-Освободитель, знаменитый своими романами. Я такой убойной энергии больше ни у кого не видела. Он пришел ко мне на день рождения, и праздник провалился: все девушки — от умных до дур — забыли про меня и выстроились к нему в очередь поговорить. А у него глаза разбежались. Костя Ремчуков рассказывал, что он все ходил и спрашивал: «А тут кабинета у Ирки нет?» В этом весь Боря. Женщины перед ним рассыпались в прах. Одна была умная, вся в искусстве, со втянутым прессом, тонкими губами и ключицами — мистическая женщина с профилем Анны Ахматовой. Типичная такая: меня политика не интересует, давайте о культуре. Но появился Немцов — и вся культура улетела.

Женщины занимали огромное место в его жизни, но — второе. Даже в них он искал политического соратника: пусть дома сидит, детей рождает, но чтобы всегда говорила, какой он молодец. Если ей на это было наплевать, он терял интерес.

Когда его убили, я сказала, что у меня разбито сердце. Все, наверное, думали, что я была в него влюблена. Нет, сердце разбивается, когда уходит тот, с кем у тебя были шикарные человеческие отношения. Он часть истории — каждый год теперь про него будут это говорить. И цветы приносить, там прорва этих цветов на мосту. Их сгребают, а они опять появляются.

Только когда он погиб, либеральное сообщество наконец оценило, кого мы потеряли. Впрочем, любили его даже те, кто не разделял его идеи. Кто-то в Facebook сказал очень правильно: «На марше такое впечатление, что он идет рядом, толкает в бок и говорит: «Смотри, сколько народу пришло!»

Журнал «Татлер», 2015

Я начинал свою политическую карьеру как диссидент, как оппозиционер, участник уличных акций. Меня неоднократно задерживала милиция, за мной следило КГБ. Оказаться в этой ситуации через 20 лет для меня не было какой-то трагедией и огромной проблемой.

Конечно, лучше помоложе всем этим заниматься, но время не выбирают.

Я себя чувствую свободным и независимым человеком, делаю то, что считаю нужным, отстаиваю свои убеждения, не холуйствую, не подхалимничаю.

Я абсолютно не завидую тем, кто ездит на бронированных машинах с мигалками и трясётся, как бы их не разоблачили из-за взяток, которые они понабирали...

(«Свободные новости», Беларусь, 2010 год)

Мы познакомились, когда создавалась «Солидарность». Потом Борис стал издавать свои доклады. И как-то так получилось, что я стала его координатором по Москве. Соответственно, если он хотел выйти, чтобы давать автографы и поучаствовать в раздаче докладов, он связывался со мной и говорил: «Надя, куда пойдём?» И мы шли, например, к метро «Третьяковская», «Пушкинская», где раздавали доклады. Наиболее близкое мое общение с Борей было не в кабинетах, а на улицах, в автозаках.

Борис считал, что выборы, как минимум, — это достаточно мощная информационная история. И даже если есть понимание, что, скорее всего, выборов нет, есть возможность лишний раз озвучить свои позиции. И Борис всегда считал выборы не единственным, но важным моментом. Когда мы в «Солидарности» обсуждали наши основные задачи, это было участие в выборах, в уличной активности, просвещение и поддержка политзаключенных. Вот четыре основные точки приложения наших сил.

Мне кажется, «Солидарность» — это не совсем жизнь Бори. Это та жизнь, в которую его, в общем-то, затолкали. У меня часто возникала мысль, что он не с нами сейчас должен стоять, а быть в совершенно другом месте, потому что у него гораздо больше возможностей и гораздо больший масштаб. Но он мужественно и с большим достоинством принимал ту ситуацию, в которой оказался. И за несколько лет стал себя чувствовать, как дома. Но мне всегда было грустно и обидно, потому что человек мог сделать много нужного и полезного для страны, а не замерзающими руками подписывать свои доклады возле метро «Третьяковская».

Борису просто «пять с плюсом» за его достоинство! Сколько за нами бегала молодежь из движения «Наши», мы удирали от них через проходные дворы, а журналисты нас прикрывали. Но ни разу не было ситуации, чтобы он себя повел как-то недостойно...

Еще до начала следствия нас насторожило само убийство, которое произошло под стенами Кремля, на одном из центральных мостов. Когда я услышала, что за ним уже несколько месяцев ве-

лась слезка, я была сильно удивлена. За девять дней до смерти я видела Боря последний раз. Он приходил в офис «Солидарности» вечером, по темноте, в тех же краях — в районе «Третьяковской» и «Новокузнецкой». Темными переулками, один... Боря не боялся Москвы, он очень любил ходить пешком. Он пришел в районе восьми вечера, пробыл час-полтора и ушел. И до дома он шел один. И если бы его просто хотели убить, то это была та возможность, о которой я точно знаю: он достаточно поздно вечером шел один по темным переулкам. Я знаю, что там нет никаких видеокамер. И сразу возникла картинка именно показательного убийства.

А то, что творится со следствием, что рассказывает Вадим Прохоров, — это все подтверждает. Что не могут допросить Геремеева, что выдвигают какие-то версии... Я достаточно часто бывала рядом с Борисом последние годы, когда ему задавали вопросы на улице. Люди ему задавали разные вопросы, в том числе и достаточно каверзные, и я ни разу за все это время не слышала от Бориса ни одного нехорошего слова про религию. У него была позиция: очень уважительно и очень сдержанно отвечать. И то, что нам пытались изначально предложить в виде версии, — это просто какой-то бред.

«Грани времени». 9.10.2015

Я следил за деятельностью Немцова, по-моему, с 1992 года. Когда он стал губернатором, я еще был школьником. И тогда я про него все знал: какие он реформы проводил, что он делал в Нижегородской области. У меня было огромное желание познакомиться с Немцовым. Но для меня это было фантастикой, что я когда-то смогу с ним познакомиться. А в 2009 году я начал создавать «Солидарность» в Новосибирской области. И уже в «Солидарности» мы с ним и познакомились.

Но у меня был страх перед знакомством с ним. Я себе нарисовал идеальную картину очень хорошего человека, и я думал: вот я сейчас с ним реально познакомлюсь, а если он окажется гораздо хуже, чем он у меня в голове? И уже после знакомства с ним я понял, что на самом деле я его «недорисовал», он оказался гораздо лучше. Мы с ним очень быстро нашли общий язык, мы очень легко общались. Он просто влюблял в себя людей. Он приезжал к нам в Новосибирск один или два раза в год, начиная с 2009 года. И даже его оппоненты, даже те люди, которые не разделяли его политических взглядов, особенно коммунисты, перед каждым докладом мне звонили и говорили: «Мы, конечно, не разделяем его взглядов, но человек он умный, с ним интересно разговаривать. Можно мы придем на доклад?»

Немцов очень не хотел, чтобы в стране была революция. Он очень надеялся, что у нас все пойдет эволюционным путем. А эволюционный путь — это как раз путь выборов. И он цеплялся за эту последнюю надежду — поменять ситуацию в стране через выборы. Конечно, можно понять тех людей, которые отказываются от выборов, и Немцов тоже их понимал, но он все равно цеплялся за надежду, что мы можем попытаться что-то изменить через выборы...

«Грани времени». 9 октября 2015

ТАЛАНТ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Тот, кто никогда не имел случая слышать, как Немцов разговаривает с народом, тот ничего не знает о Немцове

Обозреватель «Новой» Эльвира Горюхина летом 2013 года ездила в командировку в Ярославль, где вел свою предвыборную кампанию по избранию депутатом Законодательного собрания области Борис Немцов. Вернувшись в Москву, она написала Борису Ефимовичу письмо. По техническим причинам оно так и не дошло до адресата, но мы считаем правильным опубликовать его сейчас. Сама Эльвира Николаевна, перечитав давнее письмо, написала текст о том, как Немцов разговаривал с людьми. И мы также публикуем его в нашей февральской рубрике «Немцов мост».

Уважаемый Борис Ефимович!

Посылаю Вам текст, который был сокращен. Честно сказать, мне хотелось написать о своем «открытии». Можно было бы написать и без кавычек. Что знала я о Вас? Да ничего! Навсегда и очень сильно врезалась в сердце Ваша акция — подписи нижегородцев за прекращение войны в Чечне, — только так: врезалась в сердце. С 1990 года я бродила по Абхазии, Грузии, Нагорному Карабаху, Чечне, Ингушетии, Северной и Южной Осетии, Дагестану. Первая поездка в Чечню была в 1995 году. Давала уроки в Грозном, Самашках, Орехове, Ачхой-Мартане. Всю жизнь буду помнить школу в Самашках после третьего штурма. Ваш приезд к Ельцину с этими подписями стал для меня и личным событием.

Вот, пожалуй, и все.

Так в чем же мое открытие? Это ваш разговор с людьми в Ярославле.

Я начинала свою работу учителя в селе без света и радио и на собственной шкуре ощутила, как трудно соблюсти в общении с людьми ту меру, которая обеспечивает разговор на равных. Ни уроки искусства, ни тонкости технологии не обеспечивают успеха. Он, успех, таится в знании глубинной народной психологии.

Оказалось, что Вы этим владеете. Откуда это знание? Откуда это чувство?

Толпа никогда не сводится к сумме единиц, как ни приспосабливайся к ней. Она всегда существует как самостоятельный организм, живущий по своим законам. Это хорошо знал Толстой. Какой-нибудь Неклюдов мог договориться с приказчиком, но с этим же приказчиком, находящимся в толпе, согласия не было. Это я наблюдала на деревенских сходах. Это самое сильное мое жизненное впечатление. Человек, которого ты хорошо знал, на глазах меняется, как попадает в большое сообщество.

Так вот: меня поразило, как Вы входили в разговор. Как держали ту самую меру доверительности, когда не верить Вам было невозможно. Помните, я говорила Вам, что в определенной степени Ваши беседы с людьми носили просвещенческий характер. Но в них не было назидания. В них была вера в то, что нет такого знания, которое было бы недоступно собеседнику. Думаю, что именно это обстоятельство обеспечивало внимание к Вам, которое по ходу встречи нарастало.

Есть еще один феномен. Я бы назвала его чувством ответственности. Не всегда понимала, чем и как оно достигалось. Если доведется еще несколько раз быть на Ваших встречах, может, и пойму.

Эта ответственность не только за свои дела. Но и ответственность за тех, с кем беседуешь. Отсюда полное отсутствие привычной митинговой и политической риторики. Слово не зависает в пустоте.

Я, наверное, уже должна бы закончить свое «выступление», хотя поразмышлять над тем, чему была свидетелем, имело бы смысл.

Очень жаль, что о Ваших поездках по Ярославской области узнала случайно.

Да, вот еще деталь. Когда мы были на студии в прямом эфире, меня поразило, как Вы с Вашим-то политическим багажом вели себя с другими претендентами. Никакого снобизма, высокомерия. Способность договариваться — вот что оказалось ценным. Вместе с тем не боязнь задать прямой вопрос собеседнику свидетельствовала о тех принципах, на которых возможен договор.

Как же «стух» представитель партии «зеленых», когда Вы задали ему вопрос именно об экологической проблеме, потому что

эта проблема касалась деятельности монополий ЖКХ. На экране сразу высветилась цена этого эколога. Здорово это было! По существу.

Останавливаю себя. Удач Вам и всей Вашей команде!

Эльвира ГОРЮХИНА

06.09.2013

P.S. Мои связи с компьютером таковы, что письмо задержалось. Поздравляю Вас с успехом! Хотя отчетливо сознаю, что Вам придется претерпеть, общаясь с монстрами «Единой России» и не только. Мне кажется, что источник Вашей силы — в тех людях, с которыми Вы общались и которые поверили Вам.

10.09.2013.

На этот раз моя поездка в Ярославль была личная. Не командировка. Хотелось знать, как сложилась судьба Андрея Минина, бывшего заместителя главы Тутаевского района.

Познакомилась с Мининым, когда на главу района Яна Андреева уже завели четыре уголовных дела, липовых по своей сути. Он выиграл все суды, восстановился на работе и выехал из страны.

Каково же было мое удивление, когда на привокзальной площади среди множества баннеров я увидела знакомое лицо. Это был Борис Немцов. Вовсю шла избирательная кампания по выборам в Законодательное собрание.

Как он, федеральный политик, оказался здесь, в Ярославской губернии? Мое мнение о Немцове сложилось давно и однозначно. И никогда уже не менялось. Это случилось в тот самый момент, когда Борис Ефимович вручил президенту Борису Ельцину требование нижегородцев: «Остановить войну в Чечне!» К этому времени я уже прошла Самашки, Бамут, Ачхой-Мартан, Орехово, Грозный и знала, что надо остановить.

Менялись посты и назначения Немцова. Кого-то из моих знакомых настораживал удачливый, как казалось, политик. Мое же суждение, связанное с Чечней, оставалось неизменным.

...Однажды наша газета устроила пикет у посольства Белоруссии. Пришел Немцов. Пожал всем руки. Было ощущение, что он знает тебя. Больше того, он один из нас. Мелькнула мысль: неужели политик может так долго сохранять живые человеческие качества — непосредственность, искренность, интерес к другому, совсем незнакомому человеку? Одно было ясно: в доверительном отношении к другому не было ни лукавства, ни игры в поддавки.

Итак, я в Ярославле. Иду искать штаб Немцова. Первой, кого я встретила, была Зоя Светова. Она спросила, буду ли я писать. Я пожала плечами. Задания такого у меня не было. Но интерес вызвали молодые люди, среди которых были и ярославцы. Работа в штабе была для них не только мастер-классом, но и уроками жизни, как сказал один молодой политик.

Теперь я вспомнить не могу, как состоялась моя первая встреча с Немцовым. Было такое ощущение, что я знала его всегда.

У Немцова особый дар — беседовать с людьми. Он сокращает ориентировочную часть встречи до минимума. Завидное свойство личности.

И все-таки открытие Немцова для меня состоялось.

Для политика такого масштаба, как Немцов, в Ярославле не оказалось помещения для встреч с избирателями. Никогда не забыть первую встречу, на которую я попала. Жители одного из микрорайонов сидели в детских песочницах, на табуретках, вынесенных из дома, кто-то висел на дереве. Живописная картина. Позорная для ярославских властей.

И вот что я скажу вам: тот, кто никогда не имел случая слышать, как Немцов разговаривает с народом, — тот ничего не знает о Немцове. Как правило, он начинал разговор о судьбе бывшего мэра Урлашова. Борис Ефимович знал, что это болевая точка. Мэр был избран ярославцами. Это многое определяло. Надо было хорошо знать настроение этих людей, чтобы не только начать разговор, нащупать верную интонацию, но и предложить варианты решения проблемы.

Не было ни одного вопроса, на который не дал бы ответа Немцов. Спрашивали о роддомах, которые тогда закрывались. О шко-

лах, больницах, предприятиях. Немцов знал фамилии всех руководителей предприятий. Знал и мошенников от ЖКХ. К этому времени увеличилась плата за воду. Не было ни одной стороны жизни ярославцев, которая не попала бы в поле зрения Немцова.

Уже на этой первой встрече стало ясно, какой принципиально новой оказалась сама идея: политик, не связанный никакими узами с местной, так называемой «элитой», круто меняет соотношение политических сил. Задает новый вектор всей избирательной кампании.

Известный предприниматель Потапенко однажды сказал, что мы не знаем, в какой стране живем. Первоочередная задача — изучить страну. Так вот: избирательный штаб Немцова проделал уникальную работу. Они провели анализ социальной жизни целой губернии. Интересно, в каком состоянии находятся эти материалы. Ярославский опыт Немцова мог бы стать (должен стать!) социальным, экономическим и психологическим прецедентом.

На той встрече с избирателями Бориса Ефимовича просили рассказать о его опыте губернаторства в Нижнем. Об этом просили нижегородцы, сегодня живущие в Ярославле.

— О моих делах в Нижнем говорить не будем. Наша с вами задача: сделать жизнь ярославцев лучше, чем она есть, — сказал Немцов.

Он меньше всего был занят прямым изобличением властей всех уровней. Наглеет ЖКХ? Давайте посмотрим, куда, в какие офшоры уходят ваши деньги и куда они возвращаются. А возвращаются они в качестве «спонсорской помощи» правящей партии.

Неумение (или нежелание) говорить с людьми на равных дорого стоит многим оппозиционерам. Когда политик говорит о глобальных задачах, забывая о житейских, насущных проблемах человека — ребенке, куске хлеба, работе, — пиши пропало!

Разговор Немцова с людьми имел бытийную основу. Борис Ефимович уважал право избирателя на вопрос, каким бы малым он

ни казался. За вопросом всегда стоят жизненные смыслы. Стоит конкретная судьба. И он это знал.

Ярославцы имеют опыт сопротивления, касается ли это попыток разрушить архитектурную целостность центра города или проблемы точечных застроек. Здесь опробованы многие технологии сопротивления. Если вас собралась тысяча человек на сход, телеграммы наверх (Генеральная прокуратура, Кремль и так далее) посылаются каждым человеком. Персонально. Протест носит не только коллективный, но и личностный характер.

Уму непостижимо, как Немцов выдерживал такое количество встреч. Никогда не повторялся в своих речах, поскольку исходным началом были вопросы избирателей.

Ну вот, например, всего один день.

Встреча во дворе. Дискуссия с представителями разных партий на радио «Россия». Встреча с избирателями в отдаленном районе «Брагино» (другого места встречи, кроме рынка, не нашлось). Поездка в Гаврилов Ям.

Иногда говорят о радикальности и нетерпимости Немцова как политика. Я видела другого Немцова. Если кто-то на радиодискуссии выступал с дельной инициативой, Борис Ефимович тут же подхватывал идею и блестяще развивал ее, оставляя авторство тому, кто эту идею подал.

Однажды он рассказывал, как выиграл суд у Путина. самого Путина, конечно, в суде не было. Был его представитель. Так вот: Немцов передавал диалоги с судьей. Она говорила очередное «нет», а он ей — очередной документ. Главной в рассказе была тональность — никакого геройства, ни пафоса изобличения.

Он нутром ощущал комедийность, пародийность этого суда.

Я потом часто думала, откуда у него и такое видение жизни. Возможно, это особенность научного мышления. Снять драматизм с явления, пустого по своей сути. Отсюда и бесстрашие называть вещи своими именами. Для нас это бесстрашие, для него — норма и точность определения.

И еще: общая тональность всегда была пронизана верой в возможность осуществления задуманного. Это поднимает дух. Так бы я сказала.

Никогда не забуду один из вечеров. Ворота открыты. Ждем такси. Я среди тех, кто поедет на очередное мероприятие. Вдруг неожиданно: «Ну, и как вам это все?» — спрашивает Борис Ефимович. Это был тот случай, когда я успела сказать все, что думала:

— Если Вы полагаете, что занимаетесь только политикой, то глубоко ошибаетесь. На самом деле, Вы занимаетесь просвещением народных масс. В самом изначальном и точном значении этого слова.

Почему мы живем не так, как должны были бы жить? Легче всего просто изобличить власть. Но когда Вы вскрываете механизм отъема наших денег, механизм и мотивы наступления на наши права, возникает другая картина жизни. Формируется иной способ осмысления наших бед и потерь.

А еще я сказала, что мне жаль — какого учителя потеряла наша школа. Дело не только в том, что появились бы новые хорошие физики, хорошие бы человечки получились.

Где он был бесстрашен и беспощаден? В столкновении с мошенниками, независимо от их ранга. На той радиодискуссии витийствующего представителя от «Единой России» он осадил единственным восклицанием: «Как вы можете баллотироваться в депутаты, если не платите налоги?!»

Чего больше было в этом восклицании? Гнева, протеста или просто изумления, трудно сказать.

У Немцова был природный дар — ощущение пропорциональности явления. Отсюда — мгновенная реакция на чиновничью дурь. Каждый раз он как будто удивлялся: как это возможно?

О! Надо было слышать смех Немцова, когда он сталкивался со спесью тех, кто даже и не подозревал, какую чушь несет.

К чести ярославских радиийщиков, никто на той жаркой радиодискуссии Бориса Ефимовича не прерывал. Как говорил мне позже начальник службы радиовещания ГТРК «Ярославия» Родион Латышев, участие Немцова в избирательной кампании повысило градус самой кампании. Фигура такого масштаба резко изменила ее формат.

Это был мощный контрапункт привычным склокам, подсиживанию партнеров по выборам, кражам наглядной агитации соперников и, наконец, неправосудному снятию с выборов достойных кандидатов. Например, мой знакомый Андрей Минин, за которого я отчаянно болела, был снят с выборов. Причина: «Несвоевременно представленные документы». Хотя они были представлены вовремя.

А между тем Немцов становился своим для ярославцев. По тому, как он входил в кафе, на рынки, было отчетливо видно, что ему доверяют. Он был напрочь лишен представительских навыков поведения. Не помню случая, чтобы он хоть однажды поперхнулся от вида некоторых такси, на которых приходилось ездить.

Но что больше всего поражало: Немцов был равно интересен как молодым людям, так и старшему поколению.

Возможно, в этом межпоколенческом интересе и весь секрет столь долгого и яркого пребывания Немцова в нашей общественной жизни. Он не только не исчерпал своих возможностей, было ощущение, что он на пороге нового пути своего развития.

Дар жизни — так бы я определила доминанту его натуры.

Если проанализировать беседы Немцова с людьми, несомненным окажется любопытный факт...

Так или иначе, человек в повседневном бытии испытывает разного рода страхи. Это может быть страх перед самой жизнью, властями, природными явлениями. Есть страхи напущенные, как говорили в старину. Преодоление страхов — сложная задача. Трудно сказать, входила ли она в планы Бориса Ефимовича. Ско-

рее всего, было влияние самой личности, дававшей примеры свободного волеизъявления.

Так вот: Борис Немцов истово верил в возможность обустроить нашу жизнь на иных, разумных началах.

Это не были декларации, это были совместные шаги на пути обретения свободы самому творить свою жизнь.

И отвечать за нее.

...Как знать, может, это и был один из уроков жизни Немцова, о которых говорили молодые ярославцы.

P.S. Однажды мои будущие математики и физики затеяли дискуссию: всегда ли талант определяет сферу деятельности?

Есть ли талант — быть человеком?

Сегодня я бы сказала определенно: есть такой талант.

Ярчайший образец — Борис Немцов.

*«Новая газета», 17 февраля 2016,
<http://www.novayagazeta.ru/society/71892.html>*

Я никогда не была членом никакой партии. Я не хочу быть членом никакой партии. Но СПС меня всегда приглашали как гостя на свои съезды. Думаю, что там познакомились, и как-то друг к другу сразу хорошо отнеслись. Меня усаживали в первом ряду как гостя, Борис Ефимович не раз подбегал ко мне, садился, и мы с удовольствием болтали. Какое-то было взаимное притяжение. Он производил на всех, я думаю, хорошее впечатление. Бывают обаятельные люди, Борис Ефимович к ним относился, его обаяние покоряло людей...

Я думаю, что мы виделись последний раз на одном из шестивей. Я к нему подошла, чтобы подарить ему свою книжку «Егор». До этого, когда его арестовывали, он сидел в каком-то отделении милиции, я туда поехала. Его посадили на Новый год, я передала две свои детские книжки для его маленькой дочери, чтобы он после Нового года не с пустыми руками к ней пришел. А тут я подошла к нему, подарила и подписала «Егора»...

На мой взгляд, он очень мало изменился. Я, может быть, удивлю вас своими словами, – это, возможно, был единственный его недостаток. Он как бы остался тем жизнелюбивым обаятельным молодым человеком, которым мы его знали в первые годы его политической карьеры.

Мужчины должны взрослеть все время. А у него немножко что-то молодежное осталось в душе. Я когда-то выступала на съезде у них и говорила о том, что в СПС мне казалось недостатком: вы знали, что народ наш столкнется с серьезными последствиями абсолютно необходимых реформ, многим придется ужаться во всех своих тратах, и вы должны были показать пример самоотречения, а вы этого не сделали. Такой упрек им бросила в свое время. Но каждый проживает свою жизнь, как он ее понимает. Борис Ефимович, может быть, для нашего очень сурового, тяжелого процесса реформирования страны слишком любил жизнь.

«Радио Свобода»,

<http://www.svoboda.org/content/article/27567223.html>

Меньше чем за год мы потеряли двух самых отважных людей России — Валерию Новодворскую и Бориса Немцова. Они относились друг к другу с большой нежностью. Лера иногда разочаровывалась в Немцове, ругала за политическую неразборчивость и всеядность, как она это называла (сама она категорически не ходила на оппозиционные митинги с участием коммунистов), писала ему суровые письма — одно из них я сама передавала Борису по ее просьбе, — но рано или поздно прощала.

Когда он приходил в редакцию в понедельник, в присутственный Лерин день, то заходил в нашу комнату, и Лера начинала светиться от радости и по-девчачьи пищала: «Боренька! Любимый! Можно, я тебя поцелую!»

Смеющийся Немцов склонялся над сидящей Лерой, они лобызались, и он традиционно говорил: «Лера, а ты знаешь, что со мной целоваться опасно?» На что Новодворская так же привычно отвечала: «Боря, ты же не Путин (Зюганов, Жириновский и т.п.), с ними бы я ни за что целоваться не стала!» Немцов хохотал, потом она ему выговаривала за что-нибудь, чаще за легкомыслие, он, недослушав, перебивал: «Лера, ты мне лучше скажи...»

И к советам ее относился абсолютно серьезно.

Они были похожи — внешней детскостью при абсолютной внутренней непреклонности.

Нет у нас больше таких.

*Я человек достаточно мобильный,
жить могу и в Москве, и в Сочи, и в Нижнем,
и в Петербурге. Главное, чтобы в России.
Где мне по-настоящему тяжело,
так это за границей. Не хватает друзей,
родной речи — всего, к чему привык.
Через три недели выть от тоски начинаю...*

*Я не хочу уезжать. Я люблю Россию.
Причём это без пафоса. Хоть порой в России
и неудобно, и грязно, и тошно.
Поэтому я хочу обеспечить альтернативу...*

(онлайн-интервью «Снобу», сентябрь 2011 года)

ДИНА ЯКОВЛЕВНА НЕМЦОВА О СЫНЕ

Я оппозиционер и выражаю свой протест открыто, ничего не скрывая. Но зачем меня убивать? Я же ничего невыполнимого не требую. Я настаиваю, чтобы вернули свободу слова, чтобы было реальное разделение властей и вернули честные выборы. Потому что без этого страна не может нормально развиваться.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ БОРИСА НЕМЦОВА

Жанна (дочь Бориса Немцова. — Ред.) попросила меня написать о Боре. Мне это невыносимо тяжело, но, наверное, надо. А надо было при жизни, хотя бы на его днях рождения, рассказывать обо всем хорошем, что в нем есть. Но я где-то вычитала, что хвалить своих родственников — значит хвалить себя. Вот и скромничала. Например, на его 50-летию «забыла» сказать, что он школу окончил с золотой медалью, что радиофак Горьковского университета им. Лобачевского окончил с отличием, с красным дипломом, что с 3-го курса университета уже писал статьи в научные журналы, что в 25 лет защитил кандидатскую диссертацию, и многое другое.

Теперь постараюсь все вспомнить. Теперь не стыдно.

Боря родился в Сочи, где я оказалась, можно сказать, случайно. Я родилась в 1928 году в городе Горьком (тогда Нижний Новгород), в Канавинском районе, на улице Ивана Романова, в так называемом «Сорокинском подворье». <...> Я прожила там до 1952 года, до окончания института. Жили мы — мать, отец и четверо детей — в деревянной надстройке барачного типа в двухкомнатной квартире. В кухне была огромная русская печь, а в комнатах — «голландки». Туалет на улице.

Отец работал всю жизнь на Автозаводе начальником дворово-хозяйственного цеха, учился заочно в Московском физико-техническом институте им. Баумана. Мать работала в поликлинике №6, в регистратуре. Она была малограмотной — 4 класса образования.

Отец был член ВКП(б) с 21-летнего возраста, видел выступление Ленина, был фанатически предан делу коммунизма. Он был честнейший человек. Во время войны отвечал за снабжение хлебом Автозавода. Хлеба в войну давали иждивенцам 400 грамм по карточкам. Отец домой никогда не приносил ни крошки хлеба.

<...> В 1952 году я окончила педиатрический факультет Горьковского медицинского института им. С.М. Кирова. Получила диплом с отличием. Работала в Мурманске, где родилась Юля, потом работала в Горьком, потом — в Сочи.

В 1966 году вернулась с детьми в Горький.

Боря и учиться начал в Сочи. Ему не хватало до 7 лет больше месяца, и нас не хотели сначала принимать, но он хорошо читал с 5 лет, и, услышав, как он читает, директор его принял. Учительницу свою первую, Валентину Георгиевну, он очень любил, писал ей потом письма из Горького: «...мне здесь скучно, невесело...».

<...> Учился Боря хорошо по всем предметам. Но дисциплина была не на высоте. В дневнике постоянно были замечания: «шумно вел себя на перемене, на уроке пения разговаривал и смеялся» и т.д. Но учителя все равно его любили. Никогда не было никаких конфликтов с учителями, и меня в школу никогда не вызывали. Ходила только на родительские собрания.

Боря рано начал зарабатывать деньги. В классе 6–7-м он разгружал из машины продукты в молочном магазине. Уходил рано утром. Магазин был напротив нашего дома. Платили, конечно, гроши. Летом ребята-школьники обязательно работали «на картошке», на току и Нижегородской области, и в Краснодарском крае. Потом, уже в университете, много занимался репетиторством, неплохо зарабатывал.

Боря всегда был очень доброжелательный, открытый. В школе к нему все благоволили — и девочки, и мальчики. У нас в квартире был «проходной двор», приходили все. Боря ненавидел нашу

хрущевскую квартиру из-за тесноты. В двухкомнатной квартире жили 5 человек. Заниматься ему приходилось на кухне, и даже в туалете, когда все спали (чтобы не мешал свет из кухни).

Одно время они с Васей К. занимались у нас. Это было уже в университете. А потом перешли к ним. Это семья очень интеллигентных людей — ученых.

Квартира у них была более просторная, и Боря часто у них «задерживался» на несколько дней. Мне, конечно, было неудобно, но там к нему, видимо, неплохо относились. Однажды Боря разбил там дорогую вазу во время «разминок». Мы переживали. Я пыталась отдать деньги, но они отказались брать.

Впервые в по-настоящему хороших условиях он жил, когда стал губернатором. Это был дом в Зеленом Городе — государственная дача, где когда-то жил В.П. Чкалов, а потом градоначальники г. Горького.

И потом в Москве на Садовой-Кудринской, и потом на Малой Ордынке.

В Горьком — Нижнем Новгороде своего жилья у него не было. Ему предлагали, советовали, но он отказывался и жил с семьей в моей двухкомнатной квартире на улице Агрономической. Потом уже они переехали на госдачу в Зеленый Город.

Когда я ругалась, он говорил: если я возьму себе жилье, то все окружение последует моему примеру и начнутся злоупотребления. Кстати, при нем в Зеленом Городе никто ничего себе не захватил и не построил. Это было запрещено губернатором Немцовым.

Боря всегда любил свободу. В Сочи, когда ему было около двух лет, он отправился самостоятельно куда-то гулять. Мы шли с моря, с пляжа «Ривьера», и задержались около какого-то киоска. Через минуту — Бори нет. Везде обыскали. Стоим, плачем. Вдруг с моста идут две девушки, одна держит на руках Борю, говорит: «Он у вас неподъемный»... Спасибо, милые девушки.

В школе мог прогулять урок, если куда-то ему надо. Мог не ночевать дома и не предупредить. Оказывается, был ночью на реке, жгли костер. Домой приходил почти всегда поздно. Однажды ночью идет, останавливает милиция, видно, кого-то ищут. «Откуда идешь?» — «От Чижова» (Чижев — одноклассник). Милиционер улыбается, тут же его отпускает: «Не ходи один по ночам».

Всегда был активный, лазил по крышам гаражей, падал, расщеплял бровь, ломал ногу.

Участвовал во всех кружках в клубе «Юность» на улице Терешковой: самолетостроение, байдарки и все остальное. Очень рано научился кататься на лыжах, коньках, велосипеде, плавать. Никто его не учил.

Боря всегда был очень общительный, с раннего детства. Например, на пляже он не сидел около меня, а ходил и наблюдал, как играют в карты, или в шахматы, или еще во что-то. Ему все было интересно. В парке «Ривьера» всегда играли в шахматы в нескольких местах. Будучи совсем маленьким, 4–5 лет, он подходил, смотрел, потом предлагал поиграть с ним, на что люди смеялись. Потом стал играть достойно со взрослыми, что вызывало у людей удивление. Его никто не учил: я не умею, а больше учить было некому. Он сам научился всему. Будучи взрослым, овладел английским, говорил свободно, читал лекции.

Я работала много лет в Городской детской больнице №1 (ГДБ № 1). Жили мы близко от больницы, в нескольких минутах ходьбы, в двухкомнатной хрущевской квартире. Сначала втроем, потом впятером, потом всемером. Боря часто приходил ко мне на работу в лабораторию, его все знали. Также его знали в приемном покое больницы. Он приводил туда пьяных с травмами головы, с разбитым лицом, на перевязку. Их там принимали и мне сообщали, смеялись.

Ему было тогда не больше 9–10 лет. Так было не раз. Можно ли такое представить себе сейчас в приемном покое детской больницы?

Боре всех было жалко... Мы на остановке трамвая № 9 «Улица Маслякова», кольцо. Сидит на земле мужчина, нос синий, лицо в инее. Никто не обращает внимания. Боря пытается его поднять, ему помогает какой-то мужчина, вводят его в трамвай. Боря говорит кондуктору: «Пусть покатается, пока не согреется». Кондуктор кивает.

Боря тогда уже в старших классах учился.

Он не умел отказывать. К нему часто обращались: решить задачу, написать реферат, написать ответы на вопросы в экзаменационных билетах и т.д. Это были и соседи, и просто знакомые. Я злилась. Кстати, к Юле тоже обращались без конца: переводила английские тексты письменно и по телефону, часами. Я ругала своих детей, что ими пользуются ленивые и нахальные друзья, но бесполезно.

Думаю, что доброта, отзывчивость у них от деда Якова. Он был такой же.

В старших классах Боря стал особенно много заниматься физикой и математикой. У них была учительница, Эльвира Ивановна Ревунова, очень умная, талантливая. Она привила Боре любовь к этим предметам. Преподавала она не только по школьным учебникам, но и по вузовским. Помню, например, учебник Сканави «Задачи».

В общем, окончив школу с золотой медалью, Боря поступил на радиофизический факультет Горьковского госуниверситета им. Лобачевского. В те времена радиофак считался очень престижным. Конкурс там был несколько человек на место.

Боря был очень увлечен учебой, много занимался. Экзамены с первого же курса сдавал на «отлично». Очень рано стал заниматься наукой.

С 3-го курса его научными руководителями были доктора наук: Николай Григорьевич Денисов и Вилен Яковлевич Эйдман. Наука была его жизнью. На столе и на полу все было завалено листками

с формулами. Даже будучи в гостях у моих родителей, он все писал эти формулы. Так, наверное, у всех ученых.

После защиты кандидатской диссертации продолжал писать статьи, открывать что-то новое в науке. Им написано, насколько я помню, более 60 научных работ, опубликованных в научных журналах в СССР и за рубежом. Он был хорошо знаком с академиком В.Л. Гинзбургом, который прочил ему блестящее будущее.

Если бы не перестройка 1986 года (перестройка также и умов), Боря защитил бы и докторскую диссертацию — он уже начал ее писать — и дальше бы совершенствовался в науке. Но судьба, как говорят, распорядилась иначе.

В 1987 году в Горьком решили построить в черте города АСТ — атомную станцию теплоснабжения. Это не АЭС, которая строится далеко от города и там, насколько я понимаю, от атомного реактора вырабатывается электроэнергия, которая используется для отопления и других целей. А АСТ — это когда сам атомный реактор нагревает воду, которую невозможно очистить от радиации, и эта вода по трубам отопления идет в квартиры. Я как педиатр обратилась к Боре — ученому-физику: надо что-то делать или уезжать из города. Боря предложил выступить перед коллективом больницы, где я тогда работала (ГДБ №1). Пришли и сторонники строительства АСТ. В общем, собрание в актовом зале больницы получилось интересным и жарким.

Тогда нельзя было ничего говорить в открытую против решений властей. Но тут началась перестройка, и стали люди потихоньку «поднимать голову», то есть начали уже говорить не только на кухне обо всем.

И вот Боря пишет статью в газету «Ленинская смена»: «Почему я против АСТ?» С этого началась в Горьком активнейшая борьба населения всего города против этой станции. Борю завалили письмами и простые люди, и ученые, все. Он работал в это время в НИРФИ (Научно-исследовательский радиофизический институт), кандидат наук, старший научный сотрудник. Ему 27 лет. В НИРФИ был выделен стол «Для писем Немцову».

Молодежь из НИРФИ организовала шествие от кинотеатра «Октябрь» до площади Горького, где состоялся митинг. Было много выступлений, плакатов. Начали собирать подписи против АСТ каждый день, много дней. Устраивали пикеты, развешивали газеты со статьями ученых против АСТ. Помню, активно выступали с доказательствами вреда АСТ профессор Троицкий, академик Рыжов. Рядом стояли сторонники АСТ со своими чертежами и схемами, но их никто не слушал.

Боря решил встретиться с академиком А.Д. Сахаровым. Появилось большое интервью в газете, где Андрей Дмитриевич выступил резко против АСТ. <...>

К нам еще присоединились активисты из Воронежа, где также планировали строить АСТ. В общем, все так активно вступили в борьбу, что строительство отменили, хотя был уже построен фундамент и часть здания.

Борю тогда узнали в городе, относились к нему с уважением. Стали включать во всякие экологические проекты, приглашали на собрания, акции. Тогда же в городе появилась общественная организация «За ядерную безопасность».

В общем, Боря втянулся в общественную жизнь, в жизнь страны. Ему было все интересно и небезразлично. Так он оказался в политике. В 1990 году он участвовал в выборах в российский парламент — Верховный Совет РСФСР — и выиграл из 12 участвовавших кандидатов.

Ему было 30 лет.

Борю всегда окружали люди, которым было надо что-то лично для себя. Это было и в Нижнем Новгороде, и в Москве, когда он был у власти. В Нижнем Новгороде доходило до того, что «друг» вселился в его жилье на госдачу и жил там с семьей, пока не получил квартиру.

При переезде в Москву объявилась целая армия «друзей»-просителей. Тут были и представители кино, и работники цирка — очень знаменитые и небедные. Я в это время жила в Москве с Борей и была, можно сказать, секретарем, поэтому знаю. Телефоны обрывали одни и те же люди.

Немцов, где бы ни работал, всегда относился с полной ответственностью и отдачей, работал на износ. Я иногда навещала их семью в Зеленом Городе во время его работы губернатором. Приходил поздно с целой пачкой документов. Пока все не прочтает и не подпишет, спать не пойдет. И так все дни, до глубокой ночи, плюс телефонные звонки.

Работая в правительстве в Москве, уставал так, что, придя с работы, с трудом поднимался на второй этаж.

Однажды в два часа ночи звонок: секретарь В.С. Черномырдина. А до этого Боря звонил Виктору Степановичу, но не мог его найти. И вот только Борис уснул — звонок. Я сказала, что не позову: спит. И сколько ни звонили, не разбудила. Получила от Бори нарекание, но не жалею.

Знаю, в те времена против Бори восстал Березовский, «гениальный злодей», как я его прозвала. Боря помешал его планам приватизации, и он всячески мстил и вредил. Березовский тогда владел ОРТ и был очень влиятельный.

Действовал он по методу: Немцова нет. Как он работал, что делал — не рассказывалось. Однако Немцов целые дни пропадал на работе и в Москве, и в различных поездках по стране и за рубежом. За все переживал, работал на износ.

Боря был доверчивый, открытый. Часто этим пользовались. Часто его подводили, а бывало, и предавали. Были и преданные, и порядочные люди, которые ему всегда помогали, — истинные немногочисленные друзья: Валерий Аникин (погиб в автокатастрофе в 2000 г.), Татьяна Алексеевна Гришина — помощник губернатора, по-настоящему ответственный, честный, преданный друг. Таких людей мало. Были, конечно, и другие, но я говорю о тех, кого лично знаю.

Боря любил своих детей, был очень ответственным отцом. Считал, что дети должны быть обеспечены, должны получить хорошее образование. Он посещал родительские собрания. Дети ча-

сто отдыхали с ним. Иногда вместе ходили театры, встречались в кафе. Обязательно все поздравляли его с днем рождения, готовили выступления. На Бориных днях рождения все дети: Жанна, Антон, Дина, Соня — были вместе. Это доставляло ему радость. Он гордился своими детьми.

Боря относился к женщинам благоговейно, поэтому его все любили. Когда-то в молодости я читала у Ленина, что интеллигентность мужчины определяется его отношением к женщине. Боря был интеллигент, интеллектуал, несмотря на то, что ругался матом (хотя я, кстати, никогда не слышала).

<...> Последний раз мы виделись в декабре 2014 года в гостинице «Волна» в Нижнем Новгороде. Показалось, что он похудел и немного ссутулился. О своем здоровье, о своих проблемах он не говорил. Мне нужно было больше спрашивать обо всем. Может быть, чем-то могла помочь. Как-то не доходило до сознания, что все настолько опасно.

БОРЯ ЛЮБИЛ ЛЮДЕЙ. ОН УМЕР, НЕ ПОДВЕРГНУВ НИКОГО ОПАСНОСТИ. ДЕВУШКА НЕ ПОСТРАДАЛА. ОХРАННИКОВ НЕ БЫЛО. МАШИНЫ, ГДЕ МОГ ПОСТРАДАТЬ ВОДИТЕЛЬ, ТОЖЕ НЕ БЫЛО.

Эмиграция?

Для него это было неприемлемо. Он не мог жить без России, вне России. Об этом — в его книгах.

«Смерть в краю родном милей, чем слава на чужбине».

Если бы не борьба против АСТ в Горьком в 1987 г.

Если бы не переезд в Москву в 1997 г.

Если бы многие люди знали, какой Немцов человек на самом деле.

Если бы...

Чувствую свою вину. Мало общались, мало звонили, мало говорили и говорили ни о чем. Я, кстати, никогда не произносила слова: «убить», «убьют» — никогда.

Верилось все-таки в лучшую судьбу, в ангела-хранителя. В известность человека, которого постоянно незримо охраняют. Вот человеческая наивность...

«Ну вот, сижу же здесь, живой, не погиб! Слова оказались пророческими. Хотя, надо признать, не погибший камикадзе — довольно редкое явление. На самом деле русскими камикадзе были все, кто хотел переустроить Россию. Александр Второй, Петр Столыпин, Ленин, Горбачев, Ельцин... В положительном или отрицательном смысле — все они камикадзе.

Россия — жестокая страна. И она не прощает людям даже то хорошее, что они хотели для нее сделать. Почему? Не знаю. Может быть, потому, что Россия — страна и европейская, и азиатская одновременно. Может быть, потому, что главный ее пафос: «Не троньте, я сама». В этом — залог успеха консерваторов, в этом — неизбежность ухода реформаторов, в этом — зигзагообразное развитие страны.

То, что я сейчас высказал, вещь на самом деле очень личная, но я действительно так думаю. Я не помню ни одного человека, кто совершил бы что-то очень важное и прогрессивное для России и не заплатил бы за это. Александр Второй много сделал для России — был убит. Я считаю, что Столыпин мог бы сделать Россию великой и почти уже сделал ее великой, — был убит. Горбачев. Он не был убит, слава богу, но и он, и Егор Гайдар — проклятые люди. Горбачев в меньшей степени, чем Гайдар, но со временем и с Гайдара спадет проклятие. Тут дело не в деталях, а в принципе. Все, кто хотел обустроить Россию, ошибаясь и спотыкаясь при этом, но хотел искренне, — все они Россией отторгались. Все... Все». (Из книги «Немцов в Москве», 1999, стр. 35–36):

*«Новая газета», 5.02.2016.
Записано в июне 2015, Нижний Новгород*

Борис Немцов

С ЧЕГО ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ...

Губернатором я работал в детстве — в 31 год.

Нижегородская область и вправду мощнейшая: на юге знаменитый Арзамас-16 — Федеральный ядерный центр, да и вообще, Нижний Новгород — центр фундаментальных физических исследований. Кстати, когда Ельцин назначил меня губернатором, он принимал во внимание, что я физик и с армией ученых и специалистов могу говорить на равных.

Нужно сказать, когда это было. В разное время и в России, и в Украине произошли бархатные революции: украинская — в 2004 году, это Майдан, а российская случилась гораздо раньше — 19 августа 1991-го года: я тогда был уже депутатом парламента и защищал вместе с Ельциным Белый дом.

А как избрали меня в Верховный Совет — это другая история.

Я физикой занимался, а тут коммунисты (уже шла перестройка, и дело, кстати, после Чернобыля было) решили построить в Нижнем ядерную котельную — то есть реактор для выработки не электроэнергии, а тепла. Через него они хотели пропустить змеевики, в которых вода нагревалась бы и под огромным давлением шла бы на отопление города. Мне эта идея казалась полным безумием, и не потому что я против ядерной энергетики (физик ее противником быть не может), просто, на мой взгляд, это бред — соединять высокие технологии с гнилым коммунальным хозяйством.

Там же все латано-перелатано, постоянные аварии, канализация течет, а рядом стоит реактор — 300 атмосфер и гонит воду, разогретую на выходе до 200 градусов, в изношенные проржавевшие трубы. Что интересно, строили эту котельную недалеко от квартиры Сахарова — опальный академик, как известно, был сослан в Горький и жил под домашним арестом в микрорайоне Щербинки. Андрей Дмитриевич тоже был категорически против этого сооружения, и правда, нигде в мире такие эксперименты над городом с населением в полтора миллиона человек не проводят. Я коллегам не раз говорил, что по поводу этой безмозглой затеи думаю, но на

публику свое мнение не выносил, даже не собирался: работал в теоретическом отделе крупного института, хотел защищать докторскую диссертацию...

В конце концов, мама, а она у меня врач-педиатр, возмутилась: «Сынок, ты с ума сошел — все какие-то формулы пишешь, статьи. Кому они нынче нужны — у нас того и гляди город взлетит на воздух. Давай, действуй». Легко сказать: «Действуй!», а как? Советская система еще на плаву, всем заправляет компартия, а коммунистом ни одной секунды я не был и всегда плохо к ним относился.

«Мама, — переспросил, — а что я могу сделать?». — «Для начала, — дала она мне совет, — напиши в газеты о том, почему ты против этой котельной. Все-таки ты ученый — может, прислушаются». Что ж, набросал я несколько страниц и отправил в «Нижегородский рабочий» — была такая популярная газета. Письмо, к моему удивлению, опубликовали.

Но еще больше я был потрясен, когда хлынули тысячи откликов от читателей — на мои научные статьи и сотой доли этой почты не приходило. «Как вы доходчиво объясняете, — писали люди, — давайте это безобразие прекращать: нужна массовая кампания». В итоге они стали являться ко мне в институт, а поскольку там была строгая пропускная система, подолгу стояли, дожидаясь меня, только бы пообщаться.

«Почему вы пришли ко мне? — спрашивал, — Я, вообще-то, физикой занимаюсь, то да се», а они в ответ: «Отсидеться в стороне не удастся». Тут как раз Горбачев объявил первые в СССР свободные выборы и на них по нашему округу в российский парламент были выдвинуты 12 кандидатов: 11 коммунистов и Немцов. Что интересно, все мои соперники остались ни с чем.

Кстати, округ был очень большой, но истратил я в пересчете на нынешние деньги тысячу долларов. Люди причем сами ходили по домам, развешивали мои портреты в автобусах, раздавали листовки. «Это человек, — убеждали они, — который спасет нас от ядерной угрозы»... В итоге меня избрали, а вскоре мы познакомились с Ельциным...

из передачи «В гостях у Дмитрия Гордона», 2008 год

Нижегородскими активистами в библиотечных архивах была найдена та самая, первая статья Бориса Немцова (тогда старшего научного сотрудника НИРФИ), с которой и началась его общественно-политическая деятельность.

Газета «Горьковский рабочий», № 153, 2 июля 1988 г.

Почему я против АСТ

Я категорически против строительства АСТ. Причины следующие.

АСТ находится очень близко к черте городе, совсем рядом, и это несмотря на то, что после Чернобыля были внесены коррективы в практику подбора площадок для сооружения объектов ядерной энергетики. В частности, в интервью еженедельнику «Аргументы и факты» (№20, 1988 г.) начальник отдела информации и международных связей ПО «Комбинат» Минатомэнерго СССР А. Коваленко отметил, что «расстояние от будущих станций до населенных пунктов увеличено». Но в то же время, поскольку строить АСТ на большом расстоянии бессмысленно из-за чрезмерной потери тепла,

эти жесткие правила на АСТ не распространяются.

Как уже говорилось, Горьковская АСТ — первая в мире, а значит, экспериментальная. Об этом, в частности, говорится в статье министра (Атомная энергия, 1987. т. 63, вып. 5): «строятся две опытно-промышленные одноцелевые АСТ для отопления городов Горького и Воронежа. Их эксплуатация должна определить экономические и экологические преимущества таких атомных источников теплоснабжения». Такого крупномасштабного эксперимента с несколькими миллионами людей история еще не знала.

А как обстоят дела за рубежом?

Несмотря на большое количество проектов, западные

страны отказались от строительства АСТ. В частности, об этом недвусмысленно было заявлено Финляндией на пятом международном семинаре по энергетическим проблемам. (А. Э. т. 61 вып. 1986) Слишком велик риск! Более того международная организация по контролю за использованием атомной энергии — МАГАТЭ даже не разрабатывает норм для подобного рода сооружений. Не потому ли, что идея АСТ весьма и весьма сомнительна?

Не исключена возможность аварии. На АСТ установлен реактор водо-водяного типа, относящийся к

наиболее безопасным реакторам, тем не менее вероятность аварии существует. В частности, известная авария на Три Майл Айленде, в Пенсильвании в 1979 году произошла именно на таком реакторе. В целом, объекты ядерной энергетики нельзя отнести к разряду безопасных. Не говоря уже о всем известных авариях, отметим, что, по американским данным, в США происходит до трех тысяч аварий на АЭС ежегодно! («Советская Россия», 7 октября 1987 г. А. Лазарев «Снаряд замедленного действия»).

Особое беспокойство вызывает брак в монтаже ре-

актора и самой станции. Волосы встают дыбом, когда читаешь репортаж с «Атоммаша» о выпуске реакторов с трещинами и другими дефектами. («Дон», № 10, 1987 г.) О возможности строительного брака говорит и зам. министра атомной энергетики СССР А. Лапшин. Он отмечает, что «строительный брак на АЭС, к сожалению, не редкость. Особенно при выполнении скрытых работ, когда он не виден за слоями облицовки, штукатурки и шпаклевки. Контроль за качеством в процессе строительства явно недостаточен». («Известия». 9 декабря 1987 г.).

В статье академика Легасова читаем: «Все, кто бывал на стройках АЭС, поражались возможности работать на таких ответственных объектах, как на самой халтурной стройке... На одной атомной станции в главный трубопровод по сварному шву вместо того, чтобы правильно осуществить сварку, сварщики просто заложили электрод, слегка его приварив сверху. Могла быть страшная авария, авария ВВЭРовского аппарата (ап-

парат как на «нашей» АСТ) с полной потерей теплоносителя с расплавлением активной зоны... Начались разбирательства... стали смотреть документацию, там были все подписи: и сварщика, где он качественно сварил шов — шов, которого не существовало в природе... Потом проверяли на многих станциях эти же участки и не везде было все благополучно».

Горьковская АСТ вряд ли отличается от других объектов в лучшую сторону. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в интервью «Строительной газете» 14 мая 1987 г, начальник инспекции Госатомэнергонадзора на ГАСТ К. Григорьев признал, что «должной культуры строительного производства мы здесь еще пока не добились». И далее: «Даже в такой ответственной отрасли машиностроители умудряются поставить оборудование с различными изъянами. Примеры: страховочный корпус энергоблока производства завода «Волгоцеммаш», крышка реактора и ряд агрегатов ПО «Атоммаш», насосы Сумского насосного завода, задвижки и вентили Курган-

ского арматурного завода...». Комментарии излишни.

дела, но которых хотят сохранить».

Несмотря на существующее соглашение об экспертизе новых сооружений ядерной энергетики, эксперты МАГАТЭ на станцию не приглашены. Требование допустить экспертов МАГАТЭ — отнюдь не дань моде. Это — необходимая мера, призванная обеспечить четкий контроль за станцией. Госатомэнергонадзор — вряд ли способна это сделать должным образом. За доказательствами далеко ходить не надо. В известной статье акад. Легасова («Правда». 20 мая 1988 г.) говорится о том, что представители Госатомэнергонадзора, находясь на Чернобыльской АЭС во время аварии, были не в курсе проводимого там эксперимента. О надежности этой организации с тревогой пишет известный экономист Гавриил Попов («Московские новости», 5 июня 1988 г.): «Трест, призванный контролировать АЭС, заложен непригодными работниками. Ибо в контролирующие инспекции сбывают тех, кто не тянет другие

Важным с нашей точки зрения, является вопрос об отсутствии открыто публикуемых данных о радиационной обстановке. По существу, Советский Союз является единственной ядерной державой, где эти данные держатся в секрете. Граждане нашей страны не могут приобрести приборы дозиметрического контроля. Остается только надежда на то, что власти будут предупреждать о возросшем радиационном фоне. Чернобыльский опыт, однако, показывает, что делается это крайне неохотно.

Не решена проблема захоронения станции. Дело в том, что через 30 лет станция становится небезопасной для обслуживающего персонала и должна прекратить свою работу. С ней нужно что-то делать.

В интервью, данном А. Легошиным («Известия», 4 декабря 1987 г.), по этому поводу говорится: «Что касается реакторов, отработавших свой срок, то мы находимся на стадии отработки концеп-

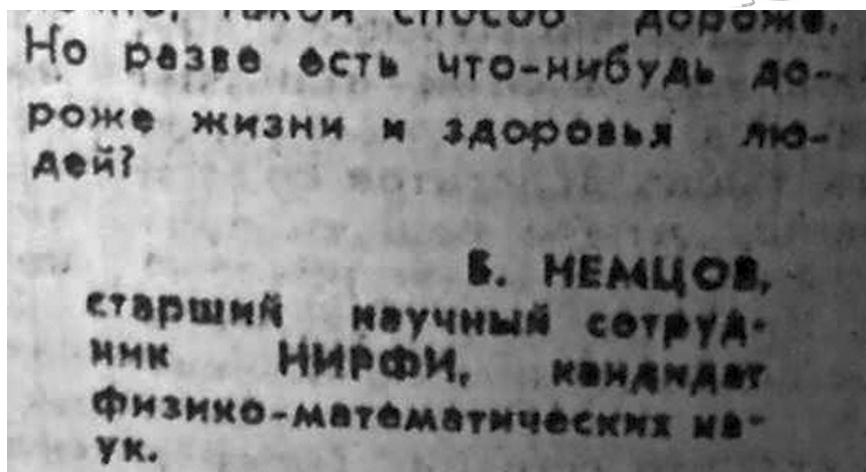
ции. Самый простой путь — освободить реактор от топлива, повесить на станцию замок... Самый сложный — все полностью демонтировать, снести и на этом месте восстановить уголок первозданной природы. Нам видится третий путь. Все радиоактивное оборудование... демонтировать, разрезать и отправить в хранилище, а оставшиеся помещения использовать под другие технологии». Как видим, окончательного ответа на этот вопрос пока нет. Так неужели мы уподобимся королю, заявившему: «После нас хоть потоп!»

Когда сооружаются крупномасштабные объемы типа АСТ, в первую очередь принимаются во внимание соображения государственной безопасности. Я не хочу рисовать апокалипсические картины ядерной войны, когда существование или отсутствие АСТ никакого значения не имеет, а вот исключить возможность неядерного конфликта или тщательно спланированной диверсии было бы непростительной наивностью. В этой ситуации будут заражены не

только индустриальные центры Горький, Дзержинск, Кстово и Бор, но и все Поволжье. Ведь станция находится в междуречье Оки и Волги. В статье председателя Государственного комитета по использованию атомной энергии А. М. Петросянца (А. Э., 1986, т. 61, вып. 1) по этому поводу говорится: «Последствия бомбардировки атомной станции даже с применением обычного оружия будут значительнее и тяжелее, чем при любой аварии, т. к. при сильных повреждениях реактора в атмосферу могут быть выброшены практически все накопленные в нем материалы.

На мой взгляд, приведенных аргументов вполне достаточно, чтобы задуматься над этой жизненно важной проблемой и решить вопрос в пользу закрытия станции. В Горьком работает несколько инициативных групп, собирающих подписи под обращением в Совет Министров СССР, ЦК КПСС с требованием закрыть станцию. Собрано около 20 тысяч подписей.

Какой же альтернативный вариант в этой ситуации су-

ществует? Что касается АСТ в Горьком, то ее можно, например, переоборудовать под газовую котельную (опыт переоборудования атомной ТЭЦ в обычную можно заимствовать у минчан, где решение о закрытии атомной ТЭЦ уже принято), а проблему отопления городов с использованием атомной энергии нужно решать по-другому. Один из вариантов — по-

строить АЭС вдали от города, а котлы нагревать посредством электричества, вырабатываемого на АЭС. Конечно, такой способ дороже. Но разве есть что-нибудь дороже жизни и здоровья людей?

Б. НЕМЦОВ

*старший научный сотрудник
НИРФИ, кандидат
физико-математических наук.*

Алия Судакова, телеведущая

Яркий, смелый, талантливый. Веселый, красивый, живой... В нем всего было с запасом — интеллекта, харизмы, обаяния, силы, роста.

Почему-то мне всегда казалось, что Борис Ефимович — из тех, кто заточен под долгую жизнь. В окружении соратников, друзей, детей, поклонников и поклонниц. Он весь кипел позитивной энергией. Он любил женщин и детей и они отвечали ему взаимностью. Мои дочери, которые прекрасно чувствуют фальшь, висли на нем каждый раз, когда он заходил в гости, мне даже было неудобно перед ним (и он ни разу не пришел без подарков для них).

Он внушал удивительное ощущение надежды. На лучшее. Для этой страны... Для нас для всех. Невозможно поверить в его смерть. То есть, вглядываясь в тело, распростертое на каменном мосту, понимаю, что это Немцов. Но эмоционально принять не могу.

Боря, Боря... 55 лет — не возраст для мужчины, для политика. Понимал ли он сам, что рискует? Конечно, понимал, но не боялся бросать вызов. Потому что был уверен, что все можно изменить. Что он и все мы можем вернуть эту страну, заплутавшую в потемках, на ясный и светлый путь. Он верил в людей, он считал, что можно вразумить, объяснить, доказать. У него был опыт. Был дар убеждения. Были знания, была вера, были люди, готовые помогать. Но вот теперь нет его самого. Он погиб за день до весны.

Прощай, Борис Ефимович. Прости нас.

Лучшие уходят первыми. Только куда идти теперь всем нам?

И знаете что — кто бы это ни был — патриоты, чекисты, ярославская мафия, в борьбе с которой он преуспел — я не верю, что такие решения принимаются без санкции сверху...

Последние четыре дня я все время выпадаю из реальности. Обнаруживаю себя с телефоном в руках, и не могу вспомнить, кому собиралась звонить. Открываю новость на информационном сайте, скольжу глазами по строчкам, и не понимаю, о чем идет речь... У меня такое ощущение, что мир, в который мы все по-

пали, неправильный. И точкой разлома, точкой перехода к нему стала смерть Бори Немцова. Этого не должно было случиться, не должно. Новая реальность похожа на старую во многом, но что-то неуловимо изменилось. Как в рассказе Рэя Брэдбери про бабочку и сафари в мезозойской эре. И так же, как у Брэдбери, вернуться назад нельзя. «Теперь у власти железный человек» — именно эти слова становятся кульминацией ужаса для героя рассказа «и грянул гром», который раздавил случайно доисторическую бабочку в далеком прошлом, и обнаружил, что это привело к необратимым изменениям в настоящем.

Бору я знала давно, два десятилетия, и особенно мы сдружились в последний год, когда он почти два месяца жил в Израиле. Конечно, как и все вокруг, я им восхищалась — как политиком, как человеком, как отличным, хорошим парнем. Но ведь в моей повседневной жизни он не играл какой-то важной роли. Почему же его отсутствие ощущается, как недостаток каких-то важных атомов в химическом составе воздуха? Придет время, и мы, конечно, привыкнем дышать этим пустым воздухом, в котором не хватает чего-то главного. Привыкнем, что «у власти железный человек» и это некому изменить. И от этого горче всего.

март, 2015

Наталия Лисицына

ВСПОМИНАЯ БОРИСА НЕМЦОВА

За спиной Бориса Немцова было много: блестящая научная деятельность, сумасшедший взлет политической карьеры, яркие романы, разоблачительная критика власти... А еще четверо детей от трех женщин и старенькая мама, которые чувствовали себя за его спиной, как за стеной. Четыре выстрела в одно мгновение сокрушили эту крепость, которая казалась такой незыблемой...

...В ту субботу я впервые в жизни оказалась несостоятельной как журналист — не смогла написать ни строчки о гибели Бориса. Сразу же после страшного известия у меня кончились слова. Совсем. Все казалось фальшивым и недостойным памяти порой противоречивого, но искреннего и жизнелюбивого человека.

Не буду строить версии, этим и без меня есть кому заняться. Просто несколько воспоминаний (мы были знакомы с того времени, как Борис стал губернатором Нижегородской области. Не терялись. Последний раз мы общались в Фейсбуке 3 февраля).

Край непуганых журналистов

Вопреки распространенному мнению, это не Борис так назвал нашу область. Столь меткое словосочетание примерно в 1993–94-м обронули коллеги из Ульяновска.

Случилась какая-то большая пресс-конференция, на которой присутствовали журналисты из других регионов Поволжья. Ульяновск находился, как тогда говорили, в «красной зоне», губернатором был коммунист, область сидела на талонной системе.

Борис опаздывал, нижегородских журналистов пытали коллеги:

— На сегодняшнюю пресс-конференцию с вас вопросы заранее собирали?

— А как это — заранее?

— И что, можно о чем угодно спрашивать?

— Конечно!

— А у вас аккредитация в областную администрацию есть?

— Нас по удостоверениям прессы пропускают...

— Всех?!

— Всех, — пожимали мы плечами, еще не представляя, что может быть по-другому. И что «золотой век» журналистики окажется длиною всего в 10 лет.

В это время влетел Борис, знакомых девчонок-журналисток чмокнул в щечку, парням пожал руки, отпустил какую-то шутку и прошел в президиум.

После пресс-конференции кто-то из ульяновцев с тайной завистью вздохнул:

— Да у вас тут просто край непуганых журналистов...

Определение прижилось.

«Будет вам комментарий! Сначала поешьте»

В 1996 году на выборах президента страны в Нижегородской области Ельцин и Зюганов почти до часу ночи шли «ноздря в ноздрю». У монитора, выставленного в фойе областного Законодательного собрания толпились депутаты и журналисты. Ближе к половине второго наметился явный перевес в сторону Ельцина, и мы втроем — Наташа Астафьева из «Интерфакса», Юлия Кенигсбергер из «АиФ-НН» и я (тогда работала в газете «Дело») пошли в областную администрацию, чтобы взять комментарий Бориса Немцова.

... Двери в кабинет закрыты, слышен гул голосов, периодически — при поступлении новых данных по обработанным бюллетеням — взрывающийся, как на спортивных матчах. Мы торчали в приемной. Наконец, удалось перехватить помощника Немцова, Александра Котюсова:

— Саш, скажи Борису Ефимовичу, нам его комментарий нужен!

— Ага! — и он скрылся за дверью.

...После очередного взметнувшегося всплеска голосов из кабинета раздалось характерное хлопанье и звяканье, — начальники открыли шампанское. Еще минут двадцать томительного ожидания под дверью (бутерброды мы захватить с собой не догадались, а есть хотелось немилосердно). И вдруг дверь распахивается настежь, на пороге — что-то жующий Борис:

— Девчонки, вы, наверное, голодные! Пошли к нам!

— Борис Ефимович, а комментарий...

— Будет вам комментарий! Сначала поешьте.

Так мы с руководителями областной администрации отметили победу Ельцина. Никто из них присутствию журналистов за праздничным столом не удивился — это было в порядке вещей. А вице-губернатор Юрий Лебедев при нас отдал Немцову свою месячную зарплату (год назад они поспорили: состоятся ли выборы президента? Лебедев склонялся к тому, что их отменят, но проиграл).

«Тайная вечеря»

В 1997 году уже в ранге первого вице-премьера страны Борис Немцов часто навещался в Нижний Новгород. Я не помню, откуда пошла традиция, но в том случае, если он прилетал с ночевкой, раздавался звонок Александра Котюсова, поздно вечером машина «собирала» несколько журналистов, которые в то время писали о политике и экономике, и мы ехали на ведомственную дачу Немцова в Зеленый город. После взаимных приветствий встреча начиналась с неизменного:

— Ну, рассказывайте!

Он переживал за оставленную губернию, порой чувствовал себя виноватым за то, что обещал на выборах губернатора в 1995-м работать четыре года, а уехал в Москву через полтора, и ему мало было только чиновничьих рапортов.

А поскольку «гайки» прессе еще никто не закручивал, информации о состоянии дел в регионе у нас хватало. Во всяком случае какую-то картину истинного положения вещей он получал.

... В своих немаленьких архивах обнаружила расшифровку пресс-конференции Бориса Немцова после назначения первым вице-премьером перед его отъездом в Москву. Март 1997 год. Дословно: «Теперь в отношении моей жизни. У меня работа довольно опасная. Но, с другой стороны, это нормальная мужская работа, и в этом смысле я как бы не очень чего-то опасуюсь... Понимаете, судьба — она предрешена на самом деле. Если у меня на роду написано, что конец будет таким — значит, таким он и будет. А может быть, все-таки какая-то счастливая звезда и есть. Не знаю. Поживем — увидим».

НЕ ПРЕДАВАЙТЕ ПАМЯТЬ ОБО МНЕ!

*Простите все, кому не позвонил я,
И те, кому я что-то обещал.
Убита моей жизни половина.
Остались только память и душа.*

*Мне сверху видно, как с моим портретом
В Москве на площадь улица течет!
И нереальным кажется все это –
Со смертью у меня особый счет!*

*Я помню эту белую машину,
И страшный взгляд, полузакрытых глаз.
И маленького светлого мужчину,
Уверенно стреляющего в нас.*

*И в миг исчезли будущие дали,
Но улыбнулся, напоследок я.
Меня 4 раза убивали...
Расстрел — на фоне древнего Кремля!*

*И, вознесясь над милою Москвою,
Увидев Нижний Новгород вдали,
Ты в мир другой с усталой тоскою
Ворота осторожно отвори.*

*Здесь все идет, как в прошлой жизни нашей.
Есть партии — приличные вполне.
Когда утихнут митинги и марши,
Не предавайте память обо мне!..*

*Надеюсь, что когда-нибудь в итоге,
Исчезнут дураки в конце концов!
Появятся прекрасные дороги!
И будут помнить — жил Борис Немцов!*

ПЕТР ДАВЫДОВ

Анна Гор, директор Нижегородского филиала ГЦСИ

СВОБОДА КАК ПРИНЦИП

Что сделал Немцов для города? Он, собственно, его и сделал, тот Нижний, который пришел на смену городу Горькому. Он хотел видеть его таким, каким был сам: наполненным энергией, витальностью, интеллектом.

Это было бы невозможно без возвращения исторического имени, беспрецедентной открытости и бурного развития прессы, восстановленных храмов, международного аэропорта, Сахаровского фестиваля, переезда художественного музея в Губернаторский дом вместо горкома партии...

Масса дел и шагов, проектов и законов, инициатив и ошибок. Они были неизбежны в ситуации отсутствия опыта, важно, что делались они в азарте прорыва. В теперешних ошибках, увы, давно нет такого азарта.

Немцовский период в нашем городе, чуть больше пятилетки, был удивительным временем взлета — весь мир заговорил о «чуде Нижнего». Так назвал свою статью берлинский профессор Карл Шлёгел, и мы осознали, что живем в удивительном месте. Вслед за Борисом мы начали действовать — он был общим старым другом, знакомым по университету, НИРФИ, обкомовской столовке... Целое поколение «делателей», людей, задумавшихся о будущем города и реализовавших планы в начале 1990-х, сделали это потому, что чувствовали его силу и поддержку.

Когда в Москве на открытии выставки про нижегородскую архитектурную школу уже вице-премьер Немцов на вопрос «Как Вы помогали этому явлению?» несколько растерянно ответил «Я не мешал...».

Это было чрезвычайно показательно: чтобы что-то по-настоящему развивалось, должна быть свобода. Свобода Бориса Немцова, осознанная как принцип, дала шанс всем нам и нашему городу.

Дмитрий БЕДНЯКОВ, сейчас советник руководителя
Федеральной службы по тарифам,
тогда мэр Нижнего Новгорода

ГЛАВНАЯ ОШИБКА — УЕХАЛ В МОСКВУ

Мы оказались во власти в трудное время. Спасали город и область от разрухи и безвластия. Но мы справились. А потом Боря ведь был необычный губернатор. Внешне привлекательный, молодой, сексуальный, при этом умный, креативный, энергичный. Он привлекал к себе большое количество людей.

Он все время придумывал идеи и хотел, чтобы они как можно быстрее реализовывались. Многие вещи мы создавали совершенно новые, которых не было еще в других городах, на нас ориентировались, нас приводили другим в пример.

Боря был своеобразной витриной Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Вдобавок он общался с иностранцами на английском. Это тоже привлекало людей из-за границы. Как так, в дремучей России есть молодой, прогрессивный губернатор, да еще говорит по-английски!

Когда я был мэром, у нас были разногласия. Боря, как творческий, креативный человек, всегда хотел, чтобы результат наступал быстрее. А я, как юрист, пытался увидеть в этом какие-то процедуры и сделать так, чтобы это было законно, обоснованно и никто потом ничего не изменил. В итоге он в 1994 году добился моего снятия с должности. Но он же был инициатором отмены этого указа о снятии в 1997 году. И мы поддерживали хорошие отношения. Он говорил: «Я сделал две ошибки в своей жизни. Первая — когда уехал в Москву, вторая — когда снял Беднякова».

Жизнь покажет: либо это убийство останется нераскрытым, как убийство Листьева, либо достаточно быстро будет найден исполнитель, а может быть, и заказчик.

Борис СИЛЕНКО, сейчас советник главы администрации
Нижнего Новгорода по экономическим вопросам,
тогда советник губернатора по экономическим вопросам

«НЕМЦОВКИ», ЖИЛЬЕ ВОЕННЫМ, ОБОРОННЫЕ ЗАКАЗЫ...

Сейчас много пишут о катастрофе в экономике из-за нефти по 60 долларов, а тогда мы работали при цене 10\$. И все равно удалось многое сделать. Мы не все умели и многому учились.

Произошел слом экономики, который не от нас зависел. Сложилось жесточайшее положение с социальными отраслями, нужно было срочно запускать какие-то новые механизмы. И от силы и энергии людей, которым все это было доверено, очень многое зависело.

Многие вещи были беспрецедентными, мы были пионерами. В частности, мы организовали несколько займов — это был подчас единственный способ, чтобы что-то работало.

Например, когда разразился жесточайший кризис наличных денег в стране, нечем было выдавать зарплату. А по взаимозачетной схеме электричку не купишь. И в тот момент было принято решение: пока нет денег в Москве, пойти на замещение федеральных денег. Тогда их называли «немцовками». Мы их напечатали. Конечно, в стране не должно быть второго денежного обращения, но в тот момент вариант бумажных займов был решением. Однако Центральный банк все-таки напрягся и прислал нам (первым из регионов) два железнодорожных вагона наличных денег. Проблема была решена, зарплату выплатили. А «немцовки» мы все-таки распространили в качестве займа. Они принесли прибыль в бюджет и доходы гражданам.

Но еще более интересные вещи были, когда работали длинные деньги. Эти займы реально потрачены на инфраструктурные проекты, которые выстрелили потом. На эти займы мы создали инфраструктуру для строительства на Деловой, там же не было ничего. Это потом оказалось очень востребованным.

Очень удачный опыт — жилищные сертификаты, которые сейчас активно используются по всей стране, а были придуманы в

Нижегородской области. Первым делом мы работали по деньгам для военных.

Когда остановились все наши оборонные заводы, не было заказов. Все только говорили о конверсии, а денег на нее не было. Мы тогда в конкурентной борьбе придумали такую интересную вещь: когда у нас гостил Ельцин, его попросили подписать указ, по которому нашим предприятиям разрешалось налоги, предполагавшиеся в федеральный бюджет, оставить в области. И дальше в течение трех лет мы эти деньги аккумулировали в Нижегородской области, пускали их именно на эти производства. Это было сильной победой.

Мы активно бились за оборонные заказы. В чем силен был Немцов? Он не был небожителем. Он реально шел в министерские коридоры к конкретной тетеньке, через которую все проходило, улыбался ей и своим обаянием добивался и денег, и оборонных заказов для Нижегородской области. И мы многие заводы отстояли.

Александр Шаронов,

*депутат Законодательного собрания Нижегородской области,
председатель правления ОАО «НБД-Банк»*

ФОНД МАЭСТРО

Борис Ефимович пригласил в Нижний Новгород Мстислава Леопольдовича Ростроповича, с которым был знаком с обороны Белого дома от ГКЧП в 1991 году, и Галину Павловну Вишневскую. Они проехали по области, в частности, побывали и в Ваче, осмотрели больницу, к которой в то время возводился пристрой. Маэстро сам захотел сделать для области что-то полезное.

В ходе той поездки и родилась инициатива создания благотворительного фонда Мстислава Ростроповича. Сопредседателями фонда стали сам Ростропович и губернатор Немцов.

На благотворительные средства, которые внес Мстислав Леопольдович, и средства спонсоров, которых они с Галиной Павловной привлекли своим авторитетом, своими именами, была проведена поголовная вакцинация детей в Нижегородской области с трех до семи лет от кори, гепатита Б и других заболеваний комплексной вакциной.

Сумма была огромной — примерно тридцать миллионов долларов. После проведения этой программы заболеваемость у детей, по статистическим данным, снизилась почти в десять раз.

Кстати, и пристрой к вачской районной больнице достраивался тоже на средства фонда Ростроповича.

После отъезда Бориса Немцова в Москву фонд продолжал работать, и сопредседателями в нем традиционно были губернаторы области.

Ольга ТОМИНА, директор и художественный руководитель
Нижегородской государственной академической филармонии
им. М. Ростроповича

НОВЫЕ ИДЕИ — ЕГО КОНЕК

Возможно, в Нижнем Новгороде прошли самые лучшие годы Б. Е. Немцова. Казалось, сама фортуна сделала его своим избранником. Молодой талантливый ученый, яркий, харизматичный человек, успешный руководитель крупнейшей российской области.

Креативно мыслящий, он охотно поддерживал любые новые идеи, в том числе и в культурном нижегородском пространстве: знаменитые ныне Сахаровский фестиваль, детский фестиваль «Новые имена» и оперный фестиваль «Болдинская осень».

Познакомившись с М. Ростроповичем, он с азартом присоединился к созданию нижегородского отделения его Фонда поддержки детской медицины и строительству детской районной больницы в г. Ваче. Устанавливал свои стипендии талантливым юным музыкантам.

В Москве он избрал себе другую судьбу.

Наталья БАХАРЕВА, руководитель комитета (департамента)
по охране и использованию историко-культурного наследия
г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области (1992–2002)

МЫ — ИЗ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

Став губернатором Нижегородской области, Борис Немцов не начал «чистку» кадров по принадлежности к прежней власти или партийному признаку. Он сказал: «Все, кто может и хочет работать, — пусть работают». Одновременно он формировал свою команду, и, чтобы стать ее членом, необязательно было личное знакомство. Нужно было прийти с конкретной программой.

Так случилось с организацией охраны памятников истории и культуры. К Немцову пришла инициативная группа с предложением создать специально уполномоченный государственный орган по охране историко-культурного наследия Нижегородской области, и он сразу же поддержал эту инициативу. Нужно сказать, что о создании таких государственных органов ревнители древностей просили власть еще со времен Российской империи, однако ни тогда, ни в советские времена выше уровня общественных организаций и хозрасчетных структур при управлениях культуры охрана памятников не поднималась.

Немцов стал организатором первого в России регионального государственного органа нового типа, и область очень быстро стала российским лидером в этом направлении. При нем была сформирована региональная нормативная база: разработано и принято около 200 нормативных правовых актов, из них более 90 — регламентирующие режимы содержания и использования территорий и зон охраны памятников и исторических поселений. Благодаря этому на государственную охрану было поставлено около полутора тысяч памятников истории и культуры.

В 1992 году у нас впервые в России был разработан правовой механизм возвращения религиозным организациям культовых зданий, в 1995 году — порядок приватизации находящихся в областной собственности местных памятников истории и культуры, позволяющий привлекать в сферу реставрации частные инвестиции. В 1996 году была обеспечена подготовка договора о разгра-

ничении собственности и полномочий в сфере управления культурным наследием между органами государственной власти РФ и Нижегородской областью. Министерство культуры РФ по договору делегировало ряд своих полномочий государственному органу Нижегородской области.

Эти действия во многом опередили и предвосхитили современные тенденции, которые начали входить в практику в Российской Федерации только после принятия в 2003 году Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

В 1990-е годы велась реставрация десятков объектов наследия. Была специальная программа «Возрождение храмов Нижегородских», которая финансировалась из губернаторского фонда. Выделялись средства на первоочередные нужды по восстановлению культовых зданий всех традиционных конфессий, но особая поддержка с учетом этно-конфессионального состава области оказывалась православным церквям и монастырям.

Митрополит Арзамасский и Нижегородский Николай относился к Немцову с большой теплотой и отеческой любовью, зная, что молодой губернатор всегда откликнется, поможет и с возвращением храмов, и с их восстановлением, и с закладкой новых церквей. А еще, несмотря на разницу в возрасте и жизненном опыте, их объединяли демократичность, простота и доступность.

В 1990-е годы мы, выезжая за пределы области, с гордостью могли сказать: «Мы из Нижнего Новгорода!». Немцов как будто дал области свое лицо, наделил чертами своей личности: открытой, лишенной всякой косности, устремленной в будущее.

В родном городе бываю раз в месяц. Маму навещаю, друзей, приятелей. Продолжаю проект «Одаренные дети», который начал, когда был губернатором: выделяю стипендии победителям олимпиад: городских, областных и, естественно, российских. Задача поддержать талантливую молодёжь мне всегда представлялась важной и благородной. За те 9 лет, пока я его веду, около тысячи школьников стали участниками. Финансирую проект на личные деньги. Я выплачиваю ежемесячные стипендии раз в полгода, специально приезжаю ради этого.

(интервью «Новой газете в Нижнем», июль 2007)

Олег Кондрашов,
президент Корпорации «Цезарь» (г. Нижний Новгород)

Как и все нижегородцы, я знал Бориса как губернатора, как премьера, и относился к нему с уважением и почтением. Мое отношение к нему не изменилось и тогда, когда он «свалился» с Олимпа власти и был в некотором роде безработным. Когда меня с ним познакомил его брат Юрий, у Бориса был только маленький кабинетик.

Какое он произвел на меня впечатление? Простого, открытого человека. Я даже часто говорил ему: «Борис, ты слишком открыт, слишком доверчив». Но что удивительно: его противники бывали просто обезоружены его открытостью и доброжелательностью!

Аркадий Сигал

28 февраля 2015

Меня трясет от боли, ярости и скорби. Боря был моим товарищем, сокурсником, звездой радиофака. Все его любили в нашей юности, у него не было и не могло быть врагов. Очень живой, очень умный, доброжелательный, абсолютно порядочный. Он жил неподалеку от нас, играл в теннис на «Воднике», примыкавшем к нашему двору. Мы часто встречались на улице, или в какой-нибудь столовой и подолгу болтали. Еще до его ошеломительного политического взлета. Последний раз где-то за неделю до нашего отъезда из Нижнего и из страны. Боря понимал, но не одобрял. Он считал, что все совсем небезнадежно.

Я не видел его вживую 25 лет. Но скорблю о нем, как о родном человеке. Погибшем в бою. Вечная ему память. Не хочу обсуждать версии убийства, у меня версия одна.

Будьте прокляты, твари.

7 апреля 2015

Собирались с ребятами в память о нашем павшем товарище, Боре Немцове. Вспоминали о Боре, все больше забавные эпизоды, которые ему были так к лицу и к характеру. В меру выпивали, сначала не чокаясь, а потом уже и чокаясь тоже, что Боря безусловно бы одобрил. Я, когда подошла моя очередь, вспомнил историю, которую слышал от самого Бори. Ни разу с тех пор она мне не попадалась, хотя наверняка он рассказывал ее еще кому-нибудь. А может и забыл, что ему одна байка. Он жил невероятно насыщенно, куда насыщенней всех нас вместе взятых.

Было это где-то в конце 1980-х. Безмерно до этого далекий от любой общественной, а тем более политической активности, Боря неожиданно для себя самого стремительно превращался в местную супер-звезду. Как-то само получилось, что несколько раз аргументировано выступив против строительства городской АС, он возглавил борьбу экологов, фактически против всей городской верхушки. И стал невероятно популярен. Власть почему-то

перепугалась и подрядила местных гопников на подмогу. Гопники были незатейливы, все заборы быстро оказались исписаны «безотказными», казалось бы, лозунгами: «Немцов – еврей. Сахаров тоже еврей». Неудивительно, что Борина слава от этого только росла. Перестройка была в разгаре и у населения имелся некоторый иммунитет на властную пропаганду, тем более такую топорную.

Так вышло, что мы с Борей встречались чаще всего в обкомовской столовой нижегородского, тогда еще горьковского кремля. После двух часов дня туда пускали простых смертных и можно было вкусно и недорого пообедать какими нибудь остатками с барского стола слуг народа. Мы не договаривались, просто наше обеденное время совпадало. В один из таких совместных обедов Боря, посмеиваясь рассказал, что накануне его на дому посетили активисты общества «Память». (Тем, кто помнит 1980-е и начало 90-х, не надо рассказывать, что это за общество такое. А те, кто не в курсе, могут воспользоваться услугами Гугла или Яндекска).

Боря как раз заскочил домой перекусить, на столовую времени не было, а жил он недалеко от работы. И тут в дверь позвонили. На пороге стояли два качка в черных майках, вполне погромного вида. Они откровенно ошалели от более, чем спартанской обстановки бориного жилья и напряженно шевелили извилинами: кто, сука, предупредил сионистского прихвостня? Как он успел вынести из квартиры всю мебель, фарфор и хрусталь?

Громить было совершенно нечего. К тому же, хозяин не собирался их бояться. Все боялись, а этот стоит и лыбится. А потом идет на кухню. Качки за ним. Он открывает холодильник – практически пустой – и вынимает оттуда алюминиевую кастрюльку со вчерашними макаронами. – Тороплюсь, мол, ужасно. Вам, собственно чего? – А они молчат, потрясенные. Боря ухмыльнулся так, по-доброму: – Я, – говорит, – порубаю, если вы не против. Присоединитесь?» Эти кивают.

Хозяин быстренько разогревает макаронки на сковородке, все трое садятся за стол, молча их съедают. И так же молча расходятся по своим делам.

Такой он был, Боря Немцов. Никого не боялся, и всех держал за людей.

Александр Иванович Мартьянов,
доцент кафедры акустики ННГУ им. Лобачевского

Студентом Борис был целеустремленным и необычайно талантливым. По уровню знаний и способностей он был на голову выше своих сокурсников. Но Боря не почивал на лаврах своих талантов, он отличался завидным трудолюбием. Радиофак — самый сложный факультет в Нижнем Новгороде. Быть отличником удавалось редко кому, а ему — легко! Он схватывал все на лету. Причем он не был «ботаником», как принято сейчас говорить. Борис занимался спортом и вообще был всесторонне развитым человеком.

В НИРФИ мы с ним вместе работали, делали общую работу — были соавторами одной статьи. Надо сказать, что к соавторам Борис был очень требовательным, а бывало, даже жестким. Как-то высказал мне про одного из коллег: «Чего ты держишь этого бес толкового мужика, он же ничего не понимает?»

Он был не только талантливым ученым, но и большой души человеком. В свое время, уже будучи в Москве, он принял самое деятельное участие в судьбе моего сына, которому требовалось серьезное лечение и операция за границей. Борис оказал поистине неоценимое содействие, за что я и вся моя семья искренне ему благодарны.

Характеризовать Немцова можно самыми разными словами, и не только лестными. Например, свою точку зрения он неизменно считал наиболее правильной и точной. Переубедить его было невозможно. А вообще он был требовательный, искренний, не высокомерный, всегда откровенный и уверенный в себе человек. А его жизнелюбие просто било через край.

Нина Васильевна Горская,

доцент кафедры акустики ННГУ им. Лобачевского

Немцов всегда, в любой ситуации, проявлял интерес к людям. Я читала спецкурс на кафедре акустики, где учился Борис. Помню, как-то он пришел ко мне домой за книгой для дипломной работы. А у меня в это время родилась внучка, которой было где-то месяц. Боре очень захотелось посмотреть на малышку. Он попросил: «Я очень хочу увидеть вашу внучку. Можно? Мама у меня врач, и я знаю, что нельзя близко подходить к маленьким, но я только издали посмотрю». Ему было все интересно!

Учился он блестяще, никогда не был просто пассивным слушателем, на любой лекции стремился докопаться до сути. Если ему было что-то непонятно, он мог запросто остановить лектора, чтобы прояснить интересующий его момент. Он рано начал заниматься наукой и публиковал научные статьи еще в студенческие годы.

А каким он был спорщиком! У них на курсе комсоргом была очень активная девушка, и после лекций они постоянно много спорили. Все уже уйдут, а они все продолжают яростно дискутировать о том, что происходит в обществе.

Много лет спустя, придя однажды на кафедру, он неожиданно сказал мне: «Я уже забыл, что там писал в своих научных статьях, но очень сожалею, что все это бросил». А как мы все об этом жалели! Он защищал у нас кандидатскую, а если бы не ушел из науки, наверняка защитил бы и докторскую и стал бы профессором. В науке он бы далеко пошел, это несомненно.

Татьяна Павловна Прохорова, директор школы № 11

Бориса Немцова вся наша школа будет помнить всегда. Он никогда нас не оставлял без внимания. В бытность губернатором при его непосредственном содействии у школы появился новый пристрой, в котором разместились учебные кабинеты, большой спортзал, часть начальной школы, кабинеты администрации.

Даже уехав в Москву, он не забыл свою школу. Учредил и ежемесячно выплачивал премии пяти учителям (каждый месяц разным) и пяти разным ученикам (трем за отличные успехи, одному — за спорт, и одному — за культурные достижения на всевозможных российских и международных конкурсах). А одной своей учительнице, Вере Николаевне Чирковой, он выплачивал премию постоянно в качестве материальной помощи.

Он каждый год вывозил наших детей на экскурсии в Москву с посещением Думы, Кремля. Разве можно забыть все то доброе, что он сделал для своей школы и всех, кто в ней учится и работает?

Михаил Борисович Петров,
учитель физики школы № 11

В кабинете физики Боря сидел в среднем ряду на первой парте, а поскольку он был очень высоким, то его ноги постоянно торчали из-под стола и мешали мне ходить по классу. Он был парнем на редкость умным, находчивым и сообразительным. Как-то во время летней практики в трудовом загородном лагере нас всех не на шутку донимали комары. До такой степени, что спать в палатках было невозможно. Так Боря с друзьями где-то раздобыли корзину для мусора, засыпали в нее хвоей и шишками, поставили в свою палатку и подожгли, чтобы дымок отгонял комаров. Таким образом они спасались от кровососов каждую ночь. Но однажды корзина загорелась, и начался пожар. Так ребята вначале вытащили свои чемоданы, а только потом прибежали ко мне как к начальнику лагеря с криком: «Горим!»

Галина Григорьевна Петрова,
учитель химии школы № 11

Много классов прошло за годы работы, но класс, где учился Немцов, помнится особо. Бывало, где Боря, там всегда куча ребят, смех, шутки. От него исходила какая-то невероятная энергетика. С такими ребятами иногда трудно, они не ходят по струнке, но им какие-то шалости прощаются, поскольку они очень умны и стремятся к самостоятельности.

Мне казалось, что Боря никого и ничего не боится. У него на все было свое мнение, которое он высказывал обязательно и все делал по-своему. Как-то тогдашний директор школы Глафира Степановна сказала: «Борис, у тебя такая шевелюра! Постригись». На следующий день встречает его в школе, а у него на голове по-прежнему курчавый шарабан. Она ему: «Ты опять нестриженный!» Он достает полиэтиленовый пакет с волосами, показывает ей и говорит: «Глафира Степановна, вот доказательство того, что я постригся». На его шевелюре, правда, это практически никак не сказалось.

А был случай, когда они с ребятами вообще побрились налысо в знак протеста, что их заставляют делать короткие стрижки.

Екатерина Рафаиловна Иконникова,
учитель математики школы № 11

Боря часто был инициатором всяческих шалостей. Был случай, когда они с мальчишками из класса все как один принесли вместо сменной обуви домашние тапочки и целый день расхаживали в них по школе. А умный был какой! В выпускном классе он перерешал весь толстый задачник по математике для поступающих в вузы. Конечно, после этого школьная программа казалась ему элементарной.

**Павел Милославский, однокашник,
директор «Нижегородского центра немецкой культуры»**

Боря был не просто умный, в нем сочеталось удивительное умение точно формулировать задачи, находить пути их решения, анализировать их, то есть системно подходить к любому вопросу. Это было ему присуще еще со студенческих лет. Борис мог часами решать задачи, сидя на подоконнике в НИРФИ. Он легко сочетал учебу со студенческими компаниями и вечеринками, но всегда четко понимал: главное, зачем он находится в университете, — это наука. И если в разгар веселья у него вдруг возникала какая-то идея, он мог спокойно встать из-за стола и сказать: «Я пошел работать». Наука для него была в приоритете. Причем занимался он только тем, что ему было интересно.

Помню забавный случай из тех времен. После моей защиты диплома Боря, который защитился раньше, встретил меня с бутылкой финского ликера «Арктика». Мы «усидели» эту бутылочку и пошли гулять. Познакомились с девчонками и в кремле прямо перед зданием горкома партии начали перед ними выпендриваться, кто дольше на руках пройдет. А в те времена там был пост милиции. Они на нас смотрели-смотрели, а потом благополучно забрали. Мы просидели в отделении два часа, писали объяснительные. Знали бы они, что забирают будущего губернатора! Но что характерно, когда мы оттуда вышли, девчонки нас ждали. Он обладал удивительным личным обаянием. Буквально на днях у меня возникла мысль, как мне, кажется, точно характеризующая его: «Умный плеейбой рождается раз в 1000 лет».

Василий Курин,*однокашник, ассистент кафедры акустики радиофака ННГУ*

Мы познакомились с Борей, когда поступили на первый курс университета. Это был крепкий спортивный парень, пышущий здоровьем. Нас сразу отправили на месяц в колхоз на картошку. Те сельхозработы запомнились мне... погружением в бочку с родниковой водой. На улице был легкий морозец, а мы «моржевали». Инициатором, конечно, был Боря. Не помню уж, по какому поводу случилось это закаливание без необходимости. Возможно, нас подвигли на это однокашницы. Борис вообще был крепким физкультурником. Курсе на втором мы с женой как-то отправились прогуляться по парку. Была поздняя осень, хорошо подмораживало, кое-где снег лежал. И тут нам навстречу бежит Боря, который, несмотря на такую погоду, продолжал купаться в Оке.

Среди всех нас Боря выделялся не только любовью к спорту, но и серьезным отношением к учебе. Все его пятерки — это результат как таланта, так и титанического труда. Он начал заниматься научной работой со второго курса, раньше, чем все остальные. И к пятому курсу у него был очень хороший научный потенциал. Помню забавный случай, когда Боря попытался выручить меня на экзамене по дифференциальным уравнениям. Я получил билет — и понял, что ничего не помню. В это время Немцов уже сдал экзамен и благополучно вышел из аудитории со своей неизменной пятеркой. Узнав, что я «горю», он попытался мне помочь. Я сидел у самой двери, в которой было насверлено несколько дырок. Вот в одну из них Боря и попытался просунуть мне длинную шпаргалку, скрученную трубочкой. Преподаватель Александр Аронович эту «помощь» заметил: «Курин, ну берите! Это же вам выехала записка». Пришлось пересест на другое место, и подсказкой воспользоваться не удалось. Экзамен, кстати, я сдал, не списывая, но только на «удовлетворительно».

Лев Цимринг

ФИЗИК БОРИС НЕМЦОВ

А я вот не помню, как познакомился с Борей. Столько всего, что было потом, помню, а вот это — нет, не могу вспомнить. Как-то постепенно он вошел в мою жизнь. Мы были ровесниками и оба учились на радиофаке ГГУ, хоть я на курс раньше. Помню, как я поначалу обращал на него внимание со стороны, да и невозможно было не обратить: огромный, красивый, уверенный в себе, как сейчас мы это называем, cool. Ему было, в общем, плевать, что на нем надето, ходил в каких-то рваных свитерах. Однажды в мороз пришел на лекции в валенках. Девушки любили его всё равно, а может, еще и за это тоже. Помню их с его первой серьезной любовью — Инкой «Шляпой», это была сногшибательная пара, как будто из какого-то иностранного фильма... А потом мы все-таки в какой-то момент познакомились. Может, через Павлика Милославского или Толика Абрашкина (они тогда дружили, Толик тогда еще, помню, песню сочинил с рефреном «Павля, самбля и Немцов»), а, может, через семинары по нелинейной физике, которые организовали у нас на старших курсах ипфановцы Андрей Басович и Толя Фабрикант. Несмотря на плейбойский вид и повадки, у Бори была абсолютно незаурядная голова и очевидная страсть к науке, это чувствовалось сразу. После окончания универа мы как-то сблизились еще больше. И по работе — как оказалось, нас в науке привлекали близкие вещи, — и в теннис часто играли в садике Свердлова, вместе тусовались... А потом я решил жениться на девушке, которую Боря хорошо знал, она была ближайшей подругой той самой «Шляпы», с которой Боря к тому времени уже давно расстался. Помню, как он меня на это «благословил»: во-первых, она, говорит, умная, а главное, не стерва, что в красивой женщине встречается крайне редко. И вот уже скоро 30 лет, как я каждый божий день (ну, почти каждый) убеждаюсь в его правоте и благодарю его за это напутствие.

В науке Борю всегда интересовали задачи, связанные с динамикой, движением, неустойчивостями. Я сейчас уже задним числом подумал, что в этом наверняка сказывался его неумный чело-

веческий характер, драйв. Как примеры могу упомянуть серию работ по неустойчивостям и излучению волн частицами и объектами, движущимися со сверхсветовыми скоростями в оптически плотных средах, в плазме, когерентное излучение акустических волн перегретым паром, эффекты эха при нелинейном взаимодействии волн и частиц в плазме. Он очень много работал, быстро и легко писал статьи и уже в 1985 году защитился. Где-то во второй половине 1980-х мы начали с ним вместе думать над одной увлекательной задачей про распространение локализованных возмущений в неустойчивых сдвиговых течениях, встречались в обеденный перерыв, часами сидели на подоконнике рядом с НИРФИнской столовой и писали «на коленках» формулы. Мимо туда-сюда проходили коллеги и удивлялись: «Всё еще сидите? Ну-ну...».

Потом мы с ним вместе ездили в Москву рассказывать про эту работу на семинаре у Гинзбурга. Я туда попал в первый (и последний) раз, а он-то у Гинзбурга бывал и раньше, ведь считался прямым наследником знаменитой школы Гинзбурга в Горьком — через своих научных руководителей Николая Денисова и Вилена Эйдмана, которые были его (Гинзбурга) прямыми учениками. И атмосфера этого уникального семинара, и вся эта наша совместная работа — одно из самых моих ярких научных воспоминаний, хотя, к сожалению, наша статья на эту тему так, по существу, и не увидела свет, вышла только в качестве ИПФАНовского препринта. Я собрался в Америку, занялся другими задачами, Боря увлекся политикой, так мы это дело и оставили...

В 1990-е наши пути по понятным причинам разошлись. Я в Россию тогда не приезжал, Боря делал головокружительную политическую карьеру, и мне неловко было искать с ним контакта, не хотелось ни его компрометировать «иностранными связями», ни создавать ложное впечатление, что мне от него чего-то нужно, я предполагал, и, думаю, небезосновательно, что в то время у него образовалось чрезвычайно много новых «старых друзей». А потом начались нулевые, Боря полетел со всех постов, а я стал изредка заглядывать в Россию. И мы «нашлись», стали опять общаться, не часто, конечно, но всё же виделись раза три за эти годы, иногда перезванивались и переписывались. Что меня по-

разило при первой встрече после долгого перерыва, году, наверное, 2004-м, это насколько мало он изменился. Такой же веселый, азартный, громогласный, не стесняющийся в выражениях, а главное, такой же теплый и светлый человек. Всё и всех помнил, всем интересовался, мы болтали так, как будто не было этих бурных десяти с лишним лет, чем только не наполненных для нас обоих. Чрезвычайно приятно было его таким найти.

Когда началась война на Украине, Боря был в ужасе. Я внимательно следил за его «постами» на «Фейсбуке», и пару раз мы это с ним обсуждали «в личке». Хотя, в отличие от многих других, Боря и в личке, и в «публичке» говорил, по существу, одно и то же, своих мнений не скрывал и душой не кривил. Так и писал, что его страна «ох... ела», что надежды на ее скорое выздоровление у него нет, но и уезжать из России он не собирается. Считал, что его репутация поставлена на карту и уехать — значит ее потерять. Переубедить его в этом было невозможно. Да и любил он Россию, любил по-настоящему, нравилось ему там жить. И дети его все там, и мама, и любимые им женщины. Настоящий был мужик, во всем.

У меня, естественно, были большие опасения за его безопасность, но я всё же надеялся, что давление будет нарастать постепенно, типа как на Навального. Того, что случилось, не мог представить и в страшном сне. И до сих пор не могу поверить в то, что его нет. Было у Бори такое любимое выражение в 1980-е, «чарующая безысходность». Безысходность — это то, что я сейчас чувствую. Только она совсем не чарующая. Тяжело очень. Очень.

10 марта 2015

Я НА МОСТУ

*Я на мосту. Вчера он был в цветах –
Но город сдан стервятникам на милость,
И в город кто-то впрыскивает страх.
Я не боюсь. У них не получилось.*

*Я тут, я в самом центре пустоты –
Широкий мост, застреленный мужчина...
Да, очень просто выкинуть цветы.
Но очень сложно спрятать их причины.*

*Послушай, ты, неведомый злодей,
Я говорю, моё лицо открыто:
Мы запрещаем убивать людей
Кадыровским или иным бандитам.*

ДАША ПОЛЯКОВА

... Я видела Бориса Немцова живьем всего несколько раз. В основном в 1995–96 годах, когда он еще был самым молодым российским губернатором, и потом еще раз, когда он уже перебрался в Москву, после своей бесславной «ходки» в правительство. Но мне до сих пор кажется, что тогда он постоянно витал где-то рядом — столько о нем было разговоров в самых разных кругах.

«Просыпайтесь, господа москвичи и нижегородцы», — говорили проводницы с легким волжским оканьем, стуча в купе, когда московский поезд приближался к вокзалу. Господа — это звучало гордо: наш исконно купеческий Нижний — столица рыночных реформ!

И сразу, чуть ли не прямо в поезде, начиналось: Борис Ефимыч, Борис Ефимыч... Его имя летало в воздухе, как цветной воздушный шарик, и произносилось с придыханием. Он самый умный, самый передовой, самый честный! Он эколог, общественник, наконец, он просто красавец. Вся интеллигенция Нижнего — в том числе мои родственники, их многочисленные друзья и знакомые — была в него немножко влюблена. А кое-кто — даже и множко. Можно было наблюдать, как около 6–7 часов вечера все скамейки в кремлевском парке вокруг здания областной администрации занимали нежные местные барышни. Они садились, как куры на насесте, в пестрых платицах из трескучего синтетического шелка, открывали наборы с косметикой и начинали краситься. Как только губернатор с гигантским мобильником около уха (редкость в провинции!) сел в свою «волгу», скамейки тут же пустели.

Летом 1996 года я ездила в командировку по Нижегородской области — писала о том, как областной отдел социальной защиты населения выполняет программу борьбы с безработицей в селе. В Арзамасе поддерживали народный промысел — плетение из ивовой лозы, организовали мастерские, где изготавливали плетеную дачную мебель. По тем временам это была инновация, ведь

импорта еще было мало, а традиционные промыслы загибались. На ночь я остановилась в арзамасской гостинице при мэрии.

С милой сотрудницей арзамасской администрации по имени Наташа мы проговорили почти до утра. Как вы думаете, о ком? О Немцове, конечно. «Он у нас не только умный, но и добрый, — он даже хотел взять на воспитание девочку из детского дома. Ездил с подарками в детдом, и прямо в одну душу: возьму, и все. Жена, правда, отговорила, сказала, у нас и так нет времени... А еще у нас один кооператор хорошие джинсы шьет, так он купил у него джинсы при всем честном народе и сказал — вот так надо шить, чтобы губернатору захотелось носить продукцию! А еще...»

Таких историй за ночь было рассказано много. Наташа даже показывала мне трогательную фотографию — высокий, молодой, красивый мужчина с корзиной, набитой мягкими игрушками, в одной руке, другой обнимает девочку лет пяти. Мимимишно, сегодня сказали бы в Интернете. Я до сих пор жалею, что не взяла ту фотографию на память... «Но ведь людей без недостатков не бывает», — засомневалась я. «А у нас есть такой человек. Мы же растим будущего президента», — заключила Наташа.

В те годы он в самом деле был энергичным, ярким и невероятно колоритным — нет, не бывало еще на Руси таких губернаторов и вообще таких чиновников. Местное телевидение транслировало образ обаятельного и харизматичного героя-богатыря: он появлялся ниоткуда, как сказочный Лознгрин, нависал во весь свой огромный рост и всегда вступался за кого-то несправедливо обиженного или громил своим хрипловатым басом кого-нибудь из подчиненных за недоработки. Жители Нижнего говорили: «А где Борис Ефимыч? Да опять где-то в области, ленточку перерезает...»

В декабре того же года я снова приехала в Нижний — и попала на пресс-конференцию Немцова в кремле. Он только что вернулся из Англии, рассказывал о том, как побывал на приеме у королевы Елизаветы, как им восхищалась Маргарет Тэтчер. Я задала какой-то несущественный вопрос, потом попросила разрешения подарить ему журналы с той самой, уже вышедшей статьей о плетеных креслах Арзамаса. Подошла ближе. У губернатора

были удивительные глаза: черные, со странным кошачьим разрезом, с мальчишеской озорной искоркой, и немного усталые. Он склонился чуть ли не вдвое, поблагодарил и сделал вид, что пролистывает журнал.

Наконец, еще одна встреча — уже в Москве, после дефолта, на первом учредительном съезде СПС. Я стояла за пятой колонной Колонного зала, а он сидел в президиуме. Потом, на обязательной пресс-конференции, я снова подошла к нему. Он немного заматерел, и в его раскосых глазах уже не светились озорная мальчишеская искорка. «Вы помните, я к вам приезжала в Нижний из Москвы и привозила журналы?» — «Помню. Вы писали что-то там про арзамасские мастерские... Правильно?»

Удивительно! Вот это память! С тех пор ведь прошло почти три года! Тем более, что его всегда атаковали сотни журналистов, и не только в России!

«Можно, я подарю вам свою картинку?» — я тогда увлекалась монотипией — акварельными оттисками, отпечатанными стеклом. «Ох, подарите мне что-нибудь», — устало вздохнул он. И я вручила ему маленькую монотипию с изображением надутого ветром алого паруса. «Это символ надежды»...

Нина Зверева,

журналист и педагог, директор центра «Практика»

Я была доверенным лицом Бориса Немцова пять раз — в конце 80-х, начале 90-х: на выборах в Думу, на выборах губернатора. Мы много и откровенно общались, спорили, доверяли друг другу. После отъезда в Москву перезванивались, а иногда снова работали вместе — уже на выборах СПС.

Когда он начал делать политическую карьеру, я была уже достаточно известным журналистом, работала корреспондентом «Взгляда», затем собкором «Вестей». А знакомы мы были еще до этого. Мой папа учил его в институте, Борис же был просто гениальным физиком. Кстати, мало кто знает, что уже будучи губернатором, он получал гонорары за научные статьи. Причем в валюте. Его самого это очень сместило.

Профессора Горьковского университета, где учился Немцов, переживали из-за того, что он изменил науке. Мой отец, он физик-академик, говорил, что в науке Немцов был бы звездой, и что физика много потеряла с его уходом в политику. Даже среди радиофаковцев, а Нижний Новгород же был всегда городом физиков, закрытый, научный... Так вот, даже среди своих коллег Борис выделялся смелым умом и способностями. И он всегда был абсолютным лидером: красавец, амбициозный, еще и с мозгами! Что вы хотите, если он начал зарабатывать на жизнь своими знаниями еще в детстве — в 8-9 лет как репетитор.

Денег лишних в его семье не было, родители же Бориса развелись, когда он был маленьким, и мама увезла сына из Сочи, где Немцов родился, в Нижний Новгород. Ну вот, например, он мечтал о велосипеде. Потом о джинсах. А просить у матери не хотел. Потом Боря возжелал иметь красивую фигуру — пошел в греблю...

Да что там говорить, когда, уже став губернатором, он продолжал быть научным руководителем нескольких диссертаций.

Мама, конечно, лелеяла Боря, то, что он был в детстве балованным ребенком, чувствовалось в общении с ним. Но она же его и толкнула в политику. Испугалась возможного строительства в Нижнем атомной станции теплоснабжения, и сказала сыну: «Вот

ты ученый, значит, должен бороться!» А Боря был таким человеком, ему достаточно дать микрофон...

Из-за этой деятельности меня выгнали с моей собственной работы на Горьковском телевидении, я потеряла эфиры. Но это был осознанный выбор. Понимаете, это была другая Россия, другое время. Мы жили надеждами, думали, что все перемены случатся быстро и навсегда. Как говорил в последние годы сам Борис — «когда-то в детстве я работал губернатором»... Это было другое время и другая Россия. Мы горели тогда этими переменами, помогали ему. Я показывала Нижний по телевизору — на всю страну. Но Немцов и сам был отличным пиарщиком. Я помню, как он выступал в теледебатах кандидатов в народные депутаты России, был 13-м по счету и последним. Мы готовились к телеэфиру, я написала ему речь, он её переделывал, в общем, мы хорошо подготовились, было действительно написано сильное выступление...

И вот идет эфир, кандидаты выступают, Борис от скуки — а они занудно вещали! — смотрит в пол, в потолок... И когда до него доходит речь, говорит всего лишь одну фразу: «Я не буду врать». И все! И его выбрали. После единственного этого выступления по ТВ. Ну а вся наша речь ушла в небытие. Он всегда поступал по-своему, и часто выигрывал. И он много что сделал, кстати, на посту губернатора! Построил дороги, создал 200 перерабатывающих заводов, в том числе по производству продуктов питания, они до сих пор работают! Раздавал в частные руки какие-то грузовики, другие средства производства. В то время в Нижнем был настоящий НЭП. Но и сопротивление было огромным! Это был закрытый, консервативный город.

Борис очень быстро стал популярным. К нему приезжали и Тэтчер, и Мейджор (в бытность премьер-министром Великобритании), часто приезжал Черномырдин. И Ельцин. Борис Николаевич любил Немцова, в 95-м году он сказал — дескать «пора ему в президенты!». Борис говорил потом, что многие люди к нему сильно переменились после этих слов. Борис Николаевич тогда приехал в Нижний на теплоходе, они играли с Немцовым в теннис...

Я была сама по себе, отдельной величиной, всегда шла своей дорогой. Немцов был, кстати, очень недоволен, когда я пошла баллотироваться в губернаторы. Ну что делать... Я была самостоятельным человеком, и нас, демократов, в Нижнем было немало. А потом, была уже некоторая разочарованность, потому что многие реформы разваливались, не доводились до конца. Подчас коробила его неразборчивость в связях, прямолинейность, неуступчивость. Я не про женщин. Бог с этим, он — мужик красивый, харизматичный, умный, что тут скажешь. Он подпитывался любовью красивых женщин, не мог без этого. Но в его кругу появились другие люди. Которые его же и подставляли потом. А те, которые были с самого начала, отошли в сторону. Конечно, так в жизни часто бывает, вернее, почти всегда.

Борис не интересовался, что стало с его командой, когда он уехал. А почти всех этих людей убрали с работы. И когда я получила уведомление, что мое начальство больше в моих услугах не нуждается, это были только мои проблемы. Так случилось и с другими. Скорее всего, он об этом не знал. Но он уже шел дальше. Об этом можно было бы сейчас и не говорить, но я не хочу, чтобы складывался приторно-сладкий образ Немцова.

Он вел себя как истинный политик, и был прав, наверное. Кто из бывших губернаторов ельцинского призыва остался таким известным, как Немцов? Никто! И к его чести хочу сказать, что он никогда не прерывал дружбы с нижегородскими друзьями, многим помогал. На свой 50-летний юбилей он позвал целую группу друзей из Нижнего, меня в том числе. Было приятно.

Я порой сердились на Немцова. Была у него одна черта, с которой было очень трудно мириться. Он был... как сказать? По-мужски несколько хамоватым. Но ему все прощали.

Скажем, я как-то зашла к нему в кабинет, и вокруг было много людей, а он мне с порога и заявляет: «Нина! Что-то ты стала толстая!». Ну я ему, конечно ответила: «Сегодня толстая, завтра буду худая!». Он иногда обижал людей, не замечая этого, ибо вовсе этого не хотел. Это был его стиль общения. Но многим такой стиль не нравился — моим родителям, например.

В первую военную кампанию Немцов полетел в Чечню и пригласил меня с оператором Сладковым в качестве телевизионной бригады. Только нас двоих, хотя в то время у него уже были пассии среди журналисток, и они — как я узнала позднее — были в сильной обиде. Мы летели над Моздоком, Хасавюртом военным вертолетом, и по нам реально стреляли с земли. И это было так сложно осознать, что по нам действительно стреляют, что мы можем сейчас умереть... В это так сложно в действительности поверить!

И вот мы прилетели на нашу базу, бойцов выстроили на плацу, и Немцов начал раздавать им гуманитарные посылки с какой-то вкусной едой, часы дарил фирменные... А мы зашли с оператором в землянку, а там рваные бушлаты, больные солдаты, у многих воспаление почек, они писают кровью... А у нас три часа, потому что только на это время давали воздушный коридор. И я сказала Немцову, что буду снимать солдат. И Борис ответил: «Ты лучше знаешь, что тебе снимать». Ему было обидно. Ведь он прилетел сюда с риском для жизни, у него только одна съемочная бригада! Но он смирил себя. И мы сняли сюжет, который назвали «Еще раз об армии», он потом стал лучшим репортажем года, получил престижную международную премию... Вот в этом был весь Немцов.

Он был настоящим демократом, его лишить этого — всё равно что отнять способность мыслить, думать и жить. И он любил Россию, никогда не думал оставить страну, хотя многие были бы рады от него отделаться. И он понимал, что быть на государственной службе — это быть вписанным в вертикаль, соблюдать субординацию. Борис часто говорил об этом. Поэтому он пошел в депутаты, быть депутатом — это другое. И вопреки культовой фразе «Парламент — не место для дискуссий», в Ярославской Думе, где он работал, все было по-другому.

У него было очень много врагов по обе стороны баррикад. Если он был настолько умен, что, посмотрев пять минут на бюджет Ярославской Думы, видел все места возможной коррупции... Он перемножал в голове трехзначные числа, будучи губернатором Нижнего, держал в памяти весь бюджет губернии. Он был слиш-

ком умен и удачлив, его любили женщины ... И его многие ненавидели. Даже простые люди. Он из тех, кого или фантастически любят, или безмерно ненавидят, здесь нет полутонов. Даже среди моих друзей есть такие люди, с которыми я никогда не говорю о Немцове, чтобы не поссориться.

Я не хочу строить догадок о причинах убийства и заказчиках. Да, угрозы были. Рая так часто говорила при мне: «Убьют Борю! Он ведь в рукопашную идет!» С такою жуткой тоской в глазах говорила...

Что тут скажешь? Страшно за страну. А Немцов... Он был настоящий крупный политик, оппозиционер и красавец. И других таких нет.

«Московский комсомолец», 2 марта 2015

Елизавета Рябина

О НИЖЕГОРОДСКОМ ГУБЕРНАТОРЕ БОРИСЕ НЕМЦОВЕ

В 90-е годы прошлого века губернатором новой формации в Нижнем Новгороде стал молодой умный физик Борис Немцов, кудравый, красивый, веселый.

Но главное, по-моему, у него в отличие от предыдущих руководителей старой обкомовской гвардии был на все свой неординарный взгляд. Так, получив пост губернатора, он набрал в свою команду молодых энергичных помощников, и Нижегородский край стал меняться на глазах: его первое благое дело — возрождение всемирно известной прежде Нижегородской ярмарки. Второе доброе дело умного губернатора: прекращение строительства атомной станции, затеянного предыдущим губернатором, тем более, что станцию собирались строить в курортной зоне Нижнего — в Зеленом городе, совсем рядом с Нижним Новгородом. Можно сказать, что он спас нижегородцев от непредсказуемых в будущем обстоятельств: низкий поклон ему за это его деяние. Но вот много раз слышала от своих земляков, что Борис Немцов, защищая от разрушения памятник Максиму Горькому, что находится в самом центре города, затормозил таким образом строительство нижегородского метрополитена — с этим я абсолютно согласна: метро нам было необходимо, как воздух. Но ведь не ошибается тот, кто ничего не делает, и каждый руководитель (он ведь тоже человек) имеет право на ошибку, тем более, что количество хороших дел перевешивает.

Изменился к лучшему и облик областного центра, города Нижнего Новгорода, но главное в его деятельности как губернатора: он видел живых людей, ездил на предприятия и узнавал их проблемы, отвечал на все порой и неудобные вопросы, и был открыт для общения.

Я вспоминаю, как он приезжал к нам в НИИТОП, оборонное предприятие, разговаривал с людьми и всегда улыбался, ему были интересны его собеседники, равнодушия в глазах Немцова не было. Борис Ефимович был добрым и, можно сказать, даже щедрым человеком. Будучи человеком порядочным, слово свое

держал. Именно он, первый нижегородский губернатор новой формации, задумался о поддержке нижегородцев, пассажиров электропоездов, и один из первых в тогдашней России ввел льготный проезд в весенне-летний период для пенсионеров Нижегородской области.

Попасть к Борису Немцову на личный прием было совсем не трудно, не в пример к сменившему позже его Ходыреву, который не любил встречаться с живыми людьми.

Помню, как я пыталась попасть на прием к господину Ходыреву: секретарь сухо ответила:

— Он людей не принимает!

— А лошадей?

Я никогда не лезла в карман за словом.

И, между прочим, по зданию, где располагался губернатор и его команда, можно было свободно ходить и стучаться в любой кабинет. Так, на лестнице я однажды нечаянно встретила с молодым губернатором, задала ему свой вопрос, и он в один момент его разрешил. Сегодня ни в одно здание, где квартируют нижегородские начальники: губернатор, мэр и его помощник, глава городской администрации — пройти невозможно, мол, нечего вам тут делать. Пишите письма нынешним начальникам и ждите ответа, как соловей лета. Писали, да что толку-то: отвечают черство, равнодушно, мол, чего пристали, видите, как скудно живем — ни на что нет денег.

Вот уже несколько лет синий пластмассовый забор закрывает несравненную красоту Волги на Нижней Волжской набережной, и сколько ему еще синеть вместо реки, неизвестно. Зимой же нечищенные обледенелые тротуары, опасные для здоровья и жизни пешеходов. Думаю, что последнее из-за жесточайшей экономии бюджетных денег (но не до такой же степени!). Так сократите к чертовой матери число чиновников-почтальонов: все равно от них нет никакой конкретной пользы: вот вам и деньги на уборку тротуаров всего Нижнего Новгорода. Чистится только проезжая часть, и люди, например, почти в самом центре города на улице Нижегородской были вынуждены ходить по дороге, потому что на тротуарах их ожидала смертельная опасность, и это отнюдь не преувеличение. И как сказала Марья, героиня моей «Печаль-

ной сказки»: «Народ сегодня не улыбается: нет радости в нашей жизни...» Народу не до улыбок, а вот все трое сегодняшних руководителей Нижегородчины настолько широко улыбаются в телевизоре, поздравляя жителей города и области с очередным праздником, что я просто не выдерживаю и выключаю телевизор, поскольку как хороший психолог очень тонко чувствую фальшь в поведении каждого человека. И не верю нижегородскому триумvirату. Людей судят по их делам и поступкам. Не хочется даже писать о том, как 14 сентября 2014 выиграл выборы губернатора нынешний руководитель Нижегородской области: это отдельный разговор, я голосовала за Михаила Кузнецова, потому что считаю, что во власть должны идти молодые и чистые душой люди.

Когда областью руководил умный порядочный равнодушный человек Борис Немцов, также в нелегкое для всей России время, он отзывался на любую просьбу о помощи.

Помню, как Галина Быстрова, бронзовая олимпийская чемпионка, участница Олимпиады в Токио, в те далекие трудные времена получала такую мизерную пенсию, что была вынуждена убирать подъезды, чтобы не умереть с голоду. Друзья-спортсмены убедили ее обратиться за помощью к губернатору Борису Немцову. Я знаю, что по просьбе Галины Быстровой он тут же принял ее и знаменитого известного во всем мире звезду советского хоккея нижегородца Виктора Коноваленко по тому же вопросу: как выжить пенсионерам, бывшим спортсменам. Молодой полный сил благородный губернатор Немцов сразу же после встречи со своими знаменитыми земляками сделал существенную прибавку к их пенсиям.

Оказался благородным он и по отношению к матерям, имеющим детей в то трудное для страны время. Тогдашний мэр Скляр, по словам главного бухгалтера Файзуллиной, отказался выплачивать детские пособия матерям, сотрудницам оборонных предприятий, поскольку не перечислялись налоги в бюджет Нижнего Новгорода. В то самое время премьер Черномырдин в свою очередь прекратил бюджетное финансирование всех оборонных предприятий страны (вот тогда-то она, оборонка, и рухнула), в том числе и НИИТОП.

Именно тогда Борис Немцов распорядился выдавать ежемесячно так называемое в народе «нищенское» немцовское пособие на детей сотрудницам оборонки, и я, ведущий инженер таможенный декларант НИИТОПа, получала это самое пособие на своего младшего сына-подростка, который рос и всегда хотел есть. И хотя деньги были небольшие (20 тысяч, а по стране при гиперинфляции гуляли миллионы), на 3–4 дня сытной мальчишеской жизни хватало.

И когда в Нижний Новгород приехала Татьяна Дьяченко, дочь Ельцина, и уговорила Бориса Немцова поехать в Москву, чтобы получить должность вице-премьера, он покинул свой родной край. Мне все равно очень жаль, что так произошло: его и наши судьбы сложились бы по-другому. Но история, как говорят, не терпит сослагательного наклонения. И все-таки, я просто уверена: не уедь он тогда в Москву, наш город и область были бы совершенно другими: Нижний стал бы более современным, а люди жили бы гораздо богаче, нежели сегодня. Наш нынешний губернатор совершенно отличается от честного и порядочного и духовно богатого тогдашнего Немцова...

Мне очень жаль, что ушел из жизни такой открытый людям веселый и щедрый сердцем Борис Немцов, губернатор нового формата и любимец российских женщин. Светлая ему память.

5 марта 2015, г. Нижний Новгород

Асхат Каюмов, биолог, эколог

ВРЕМЯ НЕНАКАЗУЕМЫХ ИНИЦИАТИВ

До сих пор в Нижнем Новгороде перед Драматическим театром, на главной пешеходной улице Большой Покровке действует народный Мемориал Бориса Немцова – оппозиционного политика, убитого ночью 27 февраля прошлого года, и первого нижегородского губернатора с 1991 по 1997 год. Горят свечи, мёрзнут дежурные, лежат цветы и записки, подходят люди, завязываются разговоры.

Для нижегородских экологов имя Бориса Немцова связано с прекращением строительства Горьковской атомной станции, «первым окончательным» решением правительства России об отказе от дальнейшего подъема Чебоксарского водохранилища, а также первой в области государственной природоохранной структурой.

Первые мои контакты с Немцовым относятся к году примерно 1988. Был тогда проект Горьковской АСТ (атомной станции тепло-снабжения), по которому в нагорную часть города за счет атомной энергии должно было поступать даже не электричество, а тепло — по гигантскому теплопроводу. В тогда еще городе Горьком возникло мощное противостояние, во многом инспирированное и Чернобыльской аварией, и начавшейся открытостью общества. Мы с Дружиной охраны природы биофака не очень активно, но участвовали в сборе подписей. Среди выступавших против атомной котельной объявился молодой кандидат физико-математических наук (для широких слоев — специалист! физик!) — Борис Немцов. Немцов быстро приобрел авторитет, и в 1989, на первых выборах в Верховный Совет народных депутатов СССР, горьковчане, восхищенные молодым прогрессивным физиком, выдвинули его кандидатом в депутаты. И кандидатура Немцова — неожиданно для власти — победила.

Немцов уехал в Москву, а в 1991 году оказался у Белого Дома на одном танке с Ельциным. Ельцин счёл, что Немцов вполне способен представлять новую власть в Нижнем Новгороде (в 1990 году

городу вернули историческое имя). Тем временем мы уже создали экоцентр «Дронт», и когда Немцов пришел в область губернатором, в городе уже было небольшое сообщество экологических общественных организаций. Мы пришли к нему спросить — ну что, Борис Ефимыч? Будешь ли ты разговаривать с общественностью, или, как положено чиновнику, посылать ее на хрен? Встреча оказалась очень конструктивной. Немцов сказал, что он всей душой за то, чтобы взаимодействовать.

Экологический совет при губернаторе

И мы подготовили соглашение о взаимодействии между губернатором и ведущими общественными экологическими организациями. Сейчас это кажется фантастикой. Но то соглашение, подписанное с двух сторон, до сих пор лежит где-то у меня в архиве. Суть его была в том, что мы регулярно встречаемся, обмениваемся информацией, друг друга критикуем и не обижаемся на критику. Но критика должна быть конструктивной и по делу.

Очень быстро встречи, ставшие регулярными, вылились в общественный экологический Совет при губернаторе. Это была реально работающая структура. Не то, что многие советы сейчас — что они есть, что их нету. Я сам член Совета при уполномоченном по правам человека по Нижегородской области. Раз в год, в День прав человека, нас собирают, уполномоченный зачитывает полуторачасовой доклад, какой он, уполномоченный, молодец, а мы слушаем. Иногда пытаемся давать какие-то предложения, но они благополучно затихают.

Совет при Немцове, председателем которого я стал, был работающим органом. Борис Ефимович отписывал нам многие документы, касающиеся различных экологических проблем. Помню греющие душу резолюции на обращениях к нему от других департаментов: «Пока не согласуете с Каюмовым, не подписывайте».

В промежутках между регулярными встречами с губернатором Совет активно работал со структурами областной организации. Мы готовили бумаги, которые помогли его убедить тогдашнего председателя правительства России Гайдара отказаться от подъема Чебоксарского водохранилища. Это первое «окончательное» (как мы тогда надеялись) распоряжение о прекращении строи-

тельства Чебоксарской ГЭС, было принято во многом благодаря его плотному взаимодействию с Гайдаром.

Смешно, но два раза встречи Совета с Немцовым проходили 31 декабря. В конце года он говорил: «Ну, когда посвободней-то мы все? ... А, вот, 31 декабря! Часа в четыре ко мне приходите!». И мы приходили к нему в кабинет всем Советом, большой командой, человек семь, садились, вываливали вопросы, он на наших бумагах писал поручения...

Как-то раз, на одном из таких заседаний 31 декабря, он мне сказал:

– Слушай, а чего вы все ко мне ходите?

– В смысле? Мы же Совет, поднимаем вопросы, их надо решать!

– А давай так: ты создай у нас в администрации орган по охране природы и сам решай вопросы, а они пусть ходят к тебе.

Как чиновник, Немцов здраво решил снять нагрузку с себя и делегировать ее человеку, которому он доверял в этой сфере. Он полтора года наблюдал Совет и успел понять степень нашей квалификации, ответственности, грамотности.

Как экономика бодалась с экологией

Несколько месяцев шло обсуждение, что же это будет за структура. Легко сказать — «создавай». А что именно? «Пиши, как ты видишь». Мы написали. Немцов посмотрел: да, вроде все нормально написано. «А где мы это будем делать? Давай в департаменте экономики. Иди к его руководителю, Василию Дорофеичу Козлову». Я пришел к Козлову, мы с ним сели, поговорили... Козлов сказал, что экология — очень важная тема, и она нужна нам, департаменту экономики, и конечно, давайте создадим отдел, потому что... Потому что нам крайне важно, чтобы экология не мешала развитию экономики. Я сказал:

– Нет, Василь Дорофеич, на таких условиях я не готов ничего создавать.

Надо сказать, что в отличие от всех последующих правителей, Немцов был очень открыт для встреч. Звонишь помощнику, и тебя через два-три дня ставят в график. И придя к Немцову, я сказал:

— Вы знаете, я был в департаменте у Козлова, и он сказал, что важно, чтобы экология не мешала экономике...

Тогда Борис сказал:

— Погоди! Наоборот! Экономика должна развиваться, не вредя экологии. Нет, видимо, с Козловым у тебя ничего не выйдет. Давай делать самостоятельную структуру.

Я написал проект положения о самостоятельном департаменте по охране природы. Юристы его поправили, и появилась на свет та самая структура, которая через много лет вылилась в существующее Министерство экологии и природных ресурсов Нижегородской области. Буквально на следующий день было подготовлено первое распоряжение, подписанное Немцовым со словами: «Ты же понимаешь, что оно не будет исполняться, но я подпишу» — о том, чтобы все проекты распоряжений губернатора, касающиеся воздействия на окружающую среду, согласовывались с департаментом по охране природы. При этом Немцов понимал, что директора департаментов не будут рваться еще с кем-то дополнительно согласовывать свои дела, а он отслеживать это не сможет.

Но так или иначе структура появилась, и сразу погрузилась в начавшийся как раз тогда процесс создания Керженского заповедника. А еще Нижний Новгород сразу же оказался модельным регионом по разработке стратегии сохранения биоразнообразия. Из Москвы пришли по этому поводу запросы в регионы, и мы подготовили письмо, что да, Нижнему это нужно, наш губернатор за то, чтобы Нижегородская область была модельным регионом. Создание и стратегии по сохранению биоразнообразия, и ООПТ можно назвать заделами тех времен.

«Если не договоритесь, оба вылетите!»

Дальше много что менялось. Сначала он ушел, потом я ушел... это жизнь. Меня спрашивают, что ценного я вынес из работы с Немцовым. Понятно, что Немцов быстро из общественного активиста превратился в политика со всеми свойственными политикам недостаткам. Но что мне кажется ценным, особенно глядя из сегодняшнего дня — это совсем другая схема принятия управленческих решений.

Конечно, решения принимал все равно губернатор, но фактически он только делал отмашку флажком. Решения готовили профильные департаменты, в которых сидели специалисты, желаю-

щие решить проблему. Его задача была — набрать на должности руководителей структур людей, которые хотят решать проблемы. И если уж он решал, что этот человек — специалист, достойный доверия, далее этот специалист уже приносил ему проекты губернаторских распоряжений. Не было нынешней тяготной системы. Если мы в департаменте по охране природы считали, что такое распоряжение нужно, мы его брали и готовили, и я его проект приносил Немцову.

Генератором управленческих решений при Немцове был не один губернатор, а громадная команда специалистов, понимающих в своей теме. Нас заставляли все время работать друг с другом. Помню, один раз мы бодались по лесам с руководителем департамента экономики и прогнозирования. Мы пытались создать ООПТ — охраняемые природные территории — и леса сохранять, а они — развивать лесной комплекс и леса рубить. Он написал Немцову служебную записку, что мы всё не так делаем... Мы написали свою служебную записку. Он — следующую. После чего мне звонят из приемной: «Зайди!»

Немцов вызвал нас обоих и говорит: «Так, мужики, вы что тут мне служебными записками обмениваетесь? Идите, сядьте и договоритесь. Если не договоритесь, оба вылетите». Всё легко! Простое управленческое решение. Департаменты должны уметь договариваться. Ведомственность всегда была и будет. У каждой структуры есть какие-то свои интересы, и они всегда в какой-то степени отличаются от общегосударственных.

Общегосударственные интересы — это всегда некий компромисс. Одним надо рубить, другим охранять. Или мы находим компромисс, или интересы одного ведомства преобладают, и тогда все леса или выхлестываются в ноль до пеньков, или полностью запрещаются в рубку, и лесная промышленность встает, со всеми последующими проблемами. Поэтому важно, чтобы руководители ведомств могли договариваться. Это Борис нам всем прививал. И еще — ответственность за свои слова. Если уж договорился, изволь делать!

Вот так мы работали с Немцовым года три с половиной, а потом он ушел в Москву. За это его до сих пор осуждают. Но надо сказать, что мы собирались и обсуждали с ним малым кругом его отъ-

езд, а не так, что внезапно оказалось: Немцов теперь в Москве, а у нас Сκληров. Было предварительное обсуждение. Поступило предложение, от которого невозможно отказаться. Вариантов было два — или регион имеет сложности с Москвой, или регион и дальше имеет нормальные отношения с Москвой, но жертвует туда губернатора, как фигуру, которая будет пытаться уже на федеральном уровне что-то сделать и для области.

Много всего происходило живого и интересного. Особенно это видно в ретроспективе. Тогда все эти придумки, соглашения рождались в процессе мозгового штурма. Помню, как мы сидели и обсуждали, какие сферы можно, а какие нельзя предложить делегировать регионам. И Немцов говорил — нет, это не отдадут... нет, это — энергетику регулировать — и не мечтайте... А вот это надо попробовать. Давайте запишем в соглашение.

Искусство поиска возможных компромиссов. Тогда это было возможно. А сейчас беда... Все юристы будут, визжа, сопротивляться — и в областном правительстве, и в Заксобрании. Как же, нам же не велели этого делать! Указаний не было! «Но ведь не запрещено!». Ну... не запрещено, но указаний не было, поэтому будут опротестовывать... поэтому давайте не будем. А тогда работала обратная схема.

Много чего еще будет написано про губернаторство Немцова. Наш опыт по стратегии сохранения биоразнообразия, по первому изданию Красной книги потом перенимала вся Россия. Некоторые наши областные законы просто переписывались. КПД управления был очень высокий, многие нормативные документы тех времен и созданные нами действия работают до сих пор.

Многие вещи удавалось сделать под реформаторский имидж Немцова. Понятно, что были у него и ошибки. Не могло у человека, который из НИРФИ пришел руководить областью, не быть ошибок, смешно об этом говорить. Не ошибается тот, кто ничего не делает. Но имидж региона, как передового края, где внедряется все наиболее продвинутое и толковое, был всемирный, и это помогало. Сколько успел, столько сделал, и то хорошо...

ВОСПОМИНАНИЯ БОРИСА НЕМЦОВА О ПЕРЕЕЗДЕ ИЗ НИЖНЕГО НОВГОРОДА В МОСКВУ

Вдруг мне позвонил Валентин Юмашев и говорит: «Сейчас к тебе придет Таня, она уже выехала на машине из Москвы в Нижний. Таня должна тебе сообщить одну очень важную вещь, выслушай ее внимательно и отнесись к ее предложению серьезно, так как это не просто ее предложение, а предложение Бориса Николаевича Ельцина».

И вот после звонка Вали буквально через час ко мне врывается Березовский и говорит, как обычно, скороговоркой: «Значит так, Борь, решение принято, мы тебя назначаем в правительство, приезжай быстрее в Москву, ты будешь работать вице-премьером, отвечать за нефтяные компании, железные дороги и так далее, я все решил, все нормально». Я говорю: «Борис Абрамович, а вы кто? Кто вы?». Он опешил. «Какова должность? Кто вы в системе управления страной?» — «Ты что, Борь, не понимаешь, что я всем рулю...»

Пока мы с Березовским беседуем, звонит мне начальник нижегородского ГАИ и говорит: «Вы знаете, едет кортеж правительственных автомобилей в сторону Нижнего, они пересекли границу Владимирской и Нижегородской областей, мне сообщили, что в одной из машин сидит Татьяна Дьяченко». Я отвечаю: «Ну, поскольку они дороги не знают, вы их до Кремля Нижегородского доведите осторожно, чтоб не разбились». И сообщаю Березовскому: «Борис Абрамович, ну в принципе сейчас минут через двадцать Татьяна Борисовна подъедет, я думаю, лучшего места для вашей с ней встречи даже и придумать невозможно». Борис Абрамович, как Керенский, стал интересоваться, есть ли запасной выход, и я ему предложил платье какое-нибудь женское надеть... Короче, Березовский стремительно исчезает, так и не успев всего договорить.

Интересно, что он обогнал Таню потому, что прилетел на собственном самолете, узнав про решение Ельцина насчет меня и тут же решив застолбить его за собой. После этого визита я, кстати,

хотя в Москве не жил и обычаев столичных не знал, уже многое стал понимать. Меня это напрягло очень сильно, в Нижнем все было проще...

Так вот, пришла Татьяна Борисовна ко мне в кабинет, пришла такая вся взволнованная и сказала, что Борис Николаевич просит меня идти на работу в правительство, на что я ей ответил: «Тань, честно скажу, работать в правительстве не хочу, должность там расстрельная, я Москву плохо знаю и все ваши штучки тоже плохо знаю. Вон, только что Борис Абрамович отсюда выскочил... И вообще все эти ваши нравы и традиции мне не по нутру, не буду я...»

В результате мы проговорили с ней до глубокой ночи. Меня трудно было сдвинуть с мертвой точки, и единственный аргумент Тани, который сразил, был такой: «Когда тебе было трудно, отец тебе помогал», что являлось сущей правдой, он действительно ко мне очень благосклонно относился. Вы знаете всю эту историю про преемников и так далее, но дело даже не в преемственности, а в том, что он реально помогал Нижегородской области и позволял нам осуществлять крупные программы, в том числе на военных заводах. И когда Таня сказала: «Сейчас отцу плохо (а это было начало 1997 года, Борис Николаевич недавно перенес инфаркт), пришло время тебе ему помочь». Эта фраза сбила меня с ног...

... В целом я абсолютно не сожалею о том, что произошло, потому что тот бесценный опыт, который я приобрел в Москве, я вряд ли сумел бы приобрести, находясь в Нижнем...

Не стало Бори Немцова, старого друга, товарища, светлого, талантливое, бесшабашного, искреннего. Мы были вместе в самые тяжелые годы, когда в бюджете почти не было денег, когда нефть стоила 10, а надо было платить пенсии и зарплаты, и он понимал, за это тоже он в ответе. И когда Боря был первым вице-премьером, он сражался за то, чтобы конкуренция в российской экономике была честной и прозрачной. Он много чего правильного и честного хотел сделать и сделал, и когда был губернатором, и когда работал в правительстве, и когда стал заниматься большой политикой и возглавил правую партию.

Ему ужасно не хотелось уезжать из Нижнего Новгорода в Москву. В Нижнем его любили, и он там чувствовал себя уверенно, легко и комфортно. Хотя ему предлагалась огромная по значению и важности должность в правительстве, он отказал и В.С. Черномырдину и А.Б. Чубайсу, и тогда папа послал меня к нему домой уговорить его приехать в Москву и начать работать в обновленном правительстве.

Он сам написал об этом, его короткие воспоминания мы сегодня выложили на сайте Президентского Центра Б.Н. Ельцина. В этих нескольких абзацах очень точно передано то время, в котором мы вместе с Борей жили.

Светлая память о светлом Боре всегда будет в моем сердце.

*Он лежал на бетоне извечной зимы,
И в атаку на Кремль поднимал он народ
Разгрызая решётки жандармской тюрьмы,
Он сражался за воздух, но прервали полёт.*

*Правду он собирал, издавал, раздавал,
На потребу ленивых, инертных ворон,
Сиротливо стоит Павелецкий вокзал,
И в тоннельное небо направлен перрон.*

*Смелой грудью открытой привлекал он металл,
Из России оружия против весны,
Перекрашенный, белый, воронок проезжал,
С ядовитым плевком из слюны Сатаны.*

*Сибарит, гражданин, яркий, сильный, живой,
Ускользнув от любезных лубянских крюков,
Он летит над унылой, агрессивной страной,
Разгибая объятия смертельных оков.*

ЮРИЙ ЖУКОВСКИЙ

Мы познакомились, когда мне было 26 лет, а ему было 23. Я была старше на 3 года. Мы познакомились — это было весьма прозаично — в столовой, в очереди. В Нижнем Новгороде есть Кремль, а в Кремле различные административные учреждения — горкомы, обкомы. А при них были столовые. И после двух туда пускали людей с улицы. Там можно было дешево и достаточно неплохо поесть. И молодые люди, и мы, девушки из библиотеки, приходили туда обедать после двух.

Я работала в библиотеке, а Боря работал младшим научным сотрудником в Научно-исследовательском радиофизическом институте.

Это была весьма такая простая история. Мы стояли в очереди. К нам подходили молодые люди. Мы общались много, обсуждали что-то, веселились, балагурили. И это продолжалось приблизительно полгода, а может быть, даже год. Мы просто общались. Естественно, Боря не мог не привлечь к себе внимание. Он зашел в столовую, и все девушки ахнули — высокий, яркий, красивый молодой человек с огромной кудрявой шевелюрой и с бородой.

Мы с девушками и прозвали его «Бородой». (*Смеётся.*) И каждый раз, когда кто-то побывал в столовой, другие, которые обедать не ходили, спрашивали: «А был ли Борода?». Мы его обсуждали. И только потом мы познакомились в очереди.

Однажды он пришел без бороды. Девушки немного разочаровались. И мы стали обсуждать, как ему лучше — с бородой или без бороды. И все-таки пришли к мнению, что без бороды лучше. (*Смеётся.*)

Однажды я поняла, что я ему симпатична. Но дело в том, что он был несвободен. И, вероятно, случилось так, что они расстались со своей девушкой. Я считала, что у меня не было никаких шансов, потому что я была старше. Я считала, что с таким мужчиной, как Борис, невозможно построить серьезные отношения.

Он предложил мне съездить на выходные в Москву. А я согласилась. Но это еще не означало, что эти отношения могут стать серьезными. Тем не менее, так случилось.

Отец принимал участие в его воспитании. Они каникулы проводили у отца. Отец им гордился. Отца он тоже любил. Семья, конечно, была неполной. Это естественно. Матери было очень тяжело, потому что двоих детей нужно было поднимать, давать им образование, не хватало денег, естественно. Жили очень скромно, да. Но отец, тем не менее, помогал каким-то образом. На каникулы брал детей в Москву.

С мамой мы тоже достаточно быстро познакомились, потому что она была врачом. А у меня случилась какая-то проблема с ногой. И все состоялось. Боря был очень спортивный. И своих девушек он заставлял заниматься спортом. Но меня не нужно было заставлять. Мы много бегали. И однажды я потянула ногу, и пришлось познакомиться с мамой.

С его мамой у нас были хорошие отношения. Мама очень умный человек. Она понимала, что нельзя портить отношения с другой своего сына, чтобы не испортить отношения и с сыном. У нас были прекрасные отношения. Мы с ней по характеру немного похожи — обе такие достаточно жесткие. Тем не менее, у нас были хорошие отношения.

Что скоро так все перемениться, не станет СССР, вообще, что произойдут такие грандиозные перемены и что Боря совершит такой колоссальный взлет — всего этого я, конечно же, себе не представляла. Вообще, я себе картинку нарисовала. Я понимала, что Боря очень талантливый человек. Ну, не то что я это понимала, об этом говорили все. Боря очень талантливый физик. Характеристики разные от его коллег были — блистательный, крутой, на грани гениальности. И я понимала, что у этого человека есть будущее. Я понимала, что он в науке достигнет неких успехов. Естественно, как вы понимаете, что может быть — кандидатская, докторская, профессор и т. д. Я считала, что он сделает карьеру, что он станет очень крупным ученым.

И когда он пошел по другой стезе, я была против. Мне, во-первых, было жалко, что он заканчивает свою научную деятельность. Во-вторых, меня совсем не привлекала публичная деятельность. Это его, наверное, она привлекала, потому что открылась новая ниша. А с его сумасшедшей харизмой, конечно, он не мог не пойти туда. Собственно, делать было нечего. Препятствовать я

не могла — это его выбор. В принципе, я как могла, так пыталась отговорить его.

Он был очень активный человек. Когда вышла его книга, которая называлась «Исповедь бунтаря», вначале мне это название показалось несколько надуманным. А потом я подумала и решила, что, в принципе, это правда, он был именно бунтарь. Я вспомнила, что он не вступил в комсомол. Как-то мама рассказала, что когда он закончил школу с золотой медалью, ему дали характеристику. Характеристика была прекрасная, но конец был такой: «политически неблагонадежен». Мама схватила за голову. И побежала в школу разговаривать с классным руководителем. Сказала ей, что с такой характеристикой он не попадет ни в один вуз. Та не хотела исправлять. Тем не менее, мама уговорила исправить. Он был очень активным... Но не в системе, а все время против системы. Всегда против. Даже в тот момент, когда он был губернатором, депутатом, все равно он, будучи в системе власти, часто поступал наперекор. Например, чего стоит этот миллион подписей, которые он собрал против войны в Чечне. Это было неприятно Ельцину, вы же сами понимаете.

И после этого у Бори были натянутые отношения с правительством, естественно. Он всегда шел наперекор.

Он как-то говорил, что его взгляды в течение многих лет не изменились. Я считаю, что да, его взгляды не изменились. Он остался прежним.

Сумасшедшая харизма... Я думаю, что все вместе — красив, умен, умение общаться, причем, умение общаться со всеми слоями населения. Редко, когда у него не получалось общение, очень редко. Он со всеми мог найти общий язык. И это он сохранил, что называется, до конца жизни. Он поднялся на самые вершины, потом с них спустился, но говорить он, действительно, умел с любым, при этом совершенно не показывая того, что он беседует с «народом», подстраивается под народ. Он был абсолютно естественным, органичным человеком.

Боря увлекающийся человек. Он находит себе дело в жизни и этому делу посвящает себя целиком. Вначале это была наука. Здесь он себя посвящал просто целиком. Это была любимая работа, где любимый теоретический отдел, где были его коллеги, с

которыми было о чем поговорить. И когда он возвращался домой, он разговаривал, в основном, о физике. Он рассказывал о своих работах, о семинарах. У Бори был еще такой талант — он сложные вещи мог рассказать очень простым и доступным языком. Я понимала, чем он там занимается в этот момент. А потом, я хороший слушатель. Я слушала. Мне было интересно, чем он занимается, какие у него успехи, о чем он докладывает на семинаре, зачем он ездит в Москву. Он часто ездил в Москву на семинары к Виталию Лазаревичу Гинзбургу. Это тоже были очень интересные семинары, после которых он мне тоже много что рассказывал...

У нас был такой разговор — кто родится: мальчик или девочка? Он хотел девочку. Потому что если девочка будет глупой, то это нормально, если она при этом будет красивой. А вот если мальчик будет глупым, то это плохо. (*Смех в студии.*) Поэтому мы хотели девочку. Родилась девочка. Но девочка получилась и красивой, и умной, к счастью.

Мы обсуждали два имени — Анна и Яна. Потом Боря пошел регистрировать ее. И когда он вернулся со свидетельством о рождении, там было написано: Жанна. Я посмотрела и спросила: «Почему Жанна?» — «А я, — говорит, — совместил Анну и Яну, и получилась Жанна».

Я ему не мешала. Когда он начал заниматься политикой, то я ему дала абсолютную свободу. Я не мешала и, собственно, этим и помогала.

Для меня жизнь с Борей была необыкновенно яркой. С ним никогда не было скучно. С ним было весело и интересно. Я хочу сказать, что для меня это лучший спутник по жизни. Я пробовала найти себе другого спутника жизни, но поняла, что — нет. (*Смеется.*) Хотя многие говорят, что с ним, наверное, сложно. А мне казалось всегда, что с ним очень легко.

Когда он решил заняться политикой, я его не поддерживала в этом, но и не мешала. Он попробовал себя первый раз в союзном парламенте. У него не получилось. И потом он мне пообещал, что он больше этим заниматься не будет. Я просила его. Я не помню — требовала я этого или нет, тем не менее, я об этом просила. Но потом его коллеги и друзья его все-таки уговорили. И когда про-

изошла эта трагедия, мне один из родственников написал: «Рая, прости за то, что мы тогда втянули его в политику». Вот так.

Это был 1989 год. Да, до избрания в союзный парламент. У нас строилась первая тепловая атомная станция под Нижним, в черте города. И по этому поводу шла дискуссия. Это было уже после аварии на Чернобыльской АЭС. Тепловая станция — впервые был такой проект. Не было аналогов во всем мире. И тогда его мама первая сказала, что Боря, ты должен этим заняться. Нельзя, чтобы в черте города строилась такая станция. И она первая вышла на улицу и стала собирать подписи против строительства атомной станции. И Боря присоединился к этому. Началась дискуссия в прессе и на телевидении. И к тому же он по этому поводу взял интервью у Андрея Дмитриевича Сахарова. Результатом чего было — эту станцию не построили.

Молодой губернатор. Ему 31 год. У него нет опыта хозяйственной деятельности. Что он делает первое? Он никого не увольняет. Он оставляет всю эту элиту, всех тех людей, которые занимались хозяйственной деятельностью до него. Естественно, он должен был налаживать с ними отношения. Естественно, он ездил по области и знакомился с главами администраций. Когда ты приезжаешь куда-то, то там тебя встречает машина. А на капоте уже накрыто угощение. Боря шутил: «За этот год я чуть не спился». Это правда.

Ельцин очень хорошо относился к нему. Мне кажется, ему нравился этот образ — высокий, большой, молодой, красивый мужчина. Мне кажется, Ельцин искал именно таких преемников, если так можно сказать, для себя. Я помню, Ельцин подарил свою фотографию. А подпись на ней была: «Моему преемнику». Тогда мне Боря сказал: «Смотри, только никому не показывай». (*Смеётся.*) Я не знаю, сохранилась ли она.

Знаменитый визит Маргарет Тэтчер в Нижний... Это было действо. (*Смеётся.*) Это было странно, когда в Нижнем Новгороде приземляется частный самолет. Из него выходит Маргарет Тэтчер. А потом прогулка Маргарет Тэтчер по улицам Нижнего Новгорода, сопровождаемая толпой народа. Это тоже было очень странно все видеть. Все было как обычно. В принципе, город выглядел достаточно неплохо. Центральную улицу немножко отреставри-

ровали уже. Прошла малая приватизация, появились частные магазины. В один из магазинов Тэтчер зашла. Магазин назывался «Сыры». И купила там сыра.

Как-то очень странно было увидеть премьер-министра Англии, хотя и бывшего, в городе, который был все время закрыт...

Как губернатору ему многое удалось сделать. Боря провел малую приватизацию, и провел ее достаточно честно, а именно — через аукционы. Ведь не во всех городах действовали так, насколько я знаю. В итоге у многих людей появилась частная собственность, у них появились магазины, склады. Я неделю назад с кем-то из бизнеса разговаривала в Москве, и он вспомнил, что хотели тогда внедриться в Нижний Новгород. Почему? Потому что там не было, как он сказал, «бандюков», потому что было достаточно честно все организовано. Была приватизация транспорта, тоже успешная. Также была приватизация земли. Некоторые называют приватизацию земли не очень успешной. Тут я не могу поспорить — может быть. Хотя, когда я встретила какого-то человека, который стал фермером, он сказал, что благодаря Борису Ефимовичу все это произошло. Такие вот основные вещи были сделаны. А дальше он, насколько я понимаю, он вывел область из дотационной. И она стала донорской. Это было. Он построил дороги. На средства от приватизации по всей области были построены дороги. И до сих пор народ это помнит, и благодарны Немцову за то, что он провел дороги.

Конечно, как некоторые говорят, он создавал некие мифы и потом над этими мифами работал, превращая их в реальность. (*Смеется.*) Да, это тоже было. Как сказал его пресс-секретарь, «Нижегородская область — это была область непуганых журналистов». Полная свобода. Никто никогда никому не закрывал рот. Вот это тоже была заслуга Бори.

Переезд в Москву мы с ним обсуждали. Он говорил: если я поеду, то только премьером. Но этого предложения не поступило. Почему он согласился все-таки поехать в Москву на таких условиях, мне трудно сказать. Как он рассказывал, его уговорили, аргументируя тем, что он должен помочь Ельцину. Много было всяких объяснений. Но, тем не менее, шаг был неверный.

Тут какой-то жесткости и принципиальности, видимо, ему не хватило. Но я не могу сказать, что Боря был жестким человеком. К сожалению, он не был жестким. На самом деле, это бы ему не помешало. Один из немногих его человеческих недостатков — что плохо разбирался в людях. Я не знаю, отсутствие жесткости это недостаток или нет, мне трудно сказать. Наверное, в политической жизни это недостаток.

А его главное человеческое достоинство — добрый, не мстительный, не конфликтный. Человек, который не унижает людей.

У меня была всегда тревога за него. Я пыталась говорить с ним об этом. Но поскольку мы очень редко встречались, только по праздникам — дни рождения, Новый год, где-то на отдыхе, — я пыталась убедить его в том, что ему нужно заняться чем-то другим. Пусть это будет публичная деятельность, например, преподавательская. Он говорит: «Я все уже забыл». Я говорю: «Этого не может быть. Ты можешь преподавать физику». — «Нет, политика — это мое дело, и я этим буду заниматься до тех пор, пока у меня есть силы». Это был наш последний разговор. За неделю до гибели мы все вместе ездили в Ярославль — я, Жанна и Борис. Пока мы ехали в поезде, я ему задавала вопрос: «Ты когда-нибудь закончишь этим заниматься?» Он ответил: «Пока у меня есть силы, я буду этим заниматься». Вот и все...

В тот день, 27-го, я приехала в Москву. На следующий день должны были уехать с Жанной отдыхать. Мы легли спать. Жанна выключает телефон, а я — нет. И мне позвонила моя подруга. Мы с Жанной проснулись и побежали на мост...

Не думаю, что заказчик будет найден.

Кто заказчик? Да, для себя я это поняла.

Жанна — это второй Боря по своей харизме, по мозгам, по духу. Она на него очень похожа. И ее трудно остановить. Я не знаю, будет ли она политической фигурой. Пока она не собирается этим заниматься. Ей нравится журналистская работа, но общественной деятельностью ей все равно придется заниматься...

Радио «Свобода», «Культ личности», 9 октября 2015

«ОН ИСКРЕННЕ ЛЮБИТ ВСЕХ НАС...»

2009 год

Если бы несколько лет назад мне сказали, что я на 50-летнем юбилее буду поздравлять Борю как друга, причем от чистого сердца, я бы очень удивилась. Но ему действительно удалось стать моим другом. И в этом большая его заслуга. То, какие у нас отношения сейчас, после расставания, это большое счастье. Тем более вокруг столько людей некрасиво расстаются и скандалят. А мы дружим, даем друг другу советы. Он, например, советует мне устроить личную жизнь...

Благодаря тому, что мы с Борей сохранили дружеские отношения, у моих детей правильные жизненные ценности. Они ценят семью, настроены на брак. Да, у них нет перед глазами примера, как люди живут вместе. Но у них есть более ценный пример — как оставаться людьми при расставании.

У него очень большое сердце, и я думаю, что он искренне всех нас любит. В нем есть доброта, детская непосредственность и простодушие. Несмотря на то, что он политик и ему 50... В отношении такого полигамного человека это, может быть, звучит странно, но в нем есть искренняя чистота.

Екатерина Одинцова, мать Антона и Дины Немцовых

Он добрый, справедливый и порядочный человек. Безумно любит своих детей. Да, его надо принимать таким, какой он есть. Но мне не приходится с чем-то мириться и что-то прощать. Мы живём душа в душу. И я желаю ему здоровья и долгой жизни.

Ирина Королёва, мать Сони Немцовой

НАМ БУДЕТ ОЧЕНЬ ТРУДНО БЕЗ ТЕБЯ

1995 год. Немцову 35 лет. Предвыборная кампания в нижегородские губернаторы. Борис проводит встречи с избирателями. Я хожу на эти встречи и слушаю, как он разговаривает с людьми. После одной встречи подхожу и спрашиваю:

– Есть что-нибудь такое, чего ты боишься?

– Конечно, — отвечает он с некоторой усмешкой. — Боюсь, что убьют...

Спустя почти 20 лет в апреле 2014 года мы разговаривали на эту же тему.

– Ты не боишься, что тебя просто грохнут?

– Нет. Они не посмеют. Потому что я выражаю свою позицию открыто.

Борис был почти уверен в том, что открытость позиции сможет его защитить и в безоружного стрелять не будут. Он жил совершенно по другим правилам, другого времени, когда в спину наемные убийцы не стреляли.

Немцов не был Героем России в отличие от Рамзана Кадырова. У него не было даже ордена мужества, ордена почета и т. д. Но в те времена, когда Рамзан Кадыров скрывался в зеленке горной Чечни и воевал против федеральных войск, Немцов собрал вместе с нижегородцами МИЛЛИОН подписей против войны в Чечне и не побоялся в открытую выступить против мнения Бориса Ельцина. Это был 1996 год. В те времена кое-кто молча носил за Собчаком чемоданы и не был замечен ни в одной антивоенной акции.

Еще меня поражало, как стойко Борис переносил клевету в свой адрес, которую лили на него многочисленные СМИ. Он смеялся и говорил:

– Если на тебя гавкает собака в подворотне, ты же не начинаешь тявкать ей в ответ?

В ночь, когда Бориса убили, меня поразило, как быстро появились в сети различные версии его убийства. Это свидетельствует о тщательной подготовке операции прикрытия. Буквально через несколько минут после сообщения информационных агентств

анонимы стали активно распространять различные версии убийства, одна нелепее другой. Одна версия была, будто Немцова заказал Илья Яшин, другая, будто его убили из-за партийной кассы, третья — будто это был чей-то ревнивый муж и т.д. Весь этот идиотизм я перечислять не хочу. Боты работали слишком грубо и не профессионально. Но совершенно очевидно одно — к убийству готовились заранее.

Я познакомился с Борисом в 1986 году, когда он жил в городе Горьком на улице Ошарской в съемной квартире со своей первой женой Раисой и маленькой дочерью Жанной. Борис был самым ярким и последовательным оппозиционером КПСС в Горьком. Когда я вошел в комнату, на стене увидел плакат, на котором был изображен какой-то страшный таракан. Внизу была типографская надпись: «Сколько можно терпеть?». И кто-то детским почерком приписал карандашом: Борю. Получалось забавно: «Сколько можно терпеть Борю?»

В тот год совершилась чернобыльская авария. Я работал в новостях на Горьковской студии ТВ. Появилась информация, что в Горький завезли сто тонн радиоактивного мяса. Все СМИ молчали, потому что тогда они были под тотальным контролем коммунистов. Мы с Борисом расследовали эту историю, ездили на мясокомбинат с дозиметром в поисках радиоактивного мяса. Но сейчас речь не об этом.

Когда умер Высоцкий — это было потрясение. Мне было 18 лет. Я был поражен, как много у него друзей. Как он был щедр и неисчерпаем в дружбе. Когда погиб Борис Немцов, я вдруг понял, что у него тоже невероятное количество друзей. И это радует. Широта его натуры притягивала. Всем хотелось зарядиться от него энергией. Это ж надо было Богу так щедро одарить одного человека. Богатырский рост, умище, который просто некуда девать, и сила духа. Он стал нижегородским губернатором совсем молодым, в 32 года. Многие не хотят брать на себя ответственность, а он брал. И, как ни странно, лучше всего чувствовал себя в условиях, близких к катастрофическим.

Есть прирожденные спортсмены, которые не могут без борьбы, без гонок, без экстрима. Борис был прирожденным политиком. И неважно, где он находился, во власти или в оппозиции. Он не заканчивал МГИМО, но умел вести себя, как наследный принц. Он был первым политиком европейского уровня, мог на равных разговаривать с Маргарет Тэтчер и со слесарем с Горьковского автозавода, и со всеми находил общий язык. Я отнюдь не стремлюсь его идеализировать, он не дедушка Ленин. У меня с ним были достаточно непростые отношения в разные периоды. Но Немцов был человеком слова — это бесспорно. Вокруг Бориса всегда крутилась куча народа. И многие беззастенчиво пользовались его доверчивостью. Потому что, несмотря на незаурядный ум, Немцов был романтиком.

Вы можете себе представить, что по окончании карьеры Дмитрий Анатольевич Путин (я не оговорился) уйдет в оппозицию, заведет себе аккаунт в ФБ или Вконтакте и поедет избираться простым депутатом в Ярославскую думу, чтобы детишкам строить турники и спортивные площадки? И я нет. А Немцов мог.

Вы могли бы представить, что на следующих президентских выборах будут открытые честные дебаты, в которых на равных участвуют Путин, Медведев, Немцов и другие? И я нет.

Владимир Владимирович как-то обмолвился, что после смерти Махатмы Ганди ему даже и поговорить не с кем. Мне кажется, он погорячился.

Я не знал другого такого безрассудно смелого и остроумного человека. Его смерть — это трагедия для страны. Потому что он делал все, чтобы мы жили в свободной и процветающей стране. Он был настоящим мачо, любимцем женщин. И ему для этого не надо было притворяться, столько в нем кипело жизнелюбия. Он был настоящим ученым, его мозг работал, как компьютер, он помнил тысячи цифр. Он был настоящим политиком. Принципиальным и бесстрашным. И, конечно, современники не могли оценить масштаб его личности при жизни. Сейчас для него настал момент истины. Его расстреляли в центре столицы. Но, я уверен, что Борис даже не мог мечтать о такой смерти. Потому что тем самым

его имя обессмертили. И теперь он встал в один ряд с Джоном Кеннеди и Махатмой Ганди. А остальное — дело истории.

Спасибо, Борис, за все! За то, что ты был нашим губернатором. За то, что ты вернул Нижнему Новгороду его историческое название и сделал город открытым. За то, что ходил без охраны и любой человек мог пройти к тебе в нижегородский Кремль. Спасибо за то, что ты мог признавать свои ошибки и идти дальше. Нам будет очень трудно без тебя.

Мне очень хорошо видно послание, которое оставили люди, сделавшие это: критикуешь Кремль — будешь убит под его стенами. За последние годы очень многих моих соратников убили, посадили или выдавили из страны, а ведь страна — это прежде всего люди. Россия лишается лучших людей. Для меня это настоящая личная трагедия. И происходит такое из-за того, что ненависть в ежедневном режиме выплескивается с экранов телевидения и становится нормой. Это действительно страшно. Человек может быть вот так застрелен в сердце Москвы, прямо около Кремля. Любой, у кого есть собственное мнение, кто высказывается в социальных сетях и где-либо еще. Власти раскрутили маховик ненависти.

Я была на московском марше памяти Бориса Немцова, и мне хотелось бы отметить, что в Москве в этот день было очень много людей. Мне пришлось полтора часа стоять только перед входом у рамок. Для многих людей это была настоящая личная трагедия, — понимание того, что рядом с Кремлем совершаются теракты.

Мы сейчас переживаем ужасное время. И мне кажется, что нам всем не хватает сил. Борис был тем человеком, который давал людям вдохновение, он для каждого находил доброе, хорошее слово. Мне искренне жалко, что этот человек ушел. Для России это большая потеря.

Борис был светлым человеком. Очень живым и обаятельным. Очень многие искренне его любили. Я много раз сильно на него обижалась и искренне осуждала, но потом мы всегда мирились. С ним невозможно было по-настоящему поссориться. Если можно представить в нашей стране человека, абсолютно не способного к насилию, то это был он. В моей памяти он ни в коем случае не останется таким, как на этих ужасных фотографиях, где он лежит на мостовой с задранной майкой. Я не знаю, зачем эти снимки вообще выложили. Журналисты что, не думают, что у него мать, дети? Для меня Борис останется жизнерадостным, оптимистичным человеком с бьющей через край энергией. Убить такого — огромный грех...

За этой маской бесшабашного, веселого человека на самом деле скрывался очень ранимый, очень организованный человек.

Три отца российских реформ Чубайс, Гайдар и Немцов. Считалось, что самый четкий из них — Чубайс, а самый бестолковый, неорганизованный — это Борис Немцов. Но все наоборот, самым бестолковым и неорганизованным всегда был Чубайс, а самый четкий и правильный был Борис Немцов.

За все годы нашего знакомства он ни разу не опоздал на встречу. Он был очень добрый человек...

Он жизнь свою прожил на миру как на ладони, кто хотел, тот мог разобраться в его личности, а фальшивой жалости под видом сострадания от врагов он точно не заслужил и не хотел бы это видеть. И погиб не в подворотне или старческом маразме.

Нет у меня сил писать о личных с Борей отношениях. Начиная вспоминать наши встречи и посиделки, не могу сдержаться слез. Он называл меня Павлушка, я его — Борей или Борис Ефимыч. Почти как отношения старшего брата с младшим. Он, вообще, любил опекать и помогать молодым. Я старался держать дистанцию, я ж ведь журналистом работаю. Сейчас это кажется глупым чистоплюйством, в страшные времена человеческие отношения важнее профессиональных.

Удивительная несправедливость: Немцов последние 20 лет, как минимум, занимал ключевые позиции в российской политике — был губернатором, первым вице-премьером, лидером партии, одним из самых известных оппозиционеров. По большому счету, нигде не облажался по-крупному, всегда выглядел достойно, а из него пытались сделать балабола и чуть ли не шута. Как и из смерти, демонстративного расстрела сейчас пытаются слепить кровавый водевиль. Выдумывают украинских донжуанов и путинских соколов-мстителей.

Убийство Немцова — точно выверенный удар.

Борис Немцов — самый узнаваемый из лидеров оппозиции. Его знают как старики, так и молодежь. Да, у него один из самых

высоких негативных рейтингов («развалил страну, разворовал госпредприятия» и т.д. и т.п.), но стоит ему дать телевизионный эфир, как ситуация кардинально меняется. Победа на выборах в Ярославле — лишнее тому подтверждение.

Немцова почти вытолкали из федеральной политики, но он пошел в провинцию, стал депутатом Ярославской думы и поставил на уши всю область и окрестности. «Провинциал» — как-то так называлась его первая книга. «Исповедь бунтаря» — вторая. Рубаха-парень с рабочих окраин, который и умный разговор поддержит о физике, и в морду даст, если потребуется. Он мог мыслить масштабными кампаниями и грандиозными планами, но с таким же азартом бросался в локальные битвы и часто выигрывал их.

Немцов сажал за один стол стариков и молодых, и был связующим звеном между разными поколениями внутри российской оппозиции...

С убийством Бори красная черта перейдена. Причем, сам Немцов не был радикалом. Он действовал открыто, он вел политическую борьбу, которая предусматривает дискуссии и компромиссы с противниками. А его смерть никому не оставляет выбора — слабых она сломает окончательно, сильных озлобит.

Пока был жив Борис Немцов оставалась надежда на цивилизованный путь разрешения политической войны. Он сам любил жизнь и не претендовал на жизнь других. Убийцы забрали надежду у всех, включая и Владимира Путина.

Только что проехала по Москворецкому мосту. Свечи горят на ветру, мост весь, весь в цветах. Я медленно ехала вдоль, и вдруг один букет красных роз упал, сполз с этой цветочной горы на мостовую. Я вышла из машины, подняла его и аккуратно положила обратно, а там портрет Бори, глядящего с такой жизненной энергией... И я сказала вслух, громко: «Боря, Боречка, все хорошо».

Завтра нам всем будет невыносимо тяжело.

У меня полгода назад умер папа, и невозможно заполнить эту потерю. Невозможно забыть живого человека. Если он был, правда, живой. Борис был очень живой. Забыть его будет невозможно. Даже — мертвецам при жизни. Тем, кто посмел захотеть избавиться от него.

Чушь. Он поднимался на Эльбрус, он спасал людей, он делал научные открытия и работал, чтобы осуществить свои мечты о свободной России.

Он умел любить. И любил. И, как Дон Кихот, шел на бой со злом с открытым забралом.

Этот бой не окончен.

2 марта 2015

*Мне всегда было хорошо и это не связано
с моим материальным достатком.
Это связано с моим отношением к жизни.
Я наслаждаюсь каждым днём своей жизни
и вам желаю того же.*

*Я в жизни всего добился сам,
мне никто не помогал.
И вам советую не завидовать и не злиться...*

(из онлайн-интервью, апрель 2012 года)

Дмитрий Бутрин

МИНИСТР СЧАСТЬЯ

Ремесло убийцы бесплодно. Всякий раз ему поручают уничтожить фигуру, символ, то, что от человека, в сущности, зависит очень мало. Убить всегда нужно то, что о человеке думают другие. Но вместо этого убивают всегда собственно человека — того, кто все о себе знает сам от начала и до завершения. Фигура не исчезает, но исчезает сам человек. О нем и следует говорить, потому что память о политике Немцове никуда не исчезнет. Тогда как убили-то не его, а Боря.

Кто звал его иначе, тот просто с ним не знаком. В любом «борисефимыч», которое можно было адресовать Немцову, нельзя было избежать доли несерьезности. Вот мы сидим с ним обсуждаем что-то на тот момент очень важное, такое важное, что нужно решать в субботу днем во вьетнамском кафе в Газетном, что-то про митинги, Колокольцева, согласования, финансы, что-то про партийную деятельность. Вроде вот тремя столами дальше оперативный сотрудник внимательно вслушивается всей спиной, не доверяя технике. И тут Боря внимательно так смотрит и неожиданно спрашивает: а что ты такое ешь, вкусно это, есть вообще можно? И дальше минут пять — а где официантка, можно мне вот такое, а ты еще будешь, а ты, а вы? А давай всем закажем — как это называется, скажи еще раз? Надо будет запомнить. А ты во Вьетнаме-то был сам? Ну и как там вообще? Я вот в Тайланде был сейчас, давай расскажу, там вообще неплохо.

С этого можно было просто очуметь — времени нет, что делать со всем этим ворохом проблем, непонятно, все плохо, а он уже сидит и с восторгом тычет в фотографии на айпаде — смотри, это мы в Дубаях месяц назад, круто, скажи, Маш? Ну ладно, давайте, чего у нас там следующее, давайте договорим, а то нам уже ехать пора, там дело срочное.

И если кто думает, что это срочное дело его будет занимать настолько, чтобы не улыбнуться Маше, тот вообще ничего не понимает.

Думаю, за это его и убили — он был человек совершенно невыносимо, раздражающе живой.

Я про себя всегда называл Боря «итальянец», несмотря на то, что это был тип в высшей степени русский: склонный к поспешности, к радикальности, ко всему, что сплеча; сколько я его знаю, а это лет двадцать, он никогда не умел чем-то поглощаться не полностью, текущее всегда его захватывало. Меня никогда не удивляло, что Боря на интуитивном уровне, на уровне бытовых привычек, ценностей — совершеннейший человек этой страны и власти в этой стране. Есть разница в том, чтобы ненавидеть извне и ненавидеть изнутри — Боря ненавидел власть изнутри, его невозможно было выбросить из этой системы, в которой он прожил вполне счастливую жизнь. Оппозиционность, совершенно искренняя и честная, нисколько его не тяготила — во всяком случае, не больше, чем раньше его тяготила власть. Этих тягот он, похоже, просто не замечал: ведь это система думала, что она его выбросила наружу, а он-то так совсем не думал. Напротив, это их всех Боря считал узурпаторами, козлами и гадами, а значит, — это он на месте, а они временно. Ясно же, что они-то — да никто. Пойми, я ж их знаю всех как облупленных, на что там смотреть-то? Смотри, все просто.

И ты хватаешься за голову, потому что, конечно, ничего не просто, все сложно, ну как так можно-то?

А потом выясняется, что все эти сложности были полной ерундой в сравнении с тем, что происходило дальше.

И Боря тут как тут, и у него опять все просто и понятно, и хочется схватиться за голову.

А он все хохочет.

Мне кажется, он вообще не умел быть несчастливым, и я знал его способ так жить и всегда завидовал, что не могу, как он — видеть 15 суток как увлекательное времяпровождение, любой проигрыш — как мелкий неприятный эпизод в сверкающей череде отличной жизни, которая у всех может быть прямо сейчас. При этом дурак тот, кто считал его дураком, — Немцов был очень неглуп, уж поверьте. То страдальческое выражение лица, которое всякий раз он делал, когда нужно было зачем-то глубоко задуматься, имело совсем другое происхождение. Какого черта мы

всем этим занимаемся, когда можно просто быть счастливым? Ну да, понимаю, надо сделать некоторое количество работы. Это раздражает — что так все устроено, что счастье не сразу, а после работы. Но работаем-то мы для того, чтобы потом быть свободными, правда? И под локоть толкает.

Правда, Боря, истинная правда. Но тут, в России, так не принято. Тут все мечтают о том, чтобы однажды было именно так, и стесняются этого, и вас — гедонистов, дионисийцев, эпикурейцев — считают людьми пустыми, несостоящими, легковесными. Вместо этого они годами, с упорством истинных маньяков, пишут бездарные многотомники, которые потом чинно обсуждают в кругу таких же людей, обремененных высоким интеллектом, потом создают на основании их предварительные планы (о да, эти люди никогда ничего не могут делать без предварительного плана!), а потом будет оргструктура, третий отдел, пятый отдел, столовая, канцелярия, департамент транспортного обеспечения, служебный транспорт, служба, служение идее, доказательства того, что мы все-таки были правы...

А Боря отлично знал всему этому цену и поэтому был всегда немножко не здесь, хотя и с нами.

Он наверняка сейчас страшно злится на то, что ему не дали еще пожить, и успокаивает его только то, что убийца освободил его от того, что было бы неприятно, — старости и болезней. Неприятно, конечно, но тоже дело. Это вы — мертвые, хотя и живые, а нам-то что.

Странное дело — именно эта умная несерьезность Немцова, которой, по идее, и кончиться бы с выстрелами на мосту, останется от него в наследство. Я не знаю, откуда он такой взялся здесь, где легкость презираема, где страдание возведено в моральную доблесть, где люди мать родную готовы продать за статус, за возможность влиять, повелевать и помыкать — с каменным лицом, с дьявольской серьезностью, с лицемерной набожностью. Всякий раз этот кудрявый несерьезный дядька, хохоча, показывал — да бросьте вы корчить из себе Бог весть что, вы ж такие же, как я, а я же — могу? Все в нем было совершенно местным, Боря был анекдотически, безупречно русским, не выдуманным и не сформулированным — напишите нам, каким полагается быть

нашему человеку, мы всех подровняем под стандарт, — а просто вот имеющимся здесь и плевавшим на ваши стандарты по праву существования. В итальянских крутых шмотках, с неместным вечным загаром, вечно куда-то улетающий, но потому просто неспособный эмигрировать, потому все время остающийся тут, в Москве, — это Боря. При всех своих недостатках мы тут еще вот такие, восхититесь нами и собой — это, в сущности, все, что он хотел сказать своим поведением.

И вот это — останется. Вы будете выдумывать ценности, вы будете строить русский мир, вы будете отстаивать святыни и создавать социальные иерархии, познавать свою Софию Премудрость Божию и биться над проклятыми русскими вопросами — а рядом с вами, в ГУМе с его презренными бутиками, в несерьезных офисах с глупыми девками и глупыми юношами и их глупыми шутками, в колоннах бездумных студентов на демонстрациях, в фейсбуках и твиттерах, в эфирах радиостанций, в кафе и ресторанах, в ремонтируемых квартирах и в аэропортах, куда прилетают из отпуска и в которых улетают в отпуск, в том же мире, что и у вас, но с другой стороны, будет происходить строительство страны посредством достижения индивидуального счастья. Россия Немцова — это страна на юге. Тут, конечно, иногда бывает снег и вообще бывает тяжело, но снег — это явление временное, а по уму тут должно быть море, солнце и всеобщее счастье. И ради этого счастья мы не будем ничего бояться, потому что всем же нужно в России такое. В том числе и вам, желающим, чтобы все страдали ради правды. Страдать ради правды? Но не обманывайте же себя: ради правды можно только радоваться.

Ну и как вы его такого и ее такую — убьете? Это невозможно. Россия будет свободной, потому что без свободы тут вообще незачем было жить.

<http://www.inliberty.ru/blog/1841-ministr-schastya>

Валерий Татаринцев

ВСПОМИНАЯ НЕМЦОВА

Что бы ни говорили о нем теперь, после трагической гибели (а говорят-то разное), в конечном счете все сходятся в одном: это была крупная, яркая, уникальная Личность! Ум, интеллект, решительность, смелость и... потрясающая внешность! Кумир женщин! Чисто мужские качества в нем просто выпирали! Очень горько говорить о нем в прошедшем времени, горько и больно, но... Увы!

В начале 90-х мы крепко дружили с известным журналистом Эвальдом Кессарийским, что неудивительно: он собкор ИТАР-ТАСС, я собкор Объединенной редакции МВД РФ — коллеги! Центральная пресса! Наши офисы были рядышком, по улице Горького. Дня не проходило, чтобы не увиделись: то он ко мне на чаек-кофеек, то я к нему на... пиво.

Однажды он забежал ко мне весь взъерошенный, взбудораженный. Что случилось?

— Губернатор Немцов приглашал, для личного знакомства! — с порога выпалил друг. — Он сказал, что центральную прессу особо уважает и с каждым собкором намерен познакомиться лично! С каждым в отдельности. Так что будь готов. Жди.

Ждать долго не пришлось. Вскоре мне сообщили, что назначена встреча с Борисом Немцовым. Просили не опаздывать, он этого не любит.

А кто же любит? Приехал без опоздания. Захватил с собой подарок (9 октября дело было: день его рождения). Специально, что ли, подгадали? Он встретил меня в приемной, веселый, бодренький, провел в кабинет, попросил, чтобы нам принесли чаю.

Сидим за столом, я ему рассказываю о своей работе, он вроде бы меня внимательно слушает, улыбается, а потом вдруг неожиданно перебивает:

— Ну, это всё ладно, понятно, а... мускулищи-то ТАКИЕ откуда?

— А какие мускулищи должны быть у мастера спорта СССР по тяжелой атлетике?

Тут он резко встал, подошел ко мне и крепко пожал руку.

— Чувствуется рука чемпионская, — сказал он, восторженно глядя на меня, и задал вполне конкретный вопрос: — А вот на турнике, к примеру, сколько раз подтянетесь?

— А... сколько НАДО? — задаю ему встречный вопрос, от которого он чуть не подпрыгнул.

— Ну, вы даете! А ну-ка пройдем... — и повел за собой в комнату отдыха.

— Прошу, — сказал он, подходя к турничку, — не стесняйтесь. Покажите, на что способны!

А чего мне стесняться? Подтянулся раз тридцать или сорок, не считал. Мог бы еще, но зачем обижать губернатора? Он же за мной вряд ли угонится и будет потом переживать!

— Супер! — воскликнул Немцов и... тут же с лихвой перекрыл мой «суперский результат». Подтянулся... пятьдесят пять раз! Я считал! Вот это действительно супер!

— Я в восторге! — говорю ему. — Но там, в приемной, поди, уж очередь стоит. Поздравляю с днем рождения, желаю достичь еще больших высот, как в... подтягивании, так и в политике, а мы будем гордиться вами, самым молодым губернатором страны. И вот вам мой скромненький подарок... — протягиваю пакет с содержимым.

— Спасибо, не ожидал! Тогда скажите, когда у вас день рождения, чтобы я тоже знал!

И я сказал. А куда же денешься, если мой день рождения... тоже 9 октября!

— Ну, вы меня и подловили, — покачал он головой, срочно соображая, что же мне такое подарить. И сообразил!

Хороший он был человек. Светлая ему память.

*<http://www.pravda-nn.ru/blogs/tatarintsev/vspominaja-nemtsova/>
12 марта 2015*

Я просто никак не могу это вместить. Не могу начать думать в человеческом измерении. Я помню, мы как-то с ним сидим у Лени Парфенова, давно уже, и он стал рассказывать истории про ельцинские времена — он вообще любил их рассказывать. В тот раз было про то, как Ельцин его женил на голландской принцессе. И я тогда вдруг как-то очень четко понял, что он мог бы стать премьерником. Он мог бы быть президентом, это было же реально. Он был простой, умный, благородный, смелый, самоироничный герой. Ланселот какой-то. Правда, другая могла быть страна. Дурак все же Ельцин.

Борис Райтшустер

глава московского бюро немецкого журнала Focus

Убили Бориса Немцова. Казнили. Он был моим другом. Он был лучом света.

Я виделся с ним в последний раз в октябре. Он боялся, что его убьют. И все же он был полон жизни, полон юношеского обаяния. Он был переполнен жизненной энергией. Он был разительным контрастом с «биороботами» из реторты КГБ. Путин, говорили, завидовал ему. Борис иногда был эксцентричный, но всегда искренен. Его называли американским шпионом, «пятой колонной», фашистом. Но он был сильнее, чем страх. Борис Немцов стал жертвой ненависти, которую Путинская система сеет каждый день.

Светлая Тебе память, Борис!

Твоя улыбка будет жить! И она — символ новой, другой России.

*Я знаю: время такое не лечит.
Слова пусты и врачи бессильны.
Конец недели, февральский вечер,
твой, чуть охрипший, голос в эфире...*

*Минуты тают непоправимо,
для страшной пьесы готова сцена.
Шаги убийцы и пули в спину...
Хохочет дьявол на красных стенах.*

*Я задыхаюсь, хочу проснуться.
Всё это ложь, кто-то шутит скверно!
Слепое стадо безмозглых трусов
сжирает ненависть, как гангрена.*

*А ты — смеёшься. Ты даже смерти
не покорился, не сдался сразу.
Весёлый, добрый, с открытым сердцем —
таких бессмысленно мазать грязью.*

*Я буду звать тебя братом, ладно?
Так я смогу устоять и выжить.
Тьму все равно побеждает правда.
А смерти — нет.
А весна — всё ближе...*

ОЛЬГА ЛЕХТОНЕН

Немцов был таким, какие тут долго не живут: для него абсолютно неважно было всегда оказываться правым, он часто и сознательно подставлялся, не слишком считался с общественным мнением и не старался понравиться ему — и именно поэтому нравился.

Он был человек абсолютно естественный, а в современной России, где все неестественно, это опасно и трудно. Он любил красивых женщин, и они его любили, и это тоже абсолютно естественная вещь — не нравится она только тем, кто никого не любит и никому даром не нужен.

Немцов не самоутверждался за счет чужой любви, ему нужны были не победы и не чужое унижение, а обычная радость жизни, и потому у него было много друзей, подруг и добрых приятелей.

Врагов он тоже умел наживать. Он, думаю, был не всегда разборчив в связях. Но кто же тут разборчив в связях? Только тот, кто не имеет их вовсе. Ему важно было, что думает о себе он сам, и потому он был мало склонен к отступлениям, моральным компромиссам и выгодным трусливым поступкам.

Впервые я увидел его в ельцинские времена, когда приехал писать о восстании в Шахтах, где безработные перекрыли дорогу. Немцов прибыл от правительства разговаривать с этими шахтерами. Он спустился вместе с ними в шахту и честно сказал, что это очень страшно. Он не мог, конечно, облегчить их положение, но временно успокоить — смог, и они, встретившие его в штыки, постепенно стали с ним говорить, жаловаться, кричать на него, и обстановка разрядилась.

В нем не было ничего от сурового представителя власти, приехавшего осадить зарвавшихся подданных. Он и во время нижегородского губернаторства не воспринимался как сакральная власть. Он был политик другого типа, популярного при Ельцине, — типа свой. Но Ельцин на самом деле не был своим, вот в чем штука. А Немцов был. И потому Ельцин, уйдя из власти, молчал, хотя, возможно, и мучился. А Немцов оказался в оппозиции. И не мучился, потому что делал то, что хотел. Такие люди могут оказаться во власти лишь в результате великих случайностей, ги-

гантских вертикальных сдвигов, и он был в этой власти белой вороной. Благодаря этой своей отдельности он стал единственным россиянином, который, поработав в правительстве, так решительно выпал из номенклатуры (случай Касьянова все же совершенно иной, и манеры другие).

Он при всем своем обаянии рубахи-парня был интеллигент, физик — сын матери-одиночки, и последнее его интервью в «Собеседнике» было именно о матери в нашей рубрике, где о матерях рассказывают самые известные люди. Из власти, оппозиции, науки, культуры... Культ матери существует в России только у богатых, а это неправильно. Быть маменькиным сынком вообще-то хорошо, а не позорно, как думают некоторые.

Немцова очень легко было убить, он ходил без телохранителей. Он был довольно крепок физически и полагал, что от самостоятельных провокаторов сможет отбиться, а от профессионалов охрана не спасет. Он был человек храбрый и весьма надежный, и после его гибели русская оппозиция потеряла очень много. Его боялись наверху, конечно, и бояться до сих пор — иначе не стали бы врать, что на траурный марш пришли 16 тысяч человек. «Белый счетчик» насчитал больше 50 тысяч. Но это нормально. Они — власть — тоже много потеряли. У них будут теперь другие враги, пострашней оппозиции.

Немцов почему-то хорошо ко мне относился и не обижался на ядовитые стишки. Я очень его любил и никогда ему об этом не говорил.

Последняя наша встреча была 30 декабря, в день суда над Навальными, на вечерней акции в центре. Не знаю уж, как это назвать: демонстрации не было, митинга тоже, шествия не получилось, просто собирались люди. Немцов шел от Пушкинской в большой компании — и был, как всегда, уверенный и веселый. Что уж там у него в душе творилось — не знаю, а на людях он всегда держался весело. И этим очень выделялся в любой толпе — огромный рост, большая меховая шапка, запоминающееся уверенное лицо. Таких выделяющихся легко выслеживать, провоцировать их вообще одно удовольствие. Издеваться над Немцовым тоже было очень легко, сейчас этих издевающихся полно.

Я наблюдаю какой-то дружный экстаз падения, тоже обычное свойство гибнущих систем: хуже, еще хуже! Все эти люди, которые острят насчет Немцова, его жизни и смерти, его романа с украинской моделью, его манер и взглядов, его национальности и фамилии, думают, вероятно, как-нибудь отсидеться в аду. Они думают, будто тех, кто уже в аду, не тронут. Это ошибка, происходящая от незнания истории. С них-то и начнут.

А что когда-нибудь в Москве будет улица Немцова — в этом сомневаться нельзя. Сомневаться можно только в том, что город этот к тому моменту сохранит свой размер, значение и функцию. Будь Немцов жив — шансы бы еще сохранялись. А теперь они, прямо скажем, исчезающе малы, и не в Немцове тут дело.

Евгений Киселёв

ЖИВЁЕ ЖИВУЩИХ

Под таким заголовком в киевском журнале «Новое время» вышла моя заметка, которую я написал в день похорон Бориса Немцова. Я не стал публиковать ее тогда — решил сделать это сегодня, на сороковой день его гибели, когда по русской традиции мы снова «пьем горькое вино на помин души».

Борис был самым ярким, свободным, обаятельным, счастливым и легким человеком среди всех политических деятелей России за последнюю четверть века. «Моцарт от политики», как замечательно точно назвал его поэт Лев Рубинштейн. Теперь это стало ясно всем. Хотя от очередного коллективного прозрения меня коробит.

За 40 дней после убийства о Борисе Немцове было сказано и написано так много и настолько искренне, что архитрудно что-нибудь к этим словам добавить. Даже если ты знал его достаточно близко и давно. С моей стороны было бы самонадеянным говорить, что мы были друзьями. Скорее, приятельствовали — от случая к случаю, с долгими, на многие месяцы, перерывами. И вообще, кому интересны подробности нашего с ним сугубо личного общения? Но дьявол, как говорится, порой кроется в деталях.

Почему-то часто вспоминаю, как мы с Борисом в году, наверное, 1996-м играли в теннис во время очередного Всемирного экономического форума в Давосе. Одни в огромном, почему-то совершенно пустом спорткомплексе. Борис оказался классным теннисистом, но терпеливо возился на корте со мной, полным «чайником».

Помню, как он вдруг буквально врывается к нам в Останкино, на еще то, прежнее, настоящее НТВ и захлеб рассказывает, что придумал собрать миллион подписей (не просто закорючек, а все честь по чести — с номерами паспортов, адресами, именами, отчествами, фамилиями) за прекращение войны в Чечне и принести в Кремль, Ельцину.

В ту пору собрать миллион так скрупулезно оформленных подписей было делом небывалым — но ведь и собрал, и принес, и войну остановил, пусть и не он один.

Или — совсем другая картинка всплывает из памяти. Сидим, разговариваем, выпиваем, и вдруг Борис говорит: «Смотри, а вино-то классное!». И показывает: по настоящему хорошее вино, стекая по стенкам бокала, оказывается, оставляет на его внутренней поверхности, если присмотреться, характерные тонкие дорожки. Я с тех пор всегда, когда пью вино, кручу бокал и смотрю, есть ли там эти самые дорожки.

Теперь все вспоминают, как Борис любил жизнь во всех ее проявлениях, причем в этом жизнелюбии был настолько органичен, обаятелен, даже трогателен, что никто по этому поводу даже за глаза не зубоскалил. Но почему-то мало кто вспоминает, что он был еще и по-настоящему отзывчивым человеком, многим людям, попадавшим в опасность, в беду, в нужду, помогал — совершенно искренне и бескорыстно.

А еще он был очень порядочный. Кто то скажет — чистоплюй. А по мне — так удивительно щепетильный человек.

Я всегда старался, за рамками профессионального общения, держать дистанцию с политиками и не заводить близких отношений. Немцов стал исключением — едва ли не единственный, с кем мы были на ты.

И знаете, что меня все эти годы приятно удивляло? Когда я звонил Немцову, он непременно отвечал на звонок. Или перезванивал, если не мог говорить. Редкая в наши дни привычка. Даже очень хорошие знакомые, коллеги, что тут, в Киеве, что там, в Москве, сплошь и рядом не отвечают на звонки, переключают мобильные телефоны на помощников, секретарей, водителей, охранников. Борис всегда брал трубку сам. В нем был настоящий, природный демократизм, без всякой вельможной фанаберии. Он мог ездить на метро и ходить по городу пешком без охраны — как в последний роковой вечер.

Кто его убил?

В науке есть такой принцип — бритва Оккама. Назван он в честь средневекового английского философа Уильяма Оккама, который учил: «Не надо множить сущее без крайней на то необходимо-

сти». Говоря современным языком, в поисках объяснения того или иного события или явления не стоит городить огород из множества изощренных гипотез. Надо, наоборот, отсеять, как острой бритвой (отсюда — бритва Оккама), все маловероятные, неправдоподобные объяснения и считать наиболее вероятным при прочих равных условиях самое простое из них.

Так вот, есть набор неоспоримых фактов: один из признанных лидеров оппозиции, в прошлом (простите за пафос, но тут по другому не скажешь) один из создателей новой постсоветской российской государственности, убит в центре Москвы, буквально под стенами Кремля, накануне крупной акции оппозиционных сил. Нет, даже не убит — публично казнен. Как в далеком прошлом на площади казнили врагов государства, и не важно, кто нажал на курок, кто вел машину, на которой скрылся киллер, и тому подобное.

Теперь бритвой Оккама отсекаем налипшую вокруг этого главного, непреложного факта шелуху из всевозможных утечек, замысловатых конспирологических версий, слухов и грязных сплетен, распускавшихся желтой прессой, и видим простое, суть — за убийством Немцова стоят его политические противники.

А главный политический противник Немцова — нынешний правящий в России режим и лично президент Путин.

Конечно, прямой команды устранить Немцова физически он наверняка не давал — в отличие от Сталина в случае с Троцким или, например, Михоэлсом (перечитайте воспоминания дочери генералиссимуса Светланы Аллилуевой о том, как она нечаянно подслушала телефонный разговор отца: «Пусть это выглядит как автокатастрофа», а через несколько минут Сталин сообщил ей, будто невзначай, что знаменитый актер и режиссер Михоэлс погиб в автомобильной аварии).

После гибели Немцова все дружно вспоминали, как Бенито Муссолини в Италии тоже не давал приказа убивать депутата-оппозиционера Джакомо Маттеотти, а когда его все-таки убили, наоборот, устроил всем разнос. Но с убийства Маттеотти началось окончательное сползание Италии в фашизм.

А в России именно Путин первым заговорил о «национал-предателях», «пятой колонне». Именно Путин дал в свое время сиг-

нал травить Немцова, когда вдруг заговорил о его якобы причастности к коррупции в 1990-е.

Это Путин первый утверждал публично, будто его оппоненты готовы принести кого-то из собственных рядов в «сакральную жертву», тем самым, по сути, дав индульгенцию любому отморожку, который захочет «замочить» какого-нибудь оппозиционера и затем переложить вину на его товарищей.

Наконец, Путин несет личную ответственность за создание в России, прежде всего силами государственных и полугосударственных телеканалов, атмосферы морального террора против оппозиции. Которая рано или поздно должна была обернуться террором физическим.

А раз уж я вспомнил историю с убийством Троцкого, замечу — это зубодробительный аргумент в ответ на доводы тех, кто утверждает, что власти совершенно невыгодно было физически устранять маргинального, растерявшего все прежнее влияние оппозиционного политика.

Уж каким был маргинальным Лев Давидович в далеком 1940 году! И на что он мог влиять в СССР из далекой Мексики?! Ан нет, послал к нему Коба за тридевять земель киллера с ледорубом, и не без оснований. Во-первых, отомстить должен был «по понятиям». Во-вторых, понимал, что, каким бы маргинальным политиком ни был Троцкий в СССР, голос его очень громко звучал на Западе, его антисталинские статьи печатали крупнейшие американские и европейские газеты, у него были огромные связи по всему миру.

Спустя 75 лет история убийства Немцова выглядит очень похоже.

А еще я вспоминаю Александра Галича и его «Петербургский романс». Написал он его провидчески в душное, вроде нынешнего, время в 1968 году, когда советские танки вошли в Прагу. Накануне того дня, как семеро смельчаков вышли на Красную площадь с плакатами, осуждающими вторжение в Чехословакию — на первую в новейшей советской истории политическую демонстрацию протеста в центре Москвы.

Герой этой песни — стареющий вояка-царедворец, у которого «болят к непогоде раны, уныло проходят годы»... В молодости он

был не чужд революционной фронды, белыми петербургскими ночами пил вино, как воду, под пламенные тирады юных вольнодумцев, проклинавших тиранов и славивших зарю свободы. Но в тот главный день, когда в Петербурге, от Синода к Сенату, выстроились на рассвете полки, он не вышел на площадь вместе с ними.

*И в то роковое утро —
Отнюдь не угрозой чести! —
Казалось куда как мудро
Себя объявить в отъезде.*

И вот, спустя уныло прошедшие годы, он всё никак не может понять и смириться с тем, отчего же все его победы в битвах, все его заслуги перед царем и отечеством оказались ничем по сравнению с тем, как вошли в историю безумные, безусые мальчишки, прапоры и корнеты, посмевавшие выйти на площадь?!

*Зачем же потом случилось,
Что меркнет копейкой ржавой
Всей славы моей лучинность
Пред солнечной ихней славой?!*

Сегодня в России есть множество людей, которые в одно время с Борисом Немцовым «славили зарю свободы», начинали делать реформы, а потом ссучились, скурвились, променяли юношеские идеалы на теплое местечко в тиши кремлевских кабинетов, госдачу и машину с мигалкой, распилы, откаты, инсайдерские сделки, ордена и фотографии на память с президентом и патриархом.

Они пережили Немцова. Но он, посмевавший в назначенный час выйти на площадь, всегда останется живым, а эти — давно уже мертвые. Хотя, быть может, они доживут до глубокой старости, получают еще ордена и регалии и даже положенные по табелю о рангах похороны по высшему разряду — с воинским салютом, за казенный счет.

Но их никогда не будет провожать в последний путь такое же людское море, которое плыло за гробом Бориса, никогда не принесут столько цветов, как сегодня, когда ими просто устлан Немцов мост.

Борису Немцову будет солнечная слава на все времена.

А этих живых мертвецов в лучшем случае забудут, как забыли их некогда всемогущих предшественников. Приличные люди уже обходят их стороной, руки не подают. Они об этом знают и от этого, уверен, не спят ночами, скрипят зубами, мучаются. Так им и надо. Кровь Бориса на их совести. Нет им прощения.

P.S. Из своего киевского далека не заметил, разошлось ли в Москве самое последнее в жизни интервью Бориса, которое он дал в тот самый роковой вечер, уже после выступления на «Эхе», наверное, возможно, уже сидя в кафе в ГУМе — московское время было ближе к 22.00. С ним говорили мои киевские коллеги с «Радио Вести», Юлия Литвиненко и Валерий Калныш.

*Конечно, есть предел жертвенности.
Понятно, что умирать не хочется, свободу
терять не хочется. Но что сделаешь?
Люди в оппозиции каждый для себя должны
решить, на какие жертвы они готовы.*

*Я могу сказать, какие. Это невозможность
найти работу, это постоянные преследования
и провокации, это проблемы с детьми.*

К сожалению, они бывают.

Не готов, конечно, к смерти, совсем.

Не хочу умирать, жить хочу.

Люблю жизнь!

(из программы «Попутчики», РБК, 22 октября 2012)

Он был веселым и легким. За это его любили и не любили.

Любили друзья, девушки и соратники. Не любили конкуренты на политическом поле и противники, находящиеся по другую сторону баррикад. Он легко подставлялся, вызывал огонь на себя — сначала рассорился с Березовским и Гусинским на деле «Связьинвеста», потом оказался в привычном ряду политиков, «ураганивших в 90-е», через запятую со своими врагами, сначала летал с Чубайсом на частном джете в предвыборном ролике СПС, потом садился с Лимоновым в СИЗО после очередной «Стратегии-31». Пересаживал чиновников на «Волги», нырял в прорубь, уводил протест на Болотную, раздавал на улицах брошюры про коррупцию, катался на доске под парусом, избирался в Ярославскую думу. Его называли плейбоем, его подозревали в связях с Кремлем, им пренебрегали, ему завидовали. Он жил в политике не так, как это принято в России, — не с чугунным видом вечного страдальца, а с улыбкой, как бы играя, будто выступить в Думе или выйти на одиночный пикет — то же самое, что выпить бокал шампанского; это вызывало недоверие, подозрения и упреки.

Его риторика последних лет, привычные формулировки про «преступный режим» и «кремлевских жуликов» иногда казались слишком уж дежурными, стершимися от частого употребления, к тому же сбивала с толку интонация — мы инстинктивно доверяем неблагополучию и осторожно относимся к бодрости. Но теперь эти слова измерены последней и высшей мерой, искуплены и оправданы. Он был прав, а те, кто над ним подтрунивал, — нет.

Он был гением коммуникации: мог переговорить кого угодно, вплоть до Жириновского (за что последний плеснул в него однажды апельсиновым соком), умел, если не примирить спорящих, то по крайней мере столкнуть их с места, чтобы ехали дальше; сам на раз-два бросался в любые дискуссии и дебаты. Он одним своим присутствием напоминал о недолгом времени, когда публичная политика в стране чего-то да значила, когда важно было убеждать и уговаривать, когда речь, произнесенная в нужный момент с правильной трибуны, могла повернуть ход истории. Он вообще

казался символом какой-то важной нереализованной альтернативы, и речь даже не о том, что Ельцин мог назначить его преемником; просто заново возникающая Россия в каких-то лучших своих чертах действительно была такой — открытой, улыбчивой и немного сумасбродной; он не то чтобы застрял в том времени — скорее то время застряло в нем.

Много уже сказано о том, что, вне зависимости от того, чем завершится расследование, его убила направляемая телевизором ненависть, открыто объявленная охота на врагов и предателей, бушующая вокруг холодная гражданская война. Все так, и он вызывал особенно острую ненависть хотя бы потому, что сам никого не ненавидел, даже когда его полоскали на центральных каналах или вывешивали гигантские баннеры с его лицом, похожим на мишень, на правительственной трассе, — он говорил об этом с иронией, как будто сам, по неловкости, угодил в смешную передрягу. Однажды, перед каким-то очередным протестным маршем, он пришел на встречу в офис на Покровке с разбитым лбом, все переполошились, а он, оказывается, просто не заметил висевший над тротуаром дорожный знак. Его наивность и прямолинейность вызвала у кого-то гнев, а у кого-то смех, но история последних российских лет почему-то всегда складывается так, что правы оказываются самые наивные и прямолинейные — и они же гибнут первыми.

В последний раз, когда мы случайно встретились, он звал в гости в Ярославль — не на митинг и не на акцию, а посмотреть, какой вид на Волгу открывается у него из окна.

Он всегда был молодым и навсегда молодым останется.

Лично для меня это большая потеря, которая за полгода не стала менее острой, а может, даже наоборот. По прошествии времени становится понятно, насколько незаменимой и неповторимой была энергия Немцова, его оптимизм, его жизнелюбие — все эти невероятно редкие в нашей политике сугубо человеческие качества. Он раздражал многих людей и вызывал кучу споров, но сейчас понятно, что он был мотором и сердцем не только оппозиции, а политической жизни в широком смысле. Этой энергии, обаяния, неутомимости, улыбки, в конце концов, ужасно не хватает...

Боря был веселый и симпатичный. Конечно, идеалист, над ним подтрунивали — ну, что за политик, которому не хватает цинизма и холодного расчета? Я ездил к нему в Нижний в 96-м, он был губернатором, я сделал тогда интервью, вот, новый политик, юморной кудрявый красавец, это новая жизнь, новая эпоха, наконец мы взяли за ум и теперь во власть идут лучшие, ну наконец-то! Вместо унылых аппаратчиков. Да, была такая мысль...

Каждый раз он говорил про маму, Дину Яковлевну, вот каждый раз, буквально. Я с ней разговаривал пару раз, она симпатичная, веселая, открытая! И он ее цитировал по всяким поводам. Она того стоит.

Он давно начал говорить в таком духе: в России будет фашизм, если не будет сделано то-то и то-то. «Ты уверен?» — спрашивал я. — «Конечно!». Я отвечал: «Значит, точно будет, потому что условия, про которые ты говорил, никто выполнять не будет». Разговорчики... Немало значит и то, что Боря — еврей, они острее чувствуют фашизм, а русские на тему реагируют вяло и иногда шутят: а вот я фошызд, что, страшно?

Он был недоволен, что я посмеиваюсь над пафосом, но мне всегда больше нравился он сам как человек, чем его идеи. Люди важнее и дороже, и интереснее. Таки я любил его. Хотел сделать про него книгу, он того стоил, но он не откликнулся...

Я немая. У меня нет слов. Сегодня среда. 5-й день я не живу, а нахожусь в декорациях своей собственной жизни. Это, наверное, нечестно по отношению к пятилетним созданиям, ни о чем не подозревающим и слава богу, не могущим понять, что произошло. И это нечестно, потому что во мне гранит скорби, и радость насухо вытерта горем и утратой, которую я чувствую каждую секунду этого 5-дневного марафона.

Вчера Бориса Немцова похоронили. Земля скрыла его навсегда, но ничего не успокоилось, а стало еще горше. Еще невыносимей.

Мне хочется разодрать себе рот от вопля, от крика, от истощения: «Вы не имели права! Нельзя! Нельзя! Нельзя! Никому нельзя забирать чужую жизнь! Господи! Что вы наделали! Ведь так нельзя! Нельзя стрелять в спину! Нельзя стрелять в грудь! Нельзя забирать жизнь! Непозволительно!».

И эти вопли давят и распирают меня изнутри, а в темноту азиатской ночи текут слезы, и я не издаю ни вздоха, ни шепота. Я терплю.

Вчера его похоронили и я давлюсь глыбой слова «без-воз-вратно». Мне теперь с ней жить и грызть ее суть всю оставшуюся жизнь. И все во мне мертво и все плачет. Я как девочка, у которой злые дядьки отобрали отца. Именно это я чувствую. А еще я чувствую одиночество и страх. 20 лет назад мы с Гусем приехали из Питера прощаться с Владом Листьевым. Узнали — без раздумий прыгнули в вагон и утром стояли в очереди оглушенных скорбью людей. 10 лет назад Гуся сбил трамвай и я ехала к ней в Питер прощаться. А потом Немцов — один из самых живых людей встреченных мною — шел домой и его просто взяли и расстреляли пятничным вечером.

Кто убил Листьева? Уже не важно? Ах не важно за сроком давности? Важно! 20 лет прошло, а мы до сих пор не знаем. И никто не наказан. Мне было 20 лет. Теперь мне 40.

Кто убил Немцова? Срок пошел! Я хочу знать. Я хочу справедливости. Сейчас мне 40. Я готова ждать до 60, до 80. Я буду ждать

сколько надо. Иначе все это персонифицированный, вопиюще наглый терроризм! Иначе стрелять можно хоть каждый день! Иначе те, кто вчера провожал в шубах с мотками роз будут лежать на месте того, кого провожали!

Моя страна! За что ты так страдаешь?? За что такая мера жестокости к стране, в которой я родилась и живу?? За что? Где есть такое же? Назовите! Почему нельзя легче? Цивилизованней? Добрее?? Нет такой причины, за которую можно отобрать жизнь!

Я хочу знать кто это сделал. Любопытство? Черта с два. Я бы все отдала, чтобы почувствовать равнодушие к тому, что произошло. Чтоб мне было плевать и кусок не застревал в горле.

Я хочу знать, потому что знать и наказать — это единственная возможность справедливости. Безнаказанное убийство — это узаконенное убийство при молчаливом согласии общества. Для меня нет. Для каждого из нас это дорога в преисподнюю.

До похорон, до прямоугольника ждущей пустоты в земле, какая то часть меня была уверена, что Немцов жив. Да, так. Мозг не верил. Вчера клетка захлопнулась. Он под землей.

А сегодня утром в идущих навстречу людям я пару раз обманывалась и узнавала его статью, его улыбку, его кудри и на секунду опять была уверена, что он жив. На секунду мое сознание убеждало меня, что просто надо было инсценировать московский мост. Ведь такое истории знакомо.

Впереди возвращение домой. В расстрелянную Москву. Через какое-то время я выйду на сцену и в коде песни про розы крикну «рок-н-ролл!», и барабан захлебнется в брейке, а моя память в картинке: 11 лет назад хохочущий Борис Немцов подмигивает мне и танцует этот самый рок-н-ролл на льду губернского заповедно замороженного спорткомплекса. И я, видя это, бросаю гитару и прыгаю со сцены вниз туда, где он самозабвенно вскидывает ноги и руки в танцевальных па. И мы делаем это уже вместе, и нам дико смешно, и нам уже вовсе не холодно, а вполне себе жарко. И тает лед, и все еще впереди.

Один раз, помню, было такое, что к нам на эфир пришел Боря Немцов совершенно мрачный. Совсем невеселый, и не было здесь привычного балагурства, — это когда они выборы совсем проиграли.

Поздно ночью, около 2-х часов, после всех этих выборов, пришел Боря. Мы идем с ним по коридору в студию и он бурчит: «А кто это сейчас будет слушать? А кто нас слушает-то сейчас? Кто слушать меня будет?». Я в таком же бурчливом состоянии, потому что тоже целый день здесь просидел в выборное воскресенье. Я говорю: «Да, уж, побольше, Боря, чем за вас голосовало!».

Всегда мне очень нравилось, как Немцов реагировал на кукол, изображавших его. Ведь тогда всегда в «Куклах» изображали, вот Немцов и Чубайс. Это была такая пара хулиганов всегда, если кто-нибудь помнит «Куклы». Был чудесный совершенно выпуск, который назывался «Дискоотека». Кремлевская дискоотека, там был совершенно жуткий разгром, там, причем, был пламенный Анпилов, который в туалете, извините, сыпал карбид... Любимое школьное занятие такое. И на развалинах всего, вот на этой дискоотеке, сидели куклы Чубайса и Немцова, вот, и, по-моему, Немцов говорил: «Толян, тебя это прикалывает? А меня — да!».

Кто-то вспоминал в блогах про то, что они сами любили между собой потом цитировать. То есть цитаты их героев, их кукол, уходили в жизнь, они потом между собой перекидывались теми же самыми словами, типа: «Тебя прикалывает? Меня — да»...

... Сколько у него вот таких вот фотографий есть, расхристаных. Эти знаменитые, когда его держат два милиционера, пытаются держать. Он идет и волочит за собой шестерых омоновцев. Вот этим своим, «булжжик — оружие пролетариата». Какие-то «Бурлаки на Волге» постоянно. Но это он в действии такой, в жизни. Но эти снимки на мосту... Приходят какие-то совершенно идиотские такие мысли, абсолютно абсурдные: как это он допустил, чтобы его так? Как это он дал себя так сфотографировать?..

«Эхотром», 1 марта 2015

*И не важно, кто отдал приказ,
Главный, рангом ли пониже.
Эти пули выпустили в нас.
И теперь мы к катастрофе ближе.*

*В нас стреляют мотошакалье,
Казачок с нагайкою, потешный.
Черной сотни кружит воронье,
Родину, ввергая в ад кромешный.*

*На асфальте алые следы,
У Кремля, где окопались твари.
Ты остался вечно молодым,
В спину подлый враг ударил.*

*Ты теперь герой на все века,
На века ты пред Россией чист.
До весенних луж и ветерка,
Всего день ты не дожил, Борис...*

ДМИТРИЙ СВЕРГУН

Евгений Ермолин,
завкафедрой журналистики в ЯГПУ им. Ушинского

УХОДИТ ИЗ СТРАНЫ ВОЗДУХ...

Мрачная, страшная, гнилая русская ночь. Пуля достала человека, в котором было так много жизни, сколько бывает лишь у немногих людей. Тяжесть неимоверная. Он любил жизнь — как видно по итогу, безответно.

И все же скажу, не боясь оказаться непонятым: какая это прекрасная, по нынешним временам, ослепительная смерть! Она вызывает не только слепую боль, а еще спазм горькой, но высокой печали. Ибо не всем такое дано.

Он не был солдатом, он был против войны — и умер безоружным. Но это гибель от руки врага — и это «красная» смерть на миру. На мосту Москворецком, перед спесивым Кремлем — и перед храмом Василия Блаженного, где еще блуждает в потемках эхо пламенных юродских проклятий в адрес несправедливой власти.

Да и было в нем нечто безусловно юродское: отметина правдоискательства, обличительства, за что нельзя было его не любить, если только хоть как-то настроено ухо на горячую веру, непримиримую к злу.

Глухая, мутная, унылая зима замкнулась этой гибелью, сошла на нет. И случилось это — во дни печальные великого поста, как жертвой вечерней (140-й псалом Давида: «Да направится молитва моя, как фимиам, пред лице Твое, воздеяние рук моих — как жертва вечерняя»).

*«... И томился драгунский Пьеро, –
Всех влюбленных в тебя суеверней
Тот, с улыбкой жертвы вечерней,
Ты ему как стали — магнит,
Побледнев, он глядит сквозь слезы,
Как тебе протянули розы
И как враг его знаменит...» (Ахматова).*

И даже последняя женская ласка, ласка взгляда и рукопожатья, смягчила, как просил когда-то московский поэт, горечь его рокового часа.

Он был человек моего поколения, буквально ровесник. Это, знаете ли, часто заставляет относиться к человеку по-братски даже безо всяких причин. А тем более с причинами. И вот скажу. Многое и многих забудут. От нынешней серой плесени, которая глумится сейчас по его поводу, не останется ни имени, ни титула, ни звания, — а он не будет забыт Москвой и Россией — как страстный любовник, как надежный и щедрый друг.

Вы отвергаете его, но не вычеркнете из истории — как иную, неслучившуюся возможность, как альтернативную перспективу, и не раз еще вспомните, причем очень скоро. Кому-то умаляться, а ему расти.

... И все-таки, понимая все это, чувствуешь, как уходит из страны воздух. Остается какой-то аммиак, почти что нашатырь. Чем и зачем здесь жить? Подумаем об этом завтра.

Лилия Дубовая, пресс-секретарь Бориса Немцова

ВОТ ТАКАЯ РАБОТА С ЭЛЕКТОРАТОМ

Шел 2007 год. Немцов, который к тому времени уже почти отошел от СПС, вернулся, чтобы принять участие в предвыборной кампании. И, так как доступ к СМИ нам полностью перекрыли, Борис сделал ставку на общение с народом. А что это значило? Да то, что он мотался по всей стране, пересаживаясь с самолета на самолет, и встречался с людьми. Где и как только мог. Я, как пресс-секретарь, его сопровождала.

В то время ситуация в партии была аховая. Не было денег. И руководство СПС решило пойти «ва-банк». Здание, где располагался наш офис, было продано, чтобы было на что вести кампанию. Это был жест отчаяния. И все это понимали.

В тот день, когда на заседании штаба решался вопрос, как будут проходить эти визиты в регионы, Борис встал и сказал: «Послушайте, что тут обсуждать? Я же не Путин. Мне свита не нужна. И пафос не нужен. Беру с собой свою Лильку. И будем ездить. Только билеты обеспечьте. И все».

Так мы и ездили. Я — с рюкзачком, Немцов — с полупустой спортивной сумкой, в которой болтались зубная щетка с пастой, бритва с кремом для бритья, да пара свежих рубашек с еще какой-то неведомой мне мужской крайне необходимой мелочью. Мы приезжали в аэропорт и, как простые (чуть было не написала — советские) люди, вместе с другими пассажирами проходили контроль и шли в самолет. Я все время замечала вокруг удивленные взгляды: «Надо же, Немцов. Без охраны. Как все».

Потом мы прилетали на место. Нас с таким же плохо скрываемым удивлением принимали партийцы из местных отделений. Если мы прилетали только на один день, нам снимали номер на двоих («Из экономии. Нечего тратить партийные деньги на пустяки», — говорил Немцов). Мы с ним по очереди принимали душ, приводили себя в порядок, потом он беседовал с руководством региональных организаций, пил свой любимый черный чай с сахаром и с лимоном, и мы дружно отправлялись... на ближайший рынок.

«На рынке можно узнать все, чем живет город», — утверждал Борис. Там его сразу же окружала толпа торговков, торговцев и покупателей, и минут через сорок он узнавал от горожан всё о самом наболевшем. Уходил с рынка Борис, увешанный пакетиками с кислой капустой, с солеными грибочками, домашними пирожками, яблоками, медом, а то и с баночкой красной икры (если дело происходило на Дальнем Востоке). Уходил под восторженное: «Мы теперь будем голосовать только за вас». А потом обязательно была запланированная и организованная встреча с агитаторами и просто с людьми в каком-нибудь снятом для этого кинотеатре. В том самом две тысячи седьмом ни Кремль, ни официальные власти в регионах нас не жаловали, поэтому традиционного общения с губернаторами уже, как правило, не было. Да и кинотеатры были не всегда. Когда в зал не пускали, Немцов проводил встречу прямо на улице. Однажды, уже не помню, где (слишком много было этих городов), в кинотеатре распылили какой-то мерзкий газ. И, знаете, люди не ушли. И Борис не ушел. Выступил. А меня из зала выгнал, сказал: «Обойдусь без тебя. Жди на улице. Еще отравишься. Что я тогда с тобой делать буду?». А еще нас просто преследовали эти зомбированные мальчики и девочки из «нашистов». Переспорить и заставить замолчать Немцова, сорвать встречу им, конечно, не удавалось, но беготня с идиотскими сачками и обсыпание нас мукой происходило регулярно. Поэтому я всегда носила в сумочке одежную щетку. Надо же было, если что, спасти костюм начальника.

А теперь — история.

Однажды, когда мы приехали в аэропорт и прошли контроль, а до отправления самолета оставалось еще достаточно много времени, Борис решил, что нужно выпить чаю. И только мы расположились за столиком с нашими чашками, как к нам подошел видный такой мужчина в возрасте, явно с военной выправкой, и словно отрапортовал Борису в лицо: «Немцов, я — бывший полковник. Всю свою жизнь служил Родине. Я тебя ненавижу. Вы с Ельциным и с Чубайсом угробили великую страну».

Он молча смотрел на Немцова и ждал его реакции. Борис, ничего не сказав, махнул ему рукой: мол, оставайся на месте. Потом

подошел к стойке буфета и взял хорошую порцию коньяку. Вернулся к столику. Попросил меня и перепуганную, извиняющуюся женщину — жену полковника — присесть где-нибудь в сторонке: «Посидите, попейте вместе чайку. У нас тут будет мужской разговор». И, разлив коньяк в пластиковые стаканчики, начал что-то настойчиво объяснять своему собеседнику.

Беседовали они минут тридцать. Вернее, говорил все больше Борис, а бывший полковник внимательно слушал и иногда задавал вопросы. Я не слышала, о чем шел разговор. Только видела, как Борис эмоционально размахивает руками и говорит что-то резкое, говорит энергично, пытаюсь донести до собеседника суть.

Не знаю, что уж там он ему сказал, только от ненависти полковника, судя по всему, не осталось и следа.

Через какое-то время они позвали к себе и нас. Немцов рассказал какой-то развеселый анекдот, мы все выпили коньяку, а после Борис с новым сторонником СПС крепко обнялись. И тот пообещал Немцову впредь голосовать только за него. «Отличный ты мужик, Борис», — сказал он на прощанье, получая в подарок снятые с руки Немцова часы. И мы улетели.

Вот такая у Бориса была работа с электоратом.

Да, и последнее. Такого начальника и друга у меня больше не было. И теперь уже не будет.

(из книги «Немцов. Записки пресс-секретаря», 2015 год)

Я не любила Бориса Немцова, пока я с ним не познакомилась. Когда познакомилась, уже не любила, а немножко не доверяла. Потом я уехала работать на его избирательную кампанию в Ярославской области. Не от большой любви, а по личным соображениям. И вдруг там оказалось, что Немцов — абсолютно нормальный человек. Мне почти всегда мерзко от условных «федеральных политиков», но от него не было.

Я помню, как мы с ним запросто обедали в Макдональдсе рядом с заводом в Рыбинске. Как у нас чуть не кончился бензин на богом забытой дороге, и мы весело про это шутили. Как бабульки в Краснопереконском районе Ярославля недоверчиво переспрашивали: «Кто-кто? Немцов? Из телевизора который, что ли?»

Как я вышла из его партии через три месяца после вступления и думала, что он будет ругаться, а он только улыбался и шутиливо называл меня хулиганкой.

Как он говорил мне, что у меня всегда все будет хорошо, потому что я бесхитростная. Говорил: «Вот придешь ты домой в семь утра, муж тебя спросит — где была? А ты ему скажешь просто — шлялась. И все! И что тебе тут предъявить можно будет? Никаких проблем».

И вот он, наверное, тоже таким был. После того, как мы с ребятами избрали его в областную Думу, я действительно была удивлена тем, что он там по-настоящему работал, занимался делами, почти единственный оппозиционный политик в России, который делал то, что должен делать.

Сейчас... Сейчас я расскажу. Просто мне трудно говорить. Первые два дня я вообще не мог ни сказать, ни написать ни слова.

Когда я увидел фотографию убитого Бори Немцова на Москворецком мосту, меня обожгло... Как бы это правильно описать? Как будто кто-то раскаленными щипцами выдрал у меня из груди тот орган, которым человек испытывает радость. Наверное, многие испытали подобное чувство, но, понимаете... У него задралась рубашка, когда он падал убитый, и он лежал с голым животом, и в кадре хорошо были видны его остроносые туфли. Это важно.

Всякий раз, когда мы с Борей встречались, он говорил:

— Та-а-ак, Панюшкин, задери рубашку, покажи живот.

В этот момент мне становилось радостно. По роже расплзлась улыбка от такого мальчишества — меряться животами. И я задираю рубашку. Боря придирчиво осматривал мой живот:

— Ну, нет, Панюшкин, так нельзя. Ты что, не занимаешься спортом? — с этими словами Боря тоже задирает майку. — Вот какой у мужчины должен быть живот, видишь?

Подобная сцена могла происходить при совершенно любых обстоятельствах. На прогулке в подмосковном санатории. На Марше несогласных во время задержания («Панюшкин, ты что? Нас в ментовку забирают, а у тебя рыхлый живот. Так нельзя!»). Или в кулуарах партийного съезда, когда Боря выдвигался в президенты, задвинул речь про то, что Россией правят грешники, ибо сказано «не убий», а они убивают, сказано «не укради», а они крадут. И мы после съезда ржали, что как-то Боря в обличительной своей речи обошел предусмотрительным молчанием заповедь «не прелюбодействуй».

— Ха-ха-ха! Панюшкин, покажи живот! Ну! Я так и знал, у тебя живот рыхлый, а ты мне про заповеди тут втираешь!

Или во время оранжевой революции в Киеве.

— Панюшкин, ты что! Как можно ехать на революцию с таким животом.

— А как можно ехать на революцию в таких дурацких туфлях? — парировал я.

— Чем тебе не нравятся мои туфли?

— Дурацкие остроносые туфли, как у сутенера.

— Так, Панюшкин, ты когда-нибудь видел живьем хоть одного сутенера?

В ответ на Борины дурацкие шутки про мой живот я всегда отпускал дурацкие шутки про Борины туфли. Как-то нас всякий раз очень веселила эта глупая мальчишеская перепалка. Мы ржали каждый раз как кони от той простой детской радости, что вот у нас есть животы, которые можно накачать кубиками, и ноги, на которые можно надеть туфли. И теперь вы понимаете, почему меня особенно обожгла эта последняя Борина фотография на Москворецком мосту.

Самостоятельно у меня не получалось этак вот беззаветно радоваться самому факту своего существования, а рядом с Борей получалось всегда. Сам я все больше молчал, глядя на мир глазами грустного пса, а с Борей как-то само собой получалось постоянно хохотать и травить веселые байки, даже если решались серьезные политические вопросы, даже если четверо омоновцев тащили нас тем временем в автозак. И Боря, он ведь до последнего мгновения своей жизни радовался — гулял после вкусного ужина по красивому городу с красивой женщиной.

И я однажды даже спросил Борю, как он это делает. Как ему удается постоянно генерировать вокруг себя радость. И Боря сказал:

— Ты, наверное, Панюшкин, неправильно питаешься. Надо есть перепелиные яйца и выпивать, немного, но регулярно. И обязательно делать зарядку.

— Немного выпивать? — переспросил я. — Не ты ли вчера, Боря, при мне выжрал бутылку коньяка в одну харю?

— Ну, — Боря пожал плечами. — Это я вчера неправильно питался.

И мы захохотали счастливо.

И я вот теперь думаю, что с Бориной гибелью — да, наступила новая эпоха. Эти унылые упыри в телевизоре отнимают у нас

теперь не только свободу, но и радость. Как дементоры в книжке про Гарри Поттера — высасывают из человека всю радость. И чтобы прогнать дементора — помните? — надо взмахнуть палочкой, произнести заклинание и вспомнить самое, самое, самое счастливое, что когда-либо происходило с вами в жизни.

Я шел в воскресенье по Москворецкому мосту, изо всех сил вспоминал все самое счастливое, что происходило со мной в жизни, а в конце моста встретил школьного друга, с которым не виделся несколько лет. Мы поехали ко мне домой и вспоминали все самое счастливое. И до глубокой ночи неправильно питались. Немного, но регулярно.

Мария Баронова

ВСЕГДА ЦЕЛОВАЛ МЕНЯ ТРИ РАЗА

- Немцова убили.
- Что?
- Немцова убили, на Васильевском.
- В смысле?
- В прямом...

Мы как раз заканчивали работать, на часах полпервого ночи, кажется, было. Это было еще не по-настоящему. Ведь путаница какая-то и бред. И даже думать не надо, какой-то вброс. Кому нужно убивать Немцова?

«Немцова убили на Васильевском спуске, рядом с ним шла девушка», — все ребята, которые еще сидели в офисе Открытки стали цитировать поочередно твиттер.

В голове машинально прозвучали глухие хлопки выстрелов. Я вспомнила, что он был один из немногих мужчин на которых можно было смотреть вверх. Вспомнила, как он целовал меня при встрече, — всегда три раза. И говорил: «Ну ты, конечно, на всю голову ебанутая, но молодец».

Конечно же, всегда пыталась избежать этого. Мне надо было показать, что я вся такая, крутая, и все эти его мужские штуки на меня не подействуют. Так однажды, я не хотела подходить, только потому, что считала, что мне надо сейчас быть всячески серьезной, а Немцов меня рассмешит и уже не получится быть на сложных щах. Хорошо, что я тогда подошла. В итоге, хоть и формально, он познакомил меня с одним из самых главных людей в моей жизни.

Как-то сразу все вспомнила. И то, как я некрасиво с ним поступила за полтора года до этого. Нет, никого не обманула, но в конце концов, ведь именно у него я кучу раз консультировалась, и конечно же не прекратила это делать даже после того, как наехала на него.

Много раз просила прощения у Бориса Ефимовича за свое поведение. А он был великодушен: «Да ладно тебе, Машка, я это даже не читал».

— Привет, Машка, ну что там у тебя? — его приветствие, когда я звонила ему.

Важные люди в моей жизни всегда называют меня какой-то отдельной вариацией моего имени. «Машка» всегда принадлежала ему.

Когда звонил он, телефон сообщал: «Неизвестен». Было понятно, что звонит Немцов. Больше ни у кого не стоял этот древний антиопределитель номера.

Последний раз мы с ним долго разговаривали, когда меня начали травить в связи с новой работой на МБХ. Кажется, он был единственный среди «лидеров оппозиции», кто тогда не наехал на меня. Публично или закулисно. То есть, он был единственный, на кого наехала прежде я, и именно он меня защищал. Он всегда защищал девочек.

Договорились с ним, что приеду к нему в Ярославль. Слушала про его антикоррупционную историю об оплате автомобилей для правительства Ярославской области и сразу же спрашивала его: «Господи, ну и нахрена Вам это нужно, что это изменит, давайте лучше уже покрываши...» Ну он что-то там прикалывался в ответ. Аля сидела рядом и передавала ему привет. Потом они поговорили о чем-то своем. О фильме «Срок» и просто о жизни.

Его уже нет полгода, а теперь, когда я еду в Кострому с вокзала в Ярославле, таксисты вспоминают его: «Приедет, посмотрит поверх очков, узнает все новости о женах-детях-любовницах. И всегда все помнит». То есть помнил...

Чёрт, я его больше никогда не увижу, что ли?

«А как же наш Евгений Робертович? Он так и будет сидеть?», — таксисты спрашивают про мэра Урлашова. Он уже сидит под арестом 2 года и 2 месяца в Матроске, и будет сидеть и дальше. Как любит меланхолично замечать Полина Немировская: «Все в итоге сядут, что тут вообще обсуждать». Полина начала свою карьеру с того, что была помощницей Бориса Ефимовича во время его ярославской кампании. А сейчас сидит ночью рядом со мной и разбивает политзеков по группам.

Всё ехали с Алей в Ярославль последние три месяца. Он обещал показать свою квартиру напротив женского монастыря. Рассказать про всё, что делал и доказать мне, что все это не зря. Понимаете, ему было не влом рассказать это мне. Я-то считала, что все зря. И вообще, кто такая.

Год мы жили в соседних домах. Подъезд в подъезд. Я жила тогда в той самой квартире Кашина, до которой он однажды не дошел, но все же вернулся. В тот год я старалась не сталкиваться с Борисом Ефимовичем. Ибо меня мучил стыд за неприличное поведение. Иногда мы с сыном шли от Охотного Ряда домой. По тому самому маршруту. Однажды я решила зачем-то познакомить Сашу с Бродским:

«... и выезжает на Ордынку
такси с больными седоками,
и мертвецы стоят в обнимку
с особняками»

Это наш маршрут. Всех, кто когда-либо жил в Замоскворечье. Оно теперь совсем навсегда со мной. Из-за Немцова.

Где-то в середине марта я написала Кашину:

– Слушай, посмотрела тут все видосы с Немцовым лет за 15 назад. Я же вообще никогда не смотрела его интервью и не интересовалась его публичным мнением.

– Ну да. Я тоже смотрю, — ответил Кашин.

– Но ведь, но ведь он говорил совсем-совсем правильные вещи. Наш полностью. Мне сейчас так хреново. Чего раньше-то не понимала этого?

– Тоже вот понял. Не ценили... Россия.

Этим летом регулярно рука тянулась позвонить ему и пожаловаться. Попросить совета. А потом: «А, ну да». Он был классный. Всегда целовал меня три раза.

Преступная власть считала, что унижать бывшего вице-премьера, за его оппозиционную деятельность, можно бесконечно, хоть каждый день.

Периодически она сажала его в тюрьму, на 15 суток.

После одной такой очередной отсидки Борис приехал домой, и я был первым, кого он увидел, из нормального мира. Он, почему-то, улыбался и был чрезвычайно весел. А объяснилось это тем, что по жизни он просто — оптимист. И больше ничем.

За те 15 дней в мире случилось много чего, и я хотел рассказать ему самое важное... как я считал. Две-три новости, просто походу, как добрый сосед, как это бывает в доме...

Он их знал не хуже меня.

Я спросил: откуда, как?

Оказывается, на вторые сутки отсидки он полностью обратил охранников «в свою веру», и они принесли ему ноутбук с мобильным интернетом, прямо в камеру.

В конце срока несколько охранников принесли экземпляры его книги, для автографов и дарственных надписей.

Казалось, он с любым человеком мог найти общий и простой язык, если отвлечь человека от Излучателя Эрнста.

В 2012 году в его квартире прошли обыски, причём подчёркиваю: не один. Были изъяты все компьютеры, которые никогда не были возвращены. После обыска один следователь, в звании полковника, говорит ему: «А теперь, Борис Ефимович, у меня к вам просьба. Моя мама, которую зовут Марианна Исааковна, является большим вашим поклонником. Она дала мне экземпляр вашей книги, для подписи. Вы могли бы это сделать для неё?»

Представляете, в вашей квартире копаются чужие люди. Вы не знаете, как можно будет отмыть эту квартиру от их потных ладошек, от их дурного запаха. У вас забирают все информационные носители. Вас держат под фактическим домашним арестом много часов.

И при этом просят подписать вашу же книгу.

И он подписал. Написал, всё как положено: кому, имя-отчество, от кого.

Вот таким он был человеком.

Настоящим человеческим лидером, с тёплым сердцем, блестящим умом, выразительными умными глазами, широкой и доброй душой, высокого роста.

Он мог бы быть замечательным президентом нашей страны. Он бы мог столько ещё сделать для неё!

Я сейчас поеду, прощусь с ним, и провожу... Я уверен, под дулами снайперов.

Герои не умирают.

Люди, далекие от политики, вероятно, не совсем понимают, что Немцов был не просто красивый мужик. Ну еще умный, ну еще когда-то талантливый физик. Ну и вообще крутой. Живой среди зомбаков. Сто раз да, но не в этом дело.

Немцов — случай исключительный. Для современной России — почти невозможный. Он был отличником по жизни, золотым медалистом, красный диплом, кандидатская степень, более 60 научных работ, но Березовский тоже хорошо учился, а помер, как заяц. Немцов погиб, как жил. Стреляли в спину. Хотя убить могли сто раз, он всегда ходил без охраны. И ловили его в разные сети с невообразимым усердием, как мало кого.

Он стал губернатором в 31 год, и легко предположить, какие кисельные берега, молочные реки и бескрайние горизонты открывались перед отличником из Нижнего Новгорода, и как несложно было отличнику мгновенно вляпаться по самые уши. Во взаимовыгодное сотрудничество, хитромудрые схемы, миллиардные взятки. Он не брал. На него так ничего и не нарыли.

Поэтому сегодня все жлобье и выжившие из ума пенсионерки вроде Лимонова обсуждают его женщин. Страна святош. «Не стоит, наверное, в 55 лет заводить сомнительные связи с фотомоделями», — тревожится российский писатель Садулаев. Ну, заводить сомнительные связи с фотомоделями не каждому дано. Немцову вот было дано, в него вообще природа вдохнула по максимуму, да и связям с бандитом, ворьем и рыцарями Новороссии он предпочитал связи с фотомоделями. Факт для многих обидный.

Поэтому в финальном адском перформансе, рассчитанном с математической точностью и исполненном с уникальным цинизмом, этот факт учли. Могут только представить, какой жгучей обидой и каким ежедневным унижением являлось существование такого Немцова для его главного оппонента. Какой мучительной психической пыткой для эфэсбэшного бобика стало все это немцовское жизнелюбие, эта идиотская порядочность, эта неслыханная дерзость.

В книжке «Исповедь бунтаря» он вспоминал, что в политику попал из-за мамы. «У нас тут ядерную котельную строят, а ты какой-то ерундой занимаешься. Борис, у тебя совесть есть?». Вот он и пошел бороться с котельной.

Вообще, чтобы понять про Немцова, достаточно посмотреть на его маму. Это как полотна старых мастеров. Каждый понимает ровно столько, сколько способен вместить.

Расставили всюду неводы,
свидетелей допросили...
А, собственно, эка невидаль:
расстрелян еврей в России!
Бессмысленно тратить нервы,
от следствия ждать последствий...
Один скажет: «Он не первый».
Другой: «Дай Б-г, не последний».

Зачем всё в траурном колере?
Сотрите скорбную мину!
Да мало ли где и сколько раз
евреям стреляли в спину!
Все полосы запестрели!
Какая оперативность!
В России еврей расстрелян,
опять — за гиперактивность.

Не голые, не голодные,
что ж лезем-то против лома?
Негодные, неугодные
прогуливаемся, как дома!
Позвали тебя?! Спросили?!
И вот, одинок и страшен,
Лежишь посреди России
на фоне кремлёвских башен.

*Пока, прощаясь с евреем,
толпятся, толкают речи,
Под ним и над ним, как время,
текут облака и речка.
Душа от брэнного тела
в испуге парит вдали...
Евреев не переделать,
как этого — не смогли.*

*И кто-то, признаем с грустью,
опять на ковёр пустой
Полезет бороться с Русью,
чтоб сделать её святой.*

РАВ ИСРОЭЛЬ ЗЕЛЬМАН

Ольга Вахрина (г. Ярославль)

ОН БЫЛ КАК ОТЕЦ...

С Борисом Ефимовичем я познакомилась 31 августа 2013 г., примерно за неделю до выборов в Ярославскую областную думу. Мои друзья организовывали спортивное мероприятие для любителей бега, и Борис Ефимович участвовал там со своей командой. Они пришли в майках с надписью «Мужики, хватит бухать!»

Немцов всегда любил спорт. На том мероприятии он пробежал 5 км — я как раз стояла на этой дистанции. Там и познакомилась.

Люди в его предвыборной команде работали не за деньги, а действительно за идею: в тот момент в Ярославле был очень сильный подъём энтузиазма, многие записывались в наблюдатели. В день выборов я работала в составе мобильной группы и ловила карусельщиков.

После победы оказалось, что на должность помощника депутата ему не хватало одного человека. Я подошла к нему и предложила свою кандидатуру. Он меня взял.

Борис доверял всему своему окружению. Характер у него такой был. Борис — открытый человек. В разное время у него было 2–3 помощника (всегда — отличная команда!). Лично я в последние полгода занималась организацией его приема граждан в Думе, общением с депутатами, мероприятиями и т. д. Я присутствовала в обязательном порядке на всех заседаниях комитетов и думы с ним. Это входило в мои обязанности. И каждый раз для меня смотреть и слушать его было невероятным удовольствием.

Ещё в рамках предвыборной кампании Борис Ефимович заявлял, что он не паровоз. И что если он выиграет выборы, то действительно придёт в регион. А не так, что привёл людей и уехал обратно в Москву. Ему, конечно, никто не верил. Но когда он выиграл выборы, то действительно купил квартиру в Ярославле. У нас было новоселье, куда пригласили блогеров и сторонников.

В этой замечательной двушке в 50 квадратов тусила половина ярославского «Фейсбука». И квартиру, где живёт Немцов, знал, наверное, каждый. Когда Борис Ефимович погиб, спустя пару часов к этому подъезду стали приносить цветы. Прямо ночью.

А в Ярославле он бывал довольно часто. Во-первых, он приезжал на заседания Думы, которые проходят каждый предпоследний вторник месяца. А во-вторых, на заседания комитетов, в которых он состоял. Он был членом двух комитетов: по законодательству и бюджету.

Соответственно, он бывал 3 раза в месяц — это минимум. А если идёт принятие бюджета, то мог находиться в городе полторы-две недели. Обычно приезжал поездом. За полтора года он всего лишь один раз приезжал на машине. И это была ситуация, когда на поезд кончились билеты, и вообще ни на чём не уехать.

Как он говорил, в машине у него уставала спина. Да и спал он мало. А в поезде была возможность отдохнуть и поспать. Тем более люди его никогда не напрягали. Он был человек коммуникабельный, поэтому спокойно садился в поезд и ехал.

Шефом он был, как говорится, строгим и справедливым. Замечания делал, и они все пошли только на пользу. Он не был самодуром-начальником. Напротив, всегда готов помочь и дать совет.

Прошлой зимой попросил выбрать с ним диван в его квартиру. Было забавно. К его приезду я часто покупала продукты на завтрак, чтобы он не оставался голодным перед заседаниями. Он всегда очень правильно питался: йогурт без добавок, творог, хороший чай, овощи, фрукты, ягоды. Вообще вел здоровый образ жизни, занимался спортом. Проект установки турников и прочего спортивного оборудования на площадках в школах полностью финансировался из его депутатской зарплаты... Если позволяло время, он успевал с утра посетить спортивный зал. А потом — в Думу.

По городу он ходил пешком. Первое время у обычных людей была реакция, что «Ой, Немцов идёт!» А потом все привыкли, что Немцов может ходить по улице и даже иногда заглядывать в магазин за продуктами.

Он очень интересно общался с бабушками, которые всегда к нему подходили. Любая бабушка, с любым вопросом. И он с высоты своего роста, глядя сверху, из-под очков, всегда наклонялся и слушал. То есть у нас приём граждан шёл в режиме нон-стоп.

На открытии спортивных турников в школах всегда делал подъем с переворотом и подтягивался на брусьях. Мальчишки-старшеклассники были под впечатлением!

Не было ни одного человека, который, хотя бы раз пообщавшись с ним лично, оставался о нем плохого мнения. Он очень любил общаться с людьми. Староста подъезда, в котором находится ярославская квартира Бориса, всегда могла подойти к нему с любым вопросом, он всегда внимательно слушал и пытался вникнуть в проблему.

Он добрый был и абсолютно простой. То, что в пятницу вечером он шел пешком по центру Москвы без охраны — это вполне нормальная история. Борис Ефимович в Ярославле также спокойно ходил по улицам. Например, в магазин за продуктами. К нему постоянно приезжали люди на прием отовсюду. И он всех принимал, всех выслушивал. Он всех «брал» своим обаянием и юмором. Очень любил рассказывать истории из своей жизни, из прошлого. Я все это время любила повторять рассказ про Хакамаду. Когда у нее был выбор к кому пойти — к Немцову в СПС или к Явлинскому в Яблоко — она выбрала Немцова, объяснив это: «С Борей весело». Я не знаю, насколько это правдиво, но характерно для шефа.

Борис Ефимович очень любил город, область. Постоянно ходил на концерты в местную филармонию, в кино в кинотеатр «Нефть», который в прошлом году открыл его друг (мы были там на премьере «Левиафана» 5 февраля).

Было очень забавно наблюдать за ярославскими депутатами. Борис Ефимович — человек взрослый, который в силу устоявшихся привычек жил так, как ему было удобно. Поэтому на заседание комитета или Думы он приходил в джинсах, мокасынах и рубашке. Конечно, без галстука.

Первое время он сильно выделялся на общем фоне депутатов, которые все на одно лицо, в темных костюмах и галстуках под кадык. Аппарат Думы пытался как-то донести, что у нас это как бы не принято. Но никто ему, конечно, в прямую этого не говорил. Хотя за спиной обсуждали.

А потом гляжу: некоторые депутаты тоже стали приходиться на заседания в толстовках и джинсах.

Он выступал всегда очень ярко, высказывался по каждому острому вопросу. Очень конструктивно. Всё, что он говорил, было основано на фактуре. Борис Ефимович чётко понимал бюджетный процесс. Он мог с цифрами в руках спорить с нашим местным министром финансов, что для Ярославля вообще нонсенс! И та острота, которую Немцов придавал проблемам, способствовала их решению.

В Ярославле это был единственный политик, который выходил с такой повесткой, с такой очень жёсткой критикой – он мог себе это позволить. Настолько свободных людей, которые могут сказать что-то в лоб и вывести чиновников на чистую воду, у нас, конечно, нет. Он держал всех в тонусе. Не давал дремать.

И депутаты, глядя на него, всё-таки учились говорить правду. Учились поднимать, а не замалчивать вопросы. Они поняли, что так, оказывается, тоже можно: говорить то, что ты думаешь. Потому что, как говорил Борис Ефимович, «вас выбрал народ, и на вас люди смотрят. И то, что вы сидите здесь и помалкиваете, зная о проблемах, чести вам не делает».

Журналистское сообщество его очень любило, потому что он человек контактный: говорил хорошо, и с ним легко было работать в этом плане. Но у нас в Ярославле настолько цензурированные СМИ, что Немцову даже предвыборные выступления срезали и отдали деньги обратно. Доступ на местное телевидение и в печать для него был закрыт. Он имел возможность выступать только на «Эхо Москвы Ярославль» и в интернет-медиа.

Первое время отчаянные молодые ребята с ВГТРК «Вести Ярославль» пытались брать у него комментарии, с удовольствием записывали с ним интервью. Но редакция ничего такого не пропускала. В этом плане было тяжело. Но журналисты его очень любили. И если идёт заседание Думы, то даже представители правительственных каналов с нескрываемым удовольствием смотрели в предбаннике трансляцию из зала и говорили: «О! Тихо-тихо! Сейчас надо послушать! Сейчас он скажет!»

С таким же нескрываемым удовольствием Немцова слушали сотрудники думского аппарата.

В конце I квартала 2014 года областной департамент здравоохранения заявил, что кончились деньги на обеспечение льгот-

ников бесплатными лекарствами. А это онкология, шизофрения, диабетики — просто огромный список.

И был очень большой думский скандал, Борис Ефимович активно этим занимался и нашёл существенные нарушения в работе господина Сенина, который являлся заместителем губернатора и курировал здравоохранение. Совершенно та коррупционная история, которая называется классикой жанра.

Господин Сенин потерял должность и подал на Бориса Ефимовича иск о защите чести и достоинства. Сенин с треском проиграл его. Потом пошёл в апелляцию и с треском проиграл ещё раз. После чего в «Фейсбуке» писали, что у экс-заместителя губернатора чести и достоинства не обнаружено. Впоследствии на должность Сенина заступил Ростислав Анатольевич Даниленко. И это единственный чиновник из правительства, которого когда-либо хвалил Немцов. Сегодня он возглавляет всю социалку.

Борис Ефимович ко всем людям относился уважительно, даже к оппонентам. Он вообще был человеком добрым, весёлым. Ненависть для него крайне несвойственна. Он умел слышать людей. Умел признавать, что не прав. И умел соглашаться с оппонентом, от какой бы партии тот ни был.

Конечно, были моменты, когда он на нас ругался. Но он даже ругался очень по-доброму. Иногда было даже забавно на это смотреть. Он ругал нас, как родных детей.

Последний раз он приезжал ровно за неделю до гибели, в пятницу. Приехал поздно вечером, чтобы в субботу презентовать сторонникам свой антикризисный план (альтернативный местному правительственному). Мы ходили с ним на запись в «Эхо Москвы – Ярославль». В ту же субботу мы его проводили, он уехал.

А переписывались мы с ним практически каждый день. Он хотел быть в теме всего того, что происходит в регионе.

Последний раз я обменялась с ним сообщением в 21.30 — за полтора часа до убийства. Мы обсуждали пост председателя областного правительства Александра Князькова, который сообщил в «Фейсбуке», что у нас долги муниципальных районов составляют 240% от собственных доходов. Борис Ефимович попросил скинуть ему бюджетные нормативы, чтобы написать ответный

пост. Он написал, что у нас «председатель правительства далеко не дурак и очень хорошо, конструктивно написал».

Ну а потом я пошла на вечернюю пробежку, и где-то ближе к полуночи мне позвонила приятельница из журнала «New Times». Я взяла трубку, а там просто крик: «Оля, это правда?! Немцова застрелили?!». Я сразу набрала его адвоката Вадима Прохорова, и он ответил: «Яшин подтвердил. Я сейчас выезжаю туда».

До сих пор не верится... Я была на прощальной панихиде и на погребении, видела его маму. В день похорон сына ей исполнилось 88 лет. Она отстояла у гроба больше 5 часов, пока прощание не закончилось. Я думаю, что внутренний стержень Немцова — от неё. Она очень сильная женщина. И он очень ею гордился...

Мы осиротели. Очень больно. Борис был очень добрым. Шеф мог всё. Он был опорой. Он был как отец. Он был человеком.

Март, 2015 г.

Для меня этот человек не был политиком в классическом понимании. Политики хитрят, прогибаются, идут на компромиссы — Борис таким не был. И меня всегда поражало в нем отсутствие агрессии к кому бы то ни было. Даже к политическим оппонентам он относился как к людям, которые либо что-то недопонимают, либо не владеют всей информацией. Ненавидеть он не умел.

Борис никогда это не афишировал, но тут (в Ярославле и области) он помогал огромному количеству людей, в том числе и финансово, из своих средств. Он откликался на любую нужду, занимался буквально всем — от махинаций с бюджетом до нехватки мусорных контейнеров в городе Тутаев, к нему оттуда недавно приезжали жители. Его здесь воспринимали как человека, который любые горы свернет.

Как к нему относились люди, можно судить по траурным акциям в эти дни. Эту скорбь можно сопоставить лишь с тем, что творилось после гибели ярославского «Локомотива».

Людмила Шабуева,
главный редактор радиостанции «Эхо Ярославля»

Вот жил человек, который был тебе как отец. И больше его нет. Звонил, писал каждый день, ругался, смеялся, защищал, поддерживал, хвалил, отчитывал... Я любила Бориса Немцова как друга, как человека, как соратника. Любила искренне и считала его своей главной опорой в борьбе за правду. Сложно осознать эту потерю. Как без него? Какая может быть правда?

Последнее, что написала ему в личке, так уж получилось: «Борис, простите. Не держите на меня зла». На последний эфир я опоздала. У нас была запись в субботу. Зашла в кабинет, а он в темноте сидит и ждёт.

– Что же вы свет не включили?

– Люда, ты чего так долго? Я тороплюсь в Москву.

Ох, Борис, лучше бы вы не торопились... Мне тогда так хотелось с Вами кофе попить где-нибудь в кафе и поговорить просто обо всем на свете. Впервые возникло такое желание. Даже специально Олю Вахрину предупредила — выйду в выходной, но только если посидим где-нибудь. Как чувствовала...

Он был подавленный и расстроенный. Может, просто уставший. А может, тоже что-то чувствовал. Он никогда не жаловался. Теперь не узнать. Поговорить не успели. Много чего не успели... С премьеры «Левиафана» (это было как будто вчера!) я подвозила его до центра на своей машине, мы о чем-то задорно разговаривали, смеялись. Как же тяжело говорить о нем в прошедшем времени...

С Борисом Ефимовичем я очень тесно работала на ярославском «Эхе». Мы совместно занимались расследованием коррупционных дел и даже вместе ходили по судам, которые, к слову, выигрывали. При каждом его появлении (а это происходило не реже чем дважды в месяц) он рассказывал последние новости. Я знала четырех персон, с которыми Борис Ефимович находился в постоянной конфронтации: это Путин, Кадыров, Якунин, губернатор Ярославской области Сергей Ястребов и его заместитель

Александр Сенин. Последнему даже пришлось покинуть свой пост после того, как Немцов выявил в его семье конфликт интересов. С Якуниным Немцов судился из-за фактов, озвученных в своих докладах. Губернатора Сергея Ястребова Немцов обвинял в том, что он купил и не задекларировал таун-хаус на «Новой Риге» в Московской области, а также дом в поселке Мужево. Никто из названных врагов не реагировал столь жестко на расследования Немцова, кроме одного человека — Кадырова.

Я хорошо помню тот день. Это было 12 июня 2014-го. Борис пришел на эфир. Мы сделали запись программы. После чего я спросила: «Что с вами происходит? Почему вы такой потерянный?».

— Люд, меня хотят убить.

— Борис, вас всегда кто-то хочет убить.

— Нет, ты не понимаешь, всё очень серьезно. Я знаю. Я это чувствую.

Потом он показал смс со своего телефона. В нем было написано: «Шакал, я тебя убью». Я прочитала сообщение с его телефона. Первое о чём я подумала — это о последней публикации Бориса про чеченцев, воюющих на территории Украины.

— Кто, вы думаете, это может быть? — спросила.

— Либо «нашисты», либо кадыровцы, — ответил однозначно Борис.

Потом добавил еще, что ему угрожали и раньше: бросали унитаз на машину, плескали в глаза нашатырным спиртом, но тогда с ним ничего бы не сделали, а сейчас реально хотят убить.

Когда мне угрожали из-за расследований или беспокоились родные, я вспоминала Бориса и думала, раз он спокоен, то почему бы и мне не быть спокойной?

Теперь всё изменилось. Убить могут в любой момент, на центральной площади, прилюдно, в спину...

В прошлом году я впервые окунулась в крещенскую прорубь.

Борис Ефимович дал рекомендации: и до, и после и во время. Помог во всем — стоял с полотенцем, поставил тапочки, но глав-

ное, он поддержал морально так, что было совсем не страшно. Вообще, я мерзлячка. Потом он меня хвалил.

– Вы видели, какая она молодец! — кричал он на весь берег, — смелая, мужественная. Ну, вообще. Ну, вообще.

Так искренне, как будто я ему родная, подгонял: «Бегом, бегом в машину, а то замерзнешь». Перед этим мы пили чай у него дома с вкусным вареньем (не помню из чего, но из чего-то необычного). А еще мы говорили о Боге, о родителях. Илья Яшин непрестанно шутил, а я всё время хохотала. Оля Вахрина, Вася Цепенда — у нас была классная шумная оппозиционная компания.

Было так хорошо... В прошлом году мне больше не будет так хорошо.

Зато появится ощущение, что стреляют в спину. Прямо иногда будешь чувствовать, как невидимые пули входят, и ты про себя или шепотом считаешь их — раз, два, три... Иногда раз в день это будет происходить, иногда раз в месяц без повода. Или с поводом — когда страшно или одиноко.

Как быстро год пролетит — как один неприятный сон. А больше вы толком не пообщаетесь с Борисом. У вас останется последний эфир, несколько звонков и переписка в интернете. И всё...

Уверена, что Борис меня на том свете обязательно разыщет через много лет. Я только начну рассказывать, что происходило, а он сразу перебьёт:

– Ты думаешь я не знаю что ли? Я за всем наблюдал и знаю больше тебя. Пойдем лучше я тебе покажу тут все. Ой, слушай, ты сейчас так удивишься...

Ну, конечно! Он же самый умный и все знает. Я так подумаю, поулыбаюсь и пойду, и будет совсем не страшно.

Выражаю соболезнования родным и близким Бориса Ефимовича Немцова, великого и смелого политика, принципиального и мужественного человека. Я скорблю вместе со всеми. Для меня это стало настоящим шоком.

Оппозиционных политиков, мыслителей, общественных деятелей всегда сажали в тюрьмы, ссылали в ссылки. Но теперь их стали убивать показательно в сердце и сердце Москвы, напротив Кремля. Сегодняшнее российское общество пропитывается ежедневно пропагандой ненависти со всех телеканалов, общество специально раскалывают на «красных» и «белых», все заняты поиском внутреннего врага. Люди разочарованы, никому не верят, боятся завтрашнего дня, боятся роста цен на все и все, боятся потерять работу, а теперь будут бояться выйти на улицу, так как их могут убить!

Борис Ефимович поддерживал меня в СИЗО «Матросская тишина», выступал на многих судах поручителем, ручаясь за меня своим добрым именем. Он помогал собирать поручительства другим людям, помогал моим сторонникам организованно добраться из Ярославля в Москву на суды, предоставляя за свой счет автобус. И, что показательно, Борис Немцов помогал мне бороться итогами той провокации, в результате которой я лишился свободы еще в июле 2013 года. И мне было, что ему сказать, особенно в последние дни.

Немцов погиб, как герой, как воин на своем Куликовом поле. Пусть земля Вам будет пухом, уважаемый Борис Ефимович.

БОРИС

*Лучше такая смерть, чем такая жизнь.
Ах, как долго точили они на него ножи.
Это правда, приятель? Они убили его, скажи?
А приятель от ужаса путает надежи...*

*Это просто: идешь по каменному мосту.
И тебя они видят за полверсты, за версту.
Вот в тумане храм, подаренный ими Христу.
Вот гаишник толчется на денежном на посту.*

*Вот у станции нищий встает с колен.
Вот из красных, кровавых, кромешных стен
Надвигается черная птица-ночь на день.
Что ж ты, Родина, ну, умой его, окропи, одень!*

*Лучше такая смерть, чем такая жизнь.
Жизнь, в которой если идешь, то вниз.
И чем ниже — тем гуще и гуще слизь.
Ах, как запросто до него они добрались.*

*Я не слушал трибунных его речей.
Я вообще ниоткуда, и сам — ничей.
Но в объятиях судей и палачей
Я по Родине сотню зажгу свечей...*

*Ибо в храме, подаренном ими Христу,
Приникают слюнявые к наслюнявленному кресту.
А на улице — бах! И совсем не салют в высоту.
Это кто-то по каменному проходил мосту...*

Михаил Фишман

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК. ДВЕ ЖИЗНИ БОРИСА НЕМЦОВА

В архивах «Дождя» есть пленка трехлетней давности. В ней Борис Немцов рассказывает, в частности, как ему на машину сбрасывают унитазы, полиция отказывается по этому поводу заводить дело («Ты же всё понимаешь»), а ФСБ переадресовывает звонки с его телефона на свой собственный офис: «Я беру трубку, звоню себе сам, по своему номеру, мне говорят: «Майор Костомаров слушает». «А можно Немцова?» — говорю. «Можно, — отвечает, — только вот сейчас его допрашивают, он как раз колется, докладывает, как Госдеп все это мероприятие финансирует».

Он вспоминает об этом весело и легко, так же, как, вспоминал, например, один из своих любимых анекдотов про Ельцина: в 1997 году на встрече с Хасимото в Красноярске тот на рыбалке с барского плеча подарил ему Курилы, и они вдвоем с Ястржембским падали перед президентом на колени, умоляя его не отдавать эти несчастные острова. Тема Курил висела в воздухе, и, выйдя потом к журналистам, Немцов сказал так: «Читайте Конституцию России. Там все написано». Просто и понятно. По этим коротким фразам сразу видно, как он их произносит: такими фирменными рублеными отрывками, завышая в интонационной точке, как бы выдвигаясь на смысловом ударе и слегка вперед и помогая себе легким кивком головы снизу вверх. Теми же рублеными отрывками он будет потом повторять: «Путин вор и диктатор. Он сядет. Я ему не завидую».

Тогда, в Красноярске, пресса окончательно пришла к выводу, что Немцов стал наследным принцем. Действительно, в 1997 году Ельцин везде возил его с собой и, как положено монарху, в ходе своих знаменитых зарубежных визитов женил его на аутентичных европейских принцессах, то ли всерьез, то ли в шутку. Но трон собирался ему передать, очевидно, по-настоящему. А через 13 лет Борис Немцов встречал Новый год в тесной тюремной комнате три на три метра с сырыми каменными стенами без кро-

вати, матраса и освещения. Это называется бетонная шуба. Немцов реально стоял у самой двери к верховной российской власти — той самой двери, которую потом открыли для Путина, — и вместо этой власти ему достались травля в режиме 24/7, трибуна уличного митинга и прилагаемые к ней специзолятор, наручники и омоновцы.

Перейти из представителей высшей власти, перед которыми положено расступаться с благоговением, в политические маргиналы, которых положено высмеивать за беспомощность, — в современной России так больше никто не делал. Немцов провел этот эксперимент с поразительным достоинством и жизнелюбием: был совершенно одинаково бодр и весел и когда работал высокопоставленным чиновником вместе с Черномырдиным, Потаниным и Чубайсом, и когда сидел на асфальте у Большого Каменного моста вместе с Удальцовым, Яшиным и Навальным.

Он с одним и тем же энтузиазмом в ранге первого вице-премьера воевал в 1997 году с Березовским и Гусинским и лоббировал в 2010-м «закон Магнитского» в американском конгрессе и европейских парламентах, будучи более или менее никем. Одинаково увлеченно пытался заставить «Газпром» заплатить налоги в 1998-м и организовывал «Комитет-2008» по борьбе с третьим сроком Путина в 2005-м. С 1999 по 2003 год руководил фракцией в Государственной думе, а в 2013 году, по выражению Навального, «поставил на уши Ярославль» и стал депутатом обыкновенного областного заксобрания, куда его удивительным образом все-таки не получилось не пропустить.

В нормальных странах таких людей хоронят с официальными почестями, уже хотя бы потому, что где-то с середины 1990-х и до выборов в Думу в декабре 2003 года Немцов был, как говорят в таких случаях, крупным государственным деятелем. Те выборы стали одним из ключевых эпизодов исторического путинского разворота, когда он примерно в течение одного года посадил Ходорковского, дождал НТВ, отменил выборы губернаторов и сверстал полностью управляемый парламент. Все остальные разбежались, кто зацепился за какую-нибудь должность, кто ушел в бизнес, кто просто затих, а Немцов остался стоять там же, где и

стоял, и продолжил заниматься публичной политикой после того, как, во-первых, она исчезла, а во-вторых, интересоваться ею стало немодно и неинтересно. Немцов и политика выпали из тренда вместе, одновременно.

При этом он очевидно обладал и заразной харизмой, и политической статью. Я, например, вдруг понял, что узнаю повадки Немцова — позу, интонации, жесты — в первом публичном политическом выступлении его близкого знакомого, Михаила Прохорова, на партийном съезде «Правого дела» в сентябре 2011 года. Он явно был умелым модератором и получал от этого удовольствие, будь то переговоры с Явлинским, партийный съезд, оргкомитет митинга или что-нибудь еще. Но проявлял он таким образом не жажду к власти, а любовь к политике как к процессу. Ему нравилось быть политиком. Он говорил, что это настоящая мужская работа. Перед первым митингом на Болотной, когда остро стоял вопрос с площадью Революции, в Lifenews опубликовали его прослушку, и она тогда полностью подтвердила то, что и так было совершенно понятно: публичная повестка Немцова абсолютно совпадает с тем, что он готов обсуждать приватно.

Убийство Немцова мгновенно погрузило нас в отчаяние и ужас, потому что ужас и отчаяние запрограммированы его убийством. Так работает политический террор: Немцов убит, и нам очень страшно за то, что будет и с Россией, и с нами лично. Но это не единственное, что мы чувствуем.

Ксения Собчак заметила, что Немцов был по-настоящему свободным, потому что не скрывал свою жизнь, всю целиком, какой она у него была, ничего в ней вообще не прятал. Это точно сказано: не притворялся, ни в чем не проявлял лицемерия и двоемыслия — каким был, так и жил себе. Это сама по себе выдающаяся черта характера, а с учетом исторических обстоятельств — вполне величественная: никто не поднимался так высоко и не оказывался потом так низко, ни о чем при этом не жалея и ни за что не хватаясь памятью. Уметь так жить — значит уметь быть по-настоящему счастливым человеком. Мы это понимаем, и оттого нам сегодня так мучительно грустно.

Наверное, если я пороюсь в старых архивах, то смогу найти в них давний политический портрет Бориса Немцова, написанный в те времена, когда молодой губернатор Нижегородской области переехал на работу в Москву, стал первым вице-премьером, воспринимался многими как вполне реальный наследник Бориса Ельцина. Но с тех пор прошло так много времени, что я перестал воспринимать Бориса как героя политических исследований. Он для меня был скорее товарищем — не скажу, что наше общение было постоянным, но зато в принципиальные моменты украинской истории мы были рядом.

Был ли Борис идеалистом? Не думаю. Он был прежде всего политическим деятелем, умел ставить перед собой задачи и добиваться результата.

То, что человека такого масштаба и такой самоотдачи воспринимали в России как маргинала — это на самом деле не беда Немцова, а горе России. Потому что если фрики типа Миронова или Жириновского, или серые чиновники из «Единой России» — политики, а Немцов — маргинал, то извините.

И все же какой-то идеализм в нем был. Например, он очень серьезно воспринял свое назначение советником президента Украины после избрания Виктора Ющенко в 2004 году. И очень хотел сделать все, чтобы улучшить российско-украинские отношения, изменить образ новой украинской власти в глазах российского общества, не допустить в Украине конфликтов на этнической и языковой почве — он уже тогда был уверен, что Путин станет разыгрывать эту карту.

Пожалуй, это был самый плодотворный период наших взаимоотношений — когда он попросил меня помочь ему в работе советника и мы обсуждали, что можно было бы сделать для того, чтобы доказать — никакой «русофобии» в Украине нет и быть не может.

С тех пор у меня осталась мечта, поддержанная Немцовым — он даже писал об этом президенту — восстановить комплекс старо-

обрядческих храмов в Белой Кринице на Буковине, один из важных памятников русской цивилизации, превратить его в настоящий исторический заповедник, охраняемый государством.

Многие мои коллеги считали Бориса очень резким, даже наглым — но они путали наглость с бесшабашностью. Так, на фоне скучных российских политиков последних десятилетий Немцов выглядел слишком ярко, но это был его стиль и стоит заметить: этому стилю пытались подражать многие другие оппозиционеры.

Это уже стало общим местом: если ты против мрачной, как несвежая сельдь, власти, то должен быть живым. Живым и точка. До конца. И в этом стремлении «оживить» мертвую натуру — пожалуй, главный вклад Бориса Ефимовича Немцова в российское будущее.

28 февраля 2015

Я знал его лично больше 20 лет. Не уважать Немцова было невозможно: он был честным, открытым и бескорыстным человеком. Он долго был губернатором большого региона, потом первым вице-премьером, но не нажил себе ни золотых гор, ни каменных палат, оставаясь человеком среднего достатка. Для тех позиций, которые он занимал, это является чем-то исключительным. При этом он был человеком с очень смелой гражданской позицией...

Еще рано говорить об исторической роли и исторической миссии. Очевидно лишь то, что он был очень масштабным человеком. Причем масштаб его чем дальше, тем больше становится очевидным, более выпуклым. При жизни вводила в заблуждение его простота в общении, этот его стиль: со всеми на «ты», для всех по имени. Это вводило в заблуждение. Да, в нём не было внешней важности. Но масштаб был. И чем дальше, тем это больше чувствуется. Особенно в наше нынешнее время, когда отовсюду подступает такая бессмысленная мгла. Его очень не хватает, с этой, глубоко ему присущей, позитивностью...

Игорь Иртеньев, поэт

Я чувствую непередаваемое удивление перед человеком, который был, можно сказать, даже избыточно одарен природой, который мог выбрать себе совсем другой, успешный путь, усыпанный цветами. Таланты, ум. Абсолютный красавец, который мог бы быть президентом какой-нибудь Аргентины или Испании. Он был слишком яркий для наших географических широт, для нашей чахлой природы (в том числе и политической). Это была слишком яркая фигура. Мне бесконечно жаль, когда я вспоминаю, каким бесконечным унижениям он подвергался — когда какая-нибудь судейская гнида еле слышно бубнила себе что-то под нос, а он вынужден был стоять...

У меня очень человеческое, очень горькое чувство от этой утраты. И радость от того, что я, хоть немного, но знал его.

Он был невероятно ярким человеком. Такой потрясающей харизмы, что вокруг него всегда искрило: и когда он только начал политическую карьеру, поднимая нижегородцев на экологические митинги, и когда был депутатом российского парламента, и когда стал нижегородским губернатором, превращая Нижний в третью столицу России. А уж тем более, когда Ельцин позвал в вице-премьеры правительства.

И всюду шел до конца в рьяном, неподдельном, зачастую наивном для политика желании докопаться до сути. И даже когда его загнали в угол, и он оказался в рядах оппозиционеров – отдался этому с той же неутолимой страстью испытать все на своей шкуре: не только драл глотку на митингах и шагал в колоннах демонстрантов, но и отсидел в СИЗО (да ещё на Новый год), и не вылез с залов суда...

Ему невероятно важно было погружаться в стихию каждого дела, которым он начинал заниматься. Ему важно было жить всем этим. По-другому он не хотел, по-другому и не мог. И обижался, когда говорили, что не стоит вот так, на разрыв, окунаться в политику: грязное это дело. «А я не могу «на полшага», вполголо-са заниматься делом», — отбивался он. И даже когда его сильно подставляли, предавали, отстраняли, Борис отшучивался: за бито-го двух небитых дают. И был все тем же искренним политиком в неизменном своем амплуа «без галстука».

Помню, как он позвонил из своего белодомовского кабинета, будучи вице-премьером всего лишь несколько недель. Когда я вошел в кабинет, он был мрачнее тучи. Говорили долго. Нравы в правительстве оказались совсем не такими, какими хотелось бы – и представлялось раньше, вне Москвы.

Он переживал так, словно не был депутатом, губернатором, не варился в чиновничьей среде. У него была некая природная прививка против чиновничьего чванства. Против коррупции. Против тщеславия. Совесть называется. Когда однажды к нему в Белый дом приехал знаменитый кинорежиссер, с которым Немцов дру-

жил, и попросил по дружбе выделить бюджетные деньги на съемки, Борис отказал. Обаятельным звёздам отказывать трудно. Но нефть тогда стоила чуть ли не 10 долларов, на пенсии не хватало, шахтеры касками стучали... Вряд ли бы кто его упрекнул, режиссер был именитый, но Немцов считал, что это неправильно, что так не делают. И во власти, дескать, можно быть порядочным.

Первый о нем мой материал в «Комсомолке» назывался «Любимый губернатор Ельцина». Я приехал в Нижний собкором в разгар первого его губернаторства, сама Тэтчер тогда прилетала, чтобы посмотреть лично на яркого и молодого реформатора-волгаря. На ту заметку Борис обиделся – на губернаторской даче близкие чуть ли не из чайника его поливали, чтобы остудить – так он кипятился. И не потому, что слишком критиковали, а потому, что намекнули на некие якобы преференции президента для своего любимчика. А Немцов привык сам добиваться реальных результатов. Он, кстати, особо гордился, что за годы губернаторства построил в Нижегородской области немало дорог и храмов...

А еще у него было невероятное, какое-то бронебойное обаяние. Неудивительно, что у Бориса сложилось несколько семей. Ни от одной из них он не отказывался, всем – и детям, и возлюбленным – помогал без всяких судов.

Борис Ефимович Немцов был ярким человеком, очень сильно любил жизнь и жил широко, щедро, в полную мощь человеческого таланта. Как там, у Маяковского – светить всегда, светить везде, до дней последних донца... В нем даже было что-то от знаменитого поэта – в громогласности, в мощи фигуры. Этой осенью, в последний день рожденья я пожелал ему здоровья и любви. В ответной эсмэске глубокой ночью он ответил: согласен!!! И ни он, ни я не знали, что этого окажется так катастрофически мало...

И теперь никто больше не позвонит и не скажет веселым, полным оптимизма голосом: «Привет, Ефимóвич!», а я не отвечу больше: «Привет, Ефíмович!».

И от одной этой мысли страшно холодеет сердце.

<http://www.amic.ru/news/299577>

*Ты солнечным был, как сама весна,
И вечно юным, и всем родным,
И самым-самым на свете живым,
Живее живого, как жизнь сама.*

*Улыбка твоя пробуждала от сна,
А имя твое, как возглас борьбы,
И ты повторял, что мы не рабы
Всем тем, в чьих сердцах не погасла весна.*

*Не верю, ведь можно сойти с ума...
Лишь день до весны, но сгущается тьма...
И этой ночью я не усну...
Четыре пули в нашу весну...*

ТАТЬЯНА РУСАВСКАЯ

Наташа Исакова

ПРИНЦ РУССКОЙ ПОЛИТИКИ

Живой, жизнерадостный, увлекающийся, авантюрный, чертовски обаятельный, без всей этой маргинальной оппозиционной тоски и тени несчастья...

С таким легким стартом.

Казалось, что удача всегда будет с ним. Всего шаг до президентского кресла. Причем без особых усилий, подстав, заговоров, выпрыгивания из джинсов. Просто для него это было естественным — быть удачливым и счастливым. Тогда, давно...

Но даже на обочине политической системы он не выглядел проигравшим. Он как будто отошел по более интересным делам. Не прекращая при этом — играя — делать вещи полезные и опасные.

И опять, казалось, он делал это безо всяких усилий.

Он всего лишь не врал.

И оставался самим собой.

Просто времена изменились настолько, что это стало почти подвигом.

Есть люди, которые созданы для трагедии. С печатью будущих страданий. А он нет — он не рифмовался со словом «смерть» вообще. Не говоря уже о слове «убийство». Наверное, поэтому эти 4 пули попали нам всем в спину.

С ним этого не должно было случиться.

Только не с ним.

Они действительно убили на Мосту нашу Россию 90-х — молодую, любопытную, играющую, авантюрную, живущую влюбленностью и надеждой.

Остались только одинаковые серьезные люди в серых костюмах. С одной самоубийственной красной кнопкой на всех.

Не хочу ничего писать, но молчать тоже нельзя. Многие из тех, кто меня читает, заблуждается или просто врет.

Я познакомилась с ним 16 лет назад. С тех пор я не встречала более искреннего и порядочного человека. Да-да, порядочного, слышите, квакалки? За все его 25 лет в политике не нашли на него ничего — ни одной левой сделки, ни одного офшора, ни одного незаплаченного налога, ни одного отката. Хотя искали с лупой, до пупочной грыжи. Бесконечные обыски, прослушки, слежка. Ноль.

Они же прекрасно это знали, поэтому травили его доренками, карауловыми, поэтому плескали ему нашатырем и зеленкой глаза, закрывали его в бетонном карцере в Новый год, сбрасывали ему унитаза на машину, кидали в него свои яйца.

Некоторые говорят, что он много ошибался, но это тоже не правда. Я не могу судить о его частной жизни, но в том, что он делал в публичной сфере, было всего 2 серьезные ошибки. Первая — согласился работать в правительстве Ельцина. О второй не хочу, уже не имеет значения.

Из множества вариантов он принимал самое честное и не самое очевидное решение. Иногда очень тяжелое для него решение. Все ведь забыли, какая была задолженность по пенсиям и зарплатам бюджетникам в 1998 году, когда нефть стояла 10 долларов. Я моложе многих, кто это забыл, но я помню, что не выплачивали зарплаты учителям тогда по 4–5 месяцев. И я помню, как Ельцин позвал только что назначенного Немцова к себе и перед камерами сказал: что хочешь делай, а чтоб к первому июля пенсии и зарплаты были выплачены. Ельцин накопил, а Немцов — выплаты. Что сделали бы сегодняшние министры? Рекитнули бы бизнес. Что сделал он? Стал искать, куда утекают деньги. Нашел у Газпрома миллиард рублей незаплаченных налогов, потрянул Вахерва. Налоги содрал, зарплаты были выплачены. Но он стал для них навсегда врагом. А, может, вам про Связьинвест напомнить? Как Березовский и Гусинский его хотели приватизировать, а Нем-

цов отменил залоговый аукцион? Это он боролся с Березовским, а не выслуживался перед ним, как нынешний хозяин Кремля.

Да, они его победили. Потому что спектр их инструментов оказался намного шире того, что мог себе позволить он. Отставка, травля, убийство. Самые сильные люди — самые беззащитные.

А он любил людей. Помогал и не говорил, а не говорил, но не помогал: ребятам по Болотной, Светлане Давыдовой. Узнать об этом можно было только от них самих. Он лучший, и это не сейчас я так говорю, я давно это знаю. Человек с открытым сердцем. Настолько открытым, что в него не промахнулись...

Когда такое случается, перестаешь верить в высшую справедливость, в Божий замысел существования этого мира, в обязательную победу добра над злом.

Тем, кто знал Немцова только по интервью, даже сложно представить, сколько людей могут сказать о нем исключительно добрые слова без пафоса и даже без политики. Тысячи! Это был человек-праздник, умница, феерический оптимист, в каком-то смысле политический Робин Гуд, в существование которых в наше время просто сложно поверить...

И вот теперь его нет. Убит четырьмя выстрелами в спину.

Зло сейчас победило.

Не буду говорить о политике, не буду говорить о тысячах, десятках тысяч, сотнях тысяч людей, которые благодарны Борису за то, что он был. Скажу о себе.

У меня на память от Немцова остались часы. Однажды так получилось, что прямо в день рождения мне надо было быть в Москве. И впопыхах, выезжая из дома, я забыла мобильник. Часов никогда не носила, а потому оказалась в Москве, абсолютно дезориентированная во времени. Слово за слово и Борис говорит: «Лучше сама скажи, что тебе подарить на день рождения. Иначе повезешь в Минск полутораметровую матрешку».

Ну я и сказала: «Часы. Какие-нибудь самые простенькие». Хотя, честно говоря, сама я намеревалась купить новый мобильник. Но попросить телефон в качестве подарка посчитала неправильным, потому как слишком дорого. А часы ведь копейки стоят.

Через какое-то время мне были с добрыми пожеланиями вручены часы. Простенькие, как я и просила. Без наворотов и цыганщины.

Сколько лет после того прошло, я уже точно не скажу. Год, два, три... Но однажды часы остановились и были закинута в какую-то шухлядку. Потом, разбирая всякий хлам, я даже хотела их выбросить, но почему-то сама себя остановила: «А с чего это я все выбрасываю? Люди же как-то чинят поломавшиеся вещи...»

Зашла в Дом быта, показала часы.

На меня там посмотрели, как на идиотку: «Мы не поможем».

– Что, одноразовые?

– Женщина, это ваши часы?

– Мои...

– А вы на них смотрели?

– ???

– Ну, буковки не пробовали читать?

– Нет вообще-то, — растерялась я. — Это подарок.

И я, наверное, впервые посмотрела на эти часы не как на стрелки, показывающие время, а как на часы.

– Jean Perret, — подтвердил часовщик. — Номерные. С сапфирами. Вам не к нам, вам в магазин швейцарских часов надо. Батарейку поменяют.

Я была в шоке. Я никогда и никого не развожу на дорогие подарки. А тут даже толком не поблагодарила человека. Вернее, потом уже поблагодарила, но сильно подозреваю, что он даже не очень понял, за что.

Он позвонил, когда стало известно, что в Минске на акции протеста после президентских выборов задержали россиян. И девушка среди них была. Он просил в первую очередь побеспокоиться именно о девушке – передать на Окрестина воду, вещи.

– Да у нас уже на конвейер такие передачи поставлены — всем передают, не только родственникам и знакомым. Не волнуйся.

– Нет, ты проследи. А то ваши там дурят, считая, что все русские — мудаки...

В этом был весь Немцов. Свой и среди олигархов, и среди пионеров-революционеров. Умеющий выпить водки с бастующими шахтерами и коллекционное вино на королевском приеме. Способный делать дорогие подарки без повода и нужды, и забывать об этом. Думать о тех, кого даже не знает.

Человек со стержнем, с понятиями о добре и зле. Большой оптимист и отчаянный фаталист, наверное...

Сегодня зло победило.

Бориса нет. Часы идут.

<http://www.nv-online.info>

Леонид Санкин

МОЙ СКАЗОЧНЫЙ ГЕРОЙ

Разговаривал сегодня с младшей дочкой Мариной, которая очень тяжело перенесла весть об убийстве Немцова.

«Папа, это же был мой любимый сказочный герой в детстве».

Я ничего не понимаю. Почему герой? Почему сказочный?

«А помнишь, когда мы были маленькие, вы с мамой каждую неделю «Куклы» на видеоманитонфон записывали?»

Ну, помню.

«А записывали вы их в конце наших кассет с мультиками. Мы и воспринимали программу «Куклы», как такой же мультфильм. А Немцов там был всегда хороший и постоянно говорил «Совершенно понятно». Он был мой любимый сказочный герой «Кукол» А теперь его убили».

Нет, дочка, герои не умирают, а сказочные — тем более...

Мы были совсем юными, это было еще до всех его детей и жен. Я была совсем юной девчонкой, училась на первом курсе нижегородского театрального института. И уже на тот момент снималась в своей первой картине «Жизнь Клим Самгина».

Часть фильма снимали в Питере, а другую часть в Нижнем Новгороде. Однажды во время перерыва на съемочной площадке я пошла в парк почитать книжку. И присела на лавочку прямо напротив теннисного корта.

И вижу парня красивого с длинными черными кудрями, играющего в теннис.

Сидела и смотрела на него, как вкопанная.

Он так отличался от всей нижегородской молодежи, которая дни напролет проводила у пивного ларька. Смотрю на него и думаю: «Какой красивый парень! Наверное, иностранец!».

Думаю, посижу, подожду, а вдруг заметит. Я сидела в розовой шляпке, молодая актриска. Когда он через какое-то время пошел к выходу, я на него смотрела в упор. Я сразу решила, что если он ничего мне не скажет, сама подойду, познакомлюсь. А Боря мне говорит: «Девушка, у вас такой информативный взгляд!» И он просто убил меня этой фразой, поскольку я привыкла видеть в своем районе совсем других мужчин-алкоголиков, которые с раннего утра валяются у подъезда. (*Смеётся.*)

Боря очень отличался от моих знакомых. Он был моей первой любовью. И мы с того дня не расставались. У нас была юношеская любовь. У меня так точно.

Боря в то время занимался наукой. Я помню, как я ему названивала из телефонной будки в НИИ, где он работал. А Борька всегда заезжал за мной на трамвае в театральный институт. И мы с ним бежали в его крошечную квартиру, где он жил с мамой, которая все время пропадала на работе, в больнице.

Денег у нас не было. Ну, какие он мог мне дарить бриллианты, если он был беден. В то время он дарил только цветы...

В последнее время мы поддерживали связь в основном по Интернету и по телефону.

Он очень обаятельный, бесшабашный, взрослый ребенок. На него невозможно было держать зло. Он действительно не мог сидеть с одной женщиной всю жизнь и есть борщи. Просто Боря был немножко другой...

Был действительно один поступок Бори, который выше всех подарков. У меня умерла мама в Нижнем Новгороде. И мой папа был так подавлен, что был не в состоянии взять на себя организационную часть похорон. А сестра моя отца пыталась поддержать. Мне тоже нужно было время, чтобы прилететь из Америки. Поэтому я позвонила Боре.

И сестра мне потом рассказала, что через полчаса после моего звонка, в дверь позвонили, вошла огромная команда, которую направил к нам Боря. Они организовали похороны моей мамы. Боря знал мою маму, она всегда его очень любила. Часто вспоминала, как Немцов в красном костюме с лампасами ждал меня на лавочке у нашего подъезда. А Боря помнил, как мама угощала его вкусным борщом, когда он приходил к нам в гости.

Более того, мама хотела найти свой последний приют где-то около леса, в тихом местечке. И Боря позаботился об этом. Он нашел участок на кладбище, где маму похоронили. Причем взял сразу не одно место, а четыре — на маму мою, на папу и на меня с сестрой. Рядышком, на одном участке. Для меня это самый настоящий поступок.

15 марта 2015

Я вспомнила то единственное интервью Борисом Ефимовичем, когда меня из «бьюти» на миг унесло в политику и «социалку». Теперь почти уверена — это произошло для того, чтобы судьба подарила мне личную встречу с этим удивительным человеком.

На интервью с ним я вела себя абсолютно непрофессионально. Как институтка, как тургеневская барышня, как гимназистка. Оставалось только взять кружевной платочек и терзать его нервными пальцами — ибо моя женская натура позорно «спасовала» перед этой невероятной энергетикой.

Покраснела в соответствии своему знаку Зодиака, растерялась... Ну чисто дурочка!

Какой же он был невероятный. Какой огромный! А как хохотал... Сразу невольно начинаешь улыбаться вместе с ним.

Он, конечно, все понял. И так изящно «разрулил» эту ситуацию: начал меня смешить как только мог. Так за шуточками и прошло интервью — я действительно расслабилась. Ощутила на себе мужскую энергетику в самом благоприятном контексте: «Не бойся! Я с тобой. И нам нужно сделать дело. Включай профессионала!».

Как же я ему была благодарна!

А когда в конце беседы от души извинилась за свое глупое поведение, он сказал мне: «Лидочка, так скромность знаете как женщин украшает? Вот даже если бы на вас никаких украшений не было — это и есть ваше главное украшение. Берегите его». И улыбнулся так, что в небольшой комнатке сразу стало светло, как днем. А потом подмигнул как хулиганистый мальчишка... и я опять покраснела!

Вот «елки-скалки», как говорил мой дедушка. Наверное, я действительно глупо выглядела — таких он наверное, и не видел!

— Хорошо. Буду беречь, — улыбнулась я в ответ.

На выходе я долго ощущала на себе его взгляд — такой теплый, такой близкий. Он кому-то сразу начал звонить, но я чувствовала, как он смотрит мне вслед. И мне ТАК хотелось остановить время...

Если бы знала, что вижу его в последний раз... Хотя, что бы я сделала? Время для встречи кончилось.

Что я еще хочу сказать? Всего за час общения (он куда-то спешил) у меня было ощущение, что это абсолютно РОДНОЙ мне человек. Потому что ощущение МУЖЧИНЫ, который тебе поможет, поддержит, вытащит из идиотской, нелепой ситуации — это самый лучший ключик к сердцу женщины, господа. Никакие цветы и конфеты этого не заменят.

Я сдержала свое слово, Борис Ефимович.

Я осталась НАСТОЯЩЕЙ.

Вот такой «тургеневской барышней», которую вы тогда не «потопили», а так достойно вытащили из сложной ситуации.

Весело, задорно, по-доброму он тогда смотрел на меня своими невероятными глазами, а я нервно вертела в руках какую-то дешевую ручку, пока не оторвала от нее колпачок и она не разлетелась на множество мелких деталей.

И Борис Ефимович сказал: «Лидочка, ну что же вы держитесь за нее, как за талисман? Ну я же не кусаюсь! Я, может, сам вас стесняюсь. Вы же молодая, красивая...» :)

Я автоматически разжала влажные ладони и «останки» того, что было неприличным пишущим инструментом, разлетелись по комнате, а Немцов весело пнул их под стол. Они так и поскакали!

Я робко улыбнулась, он от души расхохотался.

Не знаю, зачем я притащила туда ручку и блокнот — ведь у меня в сумке был диктофон. Который я 100% бы забыла включить, если бы Немцов мне о нем не напомнил...

Странно, что мое интервью ему даже понравилось — мы почти его не правили. А может, он просто хотел сделать мне приятное и не стал особенно «занудствовать».

В который раз думаю — как же хочется вернуть то время. Ну хоть на минуточку. Сегодня я обязательно сказала бы ему то, что не смогла сказать тогда, потому что была молодая, глупая, наивная и совсем стеснительная. А сейчас я просто стеснительная, но уже, увы, не глупая и не такая наивная.

Тот кошмарный день его убийства для меня навеки останется огромной личной трагедией. И эта рана никогда не заживет. Ни-

когда. Мой мозг упорно отказывался в это верить. До последнего. Даже когда я увидела эти жуткие кадры с моста, сердце кричало: «Не он! Не он... Такого не может быть!», а мозг искал себе какие-то глупые оправдания: «Да он же был в другом свитере на «Эхе»! И джинсы были другие... Точно же — другие! Не мог же он так быстро переодеться — интервью я смотрела буквально недавно....»

Вот только куртка была та самая...

Про нее и Ксения Ларина писала, и я сама помню его в ней на фотографиях с фейсбука. Он в ней и в метро ходил, листовки раздавал. Когда увидела эту теплую, такую уютную и смешную курточку, промокшую под уже почти весенним дождем, запачканную на грязном асфальте, так неловко скукоженную на его огромном и мощном теле, поняла, что ВСЁ.

ВОТ И ВСЁ. Я больше никогда не услышу живую этот голос, который узнаешь из тысячи. Не порадуюсь его постам, которые я бежала читать в числе первых в моей ленте. Просто не порадуюсь за него. Что он живет, что делает то, что не может не делать. Не смогу выразить ему свое восхищение лично.

Как человеком. Как мужчиной.

НИКОГДА. Какое липкое, страшное слово....

Только сейчас осознала, как же мне повезло — узнать его лично.

И даже потом, когда я с легкостью перепорхнула в другую область журналистики, стала такой гламурной барышней, пишущей о красоте, постоянно следила за его деятельностью. Иногда общалась на Фейсбуке. Потом просто читала.

Мало кто меня поймет — но поймут. Я знаю.

В жизни бывает все. В том числе и такое. Когда незнакомый человек вдруг становится тебе очень родным и близким.

Роза Цветкова

Ответственный редактор приложения «НГ-Политика»

Это моя личная история, бережно хранимая в памяти. Яркая, в лицах. Будто бы это произошло только вчера... Слишком быстро всё произошло, чтобы это могло быть претензией на чувство большое и светлое, но почему так больно до сих пор свербит в той области, что сердцем зовется? Почему, повторяюсь, столько раз на протяжении последних дней я вспоминаю его удивительно открытую улыбку, глаза и голос чуть-чуть с хрипотцой?!

Но все по порядку.

Итак, 20 июня 1997 года. В подмосковных Люберцах сегодня должен состояться открытый аукцион по продаже поддержанных иномарок, состоящих на балансе управления делами президента РФ. Это первое мероприятие такого уровня: на площадку для торгов выставлено семь автомобилей, в основном Audi, чья стартовая цена в несколько раз превышает рыночную. На мероприятие съехались журналисты со всех концов страны. Еще бы: аукцион инициирован первым зампредом правительства Борисом Немцовым, который сразу же при вступлении в должность заявил о необходимости пересадить правительственных чиновников на отечественные «Волги». Вице-премьеру всего 38, в правительстве он — самый молодой зампред и по возрасту, и по сроку нахождения в должности. Но народ, уже слегка подуставший считать свои неденоминированные миллионы — буханка хлеба стоит около 3 тыс., билет на проезд в автобусе — 12 тыс., а колбаса, страшно сказать, сколько, да ее далеко не каждый россиянин мог позволить себе купить, 97-й год в новейшей истории России отличился массовыми акциями протеста против хронических невыплат зарплат. По поводу чего Госдума была вынуждена даже выпустить специальное постановление, а губернаторы регионов издавали собственные распоряжения о приостановке платежей в федеральный бюджет, — так вот, россиянам очень хотелось верить в силу и возможности энергичного вице-преьера. В нем, в Борисе

Немцове, многие, да и сам Борис Ельцин, наверное, уже видели потенциального преемника на президентском посту.

И вот перед внушительным ангаром, внутри которого будет происходить распродажа чиновничьих авто, собралась огромная толпа журналистов. С минуты на минуту должен прибыть правительственный кортеж, и первый вице-премьер Борис Немцов откроет первый в новейшей истории России аукцион. На вырученные от торгов деньги «Палпалычем» (как между собой называли журналисты управление делами президента РФ, руководимое Павлом Бородиным) должна была быть закуплена продукция Горьковского автомобильного завода — «ГАЗ-21». И несмотря на то, что большинству россиян конца 90-х «Волга» как семейный автомобиль разве что во сне снилась, пересадку чиновников на отечественные автомобили люди вождельно ждали, хотя мало верили, что это случится.

Стоя на первой линии журналистских рядов, не ограниченных каким-нибудь ОМОНОм или даже просто охранниками, а потому определивших вице-премьеру для прохода крайне узкий коридор, — да-да, не удивляйтесь, такие демократичные порядки взаимоотношений прессы с властью еще бытовали в ельцинские времена! — я просто затылком чувствовала жар от уже включенных телекамер, радиомикрофонов и прочей техники. Нахальные телевизионщики, в основном плечистые и рослые парни, уже не один раз предупреждали, чтобы, «как только он появится», я пригнулась как можно ниже и не путалась под ногами. Между пишущей и телевизионной братией всегда присутствовала не так чтобы здоровая конкуренция, особенно заметная в столь присутственные моменты.

То, что Немцов наконец приехал, можно было понять, даже не глядя в ту сторону, — ряды представителей многочисленных СМИ как-то враз зашевелились.

— Ага, приехал, сам на черной «Волге», а движок-то у нее наверняка от «Вольво», — удовлетворенно произнес где-то надо мной чей-то голос. Владелец которого незамедлительно заехал мне в ухо телекамерой и прошипел: «Я же просил пригнуться».

Но сделать это я не успела. Потому что желание разглядеть живого вице-премьера пошло такой сильной волной откуда-то сзади, что даже крепкие «перворядники» удержать строй не смогли. Телевизионщики ринулись вперед, держа перед собой камеры, словно автоматы, и вот я уже падаю, почти на асфальте, еще мгновение — и по мне пройдут или даже пробегут не глядя.

Как вдруг чья-то рука резко выдернула меня из-под всей этой мужской массы. Ухватившись за нее, как рыба за крючок, я, только встав на ноги, смогла разглядеть своего спасителя. Это был Борис Ефимович!

— Ну как вы, живы? — спросил он, заботливо поправляя на мне съехавшее куда-то вбок платье, в то время как его единственный, хотя и достаточно внушительного вида охранник своей спиной сдерживал нарастающее нетерпение толпы.

А он — сам первый вице-премьер! — предложил мне свою руку колечком, и, снова надежно за него ухватившись, я пошла вперед, в мыслях все еще падающая и пока не осознающая триумфа собственного положения: под руку с Немцовым? Да кто она такая...

В тот момент (счет, разумеется, шел на минуты — много ли надо, чтобы пройти метров 200 до входа в ангар?) у меня, очевидно, случился когнитивный диссонанс. Идя рука к руке с самим приемником президента, я прямо-таки заставляла себя настроиться на выполнение журналистского долга.

«Немедленно бери у него интервью», — просто возопила та часть моего мозга, которая понимала, что второго такого шанса у меня не будет.

«Ты что, не понимаешь, что этот второй человек в России спас тебя от перспективы быть раздавленной в буквальном смысле своими же коллегами? — увещевала другая, очевидно, более разумная часть меня. — Непорядочно пользоваться этой чрезвычайной ситуацией».

В результате мы просто шли и разговаривали. На всякие человеческие темы. Он был в ударе, шутил, удивлялся ажиотажу вокруг своей персоны, верил, что вот сейчас все эти «ауди-шмауди» продадутся (из семи автомобилей, выставленных на этом первом аукционе было действительно продано три Audi по цене 20 с лишним тысяч долларов каждая и один Saab) и... «заживем». А я

чувствовала себя немного спасенной принцессой, немного растяпой-журналисткой, но более всего просто женщиной в компании хотя и с высокопоставленным членом российского правительства, веселым, кудрявым, обаятельным, но почему-то в сильно измятом пиджаке.

Я даже попыталась смахнуть какие-то пылинки у него со спины, наткнулась на укоризненный взгляд охранника, подумала: «Что я творю?» — и продолжала дальше беззастенчиво пользоваться временной привилегией первой статс-дамы.

Потом, уже когда Борис Ефимович прочно перешел из властной элиты в ряды ею нелюбимой, если не сказать сильнее, оппозиции, я не раз брала у него интервью. Но, не решаясь напомнить ему про свое чудесное им спасение, я все равно каждый раз вспоминала тот удивительный солнечный июньский день и такую же светлую и солнечную его улыбку...

Спасибо вам, Борис Ефимович, за то, что вы были и есть в моей судьбе!

*Это случилось в Москве сегодня.
Не промахнулись стволы подлецов.
В строю российской Небесной Сотни
Правофланговым — Борис Немцов.*

*За правду четыре пули наградой.
Всего лишь день не дожил до весны.
Красивое место выбрали гады —
С видом на Кремль, в сердце страны.*

*Над Спасской башней — чёрные птицы,
Злорадно лыбится их господин.
Борис, Небесная Единица,
Похоже, не долго ты будешь один.*

*Всегда улыбался, хотел быть первым,
Готовил какой-то новый сюрприз,
И сдали, похоже, ублюдков нервы.
Они боялись тебя, Борис.*

*Теперь про войну и коррупции карьеры,
Про антимайдановских мотокрыс
Пишите Боре, вот новый адрес:
Небесная Сотня. Немцов Борис.*

АНДРЕЙ ОРЛОВ (ОРЛУША)

Ах, Боря, Боря, Борис Ефимович...

Я ехала из консерватории, с ночного концерта, в голове звучали Вивальди и Шуберт. Звонок дочери: «Мама, убит Боря Немцов». И плачет. Это как при автомобильной аварии: секунду назад все было нормально, и вот сразу начался ужас. И обратно нельзя.

Воспоминания сами лезут в голову. Кудрявый молодой губернатор, который так не похож на партийных мордоворотов, которые были у власти всю твою жизнь. Читаешь в газетах про то, как юный физик увлекся экологией и по этому поводу пошел советоваться с самим академиком Сахаровым, бывшим в ссылке в Нижнем Новгороде. Так строить или не строить атомные электростанции? Могут они быть безопасными?

Он говорил, что его мама, Дина Яковлевна, подтолкнула его к занятиям политикой. Тогда время было такое. Молодой, симпатичный, осмелившийся взять на себя ответственность, выигрывал. Я помню зиму 1992 года. Миссия Всемирного банка едет в Нижний Новгород. Так теперь благодаря молодому губернатору называется закрытый советский Горький. Я работаю в этом банке и на встрече просто пляшусь на молодого губернатора. Надо же, какой красавчик. И Нижний Новгород — витрина перемен.

Зачем Ельцин позвал его в Москву? Зачем он согласился? Остался бы в Нижнем... Но масштаб личности гнал из провинции.

Время было такое, что молодым и амбициозным открывались все двери.

В субботу спрашиваю своих студентов, что они знают о Борисе Немцове. Считаю, ничего: посмотрели в «Википедии», когда услышали новость об убийстве. Знают факты биографии, нет, один ходил на митинги позапрошлой зимы, видел, слышал, Немцов произвел большое впечатление.

Как рассказать им, двадцатилетним, какой Боря был шумный, веселый, хулиганистый. Как любил жизнь. А жизнь любила его. Как любил женщин, а женщины любили его.

На Борином 50-летию были все его жены одновременно. И бывшие, и тогдашняя.

Смеялись, целовались, сидели вокруг Дины Яковлевны, все дети были вместе. Взрослая Жанна держала на руках кого-то из малышей. Мы с подругой обзавидовались. Как он сумел сохранить мир, как он умудрился окружить себя счастливыми людьми? Это талант.

Он веселился, даже выходя после пятнадцати суток ареста. С ним рядом было не страшно. Он заражал энергией и абсолютно позитивным отношением ко всему происходящему.

Даже со своими врагами он боролся честно и открыто. Я помню, как мы выбирали типографию, в которой будет печататься брошюра «Путин. Итоги». Кто не испугается? Было тяжело. Надо выбрать и недорогую, и смелую. Помнится, Боря разговаривал с руководством каждой и чуть ли не ездил к ним. Неленивый, увлеченный и очень честный. За что его ругали? Что ему припомнили? Белые штаны на встрече какого-то президента, а больше ничего и не нашлось.

Какой смысл гадать, кто убил, кто заказал. Я давно не верю в честность таких расследований.

Если раз в день включать телевизор и слышать про пятую колонну и национал-предателей, то можно ждать, что кто-то в праведном, как ему кажется, гневе пойдет и выстрелит, или плеснет чем-нибудь в лицо, или выкрикнет оскорбление. Ведь всех этих «предателей», то есть тех, кто любит родину с открытыми глазами и незомбированным мозгом, не раз называли по фамилии и с высоких трибун, и по ящику.

Он никуда не уехал, не занялся бизнесом, хотя мог бы, наверное, пользуясь вице-премьерскими связями, заработать на замок на Лазурке. Нет, он остался таким, каким мы его запомним теперь навсегда. Раздающим листовки в метро. Улыбающимся людям. И еще запомним гору цветов на мосту, где его убили. Прямо около Кремля. На мосту Немцова...

Андрей Колесников

ВЫСТРЕЛЫ В СПИНУ

Масштаб личности становится понятным после смерти, не обязательно — насильственной или нет. Власть считала Бориса Немцова «несуществующим» политиком, а при этом его убийство — во всяком случае для думающей части населения страны — стало шоком.

Та ненависть, та агрессия, которую раскошегаривали в последние годы, когда натравливали большинство на «пятую колонну» и «национал-предателей», сконцентрировалась в этом акте политического террора, в этих выстрелах, что характерно, в спину, в нескольких сотнях метров от Кремля.

В этом смысле Борис Немцов ответил за всех нас — виртуальные убийства с помощью пульта от телевизора и компьютерной мыши вдруг переплавились в убийство подлинное.

И жертвой стал именно Борис — теперь-то понятно, кто был в стране настоящим политиком, а не искусственно-номенклатурным или созданным исключительно деньгами.

Если на стену повешено ружье, то, естественно, рано или поздно оно выстрелит. Если лояльный российский политический класс, поучаствовавший в разжигании тотальной агрессии по отношению к либералам и демократам, думает, что стреляли не в него, он ошибается: ненависть, достигнув определенного градуса, становится универсальной.

Немцова считали поверхностным, лозунговым. Но в каком из своих лозунгов он был не прав? Кто опроверг хотя бы строчку из его совместных с Владимиром Миловым блестящих докладов «Путин. Итоги» и «Лужков. Итоги»?

Вообще-то убили человека, который должен был — и мог — стать президентом России. Было бы России от этого хуже?

Это был человек феерически талантливый. И не его вина, что именно в России он, прирожденный политик, *political animal*, был непопулярен. Никто уже не помнит, что он был талантливым физиком. Никто не вспоминает о том, что он был потрясающим

главой региона. Как однажды сказал о нем его близкий коллега: «Боря — это настоящий губернатор, только с очень высоким IQ».

У Немцова-губернатора был бешеный рейтинг. Он нравился Борису Ельцину, и «дедушка» посматривал в его сторону как на потенциального преемника. В начале 1996-го, когда у Бориса Николаевича рейтинг стремился к нулю, а у его оппонентов Зюганова и Жириновского оставался как минимум устойчивым, Егор Гайдар ездил в Нижний Новгород к Борису Немцову уговаривать его выдвигаться в президенты.

Немцов категорически отказывался, говорил, что ему в Москве так нехорошо, что «начинает болеть живот». Потом в столицу его все-таки вытащили, чуть ли не силком, тогда уговаривать его моталась в Нижний лично дочь президента Татьяна Дьяченко. И весной 1997 года Борис Немцов стал вице-премьером в правительстве «младореформаторов». Где и сжег свою харизму и спалил свой рейтинг.

Запомнилось пересаживание чиновников на «Волги», а вообще говоря, тогда они с Анатолием Чубайсом подготовили программу структурных реформ, которая не реализована до сих пор, что стоило в результате стране нынешнего спада и депрессии в экономике. В частности, Немцов лично готовил указ о реформе естественных монополий. В итоге эти «противоестественные монополии», не будучи реформированными, доедают остатки конкурентного экономического потенциала страны.

А рейтинг вице-преьера добили господа олигархи, не простившие Чубайсу и Немцову честного аукциона по продаже «Связьинвеста» и ставшие валить правительство «младореформаторов» с помощью беспрецедентной по масштабу информационной войны.

Кстати, на «Волги» было бы неплохо пересадить и нынешних чиновников. В рамках экономии бюджетных средств. И кампании по воспитанию патриотизма.

Немцов был очень хорошим управленцем. Совещания вел жестче и четче нынешних государственных начальников, с очень внятным целеполаганием. Что, впрочем, не спасло партийный проект либералов СПС, который он возглавил.

После поражения либералов в 2003 году, ареста Михаила Ходорковского и окончательной смены курса власти Немцов принимал участие в попытках реанимации партии, но потом честно констатировал: «Выбирая между политической проституцией и смертью, мы выбрали смерть». Именно тогда Немцов перестал носить галстуки. И превратился из полуполитика-получиновника, из «провинциала в Москве» в «бунтаря». Кажется, в первый раз его повязали в Питере в 2007-м на «Марше несогласных». И пошло-поехало...

Не состоялся президент. Был вышвырнут из легальной политики настоящий политик. А потом его убили.

Биография Немцова словно отмеряла отрезки деградации российской политики, веху за вехой.

Если у смерти есть масштаб, а он измеряется историей, не сегодняшним отношением к событию, то кончина Немцова сопоставима со смертью другого человека, изменившего Россию, — Егора Гайдара.

После таких смертей и политических убийств в странах меняются мозги людей, разворачивается политическая ситуация, даже политика властей. Уверен, что у нас будет не так. У нас — тефлоновое, агрессивное и парадоксальным образом одновременно индифферентное ко всему общество. Не изменится ничего. В том числе и та атмосфера в государстве, которая и привела к убийству Немцова, «национал-предателя», никуда не уезжавшего из страны и остававшегося ее едва ли не последним искренним и равнодушным политиком.

...Однажды Борис по-настоящему тронул меня. У нас была встреча в кафе, и в ожидании Немцова я заказал какие-то диетические котлеты. Обнаружив эту сцену, он остановился как вкопанный у столика и очень искренне, в своей немного медвежьей манере только что не закричал: «У тебя что, мама тоже еврейка?!». Эта была непосредственность реакции очень живого и доброго человека.

Эти доброта, живость и честность окончательно ушли и из российской политики.

28 февраля 2015

*У меня есть проблема.
Я очень сильно доверяю людям.
Пока уже нож в спину не воткнут,
я буду думать, что, в общем, человек неплохой.
Это очень большая проблема.
Я не знаю, честно говоря, как её решить.
У меня в жизни было много случаев
предательства, откровенного
предательства...*

(«Разбор полёта», 4 марта 2013, «Эхо Москвы»)

Сергей Доренко

ВРАГ И ДРУГ, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ ЗЛИЛСЯ

Я знал о Немцове. Потому что в нашем кругу все знают друг о друге. Помню, выхожу из Дома правительства и вижу его. Он стоит у какого-то «Ситроена» небольшого. Простенькая машина. Он стоит, охранники рядом тусят. Он говорит по телефону. Телефоны тогда, будете смеяться, начинались на 974, это были Motorola с антенной. «Привет»...

«Ну чего! Меня зовут. Что ты скажешь?!». А звали его первым вице-премьером. После выборов, после снятия Коржакова, реформаторы пытались как-то свою власть оформить. Власть это что, как?! И Чубайс тогда был главой администрации Кремля. А тут надо заняться экономикой, олигархи (Березовский был мотором всего этого дела) решили тогда позвать Борю Немцова, который будет заниматься промышленностью. Он говорит: «Ну что, соглашаться?». Я говорю: «Перед тобой выбор исторический, с одной стороны. С другой стороны, губерном, как мне кажется, надёжнее. Сидишь и сидишь». А он к тому времени уже шесть лет сидел губернатором в Нижнем Новгороде. Что такое губер? Хозяин. Что может губер? Всё. Он говорит: «Ну да, вот я думаю». И он побежал в Белый дом, а я пошёл к своей машине, сел и уехал. Вот это первая встреча.

Он знал, что его там ждёт Березовский. А я вышел оттуда как раз. Он знал, что я внутри схемы. Это схема была по привлечению молодых реформаторов. Он перекинулся со мной парой слов, что я думаю. Мы потом очень быстро перешли на «ты». Это его лёгкость, он был очень лёгкий человек.

Немцов был невероятно открытый. Напористый такой, гасящий всех своим юмором. Начиная сразу тебя юмором цеплять, в подмышки пихать пальцами и т.д. Но при этом открытый, и такой нагло-лучезарный, можно сказать.

Потом надо сказать, что был период, когда я его высаживал из должности точно так же, как мы его сажали на должность. И надо

сказать такую поразительную вещь. Когда у меня уже отболело и забылось, у него продолжало болеть. Он много лет подряд говорил мне, что изменив его судьбу, я изменил историю России. Он говорил много раз, много лет: «Серёга, ты понимаешь, что изменил судьбу России?!». Я говорю: «Чего, в 1999-м?» Он говорит: «Нет, в 1999-м ты второй раз изменил судьбу России. А в 1997-м, когда ты меня высадил, я же шёл на президента. Всё было решено, папа (Ельцин) был «за», все были «за». Я говорю: «Я не считал так никогда». Мы их высаживали из правительства с Чубайсом вместе...

И при этом всем... Вы не представляете себе каким человеком был Немцов. Он вообще не злился никогда. Он просто ловил меня за рукав и говорил: «Старик, ну ты понимаешь, что я должен был стать президентом России? Ты понимаешь какая была бы Россия?!». Я ему говорил: «Боря, ну что у тебя за странные химеры какие-то?!».

Я не мог с ним дружить, но хотел в 2003 году. У нас не получилось, потому что у нас невероятно разный психотип. Он подавляющий, он подавляет жизнелюбием, нагловатым постоянным смехом. Он был очень яркий человек.

Мы перезванивались довольно часто в 2003-м, в самом начале 2004 года. Я его позвал к себе на дачу. Я его встретил у ворот, повёл. У меня были какие-то люди. Может я был в трепетном состоянии, что мне хотелось какого-то доверительного общения с ним. А он был как обычно — фанфарон, бонвиван, такой весь гусар, такой невероятно энергичный. Он как бы давит, заходит и занимает всё помещение.

Я хотел дружескую беседу. Зову на дачу. Он говорит: «О, оторвал нормальную дачу». Заходит, там незнакомые ему люди, мои друзья сидели, их двое. И он садится. Он был неделикатен. То есть, он вошел, не разулся, несмотря на то, что все были разуты. Он в обуви, скрестил ноги, задрал одну ногу таким образом, что она была над журнальным столиком, и как мне казалось, над пищей. Я испытывал неловкость, я всё время хотел его выгнать. Мне казалось, что какой-то неловкий и слишком его много. То есть, он пришёл в состоявшийся разговор, где мы уже сидели с друзьями, и сделал так, что как будто мы все пришли к нему просить денег или

просить чего-то, как будто он нас принимает. То есть, он прервал все наши разговоры громко, дерзко, смешливо. Он всегда много смеялся, очень яркий человек. А мы все замолчали, и молчали до тех пор, пока он не ушёл. И я так скомкано его проводил, потому что дружить не получилось, потому что мне лично в нём не хватило внутренней деликатности, внутреннего товарищества, чувства спины, локтя, такого внимания друг к другу, товарищества.

Я ему всё время звонил, а он никогда не вспоминал про мой день рождения, никогда в жизни. Он такой бонвиван, но не очень внимательный. Нет в нём такой заботливости о друзьях.

Ещё интересная вещь. Он часто говорил о маме, которая его пережила. И надо сказать, я соболезную всем его родственникам, но в особенности думаю о том, какая беда обрушилась на его маму. Она, конечно, его страшно любила. Он её всегда в разговоре со мной называл «моя еврейская мама». И в 1997 году, когда мы его высаживали из правительства, он мне звонил по телефону: «Серёг, ты чего творишь?!». Я говорю: «Боря, чего я творю-то?!» «Серёг, моя еврейская мама постоянно про тебя спрашивает, что ты какой-то урод». Я говорю: «Борь, ну я ничего такого не делаю, я вас за дела ругаю вроде». Он говорит: «Ну что мне сказать моей еврейской маме?» — «Скажи, что я ради неё буду с тобой чуть полегче».

И сейчас я думаю о ней. Эта пожилая женщина пронзительно все эти годы любила. Он хороший её сын, еврейский сын. Он из Сочи, где ярко, где много солнца, где много смеха и радости. Потом он в Нижний Новгород переехал. Я представляю, какое горе на неё обрушилось страшное. Парню 55, но ей-то 86, она его продолжает любить как сыночка.

Безусловно, мне горько. Потому что Борис Немцов... Я не говорю — друзья. Нет, люди, которые сопровождают тебя всю жизнь, постоянно с тобой дружа и враждуя одновременно.

Еще очень важно то, что Борис не держал зла вообще никогда. То есть, ты что-то делаешь против него, но не подлое, и он тебе реально звонит и говорит: «Серёг, ты не прав. Серёг, что сказать моей еврейской маме, что ты несёшь?». Вот так. Я бы не позво-

нил. Если бы кто-то косо в мою сторону посмотрел, delete файл, я его больше не знаю, я его баню во всех соцсетях, баню его в телефонной книге, баню начисто на всю жизнь. Невозможно назад проникнуть. Я не знаю как звать, и знать не желаю.

Мы с Немцовым были люди одного карраса. Он входил в мой каррас. И мне горько, что человек из моего карраса, несмотря на то, что мне обидно, что он говорил о Крыме, мне обидно то, что он говорил о русской армии, по-человечески обидно. Но есть какие-то вещи, похожие на некое родство. И, должен сказать, что это не моя инициатива, потому что мне легко ненавидеть людей, мне легко людей вычёркивать. Не давал мне, не разрешал прерывать связь сам Борис, который сам звонил. Звонит: «Серёга, чего».

Я вычёркиваю человека из жизни, а он не умел. Я встретил Бориса на празднике «Эха Москвы». Была ещё Ирена Лесневская, Лерочка Новодворская. Это 1,5 года назад было у господина Аркацители, в его академии. Я был с сыном. Он: «Сын у тебя красавец. Дай пять!». Он человек размашисто громкий. Я выходил уже оттуда, сделал круг почёта, со всеми поздоровался, с Лерочкой поздоровался. Лерочка подбежала, а сзади Ирена Лесневская говорит: «Он за Путина». А Лерочка говорит: «Да плевать». Лерочка такая: «Серёжа, привет». Тоже человек, которому было плевать за кого я лично, потому что симпатизировала мне. И Борис размашистый: «Ну как тут, Серёг, кто тут есть?». Он со мной разговаривал так, как будто мы расстались час назад. Я говорю: «Старик, я прошёл по такому кругу. Всё нормально». «Ну как ты сам? Нормально всё?». Он такой активно дружащий человек был.

У нас нет таких политиков. В нём была эта искренность ошеломляющего, невероятного напора. Напор был слишком сильный, надо так сказать. Хохота, смеха, активности.

С ним тяжело. Он такой южанин по характеру, выковавшийся в Сочи. Потому что, если бы он вырос в Петербурге, может быть, он был бы другим. Если бы он вырос в Сыктывкаре, он был бы другим. А вот эта открытость солнечная, сияние, крик «дай пять» — это, конечно, Борис Немцов. И до конца своих дней, при каждой возможности: «Старик, ты представляешь, что ты сделал?! Ты же не дал мне стать президентом России!»...

Я выражаю соболезнование всем родным и близким Бориса Немцова. Это, безусловно, был человек, которого я категорически не смог принять ни политически, ни, честно говоря, эмоционально, потому что его было всегда много. Но которого я точно считаю человеком моего карраса, человеком моего жизненного пути, и вспоминаю с огромной симпатией. Жаль. Это трагедия. То, что произошло — это ужасно.

Листьев — 1995, Немцов — 2015. И вот эти 20 лет. Ещё в ноябре 1999 года Старовойтова. Она прилетает, её стреляют в подъезде, так же, как Листьева. Место многое значит. Место — либо манифест, либо нет.

Это делали либо люди, которые делали это картинно, сверх профессионалы, либо лошары какие-то колхозные, которые не понимают, что здесь Кремль. Им говоришь: «А здесь Кремль». Они говорят: «Чего?». Либо такие, либо ультра профессионалы, весьма профессиональные люди. Но в этом месте, где убивают Немцова, есть месседж, есть послание. Убивают на глазах у Кремля, на глазах у Путина, на глазах у ФСО, ввиду всех башен, нате, мы вам кладём и т.д. Мы помним очень хорошо, что на этом мосту некоторое время назад мальчик и девочка из «лимоновцев», насколько я припоминаю, повесили плакат «Путин, уйди» или что-то такое. Они с этим плакатом повисели там 10 минут. Через 10 минут их уже обступили, а через жалкие 20–25 минут их уже сняли специальные скалолазы, великолепные, обученные, невероятное спецподразделение ФСО. Всё это было сделано мгновенно. То есть, это такой мост, где ФСО появляется мгновенно. Хотя формально не входит в зону ответственности.

В месте вызов. В месте, где его убивали, в самом выборе места, безусловно, манифест.

«Говорит Москва», 28 февраля 2015

Немцов мне был ни сват, ни брат. Мужлан, который хватал меня за живот. Кстати, прочла воспоминания Панюшкина. Походу, у Бори была такая фишка — всех за живот хватать. Панюшкина тоже хватал. Я и представить себе не могла, что меня так вштырит его гибель. Который день не нахожу себе места. Ужас и боль. Ну ладно, с И.Е. они были близки, тут переживания понятны. Но чего меня разобрало?

Ну, во-первых, как-то неожиданно высветилось, что он был совершенно не подлым и не вороватым человеком. И добрым. А таких людей очень мало. И хрен с ним, с животом, могли бы помириться и дружить. Сейчас очень обидно, что мимо меня прошел хороший человек, которого я как человека не разглядела. И считала из-за истории с животом непроходимым павлином, нарциссом и так далее. Да, собственно, павлином он и был. Но не подлый, надежный и добрый павлин, в конце концов, можно было простить самолюбование, подсмеиваться над этим...

Обокрали россиян на хорошего человека, человек-то мимо нас прошел. Цену Немцову, из-за его самолюбования, не разглядели. Глупо...

Мне очень жаль теперь, что я невзлюбила Бору за нарциссизм и бабничество. Сейчас, только после смерти его, я понимаю, что это такая мелочь по сравнению с отсутствием подлости, с неподкупностью, честностью. А главное — с добротой. Надо было с ним все-таки выпить кофе и помириться. Он переживал, что наговорил гадостей про меня, в Израиле подошел к Игорю извинился еще раз. Человека уже нет, а нам наука — ценить добрых и честных.

Борис, кстати, был реально очень добрым человеком. И совершенно неподкупным.

Сергей Зверев,
*бывший замруководителя администрации президента,
председатель совета директоров
«Комитет развития общественных связей»*

Мы с ним познакомились, насколько я помню, в июле 1990 года, почти 25 лет назад, когда я пришёл на работу в Белый дом, тогда ещё в правительство РФ. Борис был, соответственно, депутатом Верховного Совета. Это было, в общем, такое весёлое время, мы тогда были весьма молодые. Ему было 30, мне было чуть поменьше — 26–27. И всё вокруг кипело. Я помню очень хорошо, в один прекрасный летний день ко мне в кабинет вошёл молодой кудрявый человек, который сказал: «Я депутат, мне надо срочно». Я тогда работал помощником Явлинского. Мы занимались тогда ещё подготовкой к созданию группы, которая впоследствии разработала программу «500 дней». И ворвался молодой человек в джинсах, майке, который сказал: «Мне немедленно надо поговорить с Явлинским». Я говорю: «Вы, собственно, кто?» — «Я депутат». Видочек у него был, мягко говоря, не депутатский. Он говорит: «Я Борис Немцов». Вот с этого момента мы с ним и познакомились, и более или менее плотно общались в течение последующих 25 лет. Меньше в последнее время, но в 90-е — начале 2000-х, конечно, было больше общения.

Это была очень яркая личность. Он был энергичен. Надо понимать очень простую вещь. Боря был очень эрудированным, образованным человеком. Все говорят в одно слово, что это был человек, который безумно любил и умел жить. И при всём при этом Боря-физик, и достаточно хороший физик. На тот момент времени, когда он избрался депутатом Верховного Совета, он уже начал делать весьма неплохую научную карьеру. Он был автором большого количества работ, интересовался разными вещами. У него всегда был очень системный и такой грамотный математически-физический подход. То есть, ему нужно было разложить проблему до каких-то понятных ему вещей. Он не стеснялся задавать вопросы в том, чего он не понимал. А окунулся он тогда с огромным своим энтузиазмом и с энергией в сопредельные фи-

зические сферы. Он начал лезть в экономику, начал лезть в политику, в общественные какие-то отношения. Ему было всё безумно интересно. Идей у него было огромное количество. В общем, потом на протяжении последующих лет наблюдали.

Боря был до мозга костей демократом. Эта знаменитая фраза Вольтера «Я могу быть с вами не согласен, но готов отдать жизнь за то, что бы вы имели право её высказывать» — это была Борина позиция. Идея у него была простая. Он считал, что так, как мы живём — это неправильно. И, собственно говоря, мы должны построить нормальное демократическое общество в таком классическом его исполнении, которое позволит нашей стране рвануть вперёд. Те экономические отношения, которые у нас в тот момент времени были, они неприемлемы, они завели страну в тупик, и нам необходима свобода выбора, свобода инициативы, и у нас должна быть возможность предпринимательской деятельности и т.д. Собственно, поэтому он так активно поддержал Явлинского с идеей «500 дней». К этому документу можно по-разному относиться, но то, что фактически в этом документе впервые на таком государственном уровне, в общем, столь отчётливо были прописаны идеи свободного рынка.

И, собственно говоря, главная Борина идея и тогда, и по-моему, он пронёс через всю свою жизнь — это свобода, свобода личности, свобода выбора, свобода высказываний, свобода в экономических отношениях. Он жил свободно. Так свободно, что многие его порицали за это, а многие просто завидовали.

Он был одним из очень немногих наших лидеров оппозиции, который имел колоссальный государственный опыт не только как чиновник в правительстве, но и как самостоятельный первый руководитель очень крупного, очень сложного региона. Представьте себе, ему этот регион, а это один из наиболее промышленно развитых регионов Советского Союза, областей РФ достался в начале 90-х годов просто в самый пик упадка. Колоссальные были проблемы и с заработной платой, и с остановкой предприятий, и с жилищно-коммунальным хозяйством и т.д. То есть, ему приходилось крутиться со страшной силой. Но при этом он оставался Борисом Немцовым. Вне зависимости от того, какой пост он занимал, это был очень весёлый, жизнерадостный человек.

Я приехал к нему в 1992–1993 гг. в Нижний Новгород. Меня привели к нему в кабинет. Я захожу, кабинет пустой, я его не вижу. Я несколько опешил, может, он в комнате отдыха. Потом смотрю, что-то происходит в месте, где его кабинет. Я подхожу ближе, вижу, что Боря залез под стол, ползает, кряхтит. Я его говорю: «Что случилось?». Он говорит: «Сейчас». Вылезает, у него на руках маленький котёнок. Я ему говорю: «Ты что делаешь?». Я не помню каким образом попал к нему этот котёнок, но он что-то такое пытался с ним делать, залез под стол, и он за ним лазил под столом, вытаскивал. При том, что обсуждали достаточно серьёзные темы, и всё было тогда очень непросто.

К тому моменту, когда Борис уезжал из Нижнего Новгорода в Москву, он ведь несколько раз уже переизбирался в качестве губернатора. И это были настоящие выборы. У него были очень серьёзные оппоненты. Область была одна из самых тяжёлых. Он никогда не боялся.

Я бы так сказал, Борис Немцов — это уникальный персонаж нашего политического театра. Потому что это один из немногих людей, которые были готовы жить в публичной политике, которые просто созданы для публичной политики, и которые на самом деле являлись публичными политиками. Потому что он всегда шёл навстречу со своими избирателями, или с теми, с кем он собирался вести диалог, он всегда был открыт, он никогда не боялся жёсткого разговора.

Он вообще был политиком убеждённым, но при этом он искал как. Это моя точка зрения. Будучи научным сотрудником, тем более в физике, тем более в ядерной физике, ему было присуще я не могу сказать, сомнение, ему было абсолютно естественно задавать вопросы, естественно искать другие точки зрения, выслушивать их, спорить, и т.д. У него были некие базовые принципы. И, в общем, эти базовые принципы прошли с ним всю его жизнь. Наверное, если оглянуться, едва ли не единственный человек из той когорты 90-го года, к которому я не помню, чтобы к нему прилипали какие-то коррупционные или какие-то имущественные скандалы.

Он был человек в этом смысле абсолютно цельный. У него были принципы, он в соответствии с ними жил. Он считал, что чело-

век должен быть свободен, отстаивал этот принцип. Он говорил о том, что я буду честен и я не буду попадать в те или иные истории сомнительного свойства. Он в них не попадал. Но при этом я не могу сказать, что он был твердолобым. Как есть одна идея, он на этой идее стоит. Нет, он был готов слушать. В нашей жизни так случилось, мы несколько раз были по разные стороны баррикад. Поэтому я могу ответственно говорить, что с ним можно было спорить, разговаривать.

Когда Бориса Немцова назначили вице-премьером, я в этот момент был в олигархическом истеблишменте. Если вспоминать то, как к этому отнёсся круг тех людей, с которыми я общался, я бы так сказал, что с одной стороны к нему всегда относились с большим уважением, с другой стороны был некий флёр несерьёзности, потому что это был человек-спектакль, человек-песня. Он был свободен во всём. Эта знаменитая встреча президента Азербайджана в светлых брюках, нарушение неких правил этикета. У него был период времени, когда он должен был встречать иностранные делегации во Внуково. Он там тоже периодически выступал в светлых костюмах. Хотя, в принципе, с точки зрения протокола это было не принято. И к нему было какое-то не очень серьёзное отношение. Считали, что свой парень. Боря повёл себя достаточно жёстко, потому что сфера, которую он курировал, была весьма непростая. Это был топливно-энергетический комплекс.

Когда вспоминают о Борисе Ефимовиче вице-премьере, все почему-то вспоминают по поводу его замечательной идеи пересадить всех на отечественные машины, на «Волги». Это любимое воспоминание, самое яркое. Поскольку я занимаюсь профессиональными коммуникациями, могу сказать, что Боря абсолютно гениальный коммуникатор. Он чувствовал это кожей. При этом он прислушивался к тем людям, которые занимаются этим профессионально. Но, тем не менее, конечно, он был человеком, который блестяще формулировал фразы, которые ваш брат журналист сходу цеплял. У него рождались идеи типа этих «Волг». Но на самом деле он занимался очень большой, серьёзной работой.

Это был ровно тот момент, когда мы с ним были с разных сторон баррикад. Потому что в это время я работал зампредом правления «Газпрома». А Борис Ефимович был, с одной стороны, официаль-

ным представителем государства, а с другой стороны он был вице-премьером. У него была идея-фикс, в общем, правильная идея, как мы сейчас понимаем, разделение «Газпрома» на добывающую и транспортирующую компании, на открытость и прозрачность и прочее. И, собственно говоря, я как зампред правления «Газпрома», был с ним с разных сторон, я противостоял в этом смысле. Мы достаточно жёстко боролись друг с другом. Потом он меня постоянно пенял. Периодически, когда мы с ним встречались, он говорил: «Вот ты». Я говорил: «Боря, так жизнь складывается».

Он на самом деле занимался и нефтедобывающей отраслью, и трубопроводной промышленностью, и пытался делать очень многие большие серьёзные вещи. Опять-таки, не забывайте, что это 1997–1998 гг., это забастовки угольщиков. И Борис Ефимович был ответственным, в том числе, и за эти вещи. Но я бы сказал так, что сегодня это мало кто помнит, но это были очень сложные годы и с точки зрения социальной, и с точки зрения наполнения бюджета. Думаю, что сегодня мало кто представляет себе, что в этот момент времени, насколько я помню, баррель нефти стоил не катастрофические 60 или 55 долларов, а порядка 18. И, соответственно, это была совсем другая история.

Что касается противостояния с олигархами, вроде как это было почти вчера, а 20 лет уже прошло. Всё началось к 1996–1997 гг., когда пошли залоговые аукционы. И, собственно говоря, в какой-то момент времени получилось так, что были олигархи, условно говоря, хорошие, и были олигархи плохие. Сейчас мы вспоминаем о том, что, условно говоря, Березовский, Гусинский были олигархи плохие, но на тот момент времени были олигархи хорошие. Хорошим олигархом был Ходорковский, Потанин, Фридман. Но жёсткого противостояния, как вы говорите, не было. Потому что ужасные 1990-е годы отличала немножко другая атмосфера. Потому что при всём при том, что люди имели разные политические, экономические взгляды, при всём при том, что это были схватки, цена которых была достаточно высока с точки зрения денег, это были диалоги всё равно. Да, тогда началась эра информационных войн, тогда схватывались друг с другом, и начинали использовать общественное мнение в качестве неких аргументов. Но это были аргументы, которые представляли для общественного мнения и

для людей, которые принимали решения, для власти. Никто при этом друг друга врагами не считал. И все продолжали общаться.

Просто были разные точки зрения. Это был диалог с оппозицией. Тогда политическая борьба велась не в категориях враг, не в категориях насилие и не в категориях того, что имеешь ты право на существование или не имеешь ты право на существование. Тогда политическая борьба и дискуссия велась, всё-таки, в категориях дискуссий, аргументов и политической игры. Может быть, где-то кто-то какие-то делал уступки, шёл на какие-то компромиссы, и всегда пытались найти ту комбинацию, которая позволяла, так или иначе, решать те или иные проблемы.

Борис был очень яркой фигурой и независимой. У него были свои точки зрения, у него была своя позиция. И навязывать эту позицию было, мягко говоря, сложно. Поверьте, поскольку в 90-е годы мы фактически были по разные стороны баррикад. Я никогда не был в числе его сторонников, так складывалась моя жизнь и карьера, что я всё время был с другой стороны по каким-то вопросам. В целом да, а так нет, что называется. С ним всегда было очень сложно. Он был принципиальным человеком, и он всю позицию очень последовательно отстаивал. Представить себе его в роли преемника было невозможно, потому что он никогда бы не был преемником, он был бы независимым человеком, и он бы проводил ту политику, которую он считал бы нужной. И это было всем понятно. И он ушёл. А когда страна начала развиваться по тому пути, с которым он оказался не согласен, он ушёл в оппозицию. Это было для него абсолютно естественно, он в этом смысле человек был бескомпромиссный.

Я думаю, что один из принципиальных моментов был, конечно, — это выборы губернаторов, которые были отменены. Мы с ним, кстати, обсуждали эту тему. Понимаете, можно выбирать, можно не выбирать. И аргументация, в том числе, тогда была такая, что страна не готова к выборам, и в результате выборов на руководящие посты в регионах приходят не те люди, которые должны были бы быть руководителями этих регионов. И он абсолютно, с моей точки зрения, правильно говорил, что на самом деле одна из функций политического руководства страны заключается в том, чтобы поворачивать страну в тот вектор развития,

в который нужно. Если она ориентируется на демократические ценности, на демократические процедуры, то тогда должны быть выборы, мы должны помогать преодолеть, мы должны научить друг друга понять кто реально хорош, как кандидат на выборную должность, кто нет. Но мы не должны под эту сурдинку просто отменять демократические процедуры. Просто это, может быть, тактически, правильный шаг. Но стратегически, с точки зрения развития страны, этот шаг был для Бориса, с моей точки зрения, в общем, абсолютно неприемлем. И у него не было других возможностей, кроме как оказаться в оппозиции.

Я вообще плохо помню его без улыбки. Бывало, когда ругались, бывало, когда кричали друг на друга. Но вообще-то он почти всегда улыбался, в том числе, говоря об очень серьёзных вещах. Сегодня просто люди, которые его знали, они в один голос говорят, что он жил жадными глотками. Вот это правда. У него короткая получилась жизнь. Он умел получать удовольствие при всём этом.

Он был человеком эмоциональным, очень страстным, и он был готов яростно спорить. Но это всегда был спор, это не была вражда. Боря был готов ругаться, спорить, отстаивать свою точку зрения, не соглашаться с тобой, но он никогда не был врагом.

Самое необычное впечатление о Борисе Немцове? Белые носки. Мы же познакомились в 90-м году, а почему-то тогда были популярны и модны белые носки. Какой-то был период времени, когда Боря всё время ходил в белых носках. И честно могу сказать, я над ним подтрунивал, когда была возможность. «А мне нравится, я такой».

Я не думаю, что он ставил себя по ту сторону баррикад. Я думаю, что просто жизнь его поставила по ту сторону баррикад. Я не думаю, что это было возможно. Это то, о чём говорят стилистические разногласия. Вот это классический случай. У Бори были стилистические разногласия с сегодняшней властью. Хотя, подчёркиваю, при этом он всегда разговаривал, он никогда не отказывался от возможности поговорить, доказать, убедить. Это был

человек, который считал, что политический процесс — это диалог, это не перестрелка и не вражда.

А сейчас... Нет, мы не вернулись в 90-е. В 90-х такого не было. Это не про 90-е или 2000-е. Это другая страна. Мы трансформируемся во что-то другое. Во что я не знаю. Но он, безусловно, он стал жертвой этой трансформации. Он стал жертвой того общества, которое сегодня в нашей стране возникает. Даже не общества, а тех общественных настроений, которые возникают в обществе.

Сегодня мы стоим на грани, или мы её уже перешли, что, в общем, вероятно, когда мы из этой страны превратились в страну, где оппозиционеров убивают. Это другая совершенно история, это другая страна, это другие отношения. Я бы сказал так, что мы сегодня живём в стране, которую разделили на наших и не наших. Вот это движение «Наши», которое возникло сколько-то лет назад, мы тогда говорили: «Ребята, послушайте, это страшная история, не надо так делать, не надо говорить «наши», потому что тогда остальные не наши. И это только первый шаг. За «нашими» потом последуют другие истории, и эти истории вы не сможете контролировать». Вот на сегодняшний день, очевидно, пришли в ситуацию, когда есть уже совсем не наши, и их никто не контролирует...

Ночью, часа в четыре, я поехал на этот мост.

На месте смерти Бориса Ефимовича лежали цветы. И самые разные люди молча подходили и клали новые гвоздики и тюльпаны.

Честно говоря, не хотелось ни говорить, ни митинговать...

Борис Немцов был настолько ярким человеком, что даже споря с ним до хрипоты, ты не переставал ощущать, что он, как говорится, «настоящий пацан». Мачо, боец, честный и порядочный человек, вписывавшийся за сидевших в тюрьмах и выступавший против чеченской бойни.

Его смерть — огромная утрата.

Как будто стало темнее, сгустились сумерки.

Скучнее стало, примитивнее...

28 февраля 2015

У нас с Путиным совершенно разные представления о том, что такое хорошо и что такое плохо. То, что для него хорошо (а хорошо — быть вором, убийцей и лояльным), для меня это — смертный грех.

Я считаю, что главная проблема Путина в том, что он презирует заповеди. Он считает, что убийство грехом не является, что воровство грехом не является. Он считает, что все ветхозаветные заповеди — ничто по сравнению с личной лояльностью и преданностью...

(из интервью Елене Серветтаз, 2013 год)

БОРИС НЕМЦОВ: ЖИВОЙ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Я познакомился с Борисом Немцовым в апреле 2000 года. Вскоре после начала второй чеченской войны. Я приехал в Россию, чтобы взять интервью у Игоря Иванова, в то время министра иностранных дел. Решив воспользоваться оказией, я поехал в Комитет солдатских матерей, чтобы познакомиться с человеком, который в то время был известен всего лишь как бывший губернатор Нижнего Новгорода. Он долгое время считался преемником Бориса Ельцина, но на финишной прямой его обошел кагэбист Путин. В тот момент Борис Немцов еще не был воплощением демократической оппозиции в России.

Хотя за привлекательной внешностью упрямого, но осмотрительного борца уже проглядывали шарм, харизма и та гипнотическая энергетика, которая присуща людям, целиком посвятившим свою жизнь идее, значащей для них больше, чем они сами. Даже если они это еще не до конца поняли.

Я помню ледяную, почти что рационалистическую злость, с которой он описывал самые кровавые эпизоды битвы, в которой за месяц до нашей встречи пал Грозный. Это был смелый независимый взгляд, не совсем привычный в демократическом лагере, зараженном идеей великорусского национализма, которая сохраняется и по сей день, даже в таких людях, как Ходорковский. И это превращало здравомыслящего и в то же время пылкого молодого человека в одного из самых бескомпромиссных противников зарождавшейся тогда «красно-коричневой» тирании, обрушившейся сейчас на Россию.

Те, кто убил его 27 февраля 2015 года на Большом Москворецком мосту прямо у стен Кремля, знали это.

Они знали, что устраняют человека, который разоблачал преступления властей от войны в Чечне до колоссальной коррупции вокруг сочинской Олимпиады, который неотступно боролся за свободу слова и был самым последовательным оппозиционным лидером в стране. Они знали, что стреляли в человека, в течение десяти лет непрерывно обличавшего мафиозную сущность путин-

ской тирании и в скором времени собиравшегося обнародовать (по его же словам) доказательства прямого участия российской армии в военных действиях на Донбассе.

Они не могли не знать, что их целью в ту ночь были душа и совесть той возрастающей части общества, которая осознает, даже в самой Москве, что война в восточной Украине — это безумие, не просто преступное, но и самоубийственное, ставящее Россию на колени.

Одним словом, они, как и убийцы Анны Политковской в 2006 году, Сергея Магнитского в 2009 году и многих других, убили человека, чей звучный голос, не умолкающий даже при попытках его задушить, был голосом чести российского народа, и чьи высшие идеалы Владимир Путин изощренным образом предаёт.

Борис Немцов был анти-Путиным. В том смысле, что если один идентифицирует себя со Сталиным и с Николаем I, наихудшим царем в российской истории, то другой является продолжателем дела одновременно Сахарова, Солженицына и диссидентов советской эпохи.

Очевидно, что его смерть является жестоким ударом по истинной России. России, которая велика не своим оружием, а своим духом и той ненасытной жадой свободы, пронизывающей ее от декабристов до Пастернака, слышной в одах Пушкина и Лермонтова «черкесской вольнице»; это она занимала мысли Немцова во время нашей с ним встречи 14 лет назад.

Когда я пишу эту статью, имя заказчика преступления еще не известно. И можно не сомневаться в том, что у изворотливого Путина хватит лицемерия в самый подходящий момент предъявить миру идеального виновника, чья личность непременно подольет масла в огонь фанатично раздуваемой конспирологии, которую он скармливает своим соотечественникам.

Но то, что мы знаем отныне и навсегда, — это то, что такая трагедия могла произойти только в той России, которая вот уже на протяжении двух десятилетий существует в атмосфере безнаказанного государственного террора.

В чем мы можем быть уверенными, так это в том, что если бы последние 20 лет в путинской России не велась бы настоящая охота на оппозиционеров, если бы в ней не подвергался методичной

травле и репрессиям любой человек, открыто проповедующий демократические принципы, Борис Немцов все еще был бы жив. И в воскресенье непременно возглавил бы антивоенный марш, призыв к которому он озвучил на радиостанции «Эхо Москвы» всего за три часа до своей смерти.

Убийство Немцова напоминает убийство Жана Жореса, в том смысле, что история хуже запоминает имена истинных виновников преступления, чем дурной ветер, принесший обстоятельства, сделавшие его возможным. Ветер, который во Франции времен Жореса дул на протяжении многих лет благодаря крайне правым националистам и прессе, поддерживающей негативные настроения в обществе по отношению к печально знаменитому антисемитскому делу Дрейфуса.

Будем надеяться, что на этом сходство закончится. Будем надеяться, что смерть Бориса Немцова не получит того же исторического значения, что и гибель Жореса — последнего заступника интернационализма перед катастрофой 1914 года.

Такая же надежда, похоже, теплилась и в умах многих москвичей и их сограждан по всей стране, которые в воскресенье вышли на улицы городов, чтобы отдать дань памяти и уважения своему поверженному герою.

Возможно, кое-кто ожидал, что оппозиция будет напугана, парализована, ошеломлена этими четырьмя выстрелами — по одному за каждого из детей Бориса Немцова, как сказал его друг Гарри Каспаров. Но нет. Оппозиция осталась верна себе.

Вместо того, чтобы вернуться на свое место и сдаться на милость террору, десятки тысяч российских мужчин и женщин вышли на улицы, чтобы заявить: «Я Борис», как это сделали до них французы, после трагедии в Charlie Hebdo. Они вышли, чтобы громко крикнуть это прямо в лицо Владимиру Путину, у которого еще никогда не было противника настолько полного жизни, каким стал для него этот только что убитый человек.

Воскресные марши, прекрасные и печальные, на которых украинские флаги смешивались с российскими, стали первыми в Европе реальными шагами в обратном от войны направлении.

The Huffington Post, 2 марта 2015

За 4 дня до гибели, в понедельник Борис Немцов приходил на эфир к Жене Альбац. Он пришел вечером, мы с Ильей Барабановым стояли в лифтовом холле, Борис Ефимович вышел из лифта, сгреб меня в охапку с криком: «Привет, Воробьева!». И я говорю: «Ну, что же вы, Борис Ефимович, зачем же вы так?». А он говорит: «Ну, если я тебя не буду так обнимать, разве я буду Немцовым?».

Вот на этом все было построено. Потом мы пошли в гостевую и там долго смеялись. Вообще с Борисом Ефимовичем у каждого были какие-то свои истории, какие-то свои байки и какие-то свои взаимоотношения. С Женей Альбац они о чем-то говорили, как-то подкалывали друг друга.

Слова о том, что он очень любил жизнь — да, он просто сам по себе являлся жизнью. Абсолютно такой кипящий, разбрызгивающий вокруг себя, лучистый. Я вообще не помню Бориса Немцова каким-то другим...

Я с ним познакомилась где-то в начале 2000-х, когда я была в партии «Яблоко». Понятно, «Яблоко» и СПС, конфликт. Значит, Немцов ужасный. Мы пошли на программу к Шустеру — еще тогда Шустер был на НТВ, — и там были Явлинский и Немцов.

Моя бабушка, она их всех знала по телевизору — Явлинского, Немцова. Она мне говорит: «Я тебя прошу, возьми, пожалуйста, мне автографы всех». Я, как дурочка, пошла. А там такие длинные беленькие билетки были на эфир. Я подошла к Явлинскому, он мне расписался на этом билетике. Смотрю, по коридору идет Немцов, я к нему подхожу, что-то начинаю лепетать: «Борис Ефимович, можно мне ваш автограф». Рядом стоит Илья Яшин, а у меня в руке этот билетик, где уже расписался Явлинский. И Немцов вообще без слов выхватывает у меня из рук билетик со словами: «Ну, хоть на этом билетике «Яблоко» и СПС будут вместе!». И расписывается там же! Я страшно обижаюсь на него, начинаю разрывать этот билет напополам с словами: «Что вы такое делаете!». И тут Немцов начинает дико ржать. Он так заразительно смеялся,

что я поняла, что я, конечно, выгляжу полной дурой, а он в этом коридоре после этой программы НТВ просто стоит и смеется. Мол, ну, и ладно... Действительно, он как-то стряхивал с себя все это...

В ту ужасную ночь мне, наверное, первый раз в жизни очень хотелось находиться в другом месте и не быть журналистом, и не говорить Венедиктову, и не произносить этих слов в эфир... И я до сих пор не понимаю, что я тогда говорила в эфир. Слова, которые я произносила, имели понятный смысл, но осознать эти слова было невозможно.

Мне кажется, мы застряли на том мосту, правда. Так вышло, что я об этом узнала и сразу туда поехала. Так вышло, что я там находилась. Я смотрела на все происходящее, с первой минуты и до последней, когда я оттуда уходила на негнущихся ногах (как и многие другие), и мне казалось, что мы находимся в какой-то новой, и совершенно незнакомой реальности. Потому что я понимаю, что происходит, я вижу Бориса Немцова (в том виде, в котором его потом все увидели на фотографиях), но понять всё это мне было совершенно не дано. До сих пор не дано. Мы вроде все всё понимаем, и видели уже записи с камер, и знаем, как все произошло, но тем не менее — нет, не получается никак. Честно.

Первые полчаса на этом мосту, пока не приехали журналисты, почти никого не было. Только очень много полиции. Я видела в тот момент только двух людей, это Оля Шорина и Илья Яшин. И, собственно, мы с ними там остались на этом мосту, потому что ни Оля, ни Илья, мне кажется, не могли поверить в то, что произошло. Они тоже не могли. Они смотрели и тоже никак не могли понять.

Я никогда не соглашусь с людьми, которые говорят: «Ну, как же, ну, мы же все к этому условно готовы». Ничего подобного! Никак вообще! Это очень страшная какая-то эта кинолента, которая не должна была выйти на экраны.

Я во время марша памяти стояла на мосту с соратниками Бориса Немцова, и мы видели, как внизу проходит это море людей с российскими триколорами. Борис Немцов всегда говорил: при-

носите российские флаги. Дико не любил партийные, говорил: «Давайте лучше выходить с триколорами». И они мне говорят: «Вот сейчас мы видим, как идет море людей, и море российских флагов, именно триколоров...»

Еще хотела добавить про марш. Я прошла во главу колонны. Обычно во главе колонны стоят лидеры. Я, значит, смотрю: вот Гудков-старший, вот Гудков-младший, вот Касьянов, вот Яшин. Где Немцов? Где Немцов? Ты постоянно ищешь его глазами, живого, вот здесь, стоящего вместе со всеми...

«Эходром», 1 марта 2015

Мы познакомились близко с Борисом Немцовым в Иваново, куда он приехал на один из судов Алексея Козлова, поддержать Олю Романову.

Уставший, с небольшим чемоданчиком на колесах, он поднялся на второй этаж гостиницы «Сосновый бор».

– Привет, Майстренко... Зайди минут через 10...

Вот так просто.

Номер обычный. Не люкс. Борис достал из чемодана бутылку виски и «Кока Колу».

– Рассказывай, что у вас в Коврове.

Рассказываю про мэра-вора Каурова, про еще тогда негубернаторшу, но рейдершу Орлову, про дороги, точнее, как и везде в России, про их отсутствие, про свои победы в борьбе с ворьем за бесплатное образование.

Борис слушал внимательно.

– Образование. Для старта — хорошо. Мало, но хорошо...

Так и познакомились.

Потом было много. Предвыборная кампания, федеральный политсовет, Борина предвыборная в Ярославле.

Всегда на связи. Всегда с мудрым советом. Всегда с идеями.

Набираешь знакомый номер телефона и знаешь, если идут гудки, то Немцов всегда ответит. Не важно где он. Ответит, посоветует, поговорит.

Он никогда не прятался. Не имел охраны, несмотря на понимание того, что его деятельность не нравится Путину и его прихвостням и может все закончиться плохо.

Он всегда рассказывал много историй из своей жизни. Часто с действующими лицами, которых мы все только по телевизору видим. Истории разные. Смешные, грустные. Но всегда правдивые. Как есть. Называя все своими именами.

У Бориса Ефимовича было много возможностей уехать из России. Его доходы от акций позволяли ему это сделать. Уехать и

спокойно наслаждаясь своей жизнью вдалеке от путинского мракобесия. Но он не хотел уезжать.

Веселый, жизнерадостный Борис любил Россию. Любил, всей своей душой. Мечтал, что Россия сбросит с себя оковы в которые ее заключила шайка Путина.

Он поддерживал противостоящих вору активистов из провинции.

Готовил доклады, которые были призваны «на пальцах» объяснить россиянам где и как их обворовывает Путин и его окружение.

Мне есть чем гордиться. Я горд, что во всей этой деятельности Бориса я принимал непосредственное участие. Печать докладов, работа с людьми, а уже после моей эмиграции в Украину, рассказы Борису о реальной обстановке в Киеве и на Донбассе, что требовалось для его работы.

Перед самым моим отъездом в Украину я видел Немцова последний раз. Я приехал к нему домой по его приглашению. Серьезно говорили.

Он все понимал.

В ту ночь страшная новость стала для меня ударом...

Спасибо Вам Борис Ефимович. Мы вас помним. Мы боремся!

ОТСЮДА И В ВЕЧНОСТЬ

Юношеские стихи он подписывал Бен Эйдман — и до конца оставался похож на свой псевдоним. К нему было принято относиться не всерьез: пижон, плейбой, бонвиван. Ну да, еще с коррупцией борется — в промежутках между теннисом и виндсерфингом. Что осталось в народной памяти от его вице-премьерства? Обещание пересадить чиновников на российские автомобили да светлые брюки, в которых он встречал Гейдара Алиева. (Народная память — вообще штука странная: страна больна и, похоже, неизлечимо, весь мир шарахается от нас, как от зачумленных, — а все до сих пор вспоминают, как им было стыдно, когда Ельцин немецким оркестром дирижировал.)

Теперь все это не то что исчезло — просто заняло свое место, стало фоном. Да, матерился, увлекался, дурновкусил — никто не спорит. Но в учебниках истории останется другое: бросил вызов олигархической системе в диапазоне от Березовского до Лужкова, ввел в публичное пространство тему кооператива «Озеро» — с фактами, с документами, боролся за «список Магнитского», поддерживал Майдан, критиковал аннексию Крыма и вторжение на Восток Украины.

В реакции на его убийство больше всего поражает полная атрофия причинно-следственных связей. Два года визжать из каждого утюга про национал-предателей и пятую колонну — а потом искренне — искренне, не сомневаюсь — округлять глаза и изумляться, как кто-то не сообразил, что это понарошку. Даже как-то нечестно получается — убийца считает, что у него в кармане охранная грамота: «То, что сделал предъявитель сего, сделано по моему приказанию и для блага государства» — и вдруг оказывается, что Констанция находилась под защитой кардинала, а ее отравители — наймиты британской короны. Какой-то детский сад, честное слово, манная каша пополам с кровью...

Убийца сделал свое дело — плейбой исчез, его место занял романтический герой, едва ли не в одиночку вышедший против

многоголового дракона и получивший четыре пули в спину на мосту с видом на Кремль. И это уже навсегда.

Когда-то в Советском Союзе коряво перевели название одного толстого американского романа — «Отсюда и в вечность». Ровно это и произошло с Немцовым в ночь на 28 февраля. Он шагнул в вечность — красивый, мужественный, молодой, наверное, в белых брюках и с доской для серфинга. Рай не хуже любого другого.

Я думал, что самое главное можно сказать о Боре. Я бы так сказал: Боря был героем. Вот есть такое понятие — герой. Он входит в память народа. И обычно при жизни о людях не говорят, что он герой. Обычно так говорят после смерти. Борис — это герой, героическая личность. А что такое герой? Это человек, который высовывается из окопа, который ведет за собой людей, который берет на себя ответственность. И это все у Бориса было.

И он был «анти-Путин» и по судьбе, и по жизни. Дело в том, что Ельцин в свое время говорил и давал послы обществу, что Борис Немцов может быть его преемником, будущим президентом. По крайней мере, до середины 90-х годов он всерьез это обсуждал, можно сказать определенно. А потом — Путин. Посмотрите судьбы этих людей! Один — открытый политик, с открытой, даже слишком открытой жизнью, в том числе и личной. А другой — сотрудник спецслужб, который никогда ничего публично не делал и не делает, все его политические действия носят характер операции прикрытия, это типичные методы спецслужб. Это полные противоположности.

И еще так получилось, что, наверное, Борис чувствовал, что он несет ответственность за то, что «Союз правых сил» поддержал Путина до выборов. И хотя он мне говорил, что лично он не голосовал, но факт остается фактом — либеральная партия поддержала Путина на первых президентских выборах. Я думаю, что это его угнетало, он чувствовал за это ответственность. И это давало ему дополнительную энергию в борьбе с этим режимом и в борьбе с этим президентом.

1 марта 2015

*Я в политике уже давно.
И руководствовался всегда двумя принципами:
не врать и не воровать.*

(из телеинтервью Валентине Бузмаковой, март 1999 года)

*— Как вы думаете,
вы были бы хорошим президентом?
— Я бы был честным. Я бы наверное мог
кое-что сделать. Если я немало сделал
как губернатор, то как президент
смог бы сделать ещё больше...*

(телепередача «Позаочі», 31 октября 2011 года)

Существует такое предположение: Ельцин в 1994 году рассердился на Немцова, и поэтому у нас нет другого президента. Конечно, это не так, потому что о преемнике Борис Николаевич начал задумываться позже. И Ельцину было несвойственно обижаться на выражение другого, отличного от его мнения. И мне неоднократно приходилось лично в этом убеждаться. И это обходилось без всяких административных, уголовных или политических последствий.

И пример, с этими подписями против войны в Чечне, — это очень важная характеристика Немцова как человека и политика. Потому что он мог ошибаться, конечно, это свойственно людям, но он никогда не изменял своим принципам. И вся его политическая жизнь, вся политическая траектория — абсолютно однозначное и очевидное доказательство его верности своим принципам.

Конечно, он был фантастически незаурядным человеком. Начнем с того, что он был успешным физиком. Но Борис не мог быть пассивным, выжидающим и так далее. Он всегда искал не просто действия, а максимального действия. И это был его жизненный и политический стиль, который накладывался на совершенно обаятельную личность — красивый, молодой, с потрясающим чувством юмора. Причем с чувством юмора не вообще, а в том числе обращенным на самого себя, что свойственно далеко не многим, но только очень сильным личностям.

И когда мы сейчас скорбим... уже было сказано, что выстрел в его спину попал в наше сердце. И мы должны думать именно о действии. Не просто стенать, не просто вспоминать, а думать, что мы можем практически сделать, закрывая ту брешь, которую они пытались пробить убийством Бориса Ефимовича Немцова.

1 марта 2015

Я, уже довольно не юный парень, прошел 1 марта от Политехнического музея до Ордынки. Кто-то 1 марта шел рядом со мной в толпе, и я услышал, как мужик кому-то отвечал по телефону. Видимо, ему говорили: «Чего ты туда пошел?! Какой смысл?». А он говорит: «Чтобы была чистая совесть». Я думаю, что это правильная формула.

Я с Борисом познакомился в начале 99-го года, когда уже вернулся из Франции. А он тогда уже закончил свои функции в правительстве. Мы стали добрыми знакомыми, регулярно общались. В «Союзе правых сил» мы часто встречались. И первые митинги на Болотной, еще небольшие, по 3-4 тысячи, Борис открывал на эстрадке, обращенной в сторону Балчуга. Потом втаскивал меня на эту трибуну и шутил: «Снимайте — великий Рыжов пришел!», — такие у него были шуточки.

Очень яркий, очень деятельный. Он не только призывал и говорил, — он делал. Умел делать. Он действительно все доводил до конца. И вот даже в рамках подготовки весеннего марша или других дел в «Парнасе» Борис был очень четким организатором. И это у него проявилось еще в 30-летнем возрасте, когда он стал губернатором в Нижнем Новгороде. Он там хороший порядок навел. Он же работал в академическом институте. Талантливейший физик, в 24 года стал кандидатом физико-математических наук, почти сделал блестящую докторскую диссертацию. А потом раз — и все отрубил ради счастья своего народа. Пошел в политику, стал губернатором. Его отговаривали, потому что в институте, который тогда возглавлял академик Гапонов-Грехов, видели в нем большие перспективы глубокого ученого-физика.

Он был деятельный и активный человек, он в один день давал несколько интервью. Все у него было расписано. К нам на эфир он приходил вовремя. Причем он давно уже ходил пешком, что его, очевидно, и подвело. Это был Леонардо да Винчи нашего времени», который мог каждый проект довести до конца...

ДОЛГОЕ ПРОЩАНИЕ

Сороковины, сорочины, сорокоуст — последний в поминальной российской традиции день, когда живые прощаются с умершим, чья душа еще пребывает на земле. Он еще с нами, согласно поверью. Он видит и слышит нас. Поэтому так больно.

Потом должно стать полегче, и многим из тех, кто хоронил близких и дорогих людей, знакомо это чувство. Нет, горе не отступает и долго не притупляется, но погружается в память. Оседают в сердце, смешиваются с кровью, обретают бесконечное измерение.

Ибо душа его, ушедшего от нас, больше не мытарствуется здесь, соединившись с вечностью. С миллиардами тех, кто ушел до него и тоже не вернется. А нам, пока живым, остается только имя: чудесный звук, на долгий срок... Это еще можно назвать смирением.

Отчаянье смирятся тоской, и это уже не крик, но вздох. Смерть непоправима. Однако пока мы способны помнить и любить, он с нами, в наших душах и сердцах. Пока мы живы, он бессмертен, и время, которое лечит, подает, как милостыню, утешение. Сорок дней — рубеж.

С Борисом Немцовым все по-другому, и это, насколько могу судить, касается самых разных людей. Близких, дальних и тех, кто лично не был знаком с погибшим. Боль идет по нарастающей, усиливаясь с каждым днем, и дело тут не только в том, что он был очень известным политиком и не только в том, что его убили. Дело в том, что спустя сорок дней мытарства продолжаются, и мы, близкие и дальние, не в силах смириться с утратой. Потому что над ним, застреленным сорок дней назад, снова глумятся подонки, и нет нам ни покоя, ни утешения.

Люди приносят на Немцов мост свечи, цветы, портреты и плакаты, а вслед за ними являются молодежного типа подпутинские крысы и оскверняют мемориал. Люди приходят снова, восстанавли-

ливая то, что пожрали крысы, но настает ночь и на месте преступления орудуют мрачные коммунальные мужчины в черном, которые по приказу властей проводят санитарную спецоперацию и опять разрушают мемориал. Люди вновь его возрождают, но крысы не унимаются, и начинается драка: крысы набрасываются на людей. Какое уж тут смирение, когда память о погибшем надо чуть ли не ежедневно защищать от надругательства.

Он жив, пока время не лечит. Он жив, пока нет утешения. Он жив, пока мы не смирились и невыносимая боль нас не отпускает, превозмогая вечную разлуку

А в сороковины, когда в России принято поминать умершего, прощаясь с ним навсегда, и друзья хотят организовать концерт его памяти, вдруг выясняется, что в целой Москве нет практически ни одной площадки, готовой принять музыкантов. Всем владельцам и учредителям надо, знаете ли, проконсультироваться с «кураторами из силовиков», и указанные кураторы как-то не советуют им проводить траурное мероприятие. Они не советуют, и владельцам сразу становится страшно, и это тоже, согласитесь, не побуждает к смирению перед лицом смерти в сороковой день.

Это побуждает к отчаянию. Словно Борис Немцов только что умер на наших глазах. Словно его опять убивают.

Однако более всего противится смерти сам погибший. Такое случается иногда, если уходит из жизни человек яркий, бесстрашный, счастливый, веселый, легкий, живой. И тем безысходней утрата, чем тоскливей пейзаж за окнами.

Борис Немцов на фоне эпохи муторной, постыдной и безотрадной, с ее бесконечным разнообразием оттенков серого крысиного цвета, олицетворял надежду. Сам по себе, безо всякой связи с действительностью. Грех уныния был ему чужд — быть может, единственному среди всех оппозиционных политиков, составляющих тот самый хор, который гибнет в конце настоящей трагедии. Время, в котором стоим, бывший вице-премьер оценивал трезво, но по жизни, как говорится, был оптимистом, отвергающим политическую смерть, и это проявлялось во всем, что он делал. В антикоррупционных докладах, вызывавших ярость у пострадавших

фигурантов. В ярославских парламентских разборках и разоблачениях регионального вора. В устных веселых и несдержанных выступлениях, когда одним простым и непечатным словом он диагностировал происходящее в голове у вождя. За что его, наверное, и убили, и если фантастическую с виду кадыровскую версию об оскорблении религиозных чувств рассматривать под этим углом, то все и сходится.

Михаил Жванецкий очень точно сказал о том, как измерить любовь и масштаб человеческой личности. Количеством боли, которую вызывает его уход. Эта боль, перечеркивая все поверья и традиции, не проходит и в сороковины и лишь усиливается с каждым днем, и не скоро будет вытеснена нашей привычной безысходностью в столкновении со смертью. Эта боль сильнее смерти еще и потому, что нелюди, заказавшие и организовавшие расстрел на Немцовом мосту, до сих пор на свободе. И нет ни малейших сомнений в том, что правосудие свершится только после того, как они уйдут или будут вышвырнуты из власти. Не раньше — и это значит, что мы очень долго еще будем прощаться с Борисом Ефимовичем Немцовым.

Впрочем, есть в этом долгом прощании и горестное утешение. Он жив, пока нам больно. Он жив, пока время не лечит. Он жив, пока нет утешения. Он жив, пока мы не смирились и невыносимая боль нас не отпускает, преодолевая вечную разлуку.

7 апреля 2015

Гарри Каспаров

ФАКЕЛ СВОБОДЫ

Речь на Всемирном Вроцлавском форуме

Путин и его банда — это не вся Россия. Есть и другая Россия — та, которая хочет быть свободной и демократической, быть частью цивилизованного мира, и я верю, что это будущее моей страны.

27 февраля у стен Кремля был убит несгибаемый борец за демократию. Символично время и место заказного убийства моего друга Бориса Немцова, который понимал, как никто другой, какие темные и злобные силы всплыли на поверхность за последние годы в путинской России. Бориса не удивляло, что ненависть и насилие выплеснулись за пределы страны: до последнего дня своей жизни он работал над подробным докладом об участии российских войск в боевых действиях в Украине.

В некотором смысле Борис тоже был российским солдатом. Он был настоящим героем-патриотом и страстно верил в победу тех идеалов, которые последовательно уничтожал Путин. Борис воевал за спасение демократии в России. На каждой войне есть своя передовая, куда отправляются лишь самые стойкие добровольцы. Борис был одним из тех бесстрашных рыцарей свободы, кто, ясно осознавая все опасности и подавляющий перевес сил противника, все равно сражается каждый день, как будто бы он неуязвим.

Своим примером он вдохновлял многих из тех, кто верит в идеалы свободы и кому хватает мужества, чтобы присоединиться к этой трудной борьбе. Десятки тысяч демонстрантов, заполнивших улицы Москвы в память о Борисе, и море цветов, которые полиция до сих пор пытается убрать с моста, где он был убит, — яркое свидетельство того, что в России, вопреки кремлевской пропаганде, эти идеалы разделяют далеко не считанные единицы.

Будучи успешным губернатором Нижегородской области, а затем вице-премьером правительства и депутатом Госдумы, Борис Немцов вполне мог бы комфортно встроиться в вертикаль власти в качестве назначенного Кремлем лидера символической либеральной оппозиции. Но Борис был органически не способен работать на путинский режим, ибо имел твердые принципы и не

мог безмолвно смотреть, как наша страна вновь погружается в тоталитарное болото. И со всей своей огромной жизненной энергией Борис бросился в неравный бой за спасение демократии в России. Он посвятил себя сбору доказательств многочисленных преступлений Путина и его приспешников, несмотря ни на что, надеясь, что однажды их настигнет справедливое возмездие. Он никогда не разменивался на мелочи — главным объектом его уничтожающей критики был сам тиран.

Когда в 2012 году Путин вернулся в Кремль, у нас с Борисом возникли разногласия. Мне казалось, что это верный знак краха сколь-нибудь реальных надежд на смену режима в России мирным политическим путем. Но Борис продолжал оставаться оптимистом. Он посоветовал мне не спешить с выводами и добавил: «Гарри, чтобы увидеть перемены в России, ты должен жить долго!».

Борис уже не увидит перемен, но в память о нем и его жертве мы должны сражаться так, как это делал он, чтобы в конце концов эти изменения произошли.

Рональд Рейган как-то сказал, что свобода всегда находится на расстоянии одного поколения от своего исчезновения. Пусть это и не буквально, однако наверняка свобода может исчезнуть, если лидеры поколения борцов за свободу, подобные Борису Немцову, погибли, посажены в тюрьмы или изгнаны из страны. Найдутся ли новые борцы в обстановке террора, когда публично пролито так много крови? По Рейгану, свобода не передается нашим детям по наследству и за нее всегда надо бороться. Но сегодня среди нас есть одно яркое исключение: старшая дочь Бориса — Жанна, которая перед лицом этой страшной трагедии демонстрирует явно унаследованные от своего отца смелость и лидерские качества.

В час, когда Россию накрыла тьма, Борис Немцов стал нашим Данко. Теперь, когда его нет, мы должны продолжать его работу, держа в руках пылающий факел свободы. Каждый из нас должен словом и делом неутомимо нести людям свет правды, пока не останется ни одного темного угла, где могли бы спрятаться мрачные силы диктатуры.

12 июня 2015 года

Полночи провели в офисе «РПР-Парнаса». На близких Бориса Ефимовича нет лица. Абсолютно парализованные лица.

Знаете, не так уж и важно, какая из версий убийства правдивая. Кто бы и за что ни убил Бориса — подобное могло произойти только в таком государстве, с такой системой, с таким президентом, с такой властью, с такими СМИ, с такой полицией. Полный коллапс всего.

Ночью мы ходили на место убийства. Это поражает воображение. Двести метров от Кремля. Ну, пусть даже триста. Кремль — вот он. Идеально освещенная дорога. Десятки, десятки камер видео наблюдения. Зона ФСО. Мы же первые дни наших собраний стояли совсем рядом с этим местом, всё видели. Там не то что выстрелить — там пукнуть нельзя. Тут же слетаются десятки людей в форме и в штатском. Там по всем углам дежурят автозаки и патрульные машины... А убийцам дали уйти.

Ладно, в общем, с ними всё понятно, чего тут по тридцатому разу... С нами бы разобраться. Я надеюсь, завтра мы все всё же заполоним центр Москвы и покажем этим царькам, у которых нет ни чести, ни совести, которые в очередной раз высказались об убитом человеке в абсолютно уничижительном тоне, покажем, какого «чуть более чем среднестатистического человека» мы оплакиваем.

С Борисом Ефимовичем Немцовым меня лично связывает личная история, о которой мало кто знает, а мне хотелось бы, чтобы узнали все. Однажды я задолжал очень большую сумму денег очень неприятным людям. В блатном мире это называют словом «попал». Борис Ефимович Немцов позвонил мне и сказал: «Женя, я могу дать вам эту сумму». Мы были еле знакомы, если точнее — виделись всего один раз!

Сумму я не взял, но не в этом дело. После того звонка я начал узнавать, что у многих есть подобные истории, связанные с Борисом Ефимовичем. Что этих историй — сотни. Он помогал многим еле знакомым людям, попавшим в беду, оплачивал политзаключенным адвокатов из собственных средств, переводил деньги

нуждающимся семьям... И, в отличие от многих, никогда не кичился этим, не афишировал. Его добро было анонимным. А это первый признак человека высоких качеств.

Борис Ефимович, простите вот лично меня, если можете. Теперь каждое критическое слово, сказанное в ваш адрес, вспоминается как тяжкий грех...

28 февраля 2015

Сергей Филатов,
бывший глава администрации президента Ельцина

Борис был очень яркий человек и очень смелый. Он не останавливался практически ни перед чем для того, чтобы донести свою мысль до аудитории и постараться ее реализовать. На протяжении всего времени, что я его знаю, он был именно таким.

Он прошел огромный путь политика. Он был депутатом, был губернатором Нижегородской области. Кстати, очень хорошим губернатором — в противоположность Ульяновской области, которая строила коммунизм. Он строил настоящий рынок, и ушел оттуда с хорошими результатами. Другое дело, что на его место пришли номенклатурные люди, которые быстро начали все возвращать обратно. Власть начала разрушать то, что начало строиться в 90-е годы. И Борис был наиболее смелый, наиболее яркий человек из тех, кто выступал против этого разрушения. Его очень любил Борис Николаевич — действительно любил. Он очень ему верил. Немцов был всегда свободно вхож к нему. И в этом плане, конечно, очень многое из того, что сделал Борис Николаевич, было привнесено со стороны Бори.

Когда мне позвонил Волков из Астрахани, я об убийстве ничего не знал. Конечно, меня как по голове ударили!.. Но первая мысль, которая у меня зародилась, — и эта тревога несколько дней и месяцев живет у меня, — что агрессивное состояние в обществе добром не закончится. Следом за этим должна быть некая политическая «зачистка». Вот она и начинается, мне кажется. И это очень страшно.

1 марта 2015

Эпоха разом кончилась. Да здравствует эпоха.
В Истории разрыв и не найти концов.
Не вижу, что пишу — сквозь слёзы видно плохо.
На Москворецком в полночь убит Борис Немцов.
Произношу «Немцов убит» и сам себе не верю.
Как бы в библейский Ад распахиваю дверь,
А там моя Москва, прямо за этой дверью —
Река течёт, Немцов убит. Увиденному верь.
Мне страшно. Прячусь, как щенок, за этими строками.
Не думал, что проснусь в стране совсем иной.
Мне хочется завывать, ибо, живя с волками,
Всё, что могу я — издавать членораздельный вой.
Борис, ты был упрям и знал, что пьёшь свою цикуту,
Нам дан сигнал молчать — гарантом на посту.
И да, я помолчу, но лишь одну минуту,
Когда приду с тобой проститься.
Завтра.
На мосту.

АРТЕМ ЧЕРНИКОВ

Я начал работать у Бориса, когда он приехал в Москву и стал первым вице-премьером. Конечно, в Москве ему сначала было непросто, такой чудовищный аппарат с кучей шестеренок, непонятно, кто, чего, аппарат правительства. Для меня это тоже было совершенно новое направление.

Боря всегда четко выделял главное направление работы. Как первый вице-премьер он курировал очень много чего, но первое, чем мы начали заниматься — это было наведение порядка с крупнейшими госкомпаниями в масштабах «Газпрома», «Транснефти», РАО ЕЭС России. Сейчас в это трудно поверить, но они тогда абсолютно не подчинялись правительству страны, то есть «Газпром» был епархией Вяхирева, РАО ЕЭС — Дьякова. «Газпром» налогов не платил в бюджет — что хотели, то и делали. Первая задача была построить какую-то систему. Мы придумали коллегия представителей государства, я был секретарем коллегии.

Как юрист могу сказать, что все делалось буквально так: меня Немцов вызывает: «Слушай, завтра к утру нужно написать новый устав правильный РАО ЕЭС России». Я сидел всю ночь писал, к 9 утра он был написан. Так работали.

Нам было 30 с небольшим и мы были другие. И Борис Немцов и мы, кто появился в белодомовской среде, где средний возраст трудящихся был сильно за 50, конечно, там были чужеродные элементы. Но была энергия, и мы правильно ставили задачи. Были три составляющие тех успехов, которых он достиг — это харизма, напор, стратегическое мышление, второе — умение главное выделять и третье — на тот момент большая политическая поддержка Ельцина. Вот это дало возможность работать нормально.

Из-за истории с «Газпромом», начиная с конца 1997 года, по полной программе стали «мочить» Немцова федеральные телеканалы. Тогда Первым каналом, ОРТ, управлял Березовский, НТВ управлял Гусинский, и начали раскручивать все эти истории про белые штаны и т.д. Почему? Потому что Немцов просто не пустил олигархов к огромным кускам государственной собственности.

Главный вопрос: как вышло, что наша родина не востребовала, по большому счету, Немцова, что он не сделал того, что мог сделать, не стал тем, кем он мог стать? Я так думаю, что у Бори были два качества, которые не способствовали карьере — и в чиновничьей, и в среде политической элиты.

Первое его качество — он был абсолютно открыт, и с товарищами был открыт, и был открыт даже со своими оппонентами и противниками. Он в принципе не умел выстраивать многоходовые интриги за спиной у кого-то. Он парень был простой, если он видел, что что-то не так происходит, он прямо говорил: вот ты делаешь не так, давай. Он был открытый, и долгое время ему удавалось своей харизмой, своей мощью пробивать эти вещи. Будь он похитрее и хотел бы он любой ценой стать президентом, конечно, ему не нужно было ссориться с Березовским: тот решал тогда все вопросы кадровые дела, через «Семью» выходил к Ельцину, объяснял, что этого убрать, этого поставить.

А вторая его особенность, которая тоже совершенно не характерная: Немцов при этом реально руководствовался интересами страны, как он их понимал. А понимал он абсолютно правильно. То есть никогда не было такого — для меня лично, для моего будущего, схему какую-то сделать. Нет, для страны надо, чтобы «Газпром» платил налоги? Будет платить. Кстати, это же он придумал декларирование расходов и доходов чиновников — это 408-й указ Ельцина, я сидел ночью писал. До этого указа даже вопрос такой нельзя было задать: а почему у тебя дом за миллион долларов, когда у тебя зарплата 350 долларов?

Немцов, безусловно, ярчайший политик рубежа XX–XXI века в нашей стране. И то, как он погиб, где он погиб и в какой политической ситуации он погиб, на мой взгляд, серьезнейший урок для российского общества, российского государства.

О том, что настоящая стабильность, настоящее уважение в том числе к оппозиции, в таких политических системах не выстраиваются никак. Долгосрочная политическая стабильность требует смены власти, честных выборов, оппозиции. К сожалению, Борис заплатил за это понимание своей жизнью.

Радио «Свобода», «Лицом к событию», 7 апреля 2015

Я познакомился с Борисом Ефимовичем в старой студии Радио Свобода, когда меня мой хороший знакомый — редактор этой передачи Андрей Трухан — пригласил пообщаться в эфире с Львом Пономаревым. И так случилось, что этот эфир был и с Немцовым. Я пришел после акции, на которой меня задержали. Это был один из первых «Маршей несогласных». Тогда для многих это было в новинку, и я хотел проконсультироваться с Пономаревым. Немцов отловил меня в коридоре, и стал мне — совершенно незнакомому человеку — рассказывать о том, как он создает новое движение «Солидарность», предлагал присоединяться.

Тогда это меня сильно удивило. Но сейчас я понимаю, что это был не какой-то выдающийся случай. Борис Ефимович постоянно общался с разными людьми. Несмотря на высокий чин, который он до этого занимал, он спокойно мог общаться с людьми на улицах, рассказывать охранникам, например, про всякие экономические дела. И это происходило постоянно. Последняя агитация перед маршем «Весна» в метро — это не было пиаром, это была нормальная для него история.

Радио «Свобода», «Грани времени», 3 марта 2015

*Все говорят, что Ты убит
В дождливый вечер.
Кто разыграл такой гамбит,
Скажи, предтеча?*

*А может, это страшный сон
И морок адов?
Нелепых версий целый сонм
сплетни градом,*

*А я не верю, что убит,
Кто жил — не трусил.
Ты чести русской сателлит,
Зари попутчик.*

*И для меня Ты будешь жить,
Как было прежде,
Ведь для меня — Тебя убить –
Убить Надежду.*

ЮЛИЯ ВЕПРИЦКАЯ (ХАРЬКОВ)

В СМЕРТИ ЧЕЛОВЕК ПОЛНОСТЬЮ РАВЕН СЕБЕ...

Гениальная фраза о том, что поскольку Немцов был не слишком популярен, нам не было смысла его убивать, фактически означает следующее: «Если кто-то популярен — мы его убьем». Эти люди перестали слышать, что они говорят. А он именно это и сказал, что если какой-нибудь оппозиционер станет действительно популярен — конечно, мы его убьем.

Люди объясняют простую вещь, что убить для них не является проблемой. Проблема только: зачем, надо ли убить человека?

Мы не были друзьями, но мы были хорошо знакомы, и поэтому у меня очень личное отношение к тому, что случилось. И то, что случилось — это запредельный ужас и беспредел.

Нет смысла изучать конспирологические версии, есть смысл подождать. Гораздо интереснее оценить исторический масштаб личности и реальные последствия случившегося. А реальные последствия еще и в том, что смерть Немцова — это отражение той атмосферы ненависти и агрессии, которая культивировалась в России несколько лет подряд, особенно в последний год, и это прямое следствие «крымнашизма».

Я — стратегический оптимист. И то, что сегодня абсолютно добровольно вышло 50 тысяч человек, то есть больше, чем было создано на Антимайдан, не говоря уже об этих несчастных акциях в поддержку «Новороссии», говорит о том, что это все предсмертные конвульсии. Можно верить Гитлеру или Геббельсу, но верить Залдостанову или Вике Цыгановой невозможно. И смерть Немцова — тоже показатель того, что всем им недолго осталось.

Я сам был на этом марше, прошел его от начала до конца, подтверждая, что это было очень серьезное мероприятие.

Станет ли убийство Немцова тем рубежом, после которого системные либералы перестанут считать Путина своим воспитуемым? Нет. Мне кажется, что Немцов тяготил системных либералов, он тяготил своих старых друзей. Немцов был абсолютным балластом для группы системных либералов. Как бы было неудобно

отвечать на звонки Немцова, было невыгодно на них отвечать, поэтому на них отвечать перестали...

Когда я приезжал в нулевые годы в Нижний Новгород несколько раз и встречался с представителями местных элит, то я всегда был очень тронут тем, что после колебаний и пауз мои собеседники говорили: «Все-таки лучшим нашим губернатором был Немцов». Это было уже через много лет после его ухода от власти...

Мы помним, как увольнял Ельцин Березовского с поста замсекретаря Совета безопасности в присутствии Немцова и Чубайса. Это подтверждает мою мысль, что Борис был гораздо более тяжеловесным человеком, гораздо более серьезным, чем казался и хотел казаться. А хотел он казаться таким легковесным только в силу комплекса возраста. Ему казалось, что образ плейбоя избавляет его от груза прожитых лет. Мы с ним выпивали неоднократно, а человек всегда открывается тем, с кем выпивает. Борис Немцов был окружен трезвенниками, к которым я не отношусь. А когда Немцов выпивал, он превращался в самого себя, из него исчезали все наносные элементы, категории. Он становился гораздо умнее и серьезнее, чем в трезвом виде.

Из этого общения я сделал следующие выводы: есть конвергенция человеческая, согласно которой муж и жена, прожившие много лет вместе, становятся похожи внешне, хозяева становятся похожи на своих собак и кошек внешне. Можно стать похожим на дерево, растущее в твоём саду: кто-то — на дуб, кто-то — на клен, кто-то — на березу. А Борис Ефимович Немцов был абсолютно похож на то время, которое вывело его на авансцену публичной политики в начале 90-х годов. Это время смелое, искреннее, бесшабашное, когда деньги не имели никакого значения, и когда люди были мотивированы собственными идеями и идеалами. И он остался представителем того времени, поэтому он не мог стать преемником Ельцина, потому что олигархический капитализм, сложившийся в России в середине 90-х годов и закрепленный вторыми выборами Ельцина в 1996-м, абсолютно не предполагал лидера такого типа.

Немцов — это абсолютный портрет моей молодости. Я еще и поэтому скорблю о нем...

Человек полностью раскрывается в смерти. В смерти человек полностью равен себе. При жизни это непонятно: то ли он герой, то ли он клоун, то ли он Король Лир, то ли шут. Возьмем Валерию Ильиничну Новодворскую, которая умерла в прошлом году. Сколько над ней иронизировали, смеялись, и я в том числе. А когда она умерла, стало совершенно очевидно, что это очень серьезная фигура. И в день ее смерти ни иронизировать, ни смеяться не хотелось совсем.

И Борис Немцов раскрылся в день смерти, потому что высвобождается полная энергия смерти, та самая: $e=mc^2$. Масса человека, умноженная на квадрат скорости света, а свет — это Господь Бог. Именно поэтому скорость света есть предельная. Мы не были друзьями с Немцовым, но я его неплохо знал, мы многократно общались. У меня была возможность составить мнение об этом человеке. Я бы выделил три принципиальных достоинства Бориса Немцова.

Первое — это человек, который воспринимал информацию. В мире вообще очень мало людей, которые воспринимают информацию. Очень часто ты говоришь такому человеку, а видишь, что он не хочет тебя слушать. У него есть своя законченная картина мира, и ему пофигу, что ты говоришь. Когда ты сообщал Борису что-то, что могло поменять его точку зрения, было видно, что он начинает это обдумывать. Он мог с тобой согласиться или не согласиться, но относился к этому серьезно. Это не только редкость в человечестве вообще, но особенно редкость в политических элитах, где люди абсолютно забронзовевшие, закаменевшие ментально, которым на все наплевать кроме начальства, которое они могут слушать, а никакой рациональной аргументации они слушать не могут.

Второе достоинство — Немцов не был мотивирован деньгами, что большая редкость для представителя такой элиты, к которой он принадлежал. Он ничего не украл. Он был состоятельным человеком, но совершенно небогатым по российским меркам в стране, где заместители министров становились миллиардерами, Боря умер нищим по большому счету. Он не использовал и 1% воровских возможностей, которые у него были. Он не хотел во-

ровать, и не был вором. Это очень важно, это вторая причина, по которой его надо очень уважать.

И в-третьих, Борис был порядочным человеком. Он был рефлексивный, метущийся. Его образ — такой мальчик красивый, влюбленный, порхающий. Как говорил мой учитель Андрей Донатович Синявский про Пушкина, что Пушкин вбежал в русскую поэзию на тонких эротических ножках. Это было все наносное...

Он был совершенно честный и открытый человек, который даже комплексовал из-за своей честности. У него иногда на лице было написано — а не слишком ли я честен? Потому что он был окружен подлецами, а сам был честным. В Борисе жила глубокая внутренняя драма. Он очень комплексовал по поводу возраста, по поводу того, что упускаются возможности. На экране телевизора он был таким легким, он шел на встречу со СМИ абсолютно подтянутым во всех смыслах этого слова. Но когда он оставался один на один с собеседником, у которого нет телекамеры, типа меня, он открывался по-другому. Было понятно, что его главная проблема — он в очень молодом возрасте сделал блестящую карьеру. Он стал генерал-полковником, если метафорически это расценивать. А потом его разжаловали в полковники. Это была для него колоссальная личная драма.

Я завидую Борису Немцову, потому что его смерть идеальна. Он умер идеальной смертью. С точки зрения христианских позиций смерть ничуть не хуже жизни, ибо жизнь — это страдания. Борис умер героически и одновременно. А нет ничего более прекрасного, чем одномоментная героическая смерть, особенно для публичного человека, который был обречен стать героем в самой своей биографии, а мог им и не стать...

«Дождь», 1 марта 2015

Если бы Борис не стал политиком, он очевидно бы состоялся как ученый. Все к этому шло, у него была блестящая кандидатская диссертация, очень серьезные интересные работы в области радиофизики, физики плазмы, которые он делал с моим отцом, с другими выдающимися учеными нижегородскими, московскими. Его коллеги, его сверстники многие стали сейчас преуспевающими профессорами и работают в разных университетах мира. Безусловно, Борис тоже стал бы серьезным большим ученым. Мой отец всегда считал, что его перспективы в науке очень хорошие, как он говорил: «Боря, наверное, со временем станет академиком»...

Когда он пришел к власти в Нижнем Новгороде, ситуация в стране была просто катастрофическая. Это было самое начало рыночных реформ, когда социалистические механизмы все развалились, капиталистические еще созданы не были. Была жутчайшая гиперинфляция, элементарная нехватка наличных рублей, не из чего было платить людям зарплату. Реально бумажек даже не было! Я уже не говорю о более серьезных внутренних проблемах экономических, социальных и так далее. В этой ситуации что-то сделать, сделать в отдельно взятой области какой-то рай, было абсолютно невозможно.

Понятно, что никаких чудес особых в Нижегородской губернии при Боре не произошло. Но он держался. В этой дикой ситуации он держался. Не было ничего резко негативного, он держался у власти, хотя Ельцин периодически на него наезжал, особенно поначалу. Помню, Ельцин приехал, увидел, что масло стоит несколько сот рублей за килограмм, был возмущен. Он еще мыслил тогда совершенно советскими категориями, это было начало 1992 года. Начал устраивать какие-то разборки, взбучки. Масло, конечно, не подешевело...

Тем не менее, команда, которую Борис возглавлял, она свое дело делала, никаких эксцессов, никаких серьезных катастрофических проблем в области тоже не было. Несмотря на то что он пришел не из управления, не был хозяйственником, он вполне

функционально был состоятелен, он справлялся с ситуацией. В принципе довольно уверенно руководил.

Другой момент — это информационная, пиаровская составляющая, здесь он просто был блестящ всегда. Потому что Нижний действительно сумели, по сути, подать всему миру как витрину реформ, как место, где точка роста какая-то, где создается новая Россия и так далее. Приезжала Тэтчер, приезжал Мейджор и так далее, куча всяких начальников со всего мира приезжали подивиться на нижегородское чудо. В этом смысле он просто был блестящ. Другой вопрос, что после того, как он ушел в Москву, его харизма, его умение работать со СМИ, его умение вообще работать — это все ушло, осталась команда, которая, мягко говоря, не очень удачно справлялась, было куча всяких проблем.

Но пока Борис был губернатором, как это ни странно и поразительно, потому что по всей России вряд ли найдешь двух-трех губернаторов, которые пришли не из советской номенклатуры, не из этой системы, он справлялся. Он удержался на своем месте, он получил большую популярность по всей стране. Его стали воспринимать как потенциального наследника Ельцина. То есть в целом он этот экзамен сдал, который ему жизнь поставила тогда.

Безусловно, с точки зрения *real politic* и он многократно делал ошибки. Он не подстраивался под ситуацию, а пытался изменить ситуацию под какие-то свои внутренние убеждения о том, как эта ситуация должна формироваться.

Были у него, конечно, и реальные ошибки. То, что он согласился пойти в 1997 году в правительство — это была, безусловно, ошибка, он об этом много раз говорил сам, признавал это. Дело в том, что по сути тогда была такая ситуация, что это правительство было обречено. То есть сама система позднего ельцинизма требовала свежей крови, потому что она была уже на грани краха, полного банкротства, как экономического, так и политического, что и случилось во время дефолта впоследствии. Она требовала новой крови, нового топлива, чтобы ей как-то существовать.

Для этого, я считаю, его заманили в это провальное заведомо правительство (я имею в виду ельцинскую «Семью», Березовского, Дьяченко и прочих), для того чтобы создать иллюзию, что мы что-то меняем, что у нас новая молодая команда, которая сможет

изменить ситуацию в стране, а в действительности объективно ничего изменить по большому счету было нельзя. Тот же дефолт был экономически неизбежен, потому что рынок ГКО был перегрет, он должен был рано или поздно рухнуть. Он не привык отказываться от каких-то сложных и трудоемких задач, он рискнул тогда и пошел в правительство, в результате много проиграл. К концу этого правительства после дефолта его рейтинг резко снизился, даже до дефолта он снизился. Впоследствии он никогда не был на такой высоте, на какой был до всех этих событий.

Я думаю, что он просто не занимался бы политикой, если бы не верил, что можно изменить, народ готов к каким-то демократическим переменам. Нынешняя ситуация, нынешнее состояние общественного мнения — это не результат каких-то долгосрочных трендов, а результат именно манипуляций, пиара. Безусловно, он не относился к тем либералам и тем оппозиционерам, которые настроены, грубо говоря, русофобски, которые считают, что с этой страной ничего сделать невозможно, этот народ не сможет никогда измениться, не сможет никогда принять либеральные демократические ценности, ценности прав человека и так далее. Безусловно, он так не думал. Он объективно надеялся на то, что нынешняя ситуация — это временная ситуация, если работать, если просвещать людей, предъявлять им факты в виде тех же докладов о Путине и его системе, то общественное мнение переломится, люди изменят свое мнение.

Я думаю, он прекрасно помнил ситуацию, которая была в конце 1980-х годов — самом начале 1990-х во время перестройки, когда то же общественное мнение, те же люди, которые сейчас твердят «Крым наш» и «да здравствует великий Путин», они осуждали тогда и имперскую великодержавную идею. Стремилась тогда к демократии, такие слова как «свобода слова», «многопартийность» очень многое значили. Тогда люди выходили на демонстрации с требованиями отмены статьи 6 конституции, введения многопартийности. На похороны Сахарова люди вышли даже в большем количестве, чем сейчас приходят на мероприятия, связанные с антипутинской оппозиционной деятельностью.

Безусловно, он надеялся на некую «перестройку-2», что народ в какой-то момент, столкнувшись с экономическими трудностями

или просто осознав, изменится и общественное мнение изменится. Тренд на восхваление авторитарной системы, на восхваление агрессии, шовинизма, клерикализма, все негативное, реакционное, что есть сейчас и что, очевидно, нагнетается с помощью электронных СМИ, — что этот тренд изменится и начнется обратный процесс возвращения людей, возвращения общественного мнения к демократическим ценностям, к тем идеалам, которые в свое время были очень популярны.

Радио «Свобода», «Лицом к событию», 7 апреля 2015

Лия Ахеджакова

ВЫСТРЕЛ В НЕМЦОВА УБИЛ ВСЕХ НАС

Сегодня я смотрела трансляцию похорон Бориса Немцова. Было очень тяжело, я все время плакала. Сегодня я понимаю, что мы живем в атмосфере ненависти, в атмосфере поисков врагов народа, в обстановке, когда людей натравливают друг на друга. Худшие люди нашей страны способны с радостью купиться на возможность затравить кого-то, выместить свою агрессию на том, кого ему укажут. Эти люди ведут себя как овчарки, которых натаскали одних защищать, а других загрызать до смерти.

Борис Немцов был невероятно мужественным человеком. Но он не один, у нас еще есть такие. И я боюсь за них, я помню, как прочитала статью Анны Политковской и подумала, что те, о ком она писала, ее убьют. Через три дня ее не стало.

Когда я узнала, что Боря готовит этот доклад о присутствии наших войск на Украине, о нашей роли в этом страшном конфликте, я подумала, что его убьют как Аню. Так и случилось, и никто ничего не докажет, стрелявших не найдут, расследования не будет.

Так случилось, что когда Немцова убили, я была в больнице. Я не могла смотреть «Дождь» и была вынуждена смотреть телевизор. Честное слово, я не знаю, как я выжила. Этот телевизор продолжал расстреливать. Я боюсь за свое сердце, я чувствительный человек и в какой-то момент мне казалось, что я не выдержу.

Но вместе с тем, я подумала, что если когда-нибудь встречу Максима Шевченко, который очень агрессивен и с которым я почти никогда не бываю согласна, я пожму ему руку. Это единственный случай, когда этот журналист нашел в себе силы быть справедливым, милосердным.

3 марта 2015

*Мне нечем дышать. Так можно сойти с ума.
Нежить ликует, глумится, разносит грязь.
Цепные шакалы терзают мёртвого льва.
Теперь всё можно — теперь он отпор не даст.*

*Смотри, Москва, как топчут ногами свет,
Цинично пакуют правду в чёрный мешок.
Нельзя молчать, но слов подходящих нет.
Четыре пули на всех — вот такой расчёт.*

*От красных стен на мост наползает тьма.
Кровавый морок. В нём нет никаких концов.
По-подлому, в спину, расстрелянная весна.
Ожогом на сердце имя — Борис Немцов.*

*А с фотографий — живой и бесстрашный взгляд.
На розах снег. А в горле застрял вопрос.
Так беззащитен мигающий свет лампад.
Тоска и холод пронизывают насквозь...*

*Однажды цветы пробьют ледяной асфальт.
Развеет мерзость тёплый весенний бриз.
И мы придём. Россия придёт сказать:
«Мы вновь свободны! Спасибо тебе, Борис!»*

ОЛЬГА ЛЕХТОНЕН

Мы с Борисом познакомились в какой-то курилке в 1990 году в Верховном совете, он общался с другими молодыми депутатами. Я потом был поражен, что Ельцин назначил такого молодого человека губернатором. Хотя потом я все время думал, если бы он нашел хотя бы пару десятков таких людей на эти роли, наверное, история России была бы другой.

Я был журналистом, который ездил, рассказывал о нем. Помню, когда Борис приехал в Москву, была какая-то встреча с Григорием Явлинским, одна из очень многих, когда пытались договориться о взаимодействии — это было, по-моему, в здании московской мэрии. Я потом зашел с Борисом в лифт, он на меня посмотрел и сказал: «Тебя что, ко мне прикрепили?». Я понял, как правильно ответить: «Да, прикрепили, теперь ты от меня никуда не денешься». Он сказал: «Ну хорошо, мы тебя внесем в какой-то список, пул и так далее». Это было очень интересно, поскольку тогда иностранных журналистов и «Радио Свобода», конечно, не пугались. В правительстве, в котором был Олег Сысуев, была совсем другая атмосфера, чем в кабинетах во времена Владимира Путина, Дмитрия Медведева и так далее, то есть не было такой закрытости, а было другое.

Я помню впечатления от приезда в Нижний. Во-первых, то, что там в администрацию областную можно было зайти без всяких пропусков совершенно спокойно, дойти до кабинета губернатора. «А вы кто?» — «А я журналист». — «Присаживайтесь, подождите, освободится, поговорит». Потом там была какая-то большая встреча Бориса с журналистами, он ходил, со всеми общался три часа, на все вопросы отвечал, что-то выпивал, носил какой-то стакан с виски. Потом он объяснял, что виски — это удобный напиток, можно наложить льда и ходить с этим стаканом целый вечер, и к тебе никто не будет приставать, почему ты не выпиваешь, не наливаешь. Такая картинка осталась...

Конечно, после того, как он увез значительную часть людей из Нижнего в Москву, там остался Иван Скляров (зам хозяйственный, потом он был губернатором), потом коммунист Ходырев при-

шел к власти. Действительно, не то что реакция, но реставрация в каком-то смысле произошла. В условиях этой открытости Борис действительно реально работал, в Москве тоже работал. Трудно работать в такой ситуации, когда вы открыты, когда вы общаетесь с прессой, когда все время критика звучит? Сейчас, наверное, можно было бы позавидовать, какие-то обученные специальные пиарщики, совершенно необязательно ни с кем разговаривать. Иногда приходит человек, задает согласованный вопрос, показывает согласованный ответ, и все замечательно.

Я помню, мы ездили в Новгородскую и Тверскую области, что-то открывалось, что-то надо было решить. Я очень хорошо помню в городе Бологое озверевший совершенно зал женщин, которые, наверное, другого бы порвали. А через полчаса это был нормальный человеческий разговор. В этом смысле с людьми Борис мог говорить, убеждать. Конечно, то, что последние годы он был лишен телевидения, как и многие оппозиционные политики, это, конечно, было грамотное кремлевское решение, потому что в принципе в России, как выясняется, такой самый сильный инструмент воздействия на массы, можно 40–50% перевербовать в любую сторону.

Есть матрица состояния умов народонаселения. Борис понимал, что русский народ — это тяжелый народ, скажем так, с ним трудно. Мне кажется, что чем дальше с возрастом, он это понимал, что есть вещи, которые очень трудно изменить.

Еще хочу сказать, что мы, кроме всего прочего, были страшно благодарны Борису, за то, что он всегда открыто с нами общался, давал интервью, приходил в эту студию.

В момент, когда на «Радио Свобода» был тяжелый кризис, связанный с неадекватными действиями ряда администраторов, он в это дело включился в числе других российских политиков, смог разъяснить американским руководителям некоторым, зачем нужно «Радио Свобода» России.

«Радио Свобода» теперь снова является, если не влиятельным уж очень средством массовой информации, то, по крайней мере, достаточно эффективным, каким оно не было еще пару лет назад.

Радио «Свобода», «Лицом к событию», 7 апреля 2015

*Меня мама воспитала в уважении к свободе,
и я не могу пресмыкаться, холуйствовать,
лицемерить, облизывать начальство.
Я привык и люблю быть в согласии с собой.*

*Когда работал с Ельциным, было много
моментов, которые меня абсолютно
не устраивали, — его отношения с олигархами,
какие-то решения правительства безумные...*

Меня это, честно говоря, сильно напрягало.

*Я держался, потому что понимал,
что во власти можно многое сделать, —
и что-то сделать удалось.*

*Но сейчас в плане внутренней уверенности
в своей правоте я себя чувствую гораздо
комфортнее, чем раньше...*

(из интервью журналу ELLE, 2009 год)

Я бы сказала, что в Немцова выстрелило вооруженное ненавистью общество. Это может быть один человек или два, не в этом дело. Выстрелило общество, которое находится в истеричном состоянии. Буквально час назад я говорила с одной очень милой женщиной, которая сказала: «Ну, невозможно! В конце концов, нам надо жить. Мы устали от всей этой агрессивной истерики. Дайте жить!».

Кстати, именно Боря был за то, чтобы дать всем жить. Он был человеком не просто слов, хотя слова он произносил замечательно, умел говорить, что тоже важно. Вообще у него было очень много достоинств. Он человек Ренессанса. Он был красив, умен, спортивен, очень харизматичен, очень обаятелен, был замечательным оратором.

Боря, пожалуй, единственный из всех политиков тех времен, который продержался как человек дела, а не только слова. И когда он был губернатором, и когда он был в правительстве, и сейчас... Ему многие говорили: «Зачем тебе надо ехать в Ярославль? Это же ответственность, это много обязательств, все равно в спину будут что-то такое нести, в чем-то будут упрекать, за что-то опять ненавидеть». Это вечная история для человека дела — у него обязательно есть те, кто будет его ненавидеть именно за дела. Нет, он поехал в Ярославль, стал депутатом Думы. И опять, опять, опять...

Я совсем недавно ему говорила, может быть, как его мама: «Боря, будь все-таки осторожнее. Конечно, надо быть таким, как ты. Но очень хочется, чтобы ты все-таки понимал, что надо быть осторожным. Погибли Аня Политковская, Галя Старовойтова, Сережа Юшенков. Погибло очень много людей». Это вообще страна, в которой в людей стреляют за их слова, за их дела, за их правду. Погиб Юра Щекочихин, погиб Борис... Уже всех не перечислить. И есть ли сейчас на Земле такая страна, в которой бы столько убивали за правду, за честность, за верность своим идеям?!... И идеям прекрасным — на благо человека, а не вопреки ему.

Нам, людям, которые в какой-то степени политики или правозащитники, во всяком случае, люди, которые знают, видят и слы-

шат, — нам надо сейчас быть очень осторожными. И настраивать против друг друга уж точно не нужно. И так есть достаточно людей на российской земле, которые готовы расстрелять всех, кто просто говорит правду, может быть, ничего такого великого и не делая.

Но Боря делал! И это было самое главное. Посмотрите, как он продержался, как до последнего он боролся, вот даже за этот митинг, чтобы он был не в Марьино, а все-таки в центре. Сколько он пытался их убедить, но не смог. И сказал: «Ладно, пусть будет. Все-таки важнее, чтобы он был, чем если бы его не было».

Я очень часто вспоминаю Галю Старовойтову, с которой мы виделись буквально за две недели до ее убийства... Какая-то у нее тоже была усталость. Понимаете, все, кто в этой стране борется, в конце концов, имеют право на усталость. Потому что появляется какое-то бессилие, потому что сколько ни бейся — а что в результате? Что мы имеем сегодня в результате всей борьбы, начиная с конца 80-х, 90-х и так далее? Страшно подумать! Я сегодня всю ночь об этом думала, подводила итоги — они ужасны. Тем не менее, Галя говорила: «Уставать нельзя. Я буду идти до конца». И она шла до конца. Так и Боря — вот он шел до конца... до своего конца.

Его убили. И мы все, конечно, в словах, в эмоциях, в каких-то внутренних клятвах: мы не будем уставать, мы будем делать, мы не будем бояться. Но очень важно сохранить это состояние, пусть не столь эмоциональное, как сегодня, оно, конечно, будет более спокойным, — но очень важно, чтобы оно было действенным.

Я давно поняла одну вещь: чтобы в России жить, надо умереть. Вот такой страшный парадокс нашей жизни. И я думаю, что гибель Бори очень объединит людей. Ужасно, что для этого потребовалась его гибель. Но мне кажется, что это произойдет.

Когда-то Твардовский, когда пробивал очередную повесть Солженицына, Войновича или кого-то другого из наших замечательных писателей, говорил, что надо что-то делать. Шел и бился с той властью. Вот так же, кстати, жил на этой Земле Боря — надо что-то делать. Вот это «надо», мне кажется, — всем нам его завещание.

Я с ним познакомился на Съезде народных депутатов России, когда меня выдвинули вместе с Полозковым и Ельциным кандидатом в председатели Верховного Совета. И я выступал с предвыборной речью. Естественно, речь была радикально антикоммунистической, что было в Кремле впервые после 1917 года. Речь была религиозная — была изложена краткая позиция христианской демократии. Сразу после этой речи ко мне подошел молодой человек — это был Борис Немцов. Он сказал: «Все поддерживаю и вступаю в твою партию!». Так мы и познакомились.

Он избирался как беспартийный. В 90-м году никаких партий не было. Вернее, партии были, но их не было в парламенте. Партий было не так много — они только образовались. Первыми образовались «Либерально-демократическая партия» и «Российское христианское демократическое движение» (моя партия).

Борис вошел в «Российское христианское демократическое движение». Но вскоре после этого он был назначен губернатором Нижнего Новгорода. И, естественно, ему было не до партийной деятельности. Но в 1990 году я на свои средства вывез 150 человек из Москвы, из Украины и из Белоруссии на Всемирный форум христианской молодежи в Париж, и Борис был там. Мы с ним гуляли по Елисейским полям. А до того момента он вообще был невыездным. Первый раз был за границей.

Так что наше знакомство началось достаточно бурно, мы очень долго общались. Наше общение не прекратилось и тогда, когда он был губернатором в Нижнем Новгороде. Но, естественно, он партийными делами уже не занимался.

Он был православным верующим. На Рождество в начале 1998 года я пригласил его в храм Казанской иконы Божией Матери на Красной площади, где настоятелем был мой дядя — протоиерей Аркадий Станько. Он приехал, отстоял службу. Настоятель храма приглашал его в алтарь, как именитого гостя. А тогда он был с охраной — как первый вице-премьер. Он категорически отказался и стоял вместе с народом. Затем была очень интересная беседа. Безусловно, Борис был верующий человек.

Однажды он приглашает меня в кабинет и говорит, что ему предложено стать председателем Комиссии по идентификации и захоронению останков императорской семьи. И задал вопрос: «Потянем?» Я говорю: «Конечно, потянем». А он спрашивал меня потому, что я был в курсе всех этих проблем с конца 1980-х годов. Ко мне приезжал Гелий Рябов и показывал фотографии захоронений. Я должен сказать, что я не во всем был с ним не согласен, скажем, в политическом мировоззрении, в политической установке, мы много с ним спорили. Но в работе комиссии он проявил свои лучшие и незаурядные качества. Дело в том, что все исследования были проведены уже к 1995 году, но затем патриархия потребовала провести дополнительные исследования, поставила 10 знаменитых дополнительных вопросов. И он все закончил к 1997 году. Предыдущие руководители комиссии могли решить этот вопрос, но не решали, потому что опасались. И только политическая воля вице-премьера Бориса Немцова позволила окончательно этот вопрос закрыть. Сейчас создана рабочая группа по идентификации и захоронению великой княгини Марии и цесаревича Алексея. И рабочая группа уже приняла решение о захоронении. Сейчас только срок переносится. А это означает полное признание властью правоты и работы комиссии и ее председателя.

Больше всего о нем говорят его жизнь, его поведение. Когда мы с ним встречались в Нижнем Новгороде, я говорил ему: «Скоро тебе предложат в правительство». Это было очевидно, потому что он тогда в России был самой яркой личностью — деятельный, ответственный человек. И конечно, он нужен был Ельцину, потому что рейтинг Ельцина тогда падал. И вот Бориса назначают. Я встречаю его в аэропорту в Москве, и первый вопрос был: «Борис, зачем ты согласился?». И пока мы с ним ехали в машине из аэропорта, он мне рассказал, что ему предлагали многие от имени президента. Приезжал неоднократно Березовский, другие высокопоставленные лица. И вот однажды к нему на дачу приехала Татьяна, дочь президента. Он тоже отказался. Тогда она зарыдала и стала говорить (это все со слов Бориса): «Тебя отец сделал фигурой, а ты в трудный для отца момент не можешь его поддержать».

И Борис сказал: «Я женским слезам отказать не мог». И он стал первым вице-премьером.

Далее. Я могу назвать факты, которые опровергают многие мифы о нем. В том числе и миф, что он был коррумпирован. Однажды захожу к нему в кабинет, а он мне показывает две страницы машинописного текста и говорит: «Почитай». И я вижу, что это трастовый договор между правительством и «Газпромом». В нем говорится, что из 35 процентов акций, которыми владело государство, 30 процентов отдаются в управление лично Вяхиреву, председателю «Газпрома». Помимо того, Вяхирев имел очень много процентов и по другим каналам. И после окончания этого договора Вяхирев имеет право выкупить эти акции через Нью-Йоркскую биржу. И вот что интересно: сверху — печать правительства, а подписи председателя правительства нет. И внизу трастовый договор тоже не подписан. Вяхиревым подписан, а Черномырдиным — не подписан. Однако он действует уже три года. Началась эпопея борьбы Бориса за отмену этого трастового договора, которая длилась полгода. Помимо того, что он был первым вице-премьером, он был министром топлива и энергетики — это была его прямая обязанность.

Начало всей этой операции было весной, где-то в марте. А в сентябре Немцов добился того, чтобы все-таки подписать этот договор. Собралась пресса. Приехал Немцов. И должен был приехать Вяхирев, но он не приехал. В этот момент они с Черномырдиным прилетели из Вьетнама, и он проигнорировал это подписание.

А следующий эпизод этой истории вообще анекдотичный. Визит Ельцина в Норвегию. Показывает телевидение: Борис Николаевич идет по ковру к королеве Норвегии. С одной стороны — делегация из России, с другой стороны — весь бомонд Норвегии. И вдруг Борис Николаевич останавливается, видит Вяхирева, подходит к нему и говорит: «Подпиши трастовый договор!». В итоге новый договор был подписан. Полгода пришлось бороться с этим гигантом, чтобы навести порядок в «Газпроме».

Безусловно, он был человеком очень искренним, отважным и бесшабашным. Эти качества проявлялись и в его победах, и в его недостатках, и в его поражениях.

Во время истории с «Газпромом» меня пригласил на приватные, секретные переговоры ближайший советник и друг Вяхирева, который предложил для Немцова следующее: Немцов становится председателем правления «Газпрома», а «Газпром» все свои ресурсы — финансовые и медийные — бросает на кампанию «Немцов — президент». И когда я об этом доложил Немцову, он сказал: «Виктор, ты же понимаешь, что мы с тобой боремся с коррупцией, — а это самое большое коррупционное предложение». Я не знаю других политиков в России, которые отказались бы от такого предложения.

«Радио Свобода», «Грани времени», 9 октября 2015

Борис Немцов возник на политической арене в начале 90-х в момент открытия занавеса над бывшим СССР.

Многие люди за рубежом с удивлением обнаружили, что российский политик, хоть и похож внешне на медведя – огромный и кудрявый, на самом деле может быть умным и харизматичным, а также добрым, искренним и открытым.

Прекрасное знание английского языка, эрудиция, умение увлечь аудиторию — все это вызывало неподдельный интерес у зарубежной аудитории...

Вспоминая Бориса Немцова, невольно поражаешься масштабу его личности. Ему удалось осуществить почти невозможное — за 55 лет прожить, по сути, несколько жизней. Причем прожить их все ярко и как-то уж очень по-русски, как в песне: «любить, так любить, лечить, так лечить».

Если школа, то золотая медаль, если институт, то Красный диплом, если наука — то сразу кандидатская и более 40 научных статей. В политике вряд ли кто еще сумел пройти по всем вертикалям и горизонталям так, как это сделал он — губернатор, сенатор, министр Правительства РФ, Вице-премьер, депутат, лидер партии, глава оппозиции... Если подписи против войны в Чечне, то сразу 1 000 000! В спорте он тоже на высоте — подъем на вершину Эльбруса, президент российской ассоциации серфингистов.

*И простреленная весна,
От которой мы не укрылись...
Ангел смерти сигналил нам
На мосту парой дымных крыльев.*

*Под лопаткой засел свинец
И пророс ядовитым маком.
Чтобы вырваться наконец,
Кто-то должен первым — в атаку,*

*Кто-то должен в канун весны
Выйти первым на амбразуру.
Я не знаю этой страны,
Убивающей лучших — сдуру.*

*Надо жить назло всем слезам,
Чтобы видеть — нас не сломало.
И лампадки горят в глазах
У героев мемориала.*

*И не раз ещё, в темноту
Обратив полночные лица,
Совпадут на чёрном мосту
Человек и его убийца.*

ВАЛЕНТИНА УСТИНОВА

Я с ним познакомился впервые летом 1990 года, когда я принял предложение Бориса Ельцина, ушел из союзного правительства, стал вице-премьером российского правительства и готовил программу «500 дней». Он был очень яркий, очень свободный, очень энергичный, очень молодой, очень весёлый. Он был в очень хорошей форме. Но главная особенность его заключалась в том, что он был совершенно раскованный. В каком-то смысле он был просто символом эпохи. Его манера поведения, его отношение к окружающим, к жизни, к событиям, ко всему абсолютно гармонировала с эпохой, он был абсолютный ее продукт. И это было настолько притягательно, настолько интересно, что с ним нельзя было не познакомиться. Это был человек, воплощавший в себе все, что тогда происходило. Он был таким же светлым, наполненным свободой.

После 1991 года после путча он был назначен губернатором. И это была, как вы можете догадаться, не совсем его работа. Ему была нужна помощь. Картина, которую я увидел осенью 1991 года, когда приезжал к нему уже в качестве вице-премьера союзного правительства, была удручающей. Он сидел в кабинете первого секретаря обкома, и там не было людей. Он был просто один. Была какая-то девушка, которая хорошо к нему относилась. А к нему всегда девушки хорошо относились. Она ему приносила чай, яблоко ему резала. И больше никого не было. Надо было что-то делать.

Это же были не шутки — это миллионная область, миллион людей живет. Там останавливались заводы. Там останавливался газ. Там были огромные заводы, которые строили подводные лодки. В Нижнем Новгороде океанские подводные лодки — это же фантазматория! Где такое можно было увидеть?! Их потом по Волге переправляли в океан. И вдруг он остался ответственным за все, причем один. А Борис Николаевич его послал и сказал: «Вот, Боря, давай». Что давать-то?! Дать-то нечего!

Я приехал к нему с несколькими своими коллегами. И мы у него жили и занимались всем. Мы сделали там одну вещь, которую ин-

интересно даже сегодня обсуждать. Мы сделали первый региональный займ. Представьте — 1992 год. Деньги фактически уничтожены. Никто не знает, что будет. Мы покупали горюче-смазочные материалы у соседей в Татарстане. И они оказались валютой. Они же росли в цене. Они же все время были нужны. А как их купить? Люди нам доверяли — покупали так называемые «немцовки». Там же фабрика Гознака была, мы их там печатали. Эти «немцовки» люди покупали, а на вырученные деньги мы закупали ГСМ, делали резервы. Эти резервы росли в цене. Кроме того, там была сделана система социальных индикаторов, по которым мы следили, что происходит с самыми незащищенными слоями. Мы открывали столовые для бедных людей.

Еще там были программы, связанные с приватизацией, например. Борис был первый, кто убедил Ельцина, что стоит распродать таксопарк и грузовые автомобили тоже передать в частное пользование. Это было еще до ваучеров. Это уже потом ваучеры все испортили. А это была реальная вещь. Он был очень силен и очень хорош как губернатор одной из крупнейших областей РФ. И у него были колоссальные перспективы.

А когда он приехал в Москву, это было уже другое время, не то, когда мы с ним познакомились. Это было уже время интриг. Это было время огромной коррупции. Это было время продажности. Это было время политических манипуляций. Это не 1991 год и даже не 1992-й. Это был 1997 год. И его просто использовали как ширму, как рекламу, как лейбл, как имя. Его просто использовали для прикрытия. Ему даже мало что удавалось сделать. Поскольку он был очень популярный, то пользовались его популярностью для того, чтобы за его спиной делать всё, что угодно...

Эта потеря невосполнима. И она останется невосполненной. Люди, которые общались с Немцовым, которые дружили с Немцовым, и сегодня испытывают ужасную нехватку его. Вот это я могу сказать о себе совершенно точно: его очень не хватает. И с каждым днем становится все больше и больше понятно, как сильно его не хватает. И это не смывается. Никакие новости, никакие скандалы, конфликты, сенсации, никакие события дня: это остается.

И никто не смог его заместить. Никто не смог сделать за него его работу. Никто не смог заполнить ту дыру, которая осталась. И, наверное, это невозможно.

Действительно, он участвовал в огромном количестве разных событий, он генерировал очень много разных идей, он произносил очень много важных и нужных слов. Никто эти слова вместо него не произносит, и никто не генерирует эти идеи, и никто не проводит эту работу.

Каждый день мы видим, что от Немцова осталась вот эта дырка. И каждый день у нас все меньше и меньше надежды на то, что люди, которые организовали это убийство, будут найдены и наказаны. Если этого не произошло в первые дни и недели, то этого не произойдет теперь очень долго. Может быть, это произойдет тогда, когда в России случатся очень радикальные изменения, сменится власть. А главное, изменится общество и его приоритеты. Этого нужно ждать долго и терпеливо. Но пока шансов на это становится все меньше и меньше...

На митинге у Дома правительства я увидел Бориса Немцова. Высокий человек, умное лицо, открытый взгляд. Я всматривался в его лицо и думал – вот Немцов, символ несостоявшейся российской демократии, который так рано взлетел к вершинам власти, пережил падение и, невзирая на полученные раны, опять борется за свои мечты о свободной и демократической России. Сильный человек, бесстрашный человек! И вдруг Борис посмотрел на меня и поздоровался, как со старым знакомым. Я вздрогнул, но поздоровался в ответ и прошёл дальше, подавляя в себе огромное желание подойти и завести с ним разговор о России, политике, перспективах свободы и о многом другом, что так хотелось обсудить. Но мне показалось дурным тоном пользоваться этим случаем, не хотелось быть назойливым, и я так и не подошёл.

Я сегодня горько сожалею, что не подошёл тогда и не договорился с ним о встрече и беседе. Иногда даже взмах крыльев бабочки меняет цепь событий. Возможно, наш несостоявшийся разговор разорвал бы эту роковую цепь, приведшую к его гибели. Отчётливо вижу всю взаимосвязь между решением Совета Федерации о вводе войск на Украину и выстрелами в Бориса. И понимаю – надо всё это останавливать, страна всё больше заходит в мрачное подземелье, надо разворачиваться. Если бы Россия была демократическим государством, если бы были защищены настоящие права человека, права собственности и другие демократические свободы, то вместо экономического кризиса в России был бы феноменальный экономический рост, вместо войны на Донбассе был бы союз с братской Украиной, вместо изоляции страны был бы активный и дружественный диалог со всем миром. И Борис Немцов был бы жив и здоров, он бы активно работал бы на благо своей Родины, прилагая все свои знания, опыт и талант для её процветания.

За все эти годы я привык к тому, что Борис Немцов всегда где-то рядом, что он отзывается на любые события, происходящие в стране и мире. Я привык читать его комментарии на «Эхе Москвы», я каждый день заходил на его страничку в фейсбуке и на-

ходил его аналитические и остроумные статьи, я привык к тому, что Борис расскажет правду о событии, обратит внимание, даст дельный совет. Из последних его рекомендаций – формула Немцова для расчёта справедливого курса рубля (3600 /цену бочки нефти Брент), совет слушать Жанну («частично ухожу в рубль»), рекомендация к консолидации демократических сил.

Он был Наставником, Другом, Братом.

Борис Немцов был также очень искренним человеком, который, порой незаслуженно, слишком доверял окружающим его людям. И ему пришлось пережить неоднократные предательства тех, кому он доверял, ему пришлось «глотать» удары интриганов из аппарата правительства. Полагаю, что это было очень болезненно и Борису довелось много переживать по поводу своей излишней искренности и доверчивости. Недаром так много седых волос у него появилось после всех этих политических дразг.

Удивительна была порядочность Бориса Немцова и его готовность принимать решения и нести за них ответственность. Когда в 1998 году случился дефолт, претензий к его работе не было, Ельцин хотел, чтобы Немцов остался работать дальше, но Борис не посчитал для себя это возможным и, как честный человек, подал в отставку. Никто не оценил этот его порядочный шаг, наоборот, над ним глумились и смеялись, считая, что эта очередная глупая выходка Немцова, припоминая ему его предложение пересадить чиновников на «Волги». А ведь прав был именно Немцов, нечего чиновникам транжирить народные деньги и кататься на Мерседесах за государственный счёт. Хотите хорошие автомобили – сделайте так, чтобы их производили в России! Но кто его слушал?

В другой раз, после грязных выборов 2007 года, когда власть применила бесчестные избирательные технологии (их выявили в только 2011 году), партия Немцова не прошла в Государственную Думу и он опять взял на себя ответственность и подал в отставку с поста её руководителя. Это был сильный и порядочный шаг ответственного политика. Опять этого никто не оценил, лишь смех и издевательства вдогонку.

Но сильный человек – это не тот, которому всегда всё удаётся, а тот, кто, пережив падение, находит в себе силы вновь подняться. Борис Немцов не опустил руки, он стал упорно и методично

бороться за демократические преобразования, он решительно поддержал выступления на Болотной площади, он смело встал на защиту честных выборов и неслегка доказывал, что Россия скатывается в бездну тоталитаризма и коррупции. И народ услышал его, к нему стали относиться по-новому, он был поддержан на выборах в Ярославле и это был первый шаг на пути его возвращения в большую политику. Борис строил планы преобразований в Ярославле, хотел построить спортивные площадки, обличал ярославских коррупционеров, многим из которых пришлось уйти в отставку под давлением Немцова. Он был против войны с Украиной и хотел сделать всё, чтобы восстановить мир в этой стране, он был против изоляционистской политики России и предупреждал о последствиях экономического кризиса в стране. Он возвращался в строй, он чувствовал свою востребованность.

Как он хотел, чтобы состоялся мирный демократический марш «ВЕСНА», где он был одним из заявителей и автором самого названия! Как много он для этого делал – выступал на радио, лично раздавал в метро листовки, писал статьи и при этом говорил, что свои проблемы граждане должны решать не на площадях, а на избирательных участках во время честных выборов.

А вместо этого оказалось, что он звал людей на свой собственный траурный марш, на похоронную церемонию прощания с самим собой...

Владимир Познер на своей передаче часто задаёт своим гостям вопрос – если бы была такая возможность, то с кем из живших или ныне живущих Вы бы хотели встретиться и поговорить? Я бы ответил мгновенно – с Борисом Немцовым. Хотя бы на день, хотя бы на час, хотя бы на минуту. Но это невозможно и я ощущаю всю недосказанность его личности. Полагаю, что он бы очень желал демократических перемен в России, он был бы готов к любому диалогу или компромиссу, лишь бы это способствовало демократизации страны.

Поэтому я хочу обратиться.

Прежде всего, к российским властям. Понимаю ваш страх перед проведением реформ, но найдите в себе смелость начать демократические преобразования в стране. Почему столько смелых,

ярких, грамотных людей, таких, каким был Борис Немцов, не участвуют в управлении страной? Почему вы не используете их таланты и знания? Разве правильно сидеть и ждать краха, нагнетать атмосферу подозрительности и нетерпимости к новым подходам и свежим идеям? Пора разворачивать страну к свету, хватит вести её во мрак, России нужна новая политическая и экономическая системы. За этот разворот Борис Немцов заплатил самую высокую цену, он заплатил своей жизнью, неужели этого недостаточно для того, чтобы решиться на преобразования? Не надо бояться перемен, их время пришло! Не опоздайте!

Хочу обратиться к деятелям оппозиции. Так много вас умных, честных, грамотных пришло сегодня попрощаться с Борисом. Почему вы не можете поступиться своими мелкими обидами, своими карьерными амбициями ради объединения в одну силу, которая может преобразовать страну? Почему вы не идёте на конструктивный диалог с властью, чего вы ждёте? Вы что не знаете, что политика – это искусство возможного? Сколько из вас ещё будет убито прежде, чем вы всё это осознаете? Борис Немцов призывал к объединению демократических сил России, он заплатил самую высокую цену, чтобы это объединение состоялось. Неужели Борис заплатил своей жизнью, чтобы вы все объединились только возле его гроба? Не надо бояться перемен, их время пришло! Не опоздайте!

И последнее. И к власти, и к оппозиции, и к гражданам России. Мы все вместе должны искать объединяющие начала и принципы, мы должны сфокусироваться именно на них, мы должны искать те точки пересечения наших взглядов, которые консолидируют российское общество, а не раздирают его на части. Мы должны все вместе найти те решения, те компромиссы, которые позволят начать строить новое государство, основанное на принципах открытости, справедливости и добра.

И тогда наступит долгожданная ВЕЧНА.

ВЕЧНА имени Бориса Немцова.

<https://openrussia.org/post/view/3153>

Я специально научился виндсерфингу, чтобы вместе с ним, как и договаривались, весной 2015 прокатиться по волнам — он ведь был невероятно спортивным, не напоказ, не бадминтон, а по жизни. Не успели, не доехали.

С его убийством из оппозиции как будто вынули стержень: теперь она разбивается брызгами о камни. Очень важными, очень громкими и блестящими — но брызгами. Борис умел объединять их в один поток.

Ему просто верили. Знали, что не ищет себе места поважнее и потеплее. Он шутил говорил: «Дима, я в детстве был губернатором, в правительстве посидел, мне хватит». Говорил — и продолжал работать. Не для себя — он свое имя вписал в историю России (точка убийством не поставлена, зря убийцы надеялись) и не стремился стать главнее всех.

Нужно работать депутатом в Ярославле — значит, так. Расскажите, кто еще смог не только пробиться сквозь «путинское большинство», но и достучаться до него?

И он не боялся. Говорил со всеми, от друзей до журналистов, зная, что подслушивают каждое его слово, ходил без охраны. Это и есть тот самый образец политика, к которому мы должны идти: смелый, открытый, честный, не прячущийся за кремлевской стеной и чиновничьим пиджаком.

Удивляться ли, что убийцы не найдены? «Вы и убили-с». Отторгли чужеродное тело, которое мешало жить и красть. А уж были это конкретные чеченцы или не менее конкретные федеральные наемники, мы рано или поздно узнаем. Тогда будет и Немцов мост, и новая Россия, ради которой он и работал всю жизнь.

*Каждый должен сам для себя решить,
готов он к рискам или нет.
Могу сказать лишь про себя.*

*Я счастлив, что могу говорить правду,
быть самим собой и не пресмыкаться
перед жалкими, вороватыми властями.
Свобода стоит дорого...*

26 декабря 2014 года

Я сейчас, наверное, буду перечислять очень много красочных и позитивных эпитетов, но изначально мое самое интересное впечатление о нем было как о человеке со шлейфом 90-х. Когда я 5–6 лет назад вступал в «Солидарность» — в единственную организацию, которая представляла, по сути, наши классовые интересы, — у меня было определенное недоверие к личности Немцова, вообще к людям, связанным с политикой 90-х.

Но вся уникальность личности Бориса Ефимовича в том, что как только ты начинаешь с ним общаться, — он моментально рвет дистанцию, моментально захватывает тебя необыкновенным чувством юмора, может расположить к себе. Есть множество историй о том, как он полностью поменял, например, мое представление о политике и о политиках.

2011 год был, наверное, наиболее полным различными политическими событиями. И тогда был форум «Последняя осень», предварявший выборы в Государственную думу. Тогда прошли знаменитые дебаты Немцова, Каспарова и Навального. Форум проходил три дня, секция известных, медийных личностей проходила в субботу. Но все активисты собирались в пятницу. И единственный из всех медийных персонажей, у кого была намечена секция в субботу, Борис Немцов приехал за день, в пятницу. Мы, как члены «Солидарности», с ним встречались и спросили: «Борис Ефимович, а почему вы сегодня приехали, ваше выступление же завтра? Вам хочется в советском пансионате проводить лишние сутки? Не проще ли было приехать завтра?». Он сказал: «Ребята, да мне не хочется рано вставать. Поэтому я приехал и проведу время с вами». И он стал рассказывать юморные байки, истории из своей деятельности, из прошлого.

Я это говорю к тому, что человек, побывавший в должностях вице-премьера, министра газа и энергетики, руководителя фракции в парламенте, то есть прошедший достаточно большую карьеру серьезного «мастодонта» политики 90-х, — при этом он участвует в слёте активистов наравне со всеми. Это было одно из моих первых впечатлений о Немцове, я тогда посмотрел на него други-

ми глазами. А дальше он лишь подтверждал мое новое мнение о нем...

Убили человека, убили большого политика, и оказалось, что у него никаких «свечных заводиков» и нет. То есть он не воровал. А сейчас они спекулируют на его личной жизни. Но даже и эти спекуляции не удаются. Я вспоминаю репортаж с его 50-летия, где три бывшие жены были вместе за одним столом. Найдите еще такого человека, который объединяет не только политиков, но и в личной жизни никого от себя не отталкивает. Немцов, как пример чистоплотности, открытости и человечности, безусловно, заслуживает мемориальной доски. Даже политические противники обязаны с этим согласиться, потому что это — действительность.

«Радио Свобода», 7 апреля 2015

Я — СООТЕЧЕСТВЕННИЦА ГЕРОЯ

В древних культурах герой — это получеловек-полубожество (один из родителей всегда бог, а другой — смертный. Например, супергерой античности Геракл был сыном Зевса и красавицы Алкмены). Поэтому героев не судят по обычным человеческим меркам (как существ иного рода) — Гомер не осуждает своих героев за безрассудство и жестокость. Но главное для героя — правильно войти в историю. Идеально — погибнуть в бою (Ахилл выбирает героическую смерть, точно зная, что в Троянской войне он погибнет). А вспомните, с каким презрением он разговаривает с Агамемноном! Герой презирает власть!

«Блажен, что чашу жизни рано оставил, не допив до дна» — так, в бою, в расцвете таланта, погиб Пушкин. И это самая блистательная страница нашей истории.

Все это время я думаю о том, какое это безумие — не бояться Путина, открыто обвинять его в преступлениях и... беспечно гулять в окрестностях Мордора. Какой это вызов, какое прекрасное, высокое безумие!

Как политик, Немцов мне не был особенно близок, но как герой, как сын Отечества, он вызывает восхищение. А как человек, который отдал себя на заклятие (он знал что его могут убить в любой момент и сознательно шел на этот риск), как человек, который искупает в глазах цивилизованного мира нашу трусость, наше малодушие, нашу слабость... нашу терпимость ко злу, насилию и лжи... он будет вечно живым упреком для нас. Бесконечной мукой для нашей совести. Особенно для тех, кто сбежал.

Обо всем этом я думаю, глядя на бесконечное море, по которому аргонавты приплыли сюда, в Колхиду, за золотым руном. Хочу в Россию, к вам. Мне горько, что я не смогу пройти с вами от Китай-города до «моста Бориса Немцова» (наконец-то этот неопределенный мост обрел достойное название! И опять же мост, соединяющий два несоединимых пространства — тот мир и этот), с которого он шагнул в вечность и обрел славу, дав оплеуху мерзкой шайке орков, гнусных, злобных, трусливых уродцев.

Теперь мне гораздо легче признаваться, что я русская.
Я — соотечественница героя.

P.S. Да, согласно античной традиции, герой — обладатель исключительных физических данных. Есть один потрясающий снимок, где на Борисе Немцове висят несколько омонцовцев. Пусть он останется таким, а не тем беспомощным распластным телом, которое с таким злорадством тиражировали кремлевские СМИ.

Могучий, прекрасный герой.

Немцов любил свою страну, свой народ. Мы с ним познакомились в 1994 году, на инаугурации президента Чувашии Николая Федорова в Чебоксарах. Я поздоровался: «Здравствуйте, Борис Ефимович». Он говорит: «Какой я тебе Борис Ефимович?! Борзя».

И он мне рассказывал, что он делает, как это тяжело, как он «немцовки» ввел, чтобы люди хоть какие-то деньги получали. Уже тогда чувствовалось, как совсем еще молодой человек живет интересами своих людей, и в условиях всеобщей нищеты и высочайшей инфляции хоть как-то пытается скрасить жизнь замечательного региона — Нижегородской области...

Я думаю, он всю страну любил. И страна откликнулась. Страна и вчера пришла, и в ночь убийства. И мост, заваленный цветами, — это лишний раз подтверждает масштабность этой фигуры.

Пресс-секретарь Песков говорит, что это среднестатистический гражданин. А Борис гордился тем, что он обычный человек. Он никогда особо не выпячивал свою какую-то самость. Хотя, как любому политику, ему нравилось, когда он в центре внимания. Это лишний раз подтверждает роль Немцова, в том числе в международной политике. У него были огромнейшие связи еще с губернаторских времен, и потом они утвердились и во времена его вице-премьерства, и когда он возглавлял «Союз правых сил».

Это был неординарный человек, знаковая фигура. И то, что произошло в ночь на 28 февраля, безусловно, носит ритуальный характер. Вот это, мне кажется, самая отличительная особенность от того, что мы наблюдали и относительно Гали Старовойтовой, и Сережи Юшенкова, и Ани Политковской, которых убивали у подъездов своих домов. А здесь был показательный расстрел...

«Радио Свобода», 2 марта 2015 года

— Борис Ефимович, а искренность вам не мешает в жизни? Это ведь штука очень опасная для политика...

— Знаете, какое было первое открытие в Москве? Что когда говоришь открыто и искренне, все думают, что инфантильный и наивный. И мне в Кремле многие, даже дочь президента, говорили: «Ну, нельзя же быть таким наивным!». Я её спросил: «А почему вы думаете, что открытость и наивность — это одно и то же?». Она ответила: «Поживёшь в Москве, узнаешь».

(из передачи «Политическая кухня», 1999 год)

Я никогда не симпатизировал Немцову-политику. Но однажды мне довелось пообщаться с ним. Это было во Владивостоке, в 2006 году. По Приморскому краю прошелся снежный ураган. Город был в больших сугробах, кое-где было отключено электричество. У меня на квартире также не было света, поэтому я отправился на работу рано утром, не позавтракав. Зашел в кафе. Сажу, жду заказ. Слышу кто-то громко говорит на политические темы. Обернулся, смотрю — это Борис Немцов с друзьями. Я поздоровался. Он тоже. Тут подошел администратор кафе (мой знакомый), представил нас. Борис пригласил меня за свой столик.

Мы завтракали, пили вкусный кофе, разговаривали о жизни. Он интересовался бытом простых людей Забайкалья. Спрашивал о буддизме. Когда говорил о политике, он много шутил :). Так незаметно пролетела пара часов. Затем вместе фотографировались.

Эта встреча для меня была открытием. Передо мной был совсем не тот Немцов, какого обычно показывали в телевизоре. А реальный, настоящий. Человечный, душевный, добрый человек.

В феврале 2015-го я встретился с Борис Ефимовичем. Он очень был занят, все время так напряженно и сосредоточенно разговаривал по телефону. Его фирменное приветствие – «О! Добрый день!» – мощным львиным голосом. Приобнял, спросил, на чем в Москву приехал и где остановился. Мы договорились, что общаемся после марша, когда он будет посвободнее... Сейчас больно об этом вспоминать.

А однажды (это было, кажется, в 2013 году) мы встретились в метро «Маяковская». Я спускался по эскалатору, а он поднимался. Я увидел Ефимовича, обрадовался и крикнул ему. Он увидел, показал, чтобы я поднялся. Это заняло какое-то время. Он ждал меня. Сразу стали подходить люди. Его начали узнавать, останавливаться, что-то спрашивать. Помню, он весело с ними шутил. Одна бабулька подошла, сказала ему: «Ты мой шибко любимый парнишка!» Борис Ефимович рассмеялся...

Я никогда не забуду его улыбку. Позитив и тепло исходило от его сердца. Таких политиков сейчас нет.

Самый очаровательный наезд на государственных чиновников я слышал из уст Бориса Немцова в тот день, когда конференция партии «Союз правых сил» выдвигала его кандидатом в президенты на последних президентских выборах. Участники партийной конференции собрались в Измайлово в гостинице, в маленьком специально арендованном зале. А я пошел туда в качестве писавшего про выборы журналиста.

Я сидел в первом ряду, а прямо передо мною на сцене громоздился президиум, в котором сидели тогдашний лидер СПС Никита Белых, Гозман и Надеждин, и я не помню, сидели какой-нибудь Чубайс. Белых выступил с приветственной речью и формально предложил конференции выдвинуть Немцова Бориса Ефимовича кандидатом от партии на президентских выборах. Настала очередь говорить Немцову.

Боря поднялся на трибуну, поблагодарил товарищей за высокую честь, выразился в том смысле, что партия СПС оппозиционная и, стало быть, на выборах будет выступать против власти... А потом Борю понесло:

– Мы против этой власти, – загремел Немцов, вздымая перст, как американский проповедник. – Да! Мы против этой власти, но не потому даже, что они плохо управляют страной! А потому что они грешники!

Я аж подпрыгнул. И вместе со мной подпрыгнули в своих креслах, кажется, и все прочие участники мероприятия. А Немцов продолжал, помавая в воздухе указательным перстом:

– Они грешники! Они нарушают заповеди! Ибо сказано «не убий», а вы посмотрите, что учинила эта власть на Кавказе, и что натворила в Беслане! Они грешники, ибо сказано «не укради», а вы посмотрите, что творит эта власть с Газпромом и с компанией Ганвор! Они грешники, ибо сказано...

В президиуме Никита Белых пробормотал:

– Если он дойдет до заповеди «не прелюбодействуй», нам п....ц!

Валерий Панюшкин, 14 февраля 2010 года

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ БИОГРАФИИ НЕМЦОВА

Взятка

Ельцин однажды взял и назначил первым вице-премьером Бориса Немцова — в пику Черномырдину, человеку отнюдь не бескорыстному. Немцов с самого начала карьеры сделал ставку на кристальную честность. Его позиция лишала многих благ в жизни, но в то же время полностью защищала его от обвинения в превышении полномочий и получении взяток.

В России уже тогда закладывалась система расценок платежей чиновникам под столом за услуги и нужные решения. К примеру, чтобы получить лицензию на вывоз миллиона тонн нефти, требовалось заплатить миллион долларов. Это знали все. Система сбора денег и их последующего распределения определилась очень скоро, и те, кто контролировал эту систему, вошли в самое близкое окружение Кремля. Но вот появился Немцов, привёл нового министра топливно-энергетического хозяйства России — Кириенко, и все на короткое время закончилось! Никто уже миллионов не брал! Куда теперь было идти за лицензией?

Немцов разорвал сложившуюся годами технологию. Думаю, ему самому пришлось возвратить множество пакетов с деньгами. Один, с пятью тысячами долларов, он, кстати, вернул и мне. А ведь тогда мы были близкими друзьями...

В общем, в Нижнем Новгороде в 1993 году объявили тендер, чтобы найти компанию, которая внедрит в городе мобильную связь. Я тогда ещё работал с Аделем Нассифом, и он сразу загорелся этой идеей: надо было получить выгодный контракт!

Лететь в Россию я не мог, и в Нижний Новгород полетел Адель.

— Наверное, надо дать взятку Немцову? — спросил он меня перед отъездом.

— Ну что ж, — ответил я, — давай попробуем!

Положили 5 тыс. долларов в конверт, и Адель улетел. Будучи очень осторожным человеком и большим трусом, Адель сам, конечно, испугался давать губернатору Немцову взятку. Для этой «операции» мы специально пригласили моего старого институт-

ского друга, впоследствии популярного телеведущего программы «Русское лото» на ТВ, Мишу Борисова. Он окончил Щукинское театральное училище и мог сыграть хоть в жизни, хоть на сцене без фальши любую роль.

— Взятку Немцову дать? Запросто! Я, правда, этого никогда не делал, но абсолютно не боюсь. Надо рассмотреть обстоятельства действия, наметить сценарий поведения и подумать, как это сделать, — сказал Миша.

Немцов принял их очень хорошо. Адель долго расхваливал французскую фирму, которую мы хотели нанять как посредника для внедрения мобильной связи. А сам от страха потел и нервно перебирал пальцами конверт: всё ждал момента, когда нужно будет давать взятку...

Наконец Адель сказал, что ему нужно на минуту обязательно отлучиться, и выбежал из кабинета, дав Мише знак, что пора действовать, и подтолкнул к нему конверт. Он бросился в туалет, где надолго засел, ожидая всего, чего угодно, — вплоть до ареста.

Миша остался в кабинете наедине с Борисом Немцовым в Новогородском кремле и говорит:

— Борис, вот конверт, который просил передать Артём Тарасов...

Немцов посмотрел на пакет и вдруг спрашивает:

— Это что, взятка?

— Да! — искренне ответил Миша и пододвинул пакет к Немцову.

— Знаешь, — говорит Немцов, двигая пакет обратно, — я очень хорошо отношусь к Артёму, и мне очень нужны деньги. Я бы их взял! Но, понимаешь, я поставил себе цель — сделать политическую карьеру. И поэтому обязан оставаться абсолютно чистым. Поэтому возьми пакет обратно и передай Артёму, что если вы честно победите в тендере, тогда получите контракт, а по-другому никак не выйдет. Пусть Артём на меня не обижается, ладно?»

Принцесса

Однажды Немцов отправился вместе с Ельциным с визитом в Швецию и король Карл Густав пригласил их на обед. За огромным столом сидели сам король, его жена и дочь — наследная принцесса Швеции Виктория. Рядом, по правую сторону, — Ельцин, Немцов, российский посол и остальные члены официальной де-

легации. Надо сказать, что шведская принцесса считается одной из самых красивых женщин Европы. Немцов стал на неё смотреть. Когда их глаза встречались, принцесса смущенно отводила взгляд в сторону. Что заметил Ельцин.

Он тогда уже боялся выпивать и очень сильно себя ограничивал. Но тут чуть-чуть выпил, и этого оказалось достаточно, чтобы не в меру развеселиться и потерять над собой контроль.

Неожиданно Ельцин закричал:

- Ну что, Боря, баба тебе нравится?
- Конечно, Борис Николаевич!
- Ну-ка, Боря, тогда иди и поцелуй её!

В этом месте рассказа Немцов поклялся, что если бы у него был в тот момент пистолет, он бы немедленно застрелился...

Но пистолета у Бори не было, и он тихо сказал Ельцину:

– Борис Николаевич, это же принцесса, международный скандал может быть. Вы посмотрите — тут же послы из десятков стран сидят!

На что Ельцин абсолютно спокойным, громким и настойчивым голосом повторил:

- Иди и целуй! Это тебе президент России приказывает!

Немцов — ни в какую. Весь пошёл красными пятнами от перевозбуждения и стыда.

– Не поцелуешь — тут же уволю с поста вице-премьера! — продолжил Ельцин.

Немцова спас король. Рядом с ним, чуть сзади от стола, сидел его переводчик. Когда король услышал перевод всего этого безобразия, он ничуть не смутился и, будучи дипломатом, сам решил разрядить обстановку. Он заулыбался и сказал на английском языке, обратившись прямо к Немцову:

– Уважаемый господин Немцов! Если уж вам настолько нравится наша дочь, мы, как её отец, в нашем присутствии разрешаем её поцеловать!

Тогда Немцов встал, на негнувшихся ногах подошёл к принцессе, весь покрытый испариной, и поцеловал её в щёку!

23 сентября 2015

Одна из смешных историй, которую я слышал от Немцова: как во времена его губернаторства в Нижегородской области была запущена программа восстановления храмов.

– Деньги выделяются, идут, а ничего не строится.

Приглашаю я владыку, спрашиваю: «В чем дело?». А он мне:

«Ну, Борис Ефимович, настоятелю, матушке, подрядчику, но всё по-божески, не больше 40% расходуется».

– А вы что? — спрашиваю.

– А я ему говорю: «Владыка, давайте так, либо вы по-божески в 15% укладываетесь, либо закрываем программу».

И, знаешь, смотрю, пошло строительство. Укладываются!

Илья Барабанов

Как-то решили его развлечь. У меня все играют в бильярд, а он, как ни странно, к нему был совершенно равнодушен. Стали играть в «Энциклопедию». И тогда я понял, что человеку везёт и в любви, и в картах, и в азартных играх. «Энциклопедия» — это сложная игра: называешь слово — и надо сказать, что это за слово. А Борис играл первый раз. Он сказал страницу, слово сверху. Первое слово ему попало «провинциал». А он мне только что книжку подарил «Записки провинциала». Потом все с ужасом ждали второго круга, когда он будет второй раз загадывать. А энциклопедия старая была. Он сказал — я смотрю «Нижний Новгород», даже не «Горький». Чтобы уж совсем дать понять всем остальным, что с этим человеком спорить и играть бесполезно...

Владимир Кара-Мурза-старший

В октябре 1997 года на одном из совещаний в правительстве спецкор «Интерфакса» Вячеслав Терехов спросил у первого вице-премьера Бориса Немцова, не опасается ли тот значительного роста инфляции в преддверии деноминации рубля. Б. Немцов попросил уточнить. Узнав, что Терехов имеет в виду инфляцию больше 1,5%, первый вице-премьер предложил пари на свою зарплату (6 миллионов рублей до деноминации. — Прим. сост.), что в декабре инфляция в стране будет меньше 1,5%. Терехов пари проиграл: по данным Госкомитета РФ по статистике, инфляция составила около 1%.

Накануне Рождества Христова первый вице-премьер вспомнил о споре и пригласил к себе спецкора «Интерфакса». Отказавшись взять у В. Терехова выигранную сумму, Б. Немцов предложил корреспонденту перечислить деньги в 1-ю детскую городскую больницу Нижнего Новгорода на рождественские подарки маленьким пациентам.

Как оказалось, это связано с одним из самых сильных впечатлений его детства. Когда-то Б. Немцов попал под Новый год в эту больницу с воспалением суставной сумки. Как вспоминает первый вице-премьер, его поразило то, что профессор Дикова, ныне покойная, каким-то невероятным образом в то голодное время доставала подарки и на Новый год раздавала их детям. «Мне тогда это в душу так запало, что я решил, когда вырасту, буду делать то же самое», — сказал Б. Немцов. И он делает подарки пациентам 1-й городской детской больницы Нижнего Новгорода каждое Рождество.

7 января 1998 года

ИСТОРИИ ИЗ МОРДОВИИ

Чудесное июньское утро на Волге. Величественный Кремль. В древних липах парка орут воробьи. Пахнет свежей листвой, прибитой дождем пылью. От кафешек тянет кофеем. На улицах по-воскресному малолюдно. В здании губернской администрации сонный милиционер, глянув красным глазом в паспорт, кивнул мне на дверь: «Ждет...».

Вхожу в кабинет руководителя третьего по значимости региона страны... (В 90-е Нижний Новгород претендовал на статус экономической столицы России!)

В обширном кресле, за обширным столом меня встречает красивый статный парень, в очень модных по тем временам вареных джинсах, с копной непослушных волос на голове и наидружественнейшей улыбкой в пол-лица.

— И где же среди этих ваших трупов, убийц и воров я найду себе место? — удивился Немцов, листая привезенные экземпляры нашей газеты.

— А мы, Борис Ефимович, выходим каждую неделю заново, — вывернулся я.

Губернатор, сочтя этот фортель удачной шуткой, запрокинул голову и громко захохотал, сотрясая древние своды...

Наша встреча состоялась в преддверии губернаторских выборов, в которых Немцов собирался участвовать (и успешно в дальнейшем победил). В связи с этим первым делом спросил его о готовности претендовать на пост президента (голосование состоялось в 1996-м).

— Президента Мордовии? — пошутил собеседник.

На тот момент нашим регионом официально руководил спикер Госсобрания.

— Нет, ха-ха-ха, — России, — уточняю я.

— Нет, — посерьезнел Немцов. — Не собираюсь. У меня и здесь много дел...

Далее последовали полтора часа обстоятельного разговора на социально-экономические темы. Нижегородчина в те годы демонстрировала настоящий экономический прорыв: возрождался ГАЗ, разворачивалась знаменитая Нижегородская ярмарка...

Прерывая поток о миллионах долларовых инвестиций, приватизационных победах и людской защищенности, спрашиваю Бориса Ефимовича о проблемах.

— Конечно, существует масса проблем. Но если бы их не было, то я бы наверняка здесь не работал — скучно...

Во время разговора выяснилось, что Немцов все-таки готовится к выходу на общедоверительную политическую сцену. Первым шагом к тому должна была стать его встреча с Владимиром Жириновским в тогда очень популярной телепрограмме «взглядовца» Александра Любимова «Один на один». Наше интервью было опубликовано за два дня до эфира, ставшего, как потом стало ясно, историческим.

— Вы знаете, как расшифровывается ЛДПР? — задался вопросом Немцов. — «Ложь. Демагогия. Провокация. Рисовка». Вот это все — про Жириновского!.. Хотя говорит совершенно замечательно...

... В 1997 году политическая карьера Бориса Немцова достигает своего пика. 17 марта 1997 года указом Президента РФ Бориса Ельцина его назначают первым заместителем премьер-министра РФ Виктора Черномырдина. С 24 апреля по 20 ноября 1997 года он совмещал этот пост с ключевой в стране должностью министра топлива и энергетики. И навсегда вошел в российскую историю в составе ельцинской команды «младореформаторов».

Сейчас уже многими подзабылось, что именно Немцов стал первым политиком, который решил пересадить российских чиновников с иномарок на отечественные машины VIP-класса. Разумеется, «Волги». По этому поводу на ГАЗе даже разработали новую линейку «членовозов». Кампания была шумной, но недолгой.

Свой первый визит в регионы в новом качестве Борис Немцов совершил 2 июля 1997 года именно в Мордовию. Как считается — по прямому указанию Бориса Ельцина и Виктора Черномырдина. И до него, и уж конечно после, республика принимала многих знаменитых руководителей самых разных уровней и качеств. Но этот приезд получился особенно ярким...

Встречали первого вице-премьера РФ в Рузаевке. По неведомой причине вагон, шедший первым за локомотивом, подали в самое

начало перрона, в ту его часть, где вокзальные постройки практически примыкают к путям. Так что наш глава и многочисленные сопровождающие были вплотную затерты в узкую щель меж поездом и стеной.

— Коленька, ну как ты?! — зычно крикнул Немцов, появившись в проеме тамбура. И, подпрыгнув с верхней ступеньки, фактически обрушился с объятьями на Николая Ивановича.

— Идите сюда, — звал своих спутников гость, окруженный гурьбой встречающих. — Поешьте с дороги хлеба... Тут отличные девушки. Не зря ехали!

Впрыгнув в причитающуюся ему новенькую «Газель» (они только-только тогда стали появляться и считались престижной диковинкой), Немцов ссадил оттуда чиновников и загрузил автобусик нижегородскими журналистками, по случаю оказавшимися рядом: «Дайте мне с родными земляками пообщаться...».

Одним из пунктов программы стало посещение водочного производства Мордовии (тогда наиболее развитого в регионе). «С утра не пью! — категорически отказался гость от дегустации. — Но вашу «Особую» я недавно пробовал в Думе. В три часа ночи. Когда Николай Иванович добился для Мордовии всего, чего хотел, а Дума опустела, мы с ним пили эту водку. Супер! С утра встал — ничего! Ни голова, ни ноги не болят...».

Во время официальных церемоний в центре Саранска Немцова встретила большая делегация торговцев-челноков со светотехстроевского рынка. Предприниматели, массово протестовавшие против введения для них обязательных кассовых аппаратов, требовали личного общения с демократом и звали к себе в гости. Немцов обещал прибыть вечером. И отправился в Белый дом — участвовать в совещании ассоциации регионов Поволжья «Большая Волга», для чего и приехал в Мордовию.

Во время официального приема там тоже случилась интересная сценка. Группа с Немцовым и Меркушкиным пересеклась на 8-м этаже с премьер-министром РМ Владимиром Волковым, сопровождавшим двух бизнесменов из Англии и Чехии. Гостей представили друг другу. И Борис Ефимович тут же затараторил по-английски, налаживая контакты с инвесторами. Европейцы, видимо уставшие от трудностей мордовского перевода, заметно

воспряли духом. Итак, картина маслом: Дом республики, холл перед залом официальных приемов, трое на английском о чем-то увлеченно воркуют, и вокруг, ничего не понимая из их разговора, застыла обширная группа официальных лиц.

Итогом этой мизансцены стало подписание договора, положившего начало нашего многолетнего сотрудничества с чехами и их партнерами в пивоваренной отрасли.

В тот день Борис Немцов сдержал свое слово. И приехал-таки на Светотехстрой к торговцам. Когда он вышел из микроавтобуса вместе с Николаем Меркушкиным, собравшаяся толпа его не узнала. «Киркоров, Киркоров...» — пронеслось по рядам. Немногим более года тому назад обретший свое счастье в законном браке с Примадонной Филипп Бедрович был тогда у всех на языке.

Но разговор народа с Немцовым получился далеко не музыкальный. Забравшись в самую людскую гущу, Немцов и Меркушкин более часа объясняли политику государства. Но, когда челнокам стало ясно, что платить через кассу все равно придется, напряжение возросло настолько, что обрушился хлипкий шиферный навес одной из рыночных построек. К счастью, никто не пострадал.

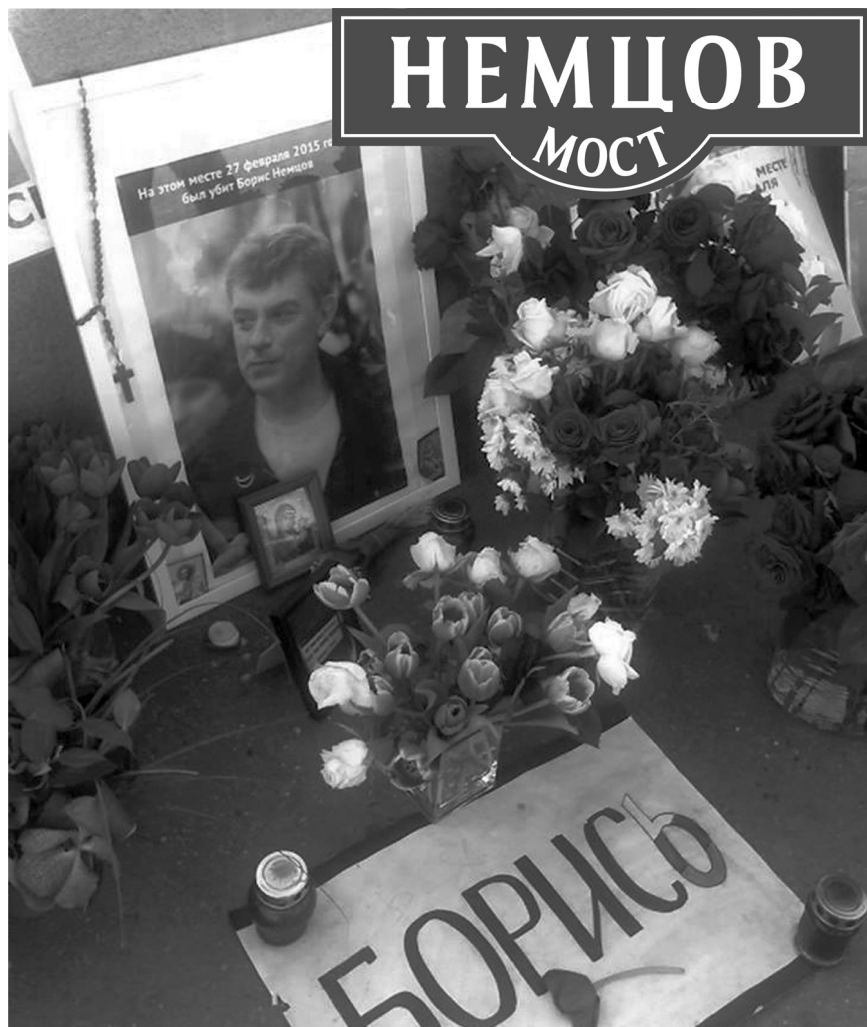
Руководителей из толпы выводила охрана, взяв чиновников в плотное кольцо. Больше такой близости с народом ни у одного из гостей нашей республики не наблюдалось никогда!..

Он прожил бурную, яркую и, наверное, толковую жизнь. И спустя 20 лет, вновь найдя место в «Столице С», даже в смерти своей остался себе верен: закончил путь неожиданно и красиво. Зимний вечер, историческая набережная Москвы-реки, панорама на Кремль, залитый огнями, юная спутница, планы на продолжение романтического ужина, сулящие много радостей. И — все...

«Столица С», Саранск, март 2015

“ Если бы пикет стоял и дённо, и ночью,
и в дождь, и в снег, и в ветер —
это было бы очень серьёзно... ”

(Борис Немцов, 5 июня 2009,
пикет в поддержку Ходорковского у Хамовнического суда)

*Когда в шесть часов бьют куранты Кремля,
Играя в имперскую силу,
Всхожу я на мост, как на борт корабля,
Беру под охрану Россию.*

*Россию – не место на карте и не
Химеру с двумя головами,
Готовую выплеснуть «праведный гнев»
В любого из «тех, кто не с нами».*

*Не действия срамного «вставанья с колен»
Праобраз ее бесноватый,
С печатью «крымнаш» на кирпичном челе,
Скрывающем мозг его ватный.*

*Беру под охрану Россию добра
И состраданья людского,
Россию свободы – одну из наград,
Достойных Бориса Немцова!*

АНДРЕЙ МАРГУЛЕВ

МАЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧНЫЙ БУНТ

Новое имя у Большого Москворецкого моста появилось на следующий день после трагедии, которая там случилась. Мост Бориса Немцова, Немцов мост — так его теперь называют.

28 февраля тысячи людей пришли почтить память Бориса, приносили цветы и зажигали свечи.

1 марта там закончилось траурное шествие, в котором приняли десятки тысяч человек. Эти люди тоже принесли цветы. Огромными охапками, они лежали на парапете, от самого основания и чуть ли не до середины моста. На месте, где умер Борис, возвышалась огромная, в человеческий рост, гора цветов... Фотографии, записки на разных языках, свечи, ленточки, флажки... Душераздирающее зрелище.

3 марта Москва проводила Бориса в последний путь...

7 марта. 9 дней. Много людей. Снова цветы...

На следующий день возникла идея поддерживать там порядок — убирать увядшие цветы, собирать мусор, зажигать лампадки. Тогда пришли человек семь. Это было на 11-й день после гибели Бориса. Начало было положено...

Вечер, 28 февраля 2015. Записка: «Как жаль, что Вы отдали свою жизнь за нас. Мы этого не заслужили. Не простим! Не забудем!»

21 марта на очередной субботник пришли человек 200, мероприятие широко освещала пресса («Новая газета», «Дождь», «Радио Свобода» и др.).

25 марта на Немцов мост совершили налёт вандалы из псевдопатриотической группировки. Сбросили цветы с парапета, разбили фотографии, разбили табличку «Немцов мост», навязали полосатых ленточек везде, где только можно, на портреты Бориса наклеили какую-то чудовищную похабщину... Это был первый шок — стало понятно, что люди, ненавидевшие и преследовавшие Бориса при жизни, продолжают его ненавидеть. И будут глумиться над ним и после его смерти...

Пришедшие туда волонтеры привели всё в порядок.

27 марта исполнился месяц без Бориса. В течение дня на Мост шли люди, они принесли свежие цветы. В 23.31 была объявлена минута молчания...

В ночь на 28 марта некие люди в чёрном полностью уничтожили Мемориал. Всё было выброшено на свалку — свежие цветы, записки, иконы, свечи, фотографии, российские флаги... Равнодушным чиновникам и коммунальщикам не писаны ни божеские, ни человеческие законы — они не знают о том, что 40 дней нужно

провести в покое и трауре. Они ничего не знают о человеческой скорби. Они просто выполняют приказы. Послушно, цинично...

Никому в голову не могло прийти, что такое возможно. Это потрясло всех. История наделала много шума. Первые цветы появились на месте убийства Бориса уже поздней ночью. 28 марта люди весь день шли на Мост и к вечеру всё было восстановлено.

В ночь на 29 марта, повинувшись сердечному порыву, на охрану Мемориала вышли первые волонтеры. На Немцовом мосту начались круглосуточные дежурства, которые продолжаются до сих пор. Совсем разные люди, разного возраста и достатка — мужчины, женщины, пенсионеры и совсем подростки, библиотекари, водители, программисты, предприниматели... Гуманитарии и технари. Поэты и юристы. Циничное глумление над памятью Бориса потрясло очень многих. С этим невозможно было смириться. С этим невозможно было сидеть дома...

После 40 дней (7 апреля) было решено прекратить дежурства. И Мемориал немедленно был уничтожен... Почётный караул вернулся и с тех пор больше не уходил.

Несмотря на общественный резонанс, московские власти отказали в установке памятной таблички на месте убийства, моти-

вирав это абсурдными аргументами (среди которых шизофреническая версия, что Борис сам заказал собственное убийство, чтобы таким образом прославиться и взорвать общество)...

За эти месяцы было множество провокаций и актов вандализма. Псевдопатриоты в полосатых ленточках устраивали драки. На дежурных нападали нетрезвые агрессивные личности. Коммунальщики снова и снова уничтожали Мемориал — люди упрямо его возрождали. В апреле были дни, когда дворники не давали положить цветы на асфальт — немедленно их выкидывали. И люди стояли на Мосту, держа цветы в руках. После прямой линии с президентом (где тот сказал, что не надо воевать с цветами), коммунальщики умерили свой верноподданнический пыл. Но провокации и попытки уничтожить Мемориал не прекратились до сих пор. Круглосуточные дежурства — тоже. Всю весну несчастный мост мыли, чистили и красили по несколько раз в день — люди дежурили группами и переносили цветы туда-сюда. Спасая цветы и портреты, подставлялись под пескоструйные аппараты, под ледяные струи из шлангов... Летом в какой-то момент коммунальщики объявили настоящую войну... российским флагам! Андрей Маргулёв (удивительный человек, который 6 раз в неделю пунктуально и неизменно приезжает на дежурство к шести утра!) однажды был задержан и оштрафован. «Сидел на стуле, размахивая флагом и громко читал стихи, создавая помехи для прохожих» — примерно так было написано в протоколе... Неведомые граждане время от времени упрямо приносят большие триколоры...

Каждый день, каждую ночь на Мосту стоят те, кто не может поступить иначе. Ранним утром и поздним вечером. На морозе, на ледяном ветру, на июльской жаре, под снегом и дождём. Как жаль, что невозможно здесь перечислить имена всех!

Почтить память Бориса приезжают люди со всех концов света. Здесь даже седые мужчины не скрывают слёзы. Здесь пишут стихи. Здесь — пост № 1 у той России, которую любил Борис. За которую он отдал свою жизнь...

ГОД НА МОСТУ

Отрывки из дневника

11 марта 2015, первый субботник

Спасибо всем, кто пришел! Это было очень важно и очень нужно! Наше маленькое мероприятие прошло удачно. Собрались несколько человек, разобрали невероятную кучу цветов. Конечно, все за один раз сделать нереально — вся Москва, наверное, принесла туда букеты. Решили пока оставить громадную кучу — пусть пройдет 40 дней. Все равно ее за день и даже за два не разберешь... А все остальное начали приводить в божеский вид.

Сотни свечей. Записки, ленточки, стихи. Душераздирающие, трогательные. С портретов — его взгляд. Красивые, умные глаза сильного человека, который посмел быть честным в самые лживые и мерзкие времена... Которого убили за его силу и за его честность. Очень горько. Очень больно. Больше всего на свете мне сейчас хочется, чтобы его убийцы, все виновные в его смерти ответили за это. По полной программе...

Постоянно подходят люди, переговариваются между собой. Фотографируют непрерывно. Кто-то ходит вдоль и читает оставленные там плакаты. Когда я работала, один пацан пробежал мимо меня и быстро выпалил: «Крым наш!». Я даже не успела отреагировать. При чем тут Крым, так и осталось неизвестным...

По ходу работы появилось несколько идей. Например, хотелось бы все-таки поставить там вазы с водой. Чтобы самые красивые цветы постояли подольше. Видели бы вы, какие фантастические букеты туда принесли... Некоторые цветы, которые мы вытаскивали из глубины, оказывались совершенно свежими. Будто принесенными вчера...

Начало хорошему делу положено. Надеюсь, туда не зарастет народная тропа. И будут новые фотографии, новые свежие цветы. Пусть память о нем будет долгой. Он отдал жизнь за ту Россию, которую любил. За ту правду, которую всегда бесстрашно отстаивал.

Спасибо, Борис Ефимович. Спасибо за все.

19 марта 2015, второй субботник

Пока зажигали свечи в лампадах, цветы кое-какие убрали, я слышала краем уха, как один парень объяснял своей девушке. Подвел ее к большому портрету с улыбающимся Борисом и говорит: «Посмотри! Вот почему они горюют. Посмотри на его лицо. Это живой нормальный человек! А там кто? Там одни маски!».

Хорошо сказал. Он живой был. В нем была душа, сила. А теперь в сердце — огромная дырка. И что с этой хреню делать, совершенно непонятно. Реву не реву, что изменишь?

Одна тетенька тоже говорит: «Да, Господи, ну знала я, кто такой Немцов, ну слышала краем уха про него, то тут, то там. Но его убили — и будто меня убили. Я 20 дней засыпаю и просыпаюсь только с одной мыслью: Бориса больше нет... Ничего в голову не идет больше».

Подходили какие-то люди с детьми. Дети задавали вопросы, взрослые что-то мямлили в ответ. А у каменного парапета — детский рисунок. На нем нарисовано, как убийца стреляет в Бориса. И в углу, детской рукой написано: «Покойся с миром»...

Добрые люди привезли и поставили там книжку про Ярославль. Сколько он там проработал депутатом? Книжка стоит, спрятанная в целлофановый файл.

Надпись на испанском «Адьюс, амиго...».

Надпись на хинди и мантра «Ом мани падме хум».

Православная молитва об усопшем.

Ленточки украинские, польские, русские. Видела флажок Венесуэлы. Картонка с подписью «Оппозиция Азербайджана скорбит...».

Множество разных записок, стихи.

Даже восьмимартовая открытка с подписью: «Очень горько, что весна без тебя...».

Жуткая, убивающая наповал надпись на длинной белой бумажной ленте. «Ему было больно...».

Фотографии, фотографии — он везде такой решительный, веселый. А я реву и повторяю тихонько: «Боря, прости, пожалуйста, за эти слезы. Не обращай внимания...». Реву и извиняюсь.

И что делать со всем этим, науке неизвестно.

Четыре пули, которые попали в сотни людей...

21 марта, большой субботник

Все прошло очень хорошо. Пришла куча народу, около 150 человек, наверное. Работали в едином порыве. Дружно. Без лишней суеты, бодро и слаженно, будто всегда этим занимались. Убрали старые цветы, привезли огромное количество свежих, все расставили, развесили, подмели, протерли. Упаковали в пленку таблички и рисунки. Зажгли все свечи, которые были способны гореть.

Прикрепили табличку «Немцов мост». Синюю, как принято оформлять адреса в Москве. Сколько бы я отдала, чтобы никогда не было никаких причин для этой таблички...

По-прежнему стоит книга про Ярославль.

По-прежнему меняется табличка с отсчетом дней, которые мы прожили без Бориса.

Меня лично сильно потрянуло, когда ребята разгребли завал цветов на том самом месте... Я первый раз увидела этот асфальт...

Душераздирающе. Пришлось проявить все мужество, которое у меня есть. Сейчас там стоят лампы в форме сердца. Портрет, укрепленный в дорожном оранжевом маячке. И цветы, цветы, цветы...

У парапета стоят две толстые папки с файлами. На одной — фотография и внутри — обращение к Борису от пользователей Фейсбука... И еще одна такая же рядом. Вот как тут не плакать?

Столько человеческой любви, скорби, уважения, горя.

Я поставила там символический букет — охапка белых хризантем и четыре красные розы...

К удивлению и всеобщему облегчению не было никакой полиции. Обычный пост ДПС у подножия моста и всё.

Спасибо вам за все, Борис Ефимович.

Спасибо всем, кто пришел. Кто не смог прийти, но участвовал сердцем. Кто приходит туда и зажигает свечи, меняет печальный отсчет, поправляет букеты, приносит свежие цветы...

Спасибо, люди. Я смотрела вчера на вас и думала, что пока вы есть, у страны еще есть шанс. Нас мало, но мы есть. А, как известно, ради одного праведника Бог щадит целый город. Может, ради вас мироздание все-таки пощадит нашу несчастную обезумевшую родину. Может, еще подует свежий ветер с Немцова моста и рассеется мрак, распадется эта чернота на куски, растает ужас...

ФСБ, расслабьтесь — это я не про революцию. Это я про Бога. Про правду, которую нельзя убить четырьмя выстрелами в спину. Не в силе Бог, а в правде (как повторял Борис).

Наш президент России теперь навсегда с нами, в сердце каждого из нас.

27 марта, месяц без Бориса

Позади четыре трудных недели...

Первую неделю после его гибели я, надо признаться, помню плохо. Пропал сон, аппетит, способность сосредоточиться и работать. Свет померк. Это цунами настигло многих, его бессмысленно описывать. Я лично спасалась только тем, что запойно смотрела ю-туб. Все, что могла найти. Его голос, его уверенность и бодрость придавали сил. Стыдно было расклеиваться. Выключишь — через пять минут начинаешь задыхаться. Скрипишь зубами, включаешь новый ролик и уже можно двигаться по жизни дальше, пусть и короткими перебежками. 21 век, блин. Анестезия онлайн...

Марш памяти. Прощание. Похороны. Потом Немцов мост. Черная ленточка на рюкзаке. Снова ю-туб запоем. Фейсбук (который создает иллюзию, что вот он, живой. Просто почему-то забывает обновлять хронику). Добрая сотня фотографий. Его взгляд — живой, умный, с искрами радости. Бесстрашный, бодрый...

Острое горе идет волнами. Накатывает внезапно, со всей дури вжимает тебя в эту черноту снова и снова. Эти волны, как цунами, нужно просто перетерпеть. Потом легче.

Вот был человек. Всего его знали. Кто-то уважал и любил, читал посты в соцсетях, на марши ходил и слушал речи. Многие ругали его за упрямство, спорили с ним до хрипоты. Многие и откровенно ненавидели. Он был как нечто само собой разумеющееся. Кто был всегда, кто всегда будет... И вдруг эти выстрелы на мосту. И будто страшный ураган выдрал из земли могучее дерево с мощными корнями. Земля пластами вывороченная, вокруг какие-то обломки, а на его месте — огромная черная дыра. Ни воздуха, ни опоры, ни радости...

Вчера столкнулась в сети с группкой недовольных обывателей, которых напрягает мемориал на Немцовом мосту. Я, видите ли, порчу им красивый вид на Кремль своими слезами, цветами,

свечами и записками. Им неприятно смотреть на мою грустную физиономию. Им неприятно смотреть на фотографию Бориса на фоне кремлевской стены... Ну, обывателю всегда кто-то портит праздник — то «солнечные дети» с синдромом Дауна припрутся в их изысканный ресторанчик, то эти наглые инвалиды-колясочники со своими бредовыми идеями доступной Москвы. То скверно одетые старики загораживают вид на бутики и мешают пить пиво и слушать радио «Шансон». То мамыши с шумными детьми — сидели бы дома и не мешали пацанам расслабляться! Теперь вот либералы с ума сошли и путаются под ногами со своим Немцовым...

Хгм. Не получилось дискуссии, в общем. Подобная логика обывателя всегда была главным базисом фашизма. А с фашистами мне дискутировать, собственно, не о чем. Но одно я могу сказать твердо: я никогда не забуду Бориса. И насколько меня хватит, я буду мешать этим персонажам пить пиво и расслабляться, буду путаться у них под ногами. Не из-за природной зловредности, а в силу органических причин. Я никогда не смогу стать такой, как они. В том числе благодаря Борису.

Как бы ни сложилась жизнь, этот мост навсегда останется для меня Немцовым мостом. И его взгляд — живой, навывлет, прямо в совесть — я буду чувствовать всегда. Если я струшу, предам, украду, сдамся, мне проще будет броситься в реку. Потому что теперь Борис постоянно стоит у меня перед глазами. Стоит и молча смотрит...

Нет, я не питаю иллюзий. Я никогда не смогу быть такой, как он. Во мне нет такой силы, бесстрашия, ума. Но кое-что я все-таки могу. Например, быть честной. Выбирать не выгоду и карьеру, а убеждения. Не закрывать глаза на подлость. Не воровать. Не брать взятки и не давать взятки. Не поддаваться деструктивной ярости, не пестовать в себе жестокость. Быть великодушной к врагам. Не шагать в ногу с дистанционно управляемым стадом. Не бояться говорить с людьми других убеждений. Искать только правду. Бороться за мир и созидание.

Ольга Лехтонен

25 марта 2015. Первый налёт вандалов

Друзья, я только что вернулась с моста.

Как уже известно, там побывали вандалы. Обсуждать это не хочу. Верю, что возмездие настигнет их.

Приехала на мост около 21.00, и была шокирована увиденным... Кинула клич, чтобы люди приехали помогать. На месте начали разбираться, что делать. Казалось, это никогда не разобрать. Цветы были свалены с парапетов, какие-то портреты разбиты, какие-то заклеены наклейками.... В общем, ужас.

Как говорят, у страха глаза велики. Мы справились. Потом подтянулись люди. Нас было человек 10. Плохие цветы собрали по мешкам, хорошие пока оставили. Навели порядок как смогли в таких экстренных условиях.

Ближе к полуночи люди начали приносить новые цветы и портреты.

И вы, по возможности — приносите еще цветы. Те, что остались уже не очень свежие.

Спасибо за помощь тем, кто остался неравнодушным и приехал, а также координаторам!

Анна Богомолова

28 марта 2015. Первое уничтожение мемориала

Утро

Сегодня ровно в полночь я был на мосту. В это время какая-то женщина, пришедшая на мост со стороны улицы Ильинка, от ГУМа (откуда шел Борис Немцов месяц назад), принесла букет свежих цветов и свечи. Она была одна. Шла одна. Стояла одна. Аккуратно положила букет свежих цветов, тоже одна. Зажгла свечи, совсем одна. Я стоял вблизи, был ноль градусов и дул ветер под ясным ночным небом. Меня била дрожь.

Всё это «титущки» смели в мусорные мешки ровно через 2 часа после того, как она возложила свежие цветы...

Всё это «титущки» смели в мусорные мешки ровно через два с половиной часа после того, как множество людей возложили свежие цветы в 23:31. Под покровом ночи, через месяц после убийства, для большего надругательства и устрашения.

Вы думали, что 27 февраля мы достигли дна?

Борис лежит в земле, над местом его убийства и над нами надругаются «титущки»... Дна нет.

Вечер

Сегодня я катался на велосипеде, проехал 25 километров, но до и после я приезжал на Немцов мост. Когда я ехал из дома, от Третьяковской, то со стороны Замоскворечья люди всё несли, несли, несли цветы.

Я проехал через мост, на Красную площадь, подъехал к самому входу в Мавзолей и поехал обратно на мост, но уже со стороны Красной площади. И с этой стороны люди всё несли, несли, несли цветы.

Мемориал полностью восстановлен. Масса фотографий, надписей, лозунгов. Много людей. Я насчитал с дюжину полицейских.

Какой-то пьяный бандит приставал к двум женщинам, задавая один и тот же вопрос: «Зачем вам это надо и зачем вы сюда пришли?». Я внимательно следил за ним. Сразу после его плевка на цветы я позвал полицейских и сдал его из рук в руки.

Слава Рабинович

Ночь на 29 марта 2015

Пальцам холодно. Набирать текст сложно. Но мы тут бдим. Какое еще место способно примирить равнодушных? У живых не получилось, а у мертвого? Герои не умирают. Они живут в памяти людей. И больше им ничего не надо.

А живым нужна компания, свежие силы, термостельки и теплый чай... Приезжайте сами, привозите... А еще захватывайте цветы, плакаты, флаги и свечи.

Мы на посту. Оборона Немцова Моста...

Ночь на 30 марта 2015

Немцов мост. Встретили рассвет.

Спасибо прекрасной девушке, которая привезла нам кофе и пиццу. Так и не успел спросить ее номер.

Постовые очень интересовались, кто нам платит. Жалко, что им сложно объяснить нашу мотивацию. Но она не денежная...

К нам прилетел голубь мира и бродит среди цветов. Мы поделились с ним пиццей...

Слава Героеев

ГОД НА НЕМЦОВОМ МОСТУ**Отрывки из дневника****90 дней без Бориса**

Неделю назад (может, чуть больше) на Немцовом мосту задержали двух наших дежурных. А дело было так.

Путин летел на работу на вертолете. Как раз над местом убийства Бориса. Увидел в углу моста парниковую пленку (наши ребята вешали ее, чтобы укрыться от дождя и укрыть вещи). «Из-за стены» последовал телефонный звонок в ОВД «Китай-город» — мол, там палатки стоят, Майдан какой-то, разберитесь. Приехали менты, увидели «майдан», поржали, забрали дежурных, провели «профилактическую беседу» и отпустили.

Жалкая пленочка, натянутая от дождя, вызвала целую истерику у президента и ФСО. Вот так и живем.

Июль, 2015

Я постоянно думаю об одном и том же: есть ли еще такой политик, ради которого после его гибели люди сто дней и ночей будут круглосуточно стоять в почетном карауле, подвергая опасности свою жизнь и здоровье? Засыпят цветами место его смерти, напишут столько душераздирающих, искренних слов боли, благодарности, уважения и любви?

Есть ли еще такой политик, который в самых тяжелых условиях генерировал вокруг себя мощное поле жизнелюбия, свободы и радости, согревавшее многих и многих (в чем вынуждены признаваться даже его заклятые враги). И даже смерть которого станет не просто строчкой в новостях, а мощным актом созидания и солидарности?

Есть ли еще такой политик, которого так боялись бы и ненавидели даже мертвого? Который даже после смерти представляет угрозу для своих врагов и по-прежнему является опорой для своих друзей?

Борис ушел от нас. Но — остался. Парадокс, да? То, что происходит пятый месяц подряд, предугадать не мог никто. Думаю, если бы Борису кто-то сказал, что после его смерти будет нечто подобное, он бы наверное посмеялся. И не поверил...

Немцов мост живет своей жизнью. И когда кажется, что уже вот-вот все рухнет, появляются и ресурсы, и люди, и происходят какие-то события, открывающие второе дыхание...

Там свободно. Там можно говорить, что думаешь.

Поразительно, что такой чудовищной ценой в стране появилось место для дискуссий, место, где триколор не только не раздражает, но где ты готов защищать этот флаг ценой собственной жизни. Где пролилась кровь и оборвалась жизнь чудесного человека, но при этом всё дышит теплом, жизнью, истиной и добром...

Не знаю. Это трудно объяснить. И слезы, и свет одновременно. Очень больно. Но при этом ясно понимаешь, что ЭТО сильнее смерти.

100 дней без Бориса

Слишком много стало вокруг Бориса за эти месяцы сахарного сиропа. За этой восторженной чрезмерностью стал теряться подлинный, живой человек.

Мне кажется, что главное в Борисе было именно то, что он никогда не был ангелом. Не пытался строить из себя ангела, не хотел казаться лучше, чем он есть. Это и было то, что привлекало к нему людей — он был такой, какой есть. Естественный. Без натуги, без притворства, без страха, без внутренней зажатости.

Все почему-то с удовольствием вспоминают, как истошно орали с ним друг на друга, как громко и смачно ругались и спорили, как потом мирились. Вряд ли у Бориса был простой характер. Вряд ли с ним рядом можно было комфортно дремать и плыть по течению. Когда человек одновременно умный, сильный, упрямый и талантливый, да еще при этом темперамент совсем не нордический — с такими всегда очень непросто. Но именно эта мощная витальная энергия, эта жизненная сила и есть самое ценное, самое важное!

Не знаю, как вы, а я боюсь людей, которых хотят выглядеть безупречным совершенством — от них всегда пахнет смертью и тлением. Мне всегда больше по сердцу естественные люди. Без прикрас. Колючие, необработанные, с занозами, с изъянами и недостатками, способные совершать ошибки и честно их признавать. В экстренной ситуации именно они оказываются самыми надежными и бескорыстными товарищами...

Как поет группа «Чайф» — «Люби его таким, какой он есть». Пусть Борис будет в нашей памяти таким, каким он был при жизни: не шлифованной мраморной статуей из музея, а живым человеком, рядом с которым всегда возникали маленькие вихри и большие торнадо. С которым было непросто, но никогда не было скучно. Который не был безгрешным ангелом, но всегда — при любых обстоятельствах, в любые времена — был только самим собой. Живой человек, который жил так, как верил. Делал только то, что считал правильным, даже тогда, когда это рушило карьеру и ломало перспективы.

Герой не потому, что безупречный, а потому? что настоящий. Просто Борис Немцов...

200 дней без Бориса

Какая-то странная трехзначная цифра. У меня лично до сих пор только два состояния — либо я живу с внутренним ощущением, что он жив (ну, уехал куда-то, например), либо меня догоняет и накрывает такая мощная волна горя, что свет меркнет. Прочитаю где-нибудь словосочетание «убийство Бориса Немцова» и всё, зависаю. Слово «убийство» в одном полушарии мозга, а его имя — в другом. Соединить их вместе я просто не могу. Это невозможно... В нем было слишком много жизни...

Сегодня мы обновили мемориал. Получилось красиво. Листовки в увеличенном формате, красивые фотографии... На Мосту были корреспонденты «Радио Свобода» и «Градус ТВ», несколько фотографов. Дежурил наш старый знакомый автозак и наряд полиции. Приходили люди с цветами.

Прохожие останавливаются, читают... Знаете, сейчас во многих я читаю еле скрываемое удивление. Что прошло уже столько времени, а мы до сих пор здесь, цветы снова и снова появляются, свечи горят... Иногда кажется, что со стороны все это выглядит немного глупым и нелепым, что это уже никому не нужно... Но это мимолетное помрачение ума. Оно проходит. Когда машины сигналият, проезжая мимо. Когда видишь ответный блеск в глазах прохожих. Когда слышишь на английском: «Да благословит вас Бог» и шепот от израильских туристов: «Гаага ждет...». Когда молоденькие ребята останавливают свои скейтборды и велосипеды

и читают, что говорил Борис... В такие минуты кажется, что у нашей несчастной родины еще есть шанс, что не все еще потеряно, разворовано, продано и предано. По одному зернышку, глядишь — может, и семян насобираем. Для новой посевной. А там, глядишь — и урожай будет...

Все московские дороги теперь ведут сюда, на этот пятачок размером в 20–30 метров, где вот уже полгода на граните, на холодном асфальте цветут цветы. Где человек, убитый выстрелами в спину, все-таки жив. У него по-прежнему живой, пронизывающий взгляд. Люди слышат его слова и чувствуют тепло его сердца. Я слышу. И чувствую. Поэтому каждый раз возвращаясь со своих дежурств, переполненная какой-то невероятной энергией добра и любви. Герои не умирают. Теперь я это знаю точно.

Спасибо тебе, Борис. Я повторяю это тысячу раз в день, наверное. Спасибо за всё, небесный президент России...

27 октября 2015

Сердце всё также неровно и взволнованно стучит, когда я иду на свое вечернее дежурство на Немцов мост. Все такая же острая потребность быть там, пусть даже под дождем, на ветру... Как сказала сегодня Катя Мамонтова: «Когда долго не удастся выбраться на Мост, я скучаю. Мне не хватает чего-то очень важного. Мне обязательно нужно прийти сюда и подышать...».

Насколько велика разница восприятия у всех. Многим очень тяжело приходить сюда. Больно. Понимаю, почему. Каждой клеточкой кожи понимаю...

А у меня почему-то всё иначе. С первого дня, как я стала приходить на это место, я поняла, что иду туда не ради смерти. А ради жизни. Даже в тот первый день, когда я отстояла свою первую вахту (полчаса плакала, глядя на портрет, воткнувший в огромную гору цветов, а еще полчаса спорила с «ватником», которому стало интересно почему я тут стою и почему плачу), даже тогда я поняла, что эти выстрелы, этот непереносимый ужас — не конец. Эти пять пуль — это не точка. Даже не многоточие. Это — начало...

Можно верить в бессмертие духа, можно не верить. Но ясно, что Борис — не тот человек, которого можно просто убить, оплакать и забыть. У его фотографий до сих пор живые, теплые глаза.

Он до сих пор вызывает страх и лютую ненависть у своих врагов. Те, кто любит его, говорят с ним, как с живым. Те, кто ненавидит, борются с ним, как с живым. Те, кто ему верит, теперь пишут ему записки с просьбами и верят, что он поможет...

Почти каждый день находится какая-то заноза, которая вызывает острую боль. Но Борис не позволяет впасть в отчаянье и тоску.

Он учит меня любить жизнь, острее чувствовать ее вкус и запах. Ценить разные мелочи. Ценить людей, которые находятся рядом.

Он делает меня лучше. Добрее, смелее, терпеливее.

Сегодня 8 месяцев, как его нет среди нас. 7 месяцев со дня первой зачистки мемориала Гормостом. До 27 марта 2015 года я не предполагала, что кто-то способен воевать с погибшим, что кому-то может прийти в голову глумиться над памятью и горем...

27 октября. На месте, где оборвалась его жизнь, по-прежнему много цветов. Горят свечи. Дежурят люди. Будто тоненькая ниточка тянется с того страшного дня. И продлевает его жизнь...

Знаете, довольно много тех, кто считает, что давным-давно нужно уходить, что люди, которые там стоят — странные, глупые, неприятные и даже подозрительные. Привычно ищут подвох в каждом телодвижении. Обвиняют непонятно в чем. Это причиняет сильную боль. Это тяжело — получать удары и от своих, и от чужих. Но уйти... Не могу сказать за всех, только за себя.

Скажу честно: я не представляю, каким образом это вообще можно сделать. Это невозможно. Если я не приду на это место хотя бы два раза за неделю, я начинаю просто физически страдать. От нехватки в организме чего-то важного. Не спрашивайте меня, чего именно — я сама не знаю, как это называется.

Зато знаю, что ТАМ — оно есть. А в других местах — нет...

«Когда я здесь стою, мне кажется, что все будет хорошо. Странно, да?», — это опять Катя. Да, у меня также. Место смерти, которое почему-то дает жизнь и возможность дышать. Не спрашивайте меня, почему — я не знаю. Просто приходите. Помолчать о нем вместе с нами. Постоять, подумать, поговорить. Вспомнить тепло, шумного человека с умными глазами и добрым сердцем...

Его имя написано в моем сердце и это навсегда.

Ольга Лехтонен

ТАК НАЧИНАЕТСЯ РАЗГОВОР...

Нижегородский мемориал, Немцов мост, даже поддержание порядка на могиле на Троекуровском — это, прежде всего, разговор. О любви и свободе. О том, что не всех умерших забывают. Что не все вокруг подонки и циники. О том, что есть то, во что можно верить.

ЕСТЬ то, что можно назвать священным, за что можно бороться.

ЕСТЬ те, кого можно любить, кому можно доверять.

ЕСТЬ достойные уважения. Кому можно доверить судьбу страны. Что не все еще сгнили, озверели, продались, испугались...

Каждый цветок на Немцовом мосту, каждый день дежурства у Нижегородского мемориала — это свидетельство той самой свободы. Той самой любви. Того самого человеческого достоинства. В нашей одуревшей, уставшей, оглушенной и дезориентированной стране это — самый важный сейчас разговор.

Людям нужно не только слово — им нужно свидетельство. Пусть даже молчаливое. Свидетельство о правде и чести.

Мы делаем для этого то, что можем.

Если бы вы немножко постояли там, вы бы поняли. Вы увидели бы, как меняется отношение людей к мемориалу. От полного неприятия — к смешкам. От смешков — к искреннему удивлению. От удивления — к робкому уважению... Да, агрессивных идиотов полно, от них никуда не денешься. Но и тех, кто идет мимо, с удивлением качая головой или просто искренне желая нам удачи и мужества — тоже немало.

Человек, который еще способен думать, в конце концов начинает понимать, что за деньги вот ЭТО — не делают. Что ради плохого человека вот ЭТО — не делают. Что такой накал упрямства и искренности не бывает просто так, от желания потусоваться или заработать...

Кто-то пройдет мимо, а кто-то задумается.

Так, собственно, и начинается разговор...

Борис Немцов

КАК Я ПОКОРЯЛ ЭЛЬБРУС

Всё началось в январе 2010 года. Мы вместе с Альфредом Кохом поднялись на невысокую — около полутора тысяч метров — гору Хохриз в Баварии. Ощущения оказались захватывающими. И тогда Кох предложил:

— Хочешь подняться на серьезную гору? Она в России, называется Эльбрус. Я в прошлом году пробовал подняться, но не дошел.

В принципе — почему бы и нет? Я расспросил его о горной болезни и прочих опасностях, но он относился к этому как-то легкомысленно. Конечно, если бы мне было не 50, а, например, 30 или 40, я бы долго думал, стоит испытывать судьбу или нет. А в 50 думать уже поздно — хотелось себя проверить, способен ли ты еще на что-то. Вторая причина, почему я согласился, в том, что мне очень хотелось поднять флаг оппозиции на заоблачную, недостижимую для чекистов высоту.

4 главные опасности

Эльбрус — довольно опасная вершина. Ежегодно на ней гибнут от 40 до 50 человек. При восхождении на Эльбрус альпиниста ожидают как минимум четыре опасности.

Интересный вопрос: полез бы я на гору, если бы знал заранее о том, насколько они серьезны? Вовсе не факт.

Первая проблема — горная болезнь. На высоте 5600 метров давление не 750 мм ртутного столба, а где-то около 400 мм, и кислорода там почти в два раза меньше, чем на равнине. Профилактика горной болезни — это витамины, аминокислоты и, вы ахнете, виагра (об этом я заблаговременно узнал на специализированном альпинистском сайте). Как виагра действует в горах, для меня было загадкой. Конечно, как физик в прошлом, я понимал, что если давление на такой высоте низкое, то и давление в организме тоже снижается, а это значит, что тебя покидают силы, и каждый шаг в гору — кошмар и мучение. Роль виагры при этом совсем не в стимуляции эрекции — на такой высоте все полные импотенты, и вообще непонятно, для чего существуют женщи-

ны, — а в улучшении кровоснабжения всех органов тела, включая мозг. Я, впрочем, голубой таблеткой так и не воспользовался. Тем не менее о том, что такое «смерть мозга», некоторое представление мы получили.

Вторая опасность — трещины ледника. Нижняя кромка эльбрусских ледников издавна кажется похожей на белую кожу с целлюлитом. «Целлюлит» — это огромные трещины, которые происходят из-за таяния льда, а под трещинами текут реки талой воды. Трещина устроена так, что расширяется книзу, если провалишься, зацепиться не за что. Поэтому необходима страховка. На первом же нашем восхождении в трещину провалился Илья Яшин — к счастью, самый легкий из нас, но если бы не страховка и не наша помощь, вряд ли бы он спасся.

Третья опасность, подстерегавшая на Эльбрусе именно нас, довольно экзотична. Дело в том, что на спуске с вершины в штурмовой лагерь мы попали в грозу. Такое, говорят, случается нечасто, но по выражению лиц инструкторов я понял, что произошел реальный форс-мажор.

И наконец, четвертая опасность уже не природная, а социально-политическая. Это ваххабиты. Эльбрус расположен на границе Карачаево-Черкесии (на юге) и Кабардино-Балкарии (на севере, откуда мы и поднимались). О положении в Кабардино-Балкарии, где в августе почти каждый день кого-нибудь убивали, мы имели представление из новостных лент, но и не подозревали о том, что угроза буквально следовала за нами по пятам. На следующий день после нашего отъезда с Эльбруса в районе базового лагеря произошло убийство отдыхающих там милиционеров — бандиты переоделись в форму спецназа.

К счастью, от ваххабитов есть надежная защита — уйти в горы. У всех кавказских народов есть обычай: не подниматься в горы выше, чем пасутся овечьи стада. Это примерно 2500–2800 метров над уровнем моря. Если хочешь уйти от ваххабитов, надо, как говорят знающие люди, «подняться выше баранов». Там камни и ледник, там кончаются альпийские луга. Там нет вооруженных формирований. Туда не долетает эхо сиюминутных проблем. Только представьте себе: на самой высокой вершине страны нет ничего из того, к чему мы привыкли внизу. Нет управляемой де-

мократии, коррупции, ментов, ОМОНа, Лужкова и Колокольцева. Поэтому надпись на флаге, который мы собирались водрузить в тех краях, — «Россия без Путина» — вовсе не утопический слоган. Скорее простая констатация факта.

Дело было за малым — подняться выше баранов.

С фашистами не по пути

Мы никому не сообщали о своем намерении взойти на Эльбрус, и когда наш флаг оказался на вершине, это стало для президента Кабардино-Балкарии Арсена Канокова большим сюрпризом. В СМИ началась истерика: еще бы, Немцов предательски пробрался на вершину Кавказа, ступая по следам фашистской дивизии «Эдельвейс»...

Бесстыдная клевета! Бригада «Эдельвейс» захватила Эльбрус через южный склон, через «Приют одиннадцати». Этой проторенной дорожкой туристов и сейчас забрасывают на ратраках на высоту 5000 метров, а оттуда они уже идут к вершине. Южный маршрут считается более легким. Мы же выбрали Северный маршрут — трудный и редко используемый.

2 августа мы вместе с Альфредом Кохом, его сотрудником и товарищем Яном Филиппом Мюллером из Баварии и моим соратником по «Солидарности» Ильей Яшиным прилетели в Минводы, а потом на вертолете добрались до базового лагеря. Он расположен на высоте 2500 метров на северном склоне Эльбруса, недалеко от Поляны генерала Эммануэля, с которой в начале XIX века первая русская экспедиция осуществила восхождение по Северному маршруту. Тем же путем предстояло подняться и нам.

Однако восхождение предполагало акклиматизацию. В первый день мы побывали в Долине нарзанов, в Долине замков и на Серебряном источнике. Теперь я могу сказать, что Альпы так же отличаются от Кавказа, как Европа от России. Неописуемая красотища — и отсутствие самой необходимой инфраструктуры. Всё есть — и всё пущено псу под хвост.

Край дикий, неприступный, непредсказуемый и совершенно необустроенный. Не говоря уже о террористической опасности, из-за которой Эльбрус точно не может стать центром мирового туризма. Хотя очевидно, что восхождение на Эльбрус, горные

лыжи и другие зимние виды спорта могли создать десятки тысяч рабочих мест в этом депрессивном регионе. Но для этого наши власти должны по меньшей мере обуздать там террористов. А еще поучиться хотя бы у африканской страны Танзании, где находится самая высокая точка Африки — гора Килиманджаро, — как организовывать туристический бизнес.

Туристический бизнес вокруг Килиманджаро составляет важнейшую часть экономики страны, и Хлопонину с Путиным стоит срочно перенять африканский опыт. Никакой иронии тут нет, есть констатация очевидного факта — кроме высокопарной болтовни о подъеме экономики Кавказа, новых рабочих местах, туризме и борьбе с террором, реальных результатов нет.

Следующие несколько дней мы подбирались к вершине — постепенно, чередуя дерзкие атаки и тактические отступления. Третье августа: подъем к штурмовому лагерю на высоте 3800 метров с возвращением назад. Штурмовой лагерь находится прямо на краю огромного ледника, покрывающего Эльбрус. Там я ощутил первые признаки горной болезни: головную боль и легкую тошноту. Вечером в базовом лагере меня мучила бессонница. То ли от перевозбуждения, то ли от недостатка кислорода в голову лезли дурацкие мысли, и я решил нарушить один из альпинистских стереотипов: будто алкоголь в горах противопоказан. Я предусмотрительно захватил с собой в горы бутылку виски и бутылку коньяка. Доза в 200–300 граммов была вполне достаточной, чтобы спать как младенец и забыть про нехватку кислорода.

Четвертого августа мы опять поднялись к границе ледника и заночевали в палатках. Последний раз в палатке я спал лет тридцать пять назад. За это время палатки стали выглядеть приличнее, и если спальный мешок рассчитан на -10°C , то в нем можно чувствовать себя нормально. Хотя раздеваться перед сном не стоило, потому как выскакивать голышом на мороз по нужде как-то не с руки. Кстати о нужде: многие мои товарищи, сильные и спортивные люди, отказались идти в горы только из категорического неприятия всей этой романтики — сортир на улице, сделанный на камнях из двух палок, рулоны туалетной бумаги, а еще хуже газеты, невозможность помыться и чистка зубов из кружки с талой водой. Но мы выдержали и это.

Пятого августа мы поднялись по леднику до отметки 4600 метров к знаменитым скалам Ленца (именно там Яшин провалился в трещину). Шестого августа мы отдыхали перед штурмом. В этот день мы узнали, что накануне нашего приезда на склон Эльбруса, где-то около отметки 4800, упал вертолет российских Вооруженных сил Ми-8 последней модификации. Об этом рассказал офицер Саша, фамилию которого я по понятным причинам назвать не могу.

Саша — парень крепкий, боевой, воевал в Чечне. О своей миссии он не мог рассказывать без многоэтажного мата. Миссия его состоит в том, чтобы спасти вертолет от разграбления и поругания альпинистами: снять с него всю авионику и двигатели и не позволить превратить дорогостоящую технику в альпинистский приют. Солдат заставляли ночевать в вертолете. Альпинистское снаряжение Саша покупал на свои деньги. Увы, нашим военным тоже оказалось неуютно выше баранов — там холодно и нечем дышать, и солдаты не смогли даже добраться до вертолета.

— А может, альпинистов попросить? — наивно поинтересовался я.

— Так табуреточник же должен позвонить Шойгу! А это вообще невероятно! — министра обороны РФ Саша величает эвфемизмом «табуреточник» из уважения к его мебельному послужному списку.

— И что будем делать?

— Ничего.

На спасение вертолета Министерство обороны выделило 600 000 рублей. Бюджет министерства — 1 трлн 200 млрд рублей в год. При таком эконономном расходовании бюджета хватит ровно на два миллиона подобных факапов, так что налогоплательщики могут быть уверены: обороноспособности страны ничто не угрожает.

Штурм, дранг и доннерветтер

Штурм начался в половине второго ночи 7 августа и продолжался 17 часов. 11 часов мы штурмовали восточную вершину Эльбруса (5621 метр) и чуть меньше шести часов спускались в штурмовой лагерь.

С нами был один из самых опытных альпинистов России — Юрий Рошин, который имеет титул «Снежного барса» (этот титул присваивается тем альпинистам, которые покорили пять семитысячников, включая Пик Коммунизма и Пик Победы). С Рошиным в связке работала его коллега и помощница Евгения. Девушка Евгения — молчаливая и довольно замкнутая — по горам не ходит, а бежит. Это особенно поражает, когда высота больше 5000 метров. Ребятам, конечно, было прикольно, что мы оппозиционеры и хотим водрузить антиправительственный флаг. Но Юрий и Женя, как все альпинисты, люди мудрые и остались абсолютно индифферентны к политической составляющей проекта. Видимо, потому они и в горах живут, что не слишком любят все то, что происходит там, внизу. Идея с флагом их не воодушевила, но и не испугала. Максимум — слегка удивила.

Ночью был пронзительный ветер, холод проникал через ветрозащитную и влагостойкую одежду. Температура опускалась до -10°C при ветре 20–25 м/с. Такого перенапряжения физических сил я не испытывал никогда в жизни. Чтобы понять, что происходит при восхождении, советую встать на беговую дорожку, задать уклон дорожки 25–35 градусов (именно такой уклон на Эльбрусе) и очень медленно, с остановками, одиннадцать часов идти по этой дорожке. При этом в спортзале откачивается воздух, а кондиционер гонит в лицо холодный морозный ветер. Так вы получите представление о том, что происходит при восхождении.

Примерно на отметке 4800 метров падает Яшин. Его тошнит, дальше он идти не может. Классическое развитие горной болезни. В течение всего восхождения я глотал витамины и предлагал то же самое делать моим товарищам. Но Яшину это не помогло. Его восхождение закончилось неподалеку от останков российского вертолета. Однако Яшин не был бы стойким оппозиционером, если бы не оставил слабеющей рукой надпись на вертолете (из писчих принадлежностей у нас в этот момент была только

упаковка майонеза — пришлось писать им): «Сердюкова и Путина — в отставку!» С чувством выполненного долга он ушел вниз.

На высоте 5200, где заканчиваются скалы Ленца, стало безумно тяжело. Болела голова, мозг почти отключался, но мы заставляли себя продолжать движение. Каждые 100 метров высоты мы проходили за час-полтора. Я не мог себе представить, насколько медленно может ходить человек. Чтобы сделать шаг, необходимо было три-четыре раза вдохнуть и выдохнуть.

Когда оставалось метров двести, я лег на склон обессиленный и увидел, как мимо меня проходят два альпиниста. Впереди, еле передвигая ноги, шла девушка, за ней в невменяемом состоянии полз ее спутник. Взглянув на меня, девушка произнесла:

— Коля, у меня тоже глюки. Смотри, Немцов лежит.

Я пробормотал, что это не глюки, а действительно Немцов.

— Смотри, он еще и разговаривает, — подметила наблюдательная альпинистка.

Мозг отключался. Я забыл, как называется гора, на которую я иду. Я помнил только, что в названии есть составляющая, похожая на напиток эль, а что там дальше — черт его знает. Единственное, что заставило встать и идти, — это мысль о том, что же я скажу моим друзьям, когда вернусь домой. Стиснув зубы, подбадриваемые Женей и Юрой, мы продолжали ползти.

Примерно в полдень я оказался на самой высокой вершине России и Европы. Чуть позже добрались Альфред и Ян Филипп. Альфред сказал, что его мозг умер и он категорически отказывается спускаться вниз. Он не мог встать, даже для того чтобы сделать фотографию. Потом он затребовал вертолет, который должен был его забрать с вершины вниз. С равным успехом он мог попытаться заказать такси или субмарину — вертолеты на 5600 не летают, им тоже нужен кислород.

Ян Филипп выглядел чуть лучше, но тоже имел страдальческий вид. Он даже не хотел фотографироваться, чтобы потом не испугать своих близких. Тем не менее ряд фотографий мы сделали. Одна из них — со знаменем «Солидарности» на самой высокой точке России — предмет моей гордости. Под нами, где-то внизу, Большой Кавказский хребет.

На вершине мы были около получаса. Шестичасовое возвращение превратилось в кошмар. Оно сопровождалось грозой с градом, все молнии попадали в гору, поскольку она самая высокая точка на Кавказе и притягивает к себе электрические разряды. А поскольку мы были в металлических кошках и шли с лыжными палками, периодически нас ударяло током. Ток протекал с левой ноги на правую или наоборот (я плохо помню) через гениталии. Мужчины меня поймут. Наши инструкторы сообщили, что нам надо стремительно спускаться, и чем быстрее мы с вершины спустимся, тем больше шансов, что нас не убьет током.

Дойдя до скал Ленца, Ян Филипп, я и Женя остановились и стали ждать Коха. Он шел очень медленно и отставал от нас на полтора часа. Но идти без него было нельзя: впереди были трещины, которые надо проходить в связке. Когда Алик пришел, мы, еле передвигая ногами, стали спускаться вниз. И тут увидели, что навстречу идут ребята из МЧС, которых в связи с форс-мажором, случившимся в горах, вызвал Юра Рошин. Слава Богу, что они вышли нам на помощь. Буквально через полчаса спуска в трещину попал Ян Филипп, которого спас сотрудник МЧС по имени Толя.

Все-таки круто, что я это сделал!

Где-то на спуске из штурмового лагеря нам встретилось первое стадо баранов.

— Наконец-то появился первый электорат «Единой России», — раздраженно пошутил Илья Яшин. Он так и не побывал на вершине Эльбруса, у него все впереди.

«Весь мир на ладони, ты счастлив и нем, и только немного завидуешь тем, другим, у которых вершины еще впереди», — пел Высоцкий в фильме «Вертикаль», и я категорически согласен с ним в первом пункте, но не согласен во втором. Я совершенно не завидовал Яшину и всем прочим, кому еще только предстоит весь тот кошмар, который мы вытерпели. Но все-таки круто, что я это сделал!

Очухавшись, Алик Кох зовет меня опять сходить на Эльбрус или подняться на Килиманджаро. Я не спешу говорить «да». Впрочем...

СОДЕРЖАНИЕ

Фрагмент интервью с Диной Яковлевной Немцовой. Осень 2001 года	3	Н. Зверева	159
стихи. А. Маргулев	4	Е. Рябинина	164
В. Панюшкин.		А. Каюмов. Время ненаказуемых инициатив	168
Человеческий ресурс Бориса Немцова	5	Архив. Борис Немцов о переезде из Нижнего Новгорода в Москву	174
стихи. А. Маргулев	13	Т. Юмашева	176
А. Кох. Я уже устал писать некрологи	14	стихи. Ю. Жуковский	177
А. Рыклин. Это «бы» никогда не отпустит	15	Р. Немцова	178
В. Милов	16	«Он искренне любит всех нас...»	185
И. Яшин	18	А. Гронский.	
В. Кара-Мурза-младший	20	Нам будет очень трудно без тебя	186
В. Кара-Мурза-старший	22	Е. Чирикова	190
М. Конев	25	П. Шеремет	191
С. Алексашенко	26	О. Мысина	193
М. Ходорковский	28	Д. Бутрин. Министр счастья	195
Л. Рубинштейн	29	В. Татаринцев. Вспоминая Немцова	199
О. Сысуев	30	Г. Ревзин	201
И. Стариков	36	Б. Райтшустер	201
стихи. У. Смит	37	стихи. О. Лехтонен	202
О. Шорина	38	Д. Быков	203
стихи. Автор неизвестен	51	Е. Киселев. Живее живущих	206
Л. Мартынюк	52	Ю. Сапрыкин	213
О. Басилашвили	53	И. Свиноаренко	215
Н. Фатеева	54	Д. Арбенина	216
В. Шендерович	56	С. Бунтман	218
А. Осовцов	59	стихи. Д. Свергун	219
«5 друзей Немцова». Альфред Кох	65	Е. Ермолин. Уходит из страны воздух	220
«5 друзей Немцова». Михаил Прохоров	70	Л. Дубовая. Вот такая работа с электоратом	222
«5 друзей Немцова». Михаил Фридман	73	П. Немировская	225
«5 друзей Немцова». Илья Яшин	80	В. Панюшкин	226
«5 друзей Немцова». Олег Сысуев	85	М. Баронова	229
И. Хакамада	90	С. Рабинович	232
Н. Митюшкина	95	Ю. Пятецкая	234
Е. Савин	97	стихи. Р.И. Зельман	236
Э. Горюхина. Талант быть человеком	98		
М. Чудакова	107	ЯРОСЛАВЛЬ	
Л. Цуканова	108	О. Вахрина. Он был как отец	238
Дина Яковлевна Немцова о сыне	110	В. Цепенда	244
НИЖНИЙ НОВГОРОД		Л. Шабueva	245
Б. Немцов. С чего всё начиналось	120	Е. Урлашов	248
Архив. «Почему я против АСТ»	122	стихи. С. Гапонов	249
А. Судакова	128		
Н. Лисицына. Вспоминая Бориса Немцова	130	М. Фишман. Счастливым человек.	
стихи. П. Давыдов	132	Две жизни Бориса Немцова	250
А. Гор. Свобода как принцип	134	В. Портников	253
Д. Бедяков.		Н. Сванидзе	255
Главная ошибка – уехал в Москву	135	И. Иртеньев	255
Б. Силенко. «Немцовки», жилье военным, оборонные заказы	136	Н. Ефимович	256
А. Шаронов. Фонд маэстро	138	стихи. Т. Русавская	258
О. Томина. Новые идеи – его конёк	139	Н. Исакова. Принцип русской политики	259
Н. Бахарева. Мы из Нижнего Новгорода	140	Н. Шпынова	260
О. Кондрашов	143	С. Калинин	262
А. Сигал	144	Л. Санкин	264
А. Мартынов	146	Н. Лапина	265
Н. Горская	147	Л. Князева	267
Т. Прохорова	148	Р. Цветкова	270
М. Петров	148	стихи. Орлуша	274
Г. Петрова	149	И. Ясина	275
Е. Иконникова	149	А. Колесников. Выстрелы в спину	277
П. Милославский	150	С. Доренко. Враг и друг, который никогда не злился	281
В. Курин	151	Б. Рынска	286
Л. Цимринг	152	С. Зверев	287
стихи. Д. Полякова	155	М. Шевченко	295
kotvapsagah1.livejournal.com	156		

Б.-М. Леви. Борис Немцов: живой после смерти _____	297	В. Аксютин _____	339
И. Воробьева _____	300	Из мемориальной листовки Клуба инвесторов «Интеграция» _____	343
В. Майстренко _____	303	СТИХИ. В. Устинова _____	344
М. Эдельштейн. Отсюда и в вечность _____	305	Г. Явлинский _____	345
Л. Пономарёв _____	307	С. Пархоменко _____	347
Г. Сатаров _____	309	Артур Кроитор _____	348
Ю. Рыжов _____	310	Д. Гудков _____	352
И. Мильштейн. Долгое прощание _____	311	А. Быстров _____	354
Г. Каспаров. Факел свободы _____	314	Т. Конькова. _____	
Е. Левкович _____	316	Я – соотечественница героя _____	356
С. Филатов _____	318	В. Хомяков _____	358
СТИХИ. А. Черников _____	319	Ж. Дармаев _____	360
Б. Надеждин _____	320	В. Панюшкин _____	361
Б. Бейлинсон _____	322	А. Тарасов. Борис Немцов: малоизвестные факты из биографии _____	362
СТИХИ. Ю. Веприцкая _____	323	Истории из Мордовии _____	367
С. Белковский. В смерти человек полностью равен себе _____	324	НЕМЦОВ МОСТ. ХРОНИКА _____	371
И. Эйрман _____	328	Б. Немцов. Как я покорял Эльбрус _____	391
Л. Ахеджакова _____	332		
СТИХИ. О. Лехтонен _____	333		
М. Соколов _____	334		
А. Гербер _____	337		